

Подписной индекс
в Объединенном каталоге
«Пресса России» -
38960
www.pressa-rf.ru

2022

апрель - май - июнь

ISSN: 2500-0837 (Print)
eISSN: 2687-0363 (Online)

ТЕОРИЯ государства и права

№3 (28)

Москва Россия

ISSN 2500-0837 (Print)
eISSN 2687-0363 (Online)

2022 / № 3 (28)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научный журнал основан в 2016 г. и является официальным изданием Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

2022 / № 3 (28)

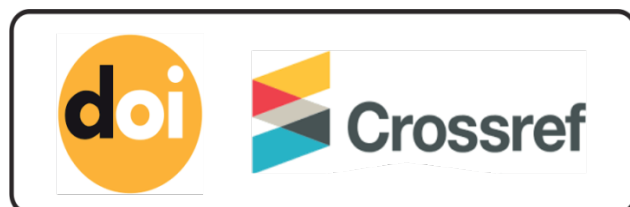
THEORY OF STATE AND LAW

The academic journal is established in 2016 and is the official publication of the Interregional Public Organization "Interregional Association of Theorists of State and Law"

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

The journal is included by the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia in the List of Peer-Reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of Doctor of Science

Индексация журнала

В номере публикуются материалы VII Международной научно-теоретической конференции

(10 июня 2022 года, Санкт-Петербург)

«Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство
в условиях информатизации и цифровизации российского общества
в интересах устойчивого развития»
(к 30-летию юбилею Юридического института)

VII International Scientific Conference
“Man-nature, personality-society, citizen-state in the context
of informatization and digitalization of Russian society in the interests
of sustainable development”
(for the 30th anniversary of the Law Institute)

Информационные партнеры

Журнал
«Теория
государства
и права»

Журнал
«Юридическая
наука»

Журнал
«Современное
российское право»

Журнал
«Юридическая
мысль»

Вестник
Костромского
государственного
университета

Журнал
«Вектор науки Тольяттинского
государственного университета»
Серия: Юридические науки

Журнал
«Вестник
Института права
Башкирского
государственного
университета»

Компания
«Консультант-Плюс»

Журнал
«Миграционное
право»

Компания «Гарант»

Журнал
«Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

	Стр.
<i>Александрова Л.В.</i> Источники казуального толкования церковного права (на примере канонических ответов церковных иерархов)	12
<i>Артемьев А.Б., Ерофеев К.Б., Комарова Т.Л.</i> К 350-летию со дня рождения великого реформатора. Вероисповедные реформы Петра Первого	29
<i>Банникова О.М.</i> Роль института Уполномоченного по правам человека в защите информационного пространства личности в эпоху цифровизации.....	38
<i>Воронков К.И., Захарцев С.И., Сальников М.В.</i> Идея добра и всеобщего союза в контексте русского мира	49
<i>Дроздова А.М., Резнова М.Б.</i> Всеобщая декларация прав человека и ее влияние на правовую систему России	69
<i>Зябкина Т.Ф., Кирсанова Н.В., Мохоров Д.А., Мушкет И.И.</i> Теоретико-правовые аспекты альтернативных способов разрешения морских споров.....	82
<i>Ковалев В.В.</i> Влияние информатизации и цифровизации на правосознание граждан.....	95
<i>Куксин И.Н.</i> Болонская система образования в России – тормоз или прогресс?	105
<i>Куксин И.Н., Курмаев Р.М.</i> Государственное принуждение как способ разрешения межгосударственных противоречий	118
<i>Максимов А.А.</i> Учение о государстве в ранней рукописи Г.В.Ф. Гегеля «Система нравственности»	133
<i>Матюхин А.А., Комаров В.С., Резнов Б.А.</i> К вопросу о статусе учредителя (участника) частной охранной организации	151

Theory of State and Law

<i>Пыльцина М.В.</i>	Оптимизация подготовки юридических кадров в отечественных университетах конца XIX в.	177
<i>Ревна М.Б., Ревнов Б.А.</i>	Право на перемену имени: баланс публичных и частных интересов	185
<i>Селихов Н.В., Курмаев Р.М.</i>	Институционный подход к пониманию государства	202
<i>Спирин М.Ю.</i>	Источник права: многообразие содержания и варианты решения логической проблемы	229
<i>Степанова Е.Е.</i>	Правовые основы государственного контроля деятельности Российско-Американской компании (1799–1867)	242

КОГО МЫ ПОТЕРЯЛИ

<i>Трофимов В.В., Зеленукин Р.В.</i>	Николай Антонович Придворов: наставник, профессор и основоположник	251
--	--	-----

CONTENT

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

		Pages
<i>Aleksandrova L.V.</i>	Sources of casual interpretation of church law (on the example of canonical answers of church hierarchs)	20
<i>Artemyev A.B., Erofeev K.B., Komarova T.L.</i>	To the 350th anniversary of the birth of the great reformer. Religious reforms of Peter the Great	33
<i>Bannikova O.M.</i>	The role of the institution of the Commissioner for Human Rights in the protection of the information space of the individual in the era of digitalization.....	43
<i>Voronkov K.I., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V.</i>	The idea of goodness and universal union in the context of the Russian world	59
<i>Drozdova A.M., Revnova M.B.</i>	The Universal Declaration of Human Rights and Its Influence on the Russian Legal System	75

Теория государства и права

<i>Zyabkina T.F., Kirsanova N.V., Mokhorov D.A., Mushket I.I.</i>	Theoretical and legal aspects of alternative ways to resolve maritime disputes	89
<i>Kovalev V.V.</i>	Impact of informatization and digitalization on legal consciousness of citizens.....	100
<i>Kuksin I.N.</i>	The Bologna system of education in Russia – a brake or progress?.....	111
<i>Kuksin I.N., Kurmaev R.M.</i>	State coercion as a way to resolve interstate contradictions.....	125
<i>Maksimov A.A.</i>	The doctrine of the state in the early manuscript of G.W.F. Hegel's "The System of Morals"	142
<i>Matyukhin A.A., Komarov V.S., Revnov B.A.</i>	On the issue of the status of the founder (participant) of a private security organization	164
<i>Pyltcina M.V.</i>	Optimization of the training of law scholars in domestic universities at the end of the 19th century.....	181
<i>Revnova M.B., Revnov B.A.</i>	The right to change the name: the balance of public and private interests	193
<i>Selikhov N.V., Kurmaev R.M.</i>	Institutional approach to understanding the state	216
<i>Spirin M.Yu.</i>	Source of law: diversity of content and options for solving a logical problem	235
<i>Stepanova E.E.</i>	Legal basis of state control activities of the Russian-American Company (1799–1867)	246

WHOM WE LOST

<i>Trofimov V.V., Zelepukin R.V.</i>	Nikolai Antonovich Pridvorov: Mentor, Professor and Founder	255
--	--	-----

Редакционно-издательский совет:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Бастрыкин Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ивлиев Павел Валентинович, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Пузиков Руслан Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Пуиг Эспиноса Хосе Серхио, доктор политических наук (г. Мехико, Мексика)

Ревна Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сарабариа Кориг Маура де ла Каридад, доктор педагогических наук, профессор (г. Мехико, Мексика)

Спирин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Самара, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Чепус Алексей Викторович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

Теория государства и права

Редакционная коллегия:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Альбиков Равиль Фатхулович, кандидат юридических наук, доцент (Москва)

Бемянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Зелепукин Роман Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Малиненко Эльвира Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г.

Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837 (Print); e-ISSN: 2687-0363 (Online)

© Теория государства и права, 2022.

© Авторы, 2022.

Theory of State and Law

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/journal>).

***Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России» – 38960***

Подписку на журнал можно оформить также и на сайте ***www.matgip.ru***

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и результаты проверки текста на антиплагиат несут авторы.

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, Associate professor (Ufa, Russia)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Kholmna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bastrykin Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, Professor (Stavropol, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia)

Ivliev Pavel Valentinovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Ryazan, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, Professor (Tolyatti, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, Professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan)

Puig Espinosa José Sergio, Doctor of Political Sciences (Mexico City, Mexico)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Puzikov Ruslan Vladimirovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Tambov, Russia)

Теория государства и права

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, Associate professor (St. Petersburg, Russia)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Salabarría Roig Maura de la Caridad, Doctor of Pedagogical Sciences (Mexico City, Mexico)

Spirin Mikhail Yuryevich, PhD in Law, Associate Professor (Samara, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, Professor (Saratov, Russia)

Chepus Alexey Viktorovich, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Ebzeev Boris Safarovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeyevich, Editor in chief, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg, Russia)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)

Albikov Ravil Fatkhulovich, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia)

Belyanskaya Olga Viktorovna, PhD in Law, Associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ufa, Russia)

Zelepukin Roman Valerievich, PhD in Law, Associate Professor (Tambov, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, PhD in Law, Associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Kuzmin Igor Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia)

Malinenko Elvira Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor (Rostov-on-Don)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016. The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published.

ISSN 2500-0837 (Print); eISSN 2687-0363 (Online)

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2022. © Authors, 2022.

Theory of State and Law

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

***The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue
"Russian Press" (index 38960)***

You can subscribe to the magazine also on the website ***www.matgip.ru***
At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 348.011.5

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.001

Л.В. Александрова*

ИСТОЧНИКИ КАЗУАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ КАНОНИЧЕСКИХ ОТВЕТОВ ЦЕРКОВНЫХ ИЕРАРХОВ)

Аннотация. В настоящей статье проведен анализ памятников канонического права, а именно канонических ответов церковных иерархов, с целью выявить в них наличие признаков казуального толкования, а также определить черты позитивной ответственности и специфической церковной ответственности. Оценивается значение такого средства исправления нравственного проступка, как «епитимья», случаи и способы ее наложения. Кроме того, дан постратейный сравнительный анализ двух памятников канонического права: «Правило Иоанна II» и «Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц», а также малоизученного памятника «Ответы Георгия, митрополита Киевского на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание».

Ключевые слова: церковное право, канонические ответы, казуальное толкование, позитивная ответственность, церковная ответственность, нравственный проступок, епитимья.

Среди источников церковного права особо следует выделить канонические ответы церковных иерархов на вопросы, возникающие в жизни рядовых священников при осуществлении ими пастырской практики. Такие вопросы неизбежно возникали, в связи с тем, что памятники византийского права, которые применялись христианской церковью, появились в другом государстве и отражали другой менталитет, на Руси в период XII – XVI все еще сильны были пережитки язычества, такие как многоженство, наложничество. Люди продолжали поклоняться языческим богам, например, культу Рода и Рожениц, а христианская церковь же всячески старалась эти пережитки искоренять.

Нормы церковного права пришли к нам из Византии, то есть зародились совершенно в другой временной период, в обществе, достаточно сильно отличавшемся от древнерусского, в связи с чем, у рядовых священников нередко возникали вопро-

* Александрова Лариса Владимировна, аспирант кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. E-mail: larisa.aleksa@gmail.com

Научный руководитель – Оспенников Юрий Владимирович, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. E-mail: desmandado@yandex.ru

сы о применении данных норм к древнерусским реалиям. Ответы на данные вопросы они старались найти у церковных иерархов, как лиц наиболее компетентных в вопросах канонического права.

Следует отметить, что в современной теории государства и права под толкованием норм права понимается деятельность по выявлению воли законодателя, выраженной в правовой норме [6, с. 427], «определенный мыслительный процесс, направленный на установление содержания юридических предписаний путем выявления значений и смысла терминов и выражений, необходимый для их практической реализации» [18, с. 358]. То есть толкование нормативных актов осуществляется с целью устранения каких-либо неясных моментов в законе, кроме того, целью такого толкования является единообразное применение нормативно-правовых актов. Выделяют различные виды толкования (разъяснение по субъектам): официальное и неофициальное. Первое может быть нормативным и казуальным толкованием [6, с. 432–433].

Если говорить о казуальном толковании, оно формально обязательно при рассмотрении конкретного дела, однако «...юридическое значение этого вида толкования значительно шире: оно служит образцом, стандартом понимания и применения соответствующих норм права» [18, с. 361].

Оспенников Ю.В. в своей докторской диссертации «Право государств Северо-Западной Руси в XII-XV вв.», говорит о канонических ответах, как о группе источников церковного права следующее: «...эта группа источников ориентирована не на создание новых правил, а на проведение в жизнь уже существующих» [12, с. 55].

В данной статье проведен анализ двух наиболее известных памятников канонического права: «Канонические ответы митрополита Иоанна II на вопросы Иакова черноризца» и «Вопросы Кирика, Саввы и Илии с ответами Нифонта, епископа Новгородского», а также малоизученного памятника канонического права – «Ответы Георгия, митрополита Киевского на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание». В результате проведенного анализа в данных памятниках выявлены черты позитивной ответственности, а также признаки казуального толкования норм церковного права, пришедших на Русь из Византии.

Следует отметить, что каноническое право представляет собой совокупность правовых норм, составляющих основу церковного права.

В данной статье каноническое и церковное право будут рассматриваться как синонимы, так как на сегодняшний день эти два понятия во многих случаях не различаются. Вместе с тем, в более ранний период эти два понятия различались учеными – канонистами.

Относительно позитивной юридической ответственности следует отметить отсутствие единства взглядов на ее бытие, не все ученые теоретики считают, что она существует, что отмечается в юридической литературе [7, 8]. Следует согласиться с мнением Д.А. Липинского в том, что «Позитивная юридическая ответственность личности существует в единстве своих объективных и субъективных признаков. К субъективным признакам относятся: осознание правовых норм, обязанностей; выработка к ним внутреннего психического отношения; стремление совершать определенные действия; мотивы; цели; эмоции» [1, с. 38].

Одним из первых в теории государства и права сформировалось понимание позитивной юридической ответственности как осознание долга, его эмоциональное осмысление как один из существенных признаков юридической ответственности.

С.А. Комаров считает, что позитивная юридическая ответственность есть осознание и воспроизведение личностью в своем поведении необходимости выполнения долга [6, с. 475], она связана с правомерным поведением как следованием праву в целях достижения социально-полезного результата, это соответствие поведения предписаниям норм права, т.е. субъективным правам и субъективным юридическим обязанностям, возникающим на их основе [6, с. 452].

В церковном праве процесс становления позитивной юридической ответственности начался гораздо раньше, чем в светском праве, ранние стадии становления мы видим в «Канонических ответах Иоанна II» и «Вопрошании Кирика». При сравнении «Вопрошания» с источниками светского права данного периода, например, «Русской Правдой», можно увидеть, что позитивные требования в источниках светского права составляют гораздо меньшую долю правовых норм, а основную массу составляют императивные нормы, содержащие различного рода запреты и ответственность за их нарушение.

Правило Иоанна II – самый ранний из известных нам памятников. Кроме «Правила церковного Иакову черноризцу», Иоанн II также является автором «Послания папе римскому Клименту III». Как отмечает Пихоя Р.Г., «эти произведения возникли на Руси в условиях полемики между западной и восточной церквями <...> в результате их разделения, когда церковь боролась с многочисленными пережитками язычества <...> в них отразилось международное положение русской церкви и внешняя политика Византии в Древней Руси» [14, с. 133].

Иоанн II освещает в нем следующие вопросы: о крещении новорожденных, об ограничении посещения храма женщинами в определенные дни, об осуществлении церковной службы священниками, о различении чистой и скверной еды, вопросы взаимоотношений с латинянами, вопросы регулирования брачно-семейных отношений.

Второй памятник – «Вопрошание Кирика» – датируется XII веком, построен в вопросно-ответной форме. Он состоит из вопросов, которые задавали три священника: Кирик, Савва и Илья – и ответов епископа новгородского – Нифонта и других авторитетных служителей церкви того времени, таких как игуменья Марина, игумен Аркадий.

До XIII в. эти ответы имели «локальное значение», как пишет Гайденко П.И., применялись «на территории новгородской и киевской епископий» [2, с. 80], затем получили более широкое распространение.

Отвечая на вопросы, Нифонт в свою очередь обращался к византийским источникам и церковным правилам, ссылаясь на константинопольского патриарха Иоанна Постника и его Номоканон, на архиепископа Василия Великого.

Вопрошание Кирика имело большое практическое значение для священнослужителей того времени, так как в нем были даны рекомендации относительно повседневной жизни как мирян, так и священнослужителей, а также относительно их повседневной пастырской практики. По мнению Милькова В.В. «...памятник оценивается исследователями как высокопрофессиональный богословский труд и одновременно как своеобразная энциклопедия тогдашней русской жизни» [5, с. 16].

Для начала разберем более подробно «Правило Иоанна II». Начинается оно с вопроса о крещении новорожденного: «если новорожденное дитя так немощно, что даже не в силах взять соска матери, должно ли (немедленно) крестить оное», затем следует ответ «относительно здоровых св. отцы определили ждать до трех лет...для

сильно больных мы нашли восьмой день, а чтобы такие младенцы не умерли некрещенными, нужно крестить их...» [4, с. 3]. Здесь даются разъяснения относительно частного случая правила 20 Василия Великого о крещении, «Верующие в Господа должны креститься во имя отца и сына и Святого Духа» [17, с. 37], а также стиха 19 главы 28 Евангелия от Матфея, в котором говорится «Итак идите научите все народы крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф. 28:19), а именно крещения младенца, который болен. Для здоровых же детей был предусмотрен возраст крещения после 3-х лет.

Первая же статья «Ответов Георгия, Митрополита Киевского на вопросы игумена Германа» также посвящена крещению новорожденного больного ребенка. В ней говорится следующее «Аще дѣта родить и больти начнет, то крестити, а не зри колико ес днїи был, аще един день» [19, с. 233]. То есть, если ребенок рождается больным и его жизнь будет вызывать опасения, то следовало его крестить немедленно, не дожидаясь трех лет, как того требовали правила для здоровых детей. Таким образом, мы видим, что существовала практика крещения больных детей в более короткие сроки, которая прослеживается в различных источниках канонического права.

Также наличие таких вопросов в данных памятниках говорит о том, что детская смертность в то время была достаточно высока, и обязанность вовремя крестить ребенка возлагалась как на родителей, так и на духовника. Как отмечает Корогодина М.В., в исповедальных вопросниках очень часто встречается вопрос «...о гибели некрещеного ребенка: “А некрещено дѣтя уморила?” Упор в статье сделан на то, что ребенок не крещен из-за “небрежения” родителей, поэтому его душа обречена на вечные муки» [9, с. 153].

В «Канонических ответах Иоанна II» мы также находим статьи, посвященные матерям крестимых детей. Разъясняются вопросы, когда женщине можно кормить младенца и когда женщина признается нечистой после родов (ст. 2 и 20). В статье 2 говорится: «Если нельзя найти другой кормилицы, а между тем, мать в течение 40 дней нечиста... дабы дитя не умерло, необходимо, чтобы его кормила сама мать» [4, с. 2]. То есть предпочтительнее, чтобы в течение этих 40 дней его по возможности кормила другая женщина. Матери же разрешается кормить ребенка, только в случае отсутствия другой кормилицы.

В «Ответах Митрополита Георгия» мы встречаем и правила относительно женской нечистоты, например, в статье 6 говорится следующее: «если жена нечиста будет, не целует Евангелия». Такие статьи о вопросах женской нечистоты встречаются практически во всех памятниках канонического права, это так называемые «менструальные» и «родильные» табу: дни, во время которых женщина считалась нечистой. Она не могла входить в церковь, целовать Евангелие и есть антидор, а тем более – приступать к причастию. Кроме того, проскурницам не разрешалось в эти дни печь проскуры – специальный церковный хлеб, используемый в богослужении.

Несколько статей посвящено пищевым запретам, одна из них касается употребления в пищу мертвечины (удавленины), одна совместного употребления пищи с иноверцами (латинянами) и одна употребления пищи с язычниками.

По поводу употребления в пищу удавленины в статье 3 сказано следующее: «Животных, ловимых собаками и ястребами или другими птицами и умерщвляемых (на лову), но не заколотых людьми, не должно употреблять в пищу» [4, с. 3].

Аналогичное упоминание мы встречаем и «Вопрошании Кирика», в статье 87 говорится, что на вопрос о том, можно ли есть удавленину, Нифонт ответил, что

«...не говорил этого никакой епископ <...> того блюда, куда входит кровь, весьма остерегайся» [1, с. 47]. Запрещается, также есть молозиво, так как оно с кровью.

Запрет на употребление крови и удавленины связан с поверьем, что в крови содержится душа, следовательно, употребляя в пищу кровь, человек употребляет также и душу убитого животного, удавленное же, но не зарезанное животное, также содержит душу, так как в теле нет разреза, через который она бы вышла оттуда. Кроме того, данный запрет восходит к запрету, содержащемуся в Деяниях Святых Апостолов: «Воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленены, <...> и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете» (Деян. 15, 28–29).

Сравнивая два вышеназванных памятника, нужно сказать, что в «Вопрошании Кирика» гораздо больше вопросов посвящено пищевым запретам и рекомендациям, нежели в «Канонических ответах Иоанна II». Этим вопросам посвящено десять вопросов, заданных Саввой. Даются рекомендации по поводу пищи, которую можно есть в пост мирянам, а также о пище, которую следует есть священникам, в том числе черному и белому духовенству: «В чистую неделю можно есть пресный мед, житный квас, икра во все говенье только бельцам» [1, с. 31].

И в том, и в другом памятнике затрагиваются также вопросы взаимоотношений с латинянами (католиками). Статья 4 «Правила Иоанна II» запрещает служить вместе с теми, «кто служит на опресноках и в сырную неделю едят мясо и кровь и удавленину» [4, с. 3], но вместе с тем, говорит, что «есть с ними не возбраняется в случае нужды и не должно слишком гнушаться» [4, с. 3], дабы избежать вражды и злопамятования. Также данный памятник содержит запрет выдавать княжеских дочерей замуж в народы, причащающиеся опресноками, так как это «весьма недостойно» [4, с. 7].

Как отмечает Савицкий С.Г. «Акцент на служении литургии на опресноках у католиков и осуждение этого «новшества» были общим местом в текстах антилатинской направленности в Русской церкви» [16, с. 35].

В «Вопрошании Кирика» говорится также о латинянах, которые хотят перейти в православную веру. Установлена определенная процедура, которую должен пройти в данном случае латинянин «пусть ходит в церковь семь дней <...> сначала нареки ему имя и прочти четыре молитвы в каждый день, не давай ни мяса, ни молока» [1, с. 26]. Затем он должен пройти процедуру крещения и с ним следовало обращаться как с новокрещенным, «и облачи его в чистые одежды <...> и надень на него крестильные ризы и венец, и так помажь его святым миром и дай ему свечу» [1, с. 26].

Вышеуказанные статьи, посвященные взаимоотношениям с латинянами, являются свидетельством раскола между православием и католицизмом, а также свидетельствуют о том, что Новгород, в котором проживал Кирик, был многоконфессиональным городом, в связи с чем возникали вопросы о том, как нужно взаимодействовать с людьми, не принявшими христианство. У различных исследователей мы находим свидетельства продолжения этого противостояния и в более поздний период.

Например, у Голубинского Е.Е. мы встречаем упоминание о том, что в правление митрополита Фотия (XV век) псковские священники употребляли для совершения таинства миропомазания миро, закупаемое у католиков, происходило это по причине дороговизны православного мира архиепископа Новгородского, а приобретение латинского мира было значительно дешевле. Данный факт вызвал негодование митрополита Фотия, который обратился к ним «...по поводу их злоупотребления с самым строгим обличением, он писал им «слышах же неподобное дело в вас и Богу

ненавидимое ... слышу, что хотящих креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа вместо святого мира великого, мажете миром латинским...и оскорби мя сие грозно слышание...» [3, с. 518].

И «Канонические ответы Иоанна II» и «Вопрошание Кирика» содержат запреты на волхвование и чародеяние. В ст. 7 «Канонических ответов Иоанна II» прямо говорится о тех, кто занимается чародейством и волшебством, и о том, как их нужно наказывать. Занимающихся чародейством надлежит сначала «отвращать от злых дел словом и наставлением», если же они не прекратят своих занятий, то следует наказывать их более строго, «но не убивать до смерти и не уродовать их тел» [4, с. 4].

В статье 14 женам, которые омывают свое тело водой и дают эту воду пить мужьям (чтобы приворожить их), назначается епитимья 6 недель воздержаться от причащения. В ст. 18 говорится, что если женщины ради детей ворожат что-либо, когда они болеют, или несут ребенка к волхвам, то им назначается епитимья шесть недель, или три, в случае если будут молоды. Здесь мы видим смягчающее обстоятельство при наложении епитимьи – молодой возраст согрешившего.

Многие исследователи писали, о том, что на Руси еще долгое время после принятия христианства сохранялись пережитки язычества, такие как волхвование, чародеяние, а также поклонение языческим богам.

Как отмечает митрополит Макарий Булгаков: «С воцарением у нас христианства при Великом князе Владимире начался новый период нашего быта во всех отношениях: новый период и нашего просвещения и наших обычаев и нашего гражданского благоустройства» [11, с. 226]. Вчерашним язычникам, по всей видимости, было сложно привыкнуть к этому новому устройству их общественной жизни, в связи с этим и наблюдалось долгое время сохранение языческих обычаев и обрядов.

В «Вопрошании Кирика» много вопросов посвящено взаимоотношениям священнослужителей с их женами, можно ли священнику творить молитву над своей женой, принимать ее на покаяние. На эти вопросы Кирика даны следующие ответы: «Во всей греческой земле и области попы не дают своим женам молитвы, если только иного попа не будет поблизости – тогда сотворит <...>. Можно – сказал – всякого принимать на покаяние, только свою жену не следует» [1, с. 29].

Подавляющий объем текста воспроизводит записи бесед Кирика и Нифонта, некоторые из которых имеют черты фиксации по типу дневниковых заметок. И вопрошатель Кирик, и его корреспонденты рассматривают самые разнообразные ситуации в церковной практике с двух точек зрения: канонической и нравственно-этической, показывающей, насколько установления способствуют исправлению поведения людей. Таким образом, нравственные идеалы формируются на основе церковных заповедей.

В «Вопрошании» рассматриваются важные вопросы богослужебной практики, которые имеют большое значение для священника, и Церкви в целом. Даются рекомендации, как должен вести себя священнослужитель в тех или иных ситуациях богослужебной практики, например «... крестя детей – причащай и на вечерне или на часах, если не приносится в тот день обедня, <...>. Попу можно причащаться в монастыре с людьми, если и не служил, а если хочет – пусть служит» [1, с. 31].

Позитивная ответственность выражается в соблюдении предписаний и запретов, а также в формировании модели поведения, которая получает вознаграждение. Такие предписания даются не только в отношении священнослужителей, но также и в отношении простых прихожан, как им следует поступать в их повседневно-

ной жизни, например «Можно ли резать в воскресенье скот, если необходимо, или птицу? Воскресенье – чистый и праздничный день, чтобы идти в церковь и молиться, так пусть дела не будут этому препятствовать. А чтобы резать в воскресенье что нужно – нет беды, ни греха, если будет простое воскресенье или праздник, или гости, или что иное – не возбраняется» [1, с. 27].

Если светское право того периода знает в основном такие меры ответственности, как штрафы или «поток и разграбление» за тяжкие преступления, то церковное право не столько ставит своей целью наказание виновного или возмещение ущерба. Оно ставит перед собой иные задачи, скорее направленные на исправление виновного и направление его на правомерное поведение.

Например, согласно статье 23 Устава Князя Ярослава Мудрого «Если кто зовет чужую жену срамным словом, если будет Великих бояр за сором ей 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота, а будет меньших бояр и за сором 3 гривны золота, а епископу 3 гривны золота.» [13, с. 261]. Здесь мы видим, что ответственность назначается в виде штрафа, накладываемого в качестве возмещения вреда, нанесенного оскорблением.

Кроме позитивной ответственности можно выделить в вышеуказанных памятниках канонического права такой специфический вид церковной ответственности, как несение епитимьи.

Епитимья налагалась священником на кающегося, то есть лицо, совершившее нравственный проступок или «грех» иными словами. Состояла она в основном в соблюдении поста и воздержании, а также в удалении от причастия. Срок несения епитимьи назначался священником в каждом конкретном случае индивидуально, в зависимости от тяжести совершенного проступка. Нужно отметить, что епитимья также имела своей целью воспитательное воздействие на грешника. И в данном случае не последнюю роль должно было сыграть чувство стыда, испытываемое человеком, совершивший нравственный проступок, так как удаление его от причастия вызывало закономерные вопросы у остальных прихожан.

Однако епитимья накладывалась не только за нравственные проступки, но и за преступления. Так, за убийство во время выполнения работ полагалась епитимья, также за убийство ребенка по неосторожности. «И о таком спрашивал: если в работе случилось убийство? Он повелел дать половину епитимьи, и легче, ибо не по воле это сделано, сказал он <...>. И о таком я спрашивал, а если кладут детей с собой спать и задавят их – это убийство или нет? Он сказал: если трезвые, то легче, а если спяну – то убийство» [1, с. 58].

Канонические ответы содержат также и статьи, дающие разъяснения относительно требований, предъявляемых лицу, собирающемуся принять сан священника. Нужно отметить, что такой человек должен был соответствовать определенным критериям. Осуждалась в священниках такая черта, как корыстолюбие.

В статье 83 говорится об одном из условий, препятствующих принятию сана священника – краже: «Написано в заповеди Иоанна Постника, если кто украдет, то, как виновный в уголовном преступлении, пусть не приходит в священство» [1, с. 46]. Данное деяние становилось препятствием для принятия сана священника.

Кроме того, следует отметить, что не приветствовалось занятие ростовщичеством. Оно осуждалось, как стремление к корысти и любостыжательству, то есть действию, происходящему из одного источника с кражей. Данный запрет был основан на 44 Правиле Святых Апостолов, 17 Правиле Первого Вселенского Собора, на 14 правиле

Первого послания Василия Великого «Епископ или пресвитер, или диакон, лихвы требующий от должников, или перестанет, или да будет извержен» [15, с. 113]. В том случае, если все-таки священник занимался данным видом деятельности, то рекомендовалось взимание малого процента. Также указания на запрет ростовщичества встречаются в Ветхом и Новом завете. Ветхий Завет содержит запрет избранному народу давать в рост деньги или пищу: «Аще же даси сребро брату нищему иже у тебе, не буди его понуждая, ниже наложиши ему лихвы» (Исх. 22.25). То есть, если кто либо дает деньги в рост нуждающемуся, то не должен налагать на него большого процента.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в канонических ответах как памятнике церковного права мы находим черты актов казуального толкования норм церковного права, так как очень многие вопросы задавались вопрошающими с целью прояснить для себя применение той или иной нормы византийского права к конкретной ситуации, возникшей в их богослужебной практике. Также следует отметить, что появление в памятниках канонического права позитивной ответственности не характерной для источников светского права того периода, а кроме того, наличие специфической церковной ответственности, которая выражалась, в основном, в несении епитимьи, главной функцией которой было воздействие на нарушителя, направленное на его исправление в отличие от светского законодательства того периода, главной целью которого было возмещение ущерба.

Библиографический список

1. Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, Епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. – Т. VI. – Памятники древне-русского канонического права. – Ч. 1. – СПб., 1880. – 680 с.
2. *Гайденок П.И.* Несколько замечаний о каноническо-правовых институтах на Руси в XI–XIII вв. // Христианское чтение. – 2018. – №2. – С. 79–91.
3. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 2. Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. – М.: Синодальная типография, 1907. – 613 с.
4. Канонические ответы Иоанна II // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. – Т. VI. – Памятники древнерусского канонического права. – Ч.1. – СПб., 1880. – 680 с.
5. Кирик Новгородец и древнерусская культура. Часть II. // Под ред. В.В. Милькова. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. – 358 с.
6. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 529 с.
7. *Комаров, С. А., Чепус А.В.* Позитивная юридическая ответственность: проблемы классификации: статья // Юридическая мысль. – 2015. – № 5. – С. 35–42.
8. *Комаров, С. А., Чепус А.В.* Позитивная юридическая ответственность как элемент функционирования органов исполнительной власти: статья // Европейское измерение 2015 // Сборник научных трудов под общей редакцией С.Н. Бабурина и З.А. Станкевича. – М.: Книжный мир, Европейский институт JUSTO, 2015. – С. 232–243.
9. *Корогодина М.В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв. Исследование и тексты. – СПб: Дмитрий Буланин, 2006. – 584 с.
10. *Липинский Д.А.* Концепции позитивной юридической ответственности в юриспруденции // Журнал Российского права. – 2014. – № 6. – С. 37–50.
11. *Митрополит Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. – М., 1994. – 3783 с.
12. *Оспенников Ю.В.* Право государств Северо-Западной Руси в XII–XV вв.: дисс... докт. юрид. наук. – Самара, 2010. – 520 с.

13. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. // Под ред. С.В. Юшкова, сост. А.А. Зимин. – М.: Госюриздат, 1952. – 304 с.
14. Пихоя Р.Г. Византийский монах – русский митрополит Иоанн II как канонист и дипломат // Античная древность и средние века. – Т. 11. – Свердловск: Издательство: Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина, 1975. – С. 133–144.
15. Правила православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. – Т. 1. – М.: Издательство «Отчий дом», 2001. – 686 с.
16. Савицкий С.Г. Отражение религиозной жизни Древней Руси в памятниках канонического права: дисс ... канд.филос. наук. – СПб., 2017. – 174 с.
17. Святитель Василий Великий, Архиепископ Кессарийский Каппадокийский. – Творения в 2 т. – Т. 2: Аскетические творения. Письма // Под общ. ред. Митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира. – М.: Сибирская Благовонница, 2009. – 1232 с.
18. Теория государства и права: учебник / Под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. – М.: Статут, 2019. – 512 с.
19. Турилов А.А. «Ответы Георгия, Митрополита Киевского на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание». Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. – Вып. 11. – М.: Индрик, 2004. – 272 с.

Для цитирования: Александрова Л.В. Источники казуального толкования церковного права (на примере канонических ответов церковных иерархов): статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 12–20.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.001

Larisa V. Aleksandrova *

SOURCES OF CASUAL INTERPRETATION OF CHURCH LAW (ON THE EXAMPLE OF CANONICAL ANSWERS OF CHURCH HIERARCH)

Annotation. *This article analyzes the monuments of canon law, namely the canonical answers of hierarchs, in order to reveal in them the presence of traits of positive responsibility, as well as specific church responsibility. The significance of such a means of correcting a moral offense as "penance", the cases and methods of its imposition is evaluated. In addition, an article-by-article comparative analysis of two monuments of canon law is given: "The Rule of Ioann II" and "Questions of Kirik, Sava and Ilya with the answers of Niphont Bishop of Novgorod, as well as the little-studied monument «Answers of Georgy, Metropolitan of Kyiv to the Question of monastic Herman – the oldest Russian "questioning"».*

Key words: *church law, canonical answers, positive responsibility, church responsibility, moral offense, penance.*

Among the sources of church law, one should especially highlight the canonical answers of church hierarchs to questions that arise in the life of ordinary priests in their pas-

* *Aleksandrova Larisa Vladimirovna*, Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev. E-mail: larisa.aleksa@gmail.com

Supervisor – *Yury Vladimirovich Ospennikov*, Professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev. E-mail: desmandado@yandex.ru

toral practice. Such questions inevitably arose, due to the fact that the monuments of Byzantine law, which were used by the Christian church, appeared in another state and reflected a different mentality; in Russia in the period XII-XVI the remnants of paganism were still strong, such as polygamy, concubinage. People continued to worship pagan gods, for example, the cult of the Family and Women in Childbirth, while the Christian Church tried its best to eradicate these remnants.

The norms of church law came to us from Byzantium, that is, they originated in a completely different time period, in a society that was quite different from Old Russian, and therefore, ordinary priests often had questions about the application of these norms to Old Russian realities. They tried to find answers to these questions from church hierarchs, as the most competent persons in matters of canon law.

It should be noted that in the modern theory of state and law, the interpretation of the rules of law is understood as the activity to identify the will of the legislator, expressed in the legal norm [6, p. 427], "a certain thought process aimed at establishing the content of legal prescriptions by identifying the meanings and meaning of terms and expressions necessary for their practical implementation" [18, p. 358]. That is, the interpretation of normative acts is carried out in order to eliminate any unclear points in the law; in addition, the purpose of such an interpretation is the uniform application of normative legal acts. There are different types of interpretation (clarification by subjects): official and unofficial. The first can be a normative and causal interpretation [6, p. 432–433].

If we talk about causal interpretation, it is formally mandatory when considering a particular case, however, "... the legal meaning of this type of interpretation is much broader: it serves as a model, a standard for understanding and applying the relevant rules of law" [18, p. 361].

Ospennikov Yu.V. in his doctoral dissertation "The Law of the States of North-Western Russia in the XII-XV centuries", he speaks of canonical answers as a group of sources of church law as follows: "... this group of sources is focused not on creating new rules, but on putting into practice already existing" [12, p. 55].

This article analyzes the two most famous monuments of canon law: "The canonical answers of Metropolitan John II to the questions of Jacob the Chernorites" and "Questions of Kirik, Savva and Elijah with the answers of Nifont, Bishop of Novgorod", as well as a little-studied monument of canon law – "Answers of George, Metropolitan of Kyiv to the questions of Abbot Herman – the most ancient Russian "questioning". As a result of the analysis in these monuments, features of positive responsibility were revealed, as well as signs of a casual interpretation of the norms of church law that came to Russia from Byzantium.

It should be noted that canon law is a set of legal norms that form the basis of church law.

In this article, canon and ecclesiastical law will be considered as synonyms, since today these two concepts in many cases do not differ. At the same time, in an earlier period, these two concepts were distinguished by scientists – canonists.

Regarding positive legal responsibility, it should be noted the lack of unity of views on its existence, not all theoreticians believe that it exists, which is noted in the legal literature [7, 8]. We should agree with the opinion of D.A. Lipinsky that "The positive legal responsibility of the individual exists in the unity of its objective and subjective features. Subjective signs include: awareness of legal norms, duties; development of an internal mental attitude towards them; the desire to perform certain actions; motives; goals; emotions" [1, p. 38].

One of the first in the theory of state and law was the understanding of positive legal responsibility as an awareness of duty, its emotional comprehension as one of the essential signs of legal responsibility. S.A. Komarov believes that positive legal responsibility is the awareness and reproduction by a person in his behavior of the need to fulfill a duty [6, p. 475], it is associated with lawful behavior as following the law in order to achieve a socially beneficial result, this is the compliance of behavior with the prescriptions of the rule of law, i.e. subjective rights and subjective legal obligations arising on their basis [6, p. 452].

In ecclesiastical law, the process of establishing positive legal responsibility began much earlier than in secular law; we see the early stages of formation in the Canonical Answers of John II and the Question of Cyric. When comparing the Question with the sources of secular law of this period, for example, *Russkaya Pravda*, one can see that positive requirements in the sources of secular law make up a much smaller proportion of legal norms, and the bulk are imperative norms containing various kinds of prohibitions and responsibility for their violation.

The Rule of John II is the earliest monument known to us. In addition to the "Rules of the Church to James the Chernorites", John II is also the author of the "Epistle to Pope Clement III". As Pikhoya R.G. notes, "these works arose in Russia in the context of controversy between the Western and Eastern churches <...> as a result of their separation, when the church struggled with numerous remnants of paganism <...> they reflected the international position of the Russian Church and foreign policy Byzantium in Ancient Russia" [14, p. 133].

John II covers the following issues in it: on the baptism of newborns, on the restriction of women visiting the temple on certain days, on the performance of church services by priests, on the distinction between clean and nasty food, issues of relationships with the Latins, issues of regulating marriage and family relations.

The second monument – "Questioning Kirik" – dates back to the XII century, built in a question-answer form. It consists of questions asked by three priests: Kirik, Savva and Ilya – and the answers of the Bishop of Novgorod – Nifont and other authoritative ministers of the church of that time, such as Abbess Marina, Abbot Arkady.

Until the 13th century these answers had "local significance", as Gaidenko P.I. writes, they were applied "on the territory of the Novgorod and Kyiv bishoprics" [2, p. 80], then became more widespread.

Answering questions, Nifont, in turn, turned to Byzantine sources and church rules, referred to the Patriarch of Constantinople John the Faster and his Nomocanon, to Archbishop Basil the Great.

Cyric's questioning was of great practical importance for the clergy of that time, since it gave recommendations regarding the daily life of both laymen and clergy, as well as regarding their daily pastoral practice. According to Milkov V.V. "... the monument is evaluated by researchers as a highly professional theological work and at the same time as a kind of encyclopedia of the then Russian life" [5, p. 16].

To begin with, we will analyze in more detail the "Rule of John II". It begins with a question about the baptism of a newborn: "if a newborn child is so weak that it is not even able to take the mother's nipple, should it (immediately) be baptized", then the answer follows "relatively healthy St. the fathers determined to wait up to three years... for the severely ill, we found the eighth day, and so that such babies do not die unbaptized, they must be baptized..." [4, p. 3]. Here clarifications are given regarding a particular case of

rule 20 of Basil the Great on baptism, "Those who believe in the Lord must be baptized in the name of the father and son and the Holy Spirit" [17, p. 37], as well as verse 19 of chapter 28 of the Gospel of Matthew, which says, "Go therefore and make disciples of all nations, baptizing them in the name of the Father and of the Son and of the Holy Spirit" (Matt. 28:19), namely the baptism of an infant who is sick. For healthy children, the age of baptism after 3 years was provided.

The very first article of "Answers of Georgy, Metropolitan of Kyiv to the Questions of Hegumen Herman" is also devoted to the baptism of a newborn sick child. It says the following: "If the child gives birth and begins to hurt, then baptize, and do not see how many days it was, if only one day" [19, p. 233]. That is, if a child is born sick and his life causes fear, then he should have been baptized immediately, without waiting three years, as required by the rules for healthy children. Thus, we see that there was a practice of baptizing sick children in shorter periods, which can be traced in various sources of canon law.

Also, the presence of such questions in these monuments suggests that infant mortality at that time was quite high, and the obligation to baptize the child on time was assigned to both the parents and the confessor. As Korogodina M.V. notes, in confessional questionnaires there is a very common question "... about the death of an unbaptized child: "Did you die of an unbaptized child?" The article focuses on the fact that the child was not baptized due to the the soul is doomed to eternal torment" [9, p. 153].

In the "Canonical Answers of John II" we also find articles on the mothers of baptized children. Questions are clarified when a woman can feed her baby and when a woman is recognized as unclean after giving birth (vv. 2 and 20). Article 2 says: "If it is impossible to find another nurse, and meanwhile, the mother is unclean for 40 days ... so that the child does not die, it is necessary that the mother herself feeds him" [4, p. 2]. That is, it is preferable that during these 40 days, if possible, another woman feeds him. The mother is allowed to feed the child only if there is no other nurse.

In the "Answers of Metropolitan George" we also find rules regarding female impurity, for example, article 6 say the following: "if the wife is unclean, she does not kiss the Gospels." Such articles on women's impurity are found in almost all monuments of canon law, these are the so-called "menstrual" and "maternity" taboos: days during which a woman was considered unclean. She could not enter the church, kiss the Gospel and eat the antidoron, and even more so, start communion. In addition, proskurnitsa were not allowed to bake proskura on these days – a special church bread used in worship.

Several articles are devoted to food prohibitions, one of them concerns eating carrion (strangled), one sharing food with non-Christians (Latins) and one eating with pagans.

Regarding the use of strangled in food, article 3 says the following: "Animals caught by dogs and hawks or other birds and killed (on the catch), but not slaughtered by people, should not be eaten" [4, p. 3].

We find a similar mention in the "Questioning of Kirik", article 87 says that when asked whether it is possible to eat strangled, Nifont replied that "... no bishop said this <...> beware of the dish where blood enters, be very careful" [1, p. 47]. It is also forbidden to eat colostrum, as it contains blood.

The prohibition on the use of blood and strangulation is associated with the belief that blood contains the soul, therefore, by eating blood, a person also consumes the soul of a killed animal, while a strangled, but not slaughtered animal also contains a soul, since there is no cut in the body, through which she would get out of there. In addition, this pro-

hibition goes back to the prohibition contained in the Acts of the Holy Apostles: "To abstain from things sacrificed to idols and blood, and being strangled, <...> and not to do to others what you do not want for yourself. Observing this, you will do well" (Acts 15:28–29).

Comparing the two above-mentioned monuments, it must be said that in the "Inquiry of Cyric" many more questions are devoted to food prohibitions and recommendations than in the "Canonical Answers of John II". Ten questions asked by Savva are devoted to these questions. Recommendations are given about the food that can be eaten by the laity during fasting, as well as about the food that should be eaten by priests, including black and white clergy: "On a pure week, you can eat unleavened honey, whole grain kvass, caviar in all fasting only for Balti" [1, p. 31].

Both in that, and in another monument, questions of relations with the Latins (Catholics) are also touched upon. Article 4 of the "Canon of John II" forbids serving together with those "who serve on unleavened bread and eat meat and blood and strangled on cheese week" [4, p. 3], but at the same time, he says that "eating with them is not forbidden in case of need and should not be too shunned" [4, p. 3], in order to avoid enmity and rancor. Also, this monument contains a ban on giving princely daughters in marriage to peoples who partake of unleavened bread, as this is "very unworthy" [4, p. 7].

As Savitsky S.G. "The emphasis on serving the liturgy on unleavened bread among Catholics and the condemnation of this "innovation" was a common place in the texts of an anti-Latin orientation in the Russian Church"[16, p. 35].

The "Questioning of Cyricus" also speaks of Latins who want to convert to the Orthodox faith. A certain procedure has been established that the Latin must go through in this case: "let him go to church for seven days <...> first call him a name and read four prayers every day, do not give any meat or milk" [1, p. 26]. Then he must go through the procedure of baptism and he should be treated like a newly baptized one, "and dress him in clean clothes <...> and put on him baptismal vestments and a crown, and so anoint him with holy chrism and give him a candle" [1, p. 26].

The above articles on relations with the Latins are evidence of a split between Orthodoxy and Catholicism, and also indicate that Novgorod, where Kirik lived, was a multi-confessional city, in connection with which questions arose about how to interact with people, not who accepted Christianity. In various researchers, we find evidence of the continuation of this confrontation in a later period.

For example, Golubinsky E.E. we come across a mention that during the reign of Metropolitan Photius (XV century), Pskov priests used chrism purchased from Catholics to perform the sacrament of chrismation, this happened because of the high cost of the Orthodox world of the Archbishop of Novgorod, and the acquisition of the Latin world was much cheaper. This fact aroused the indignation of Metropolitan Photius, who turned to them "... regarding their abuse with the most severe denunciation, he wrote to them "I hear an incomparable deed in you and God hated ... I hear that those who want to be baptized in the name of the Father and the Son and the Holy Spirit instead of the great holy world, anoint with the Latin world ... and offend me this terrible hearing ... "[3, p. 518].

Both the "Canonical Answers of John II" and the "Questioning of Cyric" contain prohibitions on sorcery and sorcery. In Art. 7 of the "Canonical Answers of John II" directly refers to those who practice witchcraft and sorcery, and how they should be punished. Those engaged in sorcery should first be "turned away from evil deeds by word and instruction", but if they do not stop their studies, then they should be punished more severely, "but not kill to death and do not mutilate their bodies" [4, p. four].

Theory of State and Law

In article 14, wives who wash their bodies with water and give this water to drink to their husbands (in order to bewitch them), are assigned a penance of 6 weeks to refrain from communion. In Art. 18 says that if women for the sake of children tell fortunes when they are sick, or carry a child to the Magi, then they are assigned six weeks of penance, or three if they are young. Here we see a mitigating circumstance in the imposition of penance – the young age of the sinner.

Many researchers wrote that in Russia for a long time after the adoption of Christianity, remnants of paganism were preserved, such as sorcery, sorcery, as well as the worship of pagan gods.

As Metropolitan Macarius Bulgakov notes: “With the accession of Christianity to us under the Grand Duke Vladimir, a new period of our life began in all respects: a new period of both our enlightenment and our customs and our civil improvement” [11, p. 226]. Apparently, it was difficult for yesterday's pagans to get used to this new structure of their social life, in connection with this, the preservation of pagan customs and rituals was observed for a long time.

In "Questioning Kirik" many questions are devoted to the relationship of clergy with their wives, is it possible for a priest to pray over his wife, to accept her for repentance. The following answers were given to these questions of Kirik: “In all the Greek land and region, the priests do not give prayers to their wives, unless another priest is nearby, then he will do <...>. It is possible, he said, to accept anyone for repentance, only one should not accept one's wife” [1, p. 29].

The vast majority of the text reproduces recordings of conversations between Kirik and Nifont, some of which have features of fixation similar to diary notes.

Both the questioner Kirik and his correspondents consider the most diverse situations in church practice from two points of view: canonical and moral and ethical, showing how much the establishment contributes to the correction of people's behavior. Thus, moral ideals are formed on the basis of church commandments.

The "Questioning" deals with important issues of liturgical practice, which are of great importance for the priest, and the Church as a whole. Recommendations are given on how a clergyman should behave in certain situations of liturgical practice, for example “... when baptizing children, take communion at Vespers or at the Hours, if mass is not brought that day, <...>. A priest can take communion in a monastery with people if he has not served, and if he wants to, let him serve” [1, p. 31].

Positive responsibility is expressed in observance of prescriptions and prohibitions, as well as in the formation of a behavior model that receives a reward.

Such prescriptions are given not only for the clergy, but also for ordinary parishioners, how they should act in their daily lives, for example, “Is it possible to slaughter cattle on Sunday, if necessary, or a bird? Sunday is a clean and festive day to go to church and pray, so let business not interfere with this. And to cut what is needed on Sunday – there is no trouble, no sin, if there is a simple Sunday or a holiday, or guests, or anything else – it is not forbidden” [1, p. 27].

If the secular law of that period knows mainly such measures of responsibility as fines or “flood and plunder” for serious crimes, then ecclesiastical law does not so much aim at punishing the guilty or redressing the damage. It sets itself other tasks, rather aimed at correcting the guilty and directing him to lawful behavior.

For example, according to Article 23 of the Charter of Prince Yaroslav the Wise, “If someone calls someone else's wife with a shameful word, if there are Great Boyars for lit-

ter, she will have 5 hryvnias of gold, and the metropolitan will have 5 hryvnias of gold, and there will be lesser boyars and 3 hryvnias of gold for rubbish, and 3 hryvnias for the bishop gold.." [13, p. 261]. Here we see that liability is assigned in the form of a fine imposed as compensation for the harm caused by the insult.

In addition to positive responsibility, one can distinguish in the above monuments of canon law such a specific type of church responsibility as the bearing of penance.

Penance was imposed by a priest on a penitent, that is, a person who committed a moral offense or "sin" in other words. It consisted mainly in fasting and abstinence, as well as in moving away from communion. The term for carrying out penance was appointed by the priest in each specific case individually, depending on the severity of the offense committed. It should be noted that penance also had as its goal an educational effect on the sinner. And in this case, the feeling of shame felt by a person who has committed a moral offense should have played an important role, since his removal from communion aroused legitimate questions from the rest of the parishioners.

However, penance was imposed not only for moral offenses, but also for crimes. So, for the murder during the execution of work, penance was relied upon, also for the murder of a child through negligence. "And he asked about this: if a murder happened in the work? He ordered to give half of the penance, and it is easier, because it was not done by will, he said <...>. And I asked about this, but if they put their children to bed with them and crush them, is this murder or not? He said: if I'm sober, it's easier, but if I'm drunk, then it's murder" [1, p. 58].

The canonical answers also contain articles that provide clarifications on the requirements for a person who is going to take the priesthood. It should be noted that such a person had to meet certain criteria. Such a trait as greed was condemned in priests.

Article 83 refers to one of the conditions preventing the adoption of the priesthood – theft: "It is written in the commandment of John the Faster, if anyone steals, then, as guilty of a criminal offense, let him not come to the priesthood" [1, p. 46]. This act became an obstacle to taking the priesthood.

In addition, it should be noted that usury was not welcomed. It was condemned as a desire for self-interest and covetousness, that is, an action that comes from the same source with theft. This prohibition was based on the 44th Rule of the Holy Apostles, the 17th Rule of the First Ecumenical Council, on the 14th Rule of the First Epistle of Basil the Great "A bishop or presbyter, or a deacon, who demands more from debtors, either cease, or be deposed" [15, p. 113]. In the event that, nevertheless, the priest was engaged in this type of activity, it was recommended to charge a small percentage. Also indications of the prohibition of usury are found in the Old and New Testaments. The Old Testament contains a prohibition for the chosen people to lend money or food at interest: "But if you give money to a poor brother who is with you, do not force him to wake him, lay down interest on him below" (Ex. 22.25). That is, if someone gives money on interest to a needy person, he should not impose a large percentage on him.

Summing up the above, it should be noted that in the canonical answers as a monument of church law, we find features of acts of casual interpretation of the norms of church law, since so many questions were asked by the questioners in order to clarify for themselves the application of one or another norm of Byzantine law to a specific situation that arose in their liturgical practice. It should also be noted the appearance in the monuments of canon law of positive responsibility, not typical for the sources of secular law of that period, and in addition, the presence of a specific church responsibility, which was expressed

mainly in the bearing of penance, the main function of which was to influence the offender, aimed at correcting him in contrast to the secular legislation of the period, whose main purpose was to make amends.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Questions from Kirik, Savva and Elijah, with answers from Nifont, Bishop of Novgorod, and other hierarchical persons // Russian Historical Library. T. VI. Monuments of ancient Russian canon law. Part 1. St. Petersburg, 1880. 680 p.
2. Gaidenko P.I. A few remarks on the canonical legal institutions in Russia in the 11th-13th centuries. // Christian reading. 2018. No. 2. P. 79–91.
3. Golubinsky E.E. History of the Russian Church. T. 2. Publication of the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University. Moscow: Synodal Printing House, 1907. 613 p.
4. Canonical answers of John II // Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission. T. VI. Monuments of ancient Russian canon law. Part 1. St. Petersburg, 1880. 680 p.
5. Kirik Novgorodets and ancient Russian culture. Part II. // Ed. V.V. Milkov. Veliky Novgorod: NovGU im. Yaroslav the Wise, 2012. 358 p.
6. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed., Rev. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 529 p.
7. Komarov, S.A., Chepus A.V. Positive Legal Responsibility: Problems of Classification: Article // Legal Thought. 2015. No. 5. P. 35–42.
8. Komarov, S.A., Chepus A.V. Positive legal responsibility as an element of the functioning of executive authorities: article // European Dimension 2015 // Collection of scientific papers edited by S.N. Baburin and Z.A. Stankevich. Moscow: Knizhny Mir, European Institute JUSTO, 2015. P. 232–243.
9. Korogodina M.V. Confession in Russia in the XIV–XIX centuries. Research and texts. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2006. 584 p.
10. Lipinsky D.A. Concepts of positive legal responsibility in jurisprudence // Journal of Russian Law. 2014. No. 6. P. 37–50.
11. Metropolitan Macarius (Bulgakov). History of the Russian Church. Moscow, 1994. 3783 p.
12. Ospennikov Yu.V. The law of the states of North-Western Russia in the XII–XV centuries: diss ... doc. legal Sciences. Samara, 2010. 520 p.
13. Monuments of Russian law. Issue 1: Monuments of law of the Kyiv state of the X–XII centuries. // Ed. S.V. Yushkov, comp. A.A. Zimin. Moscow: Gosjurizdat, 1952. 304 p.
14. Pikhoya R.G. Byzantine monk – Russian Metropolitan John II as a canonist and diplomat // Antique antiquity and the Middle Ages. T. 11. Sverdlovsk: Publisher: Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Yeltsin, 1975. P. 133–144.
15. Rules of the Orthodox Church with interpretations of Nikodim, Bishop of Dalmatia-Istria. T. 1. Moscow: Publishing house "Father's House", 2001. 686 p.
16. Savitsky S.G. Reflection of the religious life of Ancient Russia in the monuments of canon law: diss ... cand.philos. Sciences. St. Petersburg, 2017. 174 p.
17. Saint Basil the Great, Archbishop of Kessaria Cappadocia. Creations in 2 vols. Vol. 2: Ascetic creations. Letters // Under the general editorship of Metropolitan Vladimir of Tashkent and Central Asia. Moscow: Siberian Blagovonnitsa, 2009. 1232 p.
18. Theory of state and law: textbook / Ed. Doctor of Law, Prof. A.A. Klishas. Moscow: Statute, 2019. 512 p.

19. Turilov A.A. "The answers of Georgy, Metropolitan of Kyiv to the questions of Hegumen Herman are the most ancient Russian "questioning". Slavs and their neighbors. Slavic peace between Rome and Constantinople. Issue. 11. Moscow: Indrik, 2004. 272 p.

For citation: Aleksandrova L.V. Sources of casual interpretation of church law (on the example of the canonical answers of church hierarchs): article // Theory of State and Law. 2022. No. 3 (28). P. 20–28.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.001

Научная статья

УДК 37(091)

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP.2022.28.3.002

А.Б. Артемьев*

К. Б. Ерофеев**

Т.Л. Комарова***

К 350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РЕФОРМАТОРА. ВЕРОИСПОВЕДНЫЕ РЕФОРМЫ ПЕТРА ПЕРВОГО

***Аннотация.** Статья посвящена вкладу вероисповедным реформам Императора Петра I и охватывает временной период от юности Петра, упразднения патриаршества, до вероисповедных реформ, призвания в Россию иностранцев разных национальностей и вер, дарования им религиозных свобод в России. В статье дается анализ правовых документов описываемого периода времени, отражаются различные мнения ближайшего окружения Петра I на реформы, а также результаты вероисповедных реформ.*

***Ключевые слова:** император, реформы, церковь, церковно-государственные отношения, патриаршество.*

Петр I не считал нужным предоставить церкви абсолютную автономию, ему требовалось полностью подчинить церковную власть власти светской, для чего, в первую очередь, требовалось ликвидировать институт патриаршества. В начале XVIII в. в России, как и в Европе, получила распространение концепция «естественного права». Согласно данной концепции божественная сила, раз создав вселенную, не могла в дальнейшем вмешиваться в ход земных событий. Следствием этой теории было стремление ограничить церковную власть и не допустить влияние церкви на политическую жизнь государства. Кроме того, Петр предполагал использовать значительные церковные богатства для финансирования реформ, а также поднять низкий, по мнению царя, нравственный уровень духовенства.

При этом ошибочно считать реформы Петра Великого исключительно как его личное побуждение. «Пути преобразования, избранные Петром, не были следствием его личного произвола, его личных взглядов, а были следствием общих взглядов тогдашних лучших людей, тогдашних авторитетов» [1].

Ближайшим сподвижником Петра был Феофан Прокопович, которого отличало реформаторство и широкая веротерпимость. Петром I и Феофаном Прокоповичем

* Артемьев Андрей Борисович – профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: a_artemev@rambler.ru

** Ерофеев Константин Борисович – кандидат технических наук, преподаватель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), адвокат Адвокатской Палаты Санкт-Петербурга. E-mail: antanta1999@mail.ru.

*** Комарова Татьяна Львовна – проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: komarova_tl@mail.ru

был разработан «Духовный регламент» (1721 г.), отмененный лишь в 1917 г. Поместным Собором Православной Российской Церкви.

«Того ради образом прежних, как в Ветхом, так и в Новом Завете, Благочестивых Царей, восприяв попечение о исправлении чина Духовнаго, а не видя лучшаго к тому способа, паче Соборнаго Правительства. Понеже в единой персоне не без страсти бывает; к тому ж не наследственная власть, того ради вящше не брегут. Уставаем Духовную Коллегию, то есть Духовное Соборное Правительство, которое по следующем зде Регламенте, имеет всякия Духовныя дела во Всероссийской Церкви управлять». Коллегиум правительское не что иное есть, токмо правительское собрание, когда дела некия собственныя не единому лицу, но многим к тому угодным, и от Высочайшей власти учрежденным подлежат ко управлению» [2].

В основу Регламента вошли идеи Феофана о необходимости подчинения церковной власти светской, что отвечало православной, а не католической традиции. Как видно из приведенных положений Регламента, Феофан находил обоснование подчинения церкви императорской власти в библейской истории. С точки зрения Феофана, самодержавие исторически отвечало природе русского народа и противостояла смуте и мятежам, когда светская власть по каким-либо причинам ослабевала.

Сподвижники Петра также исповедовали принципы религиозной свободы. На смену Святой Руси приходила Российская Европа. Как утверждал В.Н.Татищев «умному до веры другого ничто касается и ему равно Лютер ли, Кальвин ли, папин, анабаптист, магометанин или язычник с ним в одном городе живет или с ним торгуется» [3].

Другой сподвижник Петра Великого, А.Д. Кантемир, полемизируя с «Камнем веры» Стефана Яворского, отмечал, что «расколы и ереси наукам суть дети» [4].

16 апреля 1702 года Петром I был издан Манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием свободы вероисповедания» [5]. Как отмечается в Манифесте, каждому иностранцу гарантируется свободное как частное, так и публичное отправление культа, возможность обращения к своим проповедникам, в том числе и в армии: «... Мы по дарованной Нам от Всевышнего власти, совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его ответственность пещись о блаженстве души своей».

Высшее церковное руководство в силу своих возможностей пыталось противопоставить реформаторской политике Петра I идеи широкой автономии церкви, западнической идеологии – верность православным традициям. Имели место протестные настроения в среде рядового духовенства, выразившиеся в переходах в старообрядчество. Смерть патриарха Адриана в октябре 1700 г. ускорила антиклерикальную политику Петра. Церковь не получила единоличного руководителя, местоблюстителем патриаршего престола стал митрополит Стефан Яворский, по воспоминаниям современников хороший оратор, но слабый церковный администратор. Таким образом, как отметил В.А.Кольцов «сложилась ситуация при которой, с одной стороны церковная оппозиция не получала поддержки со стороны местоблюстителя, с другой – через него можно было проводить выгодную государственной власти политику» [6].

Сторонник невмешательства государства в сугубо церковные проблемы, митрополит Стефан однако опасался проводить оппозиционную царю политику. Нерешительность митрополита Стефана и его ближайшего окружения позволили Петру ускорить проведение реформ. Уже начиная с 1701 г. царское правительство лишило монастыри права распоряжаться населенными землями, брало под государст-

венный контроль доходы церкви. Крупные расходы монастырей стали контролироваться Монастырским приказом. В условиях продолжавшейся Северной войны расширилась практика принудительного изъятия церковных ценностей на государственные нужды. Монахи и их приближенные принудительно изгонялись из монастырей, направлялись в армию и на принудительные государственные работы. Было установлено государственное содержание духовенства, определены штаты приходов, появились требования к уровню образования духовенства. Петром были приближены сторонники реформ из числа священнослужителей – Феодосий Яновский, Феофан Прокопович и др.

Положения принятого Сенатом 25 января 1721 г. Духовного регламента предусматривали создание нового высшего органа церковного управления – Духовной коллегии, позднее ставшей именоваться Синодом. Этот орган заменил патриаршество, заменив единоначалие в церкви на коллегиальное управление. В мае 1722 г. была учреждена должность обер-прокурора Синода, управлявшим Синодом, состоявшим из двенадцати священнослужителей. Регламент и Прибавление к нему ограничивали приток людей в монашество, устанавливали выборность священнослужителей, отдавали при назначении на должность предпочтение образованным священнослужителям, предусматривалось открытие в епархиях духовных школ.

Регламент в вопросах веротерпимости уделял большее внимание не репрессиям, а дискуссии, словесному состязанию, убеждению, в частности, по отношению к раскольникам. Примером подобного сочинения, в котором делалась попытка переубедить раскольников, был «Розыск о раскольнической брынской вере, о учении их, о делах их и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дело их не благоугодно» митрополита Дмитрия Ростовского (1709 г.). На епархиальном уровне проводились диспуты с раскольниками, Синод в «Объявлении» (февраль 1722 г.) и «Увещевании» и других документах (январь 1725 г.) предлагали раскольникам свободно обменяться мнениями по вероучительным вопросам, для чего ни приглашались даже в Синод. Эти меры не принесли значительного результата.

Помимо увещеваний правительство предпринимало и репрессивные меры, в частности, в соответствии с Воинским уставом 1716 г. богохульство каралось смертной казнью, вводилось двойное налогообложение для старообрядцев, а с 1726 г. – четверной. Неуплата неподъемных налогов приводила сначала к телесным наказаниям должников, а затем отправкой на принудительные работы. Раскольники и другие инаковерующие, проявлявшие упорство в следовании своим убеждениям, отправлялись на каторгу, заключались в монастырские тюрьмы.

Огосударствление церкви привело к усилению контроля светских властей за соблюдение подданными ежегодной обязательной исповеди, содержанию домашних библиотек (хранение раскольничьих книг могло привести к казни), укрыватели и пособники раскольникам жестоко наказывались. Петр считал их «противниками властей». Браки раскольников не признавались властями, для раскольников были введены ограничения на занятие определенных должностей.

Миссионерская политика церкви, являвшаяся частью русификаторской политики властей, усиливала гонения на нехристианские религии.

Многие представители коренных народов Заволжья, Урала, Сибири были крещены обманом или подкупом (некоторые крестились по несколько раз с целью неоднократного получения подарков от миссионеров). Кумиры и кумирницы язычников беспощадно уничтожались, на их месте строились храмы и часовни.

Церковные реформы Петра Великого были продолжены его преемниками. В 1726 г. вместо Монастырского приказа была организована Коллегия экономии, в 1738 г. переведенная из ведомства Синода в Сенат. Однако в интересах правительства, продолжавшего политику союза с церковью, в 1744 г. Коллегия экономии была закрыта, а ее функции были переданы Коллегии синодального экономического правления. Период 40-х – 50-х гг. XVIII в. ознаменовался поддержкой императрицей Елизаветой Петровной крупных монастырей. В целом правление преемников Петра Великого во второй половине XVIII в. характеризовалось от заложенных царем-реформатором принципов церковно-государственных отношений и преследованием церковных сподвижников императора, в частности, Феофана Прокоповича.

Реформы первой половины XVIII в. привели к обнищанию значительных слоев населения и их ненужности в изменившейся общественно-политической обстановке. Это не могло не привести к расширению социальной базы сектантства. Антицерковный и антикрепостнический характер носили движения «христовцев», московских «еретиков-иконоборцев», отрицавших догматы и обряды православной церкви. Эти движения были родственны европейскому протестантизму, хотя их последователи отрицали такую связь.

Отношение к мерам борьбы с еретиками разделилось. Стефан Яворский выступал сторонником жестких мер – смертной казни, поясняя, что «еретиков достойно и праведно есть убивати». Петр Великий не согласился в этом вопросе с церковным иерархом, постановив казнить лишь одного активного еретика Фому, совершившего кощунство (разрубил икону) в Благовещенском соборе Московского Кремля. Остальные еретики были сосланы под надзор церковнослужителей, а впоследствии как раскаявшиеся в своих ересьях отпущены на свободу.

Более жесткими мерами шла борьба со старообрядчеством, которое, все дальше отдаляясь от официальной церкви, радикализировалось в богословских вопросах и, главное, в своем отношении к царской власти.

«При Петре Великом от византийской симфонии был сделан шаг в сторону системы государственной церковности протестантских немецких княжеств эпохи абсолютизма. До Петра служение Богу и Церкви создавалось и носителями государственной власти, и всем русским народом как высший смысл и высшая цель самого существования государства. После Петра правительство России ставило перед собой вполне утилитарные и автономные от религиозной санкции цели, а привилегированный статус Православной Церкви, ее «господствующее» в сравнении с другими религиозными общинами положение находило себе оправдание уже только в том, что Православие, согласно Основным законам Российской империи, являлось вероисповеданием Государя и большинства его подданных» [7].

Библиографический список

1. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России / Сост. и вступ. ст. С.С. Дмитриева. – М.: Правда, 1989. – С. 381.
2. «Духовный регламент». Ч. 1 // <http://orthodox.ru/olb/273.php>
3. Татищев В.Н. Избранные произведения. – Л., 1979. – С. 87.
4. Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. Еретики и ортодоксы: Очерки древнерусской духовности. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 192.
5. Законодательство Петра I (1696–1725 гг.) // Составитель, автор предисловия и вступительной статьи В.А. Томсинов. – М.: Изд-во «Зерцало», 2014 // www.garant.ru

6. Кольцов В.А. Правовая политика Российского государства в отношении собственности Русской Православной Церкви в России X – начала XX вв.: историко-правовое исследование. Автореф. дисс. ... канд.юрид.наук. – М., 2009 // <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovaja-politika-rossijskogo-gosudarstva-v-otno-she-nii-sobstvennosti-russkoj.html>

7. Русская Православная Церковь и право: комментарий/ Отв. ред. М.В. Ильичев. – М.: Издательство БЕК, 1999. – С. 29.

Для цитирования: *Артемьев А.Б., Ерофеев К.Б., Комарова Т.Л.* К 350-летию со дня рождения великого реформатора. Вероисповедные реформы Петра Первого: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 29–33.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.002

Andrey B. Artemiev *
Konstantin B. Erofeev **
Tatyana L. Komarova ***

TO THE 350TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE GREAT REFORMER. RELIGIOUS REFORMS OF PETER THE GREAT

Annotation. *The article is devoted to the contribution of the religious reforms of Emperor Peter the Great and covers the time period from Peter's youth, the abolition of the patriarchate, to religious reforms, the vocation of foreigners of different nationalities and faiths to Russia, the granting of religious freedoms in Russia. This article analyzes the legal documents of the described time period. The article reflects the different opinions of Peter's inner circle on the reforms, as well as the results of religious reforms.*

Keywords: *emperor, reforms, church, church-state relations, patriarchate*

Peter I did not consider it necessary to grant absolute autonomy to the church, he needed to completely subordinate church power to secular power, for which, first of all, it was necessary to eliminate the institution of the patriarchate. At the beginning of the XVIII century in Russia, as in Europe, the concept of "natural law" has become widespread. According to this concept, the divine power, once having created the universe, could not further interfere in the course of earthly events. The consequence of this theory was the desire to limit church power and prevent the influence of the church on the political life of the state. In addition, Peter intended to use significant church wealth to finance reforms, as well as to raise the low, in the opinion of the king, moral level of the clergy.

At the same time, it is a mistake to consider the reforms of Peter the Great solely as his personal motivation. "The paths of transformation chosen by Peter were not the result of his personal arbitrariness, his personal views, but were the result of the general views of the then best people, the then authorities" [1].

* *Artemiev Andrey Borisovich* – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: a_artemiev@rambler.ru

** *Erofeev Konstantin Borisovich* – candidate of technical sciences, Lecturer at PEI VO "Legal Institute" (St. Petersburg), attorney at the Bar of St. Petersburg. E-mail: antanta1999@mail.ru.

*** *Komarova Tatyana Lvovna* – Vice-Rector for Science and Innovations of the PEI VO "Legal Institute" (St. Petersburg), Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: komarova_tl@mail.ru

The closest associate of Peter was Feofan Prokopovich, who was distinguished by reformism and wide religious tolerance. Peter I and Feofan Prokopovich developed the "Spiritual Regulations" (1721), which was canceled only in 1917 by the Local Council of the Orthodox Russian Church.

"For the sake of the image of the former, both in the Old and in the New Testament, the Pious Kings, having taken care of the correction of the rank of the Spiritual, and not seeing a better way for this, than the Cathedral Government. Ponezhe in a single person does not happen without passion; besides, it's not hereditary power, for the sake of the greater they don't care. We establish the Spiritual Board, that is, the Spiritual Council Government, which, according to the following Regulations, has all sorts of Spiritual affairs in the All-Russian Church to manage. The collegium of the government is nothing else, only a government meeting, when the affairs of a certain person are not a single person, but pleasing to many, and established by the Highest Authority, are subject to management" [2].

The basis of the Regulations included the ideas of Theophanes about the need to subordinate church authority to secular ones, which corresponded to the Orthodox, and not the Catholic tradition. As can be seen from the above provisions of the Rules, Theophanes found a justification for the subordination of the church to imperial power in biblical history. From Theophan's point of view, autocracy historically corresponded to the nature of the Russian people and resisted turmoil and rebellions when secular power weakened for some reason.

Companions of Peter also professed the principles of religious freedom. Holy Russia was replaced by Russian Europe. As V.N. Tatishchev stated, "nothing concerns a smart man before the faith of another, and it is equal to him whether Luther, whether Calvin, father, Anabaptist, Mohammedan or pagan lives with him in the same city or trades with him" [3].

Another associate of Peter the Great, A.D. Kantemir, arguing with the "Stone of Faith" by Stefan Yavorsky, noted that "schisms and heresies of the sciences are children" [4].

On April 16, 1702, Peter I issued a Manifesto "On the call of foreigners to Russia, with the promise of freedom of religion" [5]. As noted in the Manifesto, each foreigner is guaranteed both free private and public worship, the opportunity to turn to their preachers, including those in the army: take care of the bliss of your soul for a Christian on his responsibility.

The highest church leadership, by virtue of its capabilities, tried to oppose the reformist policy of Peter I with the ideas of broad autonomy of the church, Western ideology – loyalty to Orthodox traditions. There were protest moods among the rank-and-file clergy, expressed in transitions to the Old Believers. The death of Patriarch Adrian in October 1700 accelerated Peter's anti-clerical policy. The church did not receive a sole leader; Metropolitan Stefan Yavorsky became the locum tenens of the patriarchal throne, according to the memoirs of his contemporaries, a good orator, but a weak church administrator. Thus, as noted by V.A. Koltsov "a situation developed in which, on the one hand, the church opposition did not receive support from the locum tenens, on the other hand, it was possible to pursue a policy beneficial to the state power through him" [6].

A supporter of non-intervention of the state in purely ecclesiastical problems, Metropolitan Stefan, however, was afraid to pursue a policy that was in opposition to the tsar. The indecisiveness of Metropolitan Stephen and his inner circle allowed Peter to speed up the reforms. Starting from 1701, the tsarist government deprived the monasteries of the right to dispose of the inhabited lands, and took the income of the church under state control. The large expenses of the monasteries began to be controlled by the Monastic order.

Theory of State and Law

Under the conditions of the ongoing Northern War, the practice of forcible seizure of church valuables for state needs expanded. Monks and their entourage were forcibly expelled from monasteries, sent to the army and to forced state work. The state content of the clergy was established, the states of the parishes were determined, requirements for the level of education of the clergy appeared. Supporters of reforms from among the clergy were approached by Peter – Theodosius Yanovsky, Feofan Prokopovich, and others.

The provisions of the Spiritual Regulations adopted by the Senate on January 25, 1721 provided for the creation of a new supreme body of church administration – the Spiritual College, which later became known as the Synod. This body replaced the patriarchate, replacing unity of command in the church with collegial management. In May 1722, the position of Chief Procurator of the Synod was established, who managed the Synod, which consisted of twelve clergymen. The regulations and the Addendum to it limited the influx of people into monasticism, established the election of clergy, gave preference to educated clergy when they were appointed to office, and provided for the opening of theological schools in the dioceses.

The regulation in matters of religious tolerance paid more attention not to repression, but to discussions, verbal competition, and persuasion, in particular, in relation to schismatics. An example of such an essay, in which an attempt was made to convince the schismatics, was “The search for the schismatic Bryn faith, their teaching, their deeds and the statement that their faith is wrong, their teaching is soul-damaging and their cause is not pleasing” by Metropolitan Dmitry Rostov (1709)). At the diocesan level, disputes were held with schismatics, the Synod in the “Announcement” (February 1722) and “Exhortation” and other documents (January 1725) offered the schismatics to freely exchange views on doctrinal issues, for which they were not even invited to the Synod. These measures did not bring significant results.

In addition to exhortations, the government also took repressive measures, in particular, in accordance with the Military Regulations of 1716, blasphemy was punishable by death, double taxation was introduced for the Old Believers, and from 1726 – quadruple. Non-payment of heavy taxes led first to corporal punishment of debtors, and then sending them to forced labor. Schismatics and other non-believers who persisted in following their convictions were sent to hard labor and imprisoned in monastic prisons.

The nationalization of the church led to increased control by the secular authorities over the observance by the subjects of the annual compulsory confession, the maintenance of home libraries (the storage of schismatic books could lead to execution), the concealers and accomplices of schismatics were severely punished. Peter considered them “opponents of the authorities”. Marriages of schismatics were not recognized by the authorities; restrictions were imposed on schismatics to occupy certain positions.

The missionary policy of the church, which was part of the Russification policy of the authorities, intensified the persecution of non-Christian religions.

Many representatives of the indigenous peoples of the Trans-Volga, Urals, and Siberia were baptized by deceit or bribery (some were baptized several times in order to repeatedly receive gifts from missionaries). The idols and idols of the pagans were mercilessly destroyed; temples and chapels were built in their place.

Church reforms of Peter the Great were continued by his successors. In 1726, instead of the Monastic order, the Collegium of Economy was organized; in 1738 it was transferred from the department of the Synod to the Senate. However, in the interests of the government, which continued the policy of union with the church, in 1744 the College of

Economy was closed, and its functions were transferred to the College of the Synodal Economic Board. Period 40s – 50s. 18th century was marked by the support of Empress Elizabeth Petrovna of large monasteries. In general, the reign of the successors of Peter the Great in the second half of the XVIII century. It was characterized by the principles of church-state relations laid down by the reformer tsar and the persecution of the church associates of the emperor, in particular, Feofan Prokopovich.

Reforms in the first half of the 18th century led to the impoverishment of significant sections of the population and their uselessness in the changed socio-political situation. This could not but lead to the expansion of the social base of sectarianism. Anti-church and anti-serfdom were the movements of the “Christians”, the Moscow “heretic iconoclasts”, who denied the dogmas and rituals of the Orthodox Church. These movements were related to European Protestantism, although their followers denied such a connection.

Attitudes towards measures to combat heretics were divided. Stefan Yavorsky advocated cruel measures – the death penalty, explaining that “it is worthy and righteous to kill heretics”. Peter the Great did not agree with the church hierarch on this issue, deciding to execute only one active heretic, Thomas, who committed blasphemy (cut the icon) in the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin. The rest of the heretics were exiled under the supervision of the clergy, and subsequently, as having repented of their heresies, they were set free.

More stringent measures were taken against the Old Believers, who, moving farther and farther away from the official church, became radicalized in theological matters and, most importantly, in their attitude to the royal power.

“Under Peter the Great, a step was taken from the Byzantine symphony towards the state church system of the Protestant German principalities of the era of absolutism. Before Peter, service to God and the Church was recognized both by the bearers of state power and by the entire Russian people as the highest meaning and the highest goal of the very existence of the state. After Peter the Great, the Russian government set itself goals that were completely utilitarian and autonomous from religious sanction, and the privileged status of the Orthodox Church, its “dominant” position in comparison with other religious communities, found justification only in the fact that Orthodoxy, according to the Fundamental Laws of the Russian Empire, was the religion of the Sovereign and the majority of his subjects” [7].

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Soloviev S.M. Readings and stories on the history of Russia / Comp. and intro. Art. S.S. Dmitriev. Moscow: Pravda, 1989. P. 381.
2. "Spiritual regulation". Part 1 // <http://orthodox.ru/olb/273.php>
3. Tatishchev V.N. Selected works. Leningrad, 1979. P. 87.
4. Zamaleev A.F., Ovchinnikova E.A. Heretics and Orthodoxy: Essays on Old Russian Spirituality. Leningrad: Lenizdat, 1991. P. 192.
5. Legislation of Peter I (1696–1725) // Compiler, author of the preface and introductory article V.A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo Publishing House, 2014 // www.garant.ru
6. Koltsov V.A. The legal policy of the Russian state in relation to the property of the Russian Orthodox Church in Russia in the 10th – early 20th centuries: a historical and legal study. Abstract

Theory of State and Law

diss. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2009 // <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovaja-politika-rossijskogo-gosudarstva-v-otno-she-nii-sobstvennosti-russkoj.html>

7. Russian Orthodox Church and law: comment / Ov. ed. M.V. Ilyichev. Moscow: BEK Publishing House, 1999. P. 29.

For citation: Artemiev A.B., Erofeev K.B., Komarova T.L. To the 350th anniversary of the birth of the great reformer. Religious reforms of Peter the Great: article // Theory of State and Law. 2022. No. 3 (28). P. 33–37.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.002

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP.2022.28.3.003

О.М. Банникова*

РОЛЬ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

***Аннотация.** В статье дается анализ состояния цифровизации российского общества, роль и значение института уполномоченного по правам человека федерального и регионального уровней по обеспечению безопасности личности в информационном пространстве. Автор специально уделяет проблеме оптимизации законодательства в сфере цифрового пространства и кибербезопасности, которое отстает от развития информационных технологий и в целом адаптации человека к происходящей цифровой трансформации жизни.*

***Ключевые слова:** уполномоченный по правам человека, цифровизация, информационное пространство, цифровые права, безопасность, персональные данные.*

Исходя из данных, представленных в докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Москальковой Т.Н. о деятельности института за 2021 год, был установлен рекорд по количеству полученных обращений. В аппарат омбудсмена их поступило самое большое количество, а именно: около шестидесяти тысяч обращений [5]. Стоит отметить, что в последние несколько лет все чаще и чаще к Уполномоченному поступают обращения, связанные с защитой цифровых прав граждан, что объективно объясняется развитием такого феномена как цифровизация.

В юридической литературе, верно отмечается, что «современные государства и общество оказались напрямую зависимыми от цифровых технологий. Развитие практически любой сферы жизнедеятельности уже не обходится без вмешательства информационно-коммуникационных технологий. В связи с чем, информационно-технологическое развитие формирует новую цифровую эру, само информационное общество и кибернетическую (информационную) цивилизацию. Свидетельством этого является заметный рост информационных технологий и появление новых институтов (электронное правительство, электронное правосудие, электронное образование, электронные платежные системы), требующих качественной правовой основы для своего функционирования» [13, с. 9].

* Банникова Ольга Михайловна, аспирант кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь). E-mail: rodkoraeva777@yandex.ru

Научный руководитель – Дроздова Александра Михайловна, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь), доктор юридических наук, профессор. E-mail: temp17@rambler.ru

Понятие «цифровизация» не закреплено на законодательном уровне, однако в правовой доктрине вырабатываются различные подходы к пониманию цифровизации. Так согласно одному из подходов цифровизация представляет собой определенную процедуру, в которой используются цифровые технологии и оцифрованные данные с целью трансформировать иные процессы, модели и операции, которые осуществляются в обществе [12, с. 150].

Необходимо обратить внимание на другой подход, согласно которому цифровизация, ввиду непродолжительного существования, обладает междисциплинарным характером и имеет свою специфику в каждой отрасли юридической науки и сфере жизни общества (в узком смысле). В широком смысле, цифровизация представляет собой деятельность, связанную с применением информационно-коммуникационных технологий для достижения цели деятельности, которая направлена на изменение существующих общественных отношений [14, с. 900].

В действительности, процесс цифровизации затронул все сферы жизнедеятельности: от экономики и бизнеса до образования и здравоохранения, а также коснулся всех поколений российских граждан: от пожилых людей до детей младшего возраста.

Нельзя не согласиться с мнением А.М. Дроздовой относительно тех реалий, которые сложились в эпоху цифровизации: «Как представляется, «современное человеческое общество претерпевает серьезные и глубокие преобразования, скорость которых не была известна ранее, о чем свидетельствовали события 2020 года, связанные с прекращением общения и переходом на дистанционный вариант общения. А каким образом на все эти, в общем-то, объективные явления отреагировал человек – тот самый *Homo sapiens*, он изменился или остался прежним?» [10, с. 33].

В действительности, изменения затронули не только внутреннее мировосприятие человека, но и его внешнюю безопасность. Во времена развития новых технологий и автоматизации, компьютеризации всех сфер нашей жизни, активно развивается институт цифровых прав граждан, а также правонарушения в этой области, в том числе посягательства на цифровую безопасность человека, а именно разглашение персональных данных, киберпреступность и мошенничество в сети «Интернет», кибербуллинг и др.

Цифровизация по-разному воздействует на права и свободы человека и гражданина. Технологическое развитие помогает гражданам в реализации своих прав, отсюда предлагается рассматривать бытие современного человеческого общества в условиях кибернетической (информационной) цивилизации [7]. Также важно отметить, что право на доступ к цифровым технологиям, например, и к сети Интернет в настоящий период времени современной эпохи становится фундаментальным и важным правом каждого человека.

Однако важно отметить, что чрезвычайно быстрые темпы изменений, обусловленные цифровизацией, ставят под угрозу реализацию традиционных прав, например, права на тайну частной жизни или свободу мысли и слова.

Необходимо привести следующие риски, с которыми сталкивается человек в цифровой среде: непредсказуемость развития цифровой среды; отставание правового регулирования цифрового пространства; отсутствие культуры кибербезопасности; нецелевое использование персональных данных; распространение недостоверной информации.

В Российской Федерации в сфере информационного права действуют Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите инфор-

мации» [1]; а также «О персональных данных» [2], «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [3], «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [4] и др.

Однако законодательство в сфере цифрового пространства и кибербезопасности значительно отстает от развития информационных технологий и в целом адаптации человека к происходящей цифровой трансформации жизни.

В связи с этим законодательство в данной сфере нуждается в постоянном контроле, систематизации и обновлении.

Данное положение дел подтвердила Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова, отметив, что на сегодняшний день существует недостаток правовых инструментов для обеспечения цифровых прав граждан, а пандемия COVID-19 еще раз указала на актуальность данной проблемы [15].

Считаем, что данный вопрос следует рассматривать в нескольких аспектах. С одной стороны, необходимо предоставить безопасный доступ к Интернету, с другой – защитить человека от ложной информации и обеспечить защиту информационного пространства личности, снизив риски, с которыми сталкиваются граждане в цифровой среде.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации Зорькин В.Д. обращает наше внимание на тот факт, что именно задачей государства является признать и защищать цифровые права граждан [11].

Поэтому, позволим себе сделать вывод о том, что защита прав человека и гражданина в условиях цифровизации остается важной и приоритетной, значимой и актуальной задачей для России также, как и для всего мирового сообщества в целом.

В 2020 году к Уполномоченному по правам человека в РФ обратились более трехсот граждан государства с просьбой о защите цифровых прав. Также стоит отметить, что предмет обращений граждан в рамках защиты прав в 2021 году (было получено более ста обращений) изменился относительно 2020 года.

Если ранее темы обращения в рамках цифровой безопасности касались удаленной работы и дистанционного обучения, то в 2021 году – это были обращения, связанные с посягательством на персональные данные, с посягательством на доступ к государственным услугам, а также к правосудию; обращения по противодействию киберпреступлениям, предотвращением воздействия от нежелательной информации в сети «Интернет». Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что возросло в целом число обращений, связанных с посягательством на персональные данные, а именно: 3% в 2020 году и 31,3% в 2021 г.). В связи с этим, делаем вывод о том, что острота и актуальность проблем, связанных с защитой цифровых прав постоянно растет.

В действительности, в последнее время наблюдается нецелевое использование персональных данных, а также низкий уровень контроля, связанный с соблюдением защиты персональных данных. В связи с этим у граждан наблюдается низкий уровень доверия к информационному пространству, а также тревога относительно невозможности реализации своих прав в условиях цифровизации. В данном случае можно говорить о том, что Уполномоченный по правам человека выступит в качестве особого правозащитного органа, осуществляя свои функции путем оказания правовой помощи гражданам в данной сфере, рассматривая обращения, число которых с каждым годом увеличивается. Таким образом, омбудсмен сможет повысить доверие людей к механизму защиты прав человека в области цифровой безопасности граждан в России.

Острота и актуальность проблемы безопасности личности в информационном пространстве обусловлена участившимися случаями «утечки» персональных данных.

Например, в мае 2022 года киберпреступники выставили на продажу базу данных более тридцати миллионов клиентов медицинской лаборатории «Гемотест», поскольку названная база данных представляет интерес для некоторых категорий мошенников, поскольку указывает не только фамилию и имя клиента, но место, дату рождения, домашний адрес, номер личного или домашнего телефона, зачастую и адрес электронной почты, более того паспортные данные клиентов, а также сведения о болезни и проведенных анализах [6].

В 2021 году особую актуальность приобрел вопрос защиты права людей от нежелательной информации. Омбудсмену поступали жалобы на травлю, угрозы, клевету и другую нежелательную информацию в сети Интернет.

В данном случае для обеспечения защиты информационного пространства личности важно не только совершенствовать законодательство в этой области, но и развивать деятельность, связанную с повышением культуры кибербезопасности, повышением доверия граждан к цифровому пространству в эпоху цифровизации посредством правового просвещения и правового всеобуча.

Позволим себе отметить тот факт, что как Уполномоченный по правам человека РФ, так и Уполномоченные по правам человека в субъектах РФ не уходят от решения данных проблемных вопросов и организуют мероприятия в рамках правового просвещения граждан в области защиты и обеспечения безопасного информационного пространства личности.

В подтверждение вышесказанного, Научно-образовательным центром по правам человека в декабре 2021 г. был подготовлен и проведен для уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, обучающий семинар по общей теме: «Защита прав человека в цифровой среде», на котором рассматривались вопросы информационной безопасности личности.

Особое внимание участников семинара было обращено на необходимость научного осмысления многих проблем с позиции информационного права, связанных с защитой от информационных угроз, информационной адаптации к новшествам цифровизации и повышению кибербезопасности.

Важной мерой по повышению культуры кибербезопасности является работа с молодым поколением посредством правового просвещения, а именно проведением Уполномоченным и представителями его аппарата обучающих курсов, связанных с безопасным поведением в сети «Интернет» и защитой от информационных мошенников. На сегодняшний день Институтом Уполномоченного реализуется ряд правопросветительских проектов, касающихся цифровой сферы («Инновационные технологии в правовом просвещении по вопросам прав и свобод граждан, форм и методов их защиты»).

Важно отметить, что в регионах практика защиты цифровых прав граждан региональным Уполномоченным на сегодняшний день находится на начальных этапах развития.

Уполномоченные по правам человека в большинстве субъектов Российской Федерации активно приобщаются и адаптируются к реалиям цифровизации: у каждого Уполномоченного в регионе имеется свой сайт с необходимой информацией для граждан; также предусматривается возможность получения онлайн консульта-

ции посредством электронного обращения; активно развивается деятельность омбудсменов в социальных сетях, например, создание Telegram-канала Уполномоченного по правам человека.

Ради справедливости следует отметить, что в Ставропольском крае аппаратом Уполномоченного по правам человека большая часть работы по правовому просвещению населения перенесена в сеть «Интернет», что не может не настораживать, поскольку лишает граждан личного общения с сотрудниками аппарата омбудсмена.

В истекшем году только на официальном сайте Уполномоченного было опубликовано 82 материала по правовому просвещению; 64 новостных информации о деятельности Уполномоченного; во вновь созданном разделе сайта «Дайджест», где публикуются обзоры наиболее интересных публикаций СМИ о защите прав и свобод граждан, было размещено 25 материалов [9].

Таким образом, цифровизация – это современная реальность, от которой нельзя уйти, она предоставляет широкие возможности для реализации и повышения гарантий прав и свобод человека, однако с учетом вызываемых ею рисков, необходимо с помощью правовых инструментов поставить цифровизацию на службу интересам государства, общества и личности [8].

В связи с этим важную роль в защите цифровых прав граждан играет институт Уполномоченного по правам человека, в котором, как на федеральном, так и на региональном уровне необходимо развивать механизмы по обеспечению и защите цифровой безопасности граждан, а также повышать культуру кибербезопасности, в том числе используя правовое просвещение граждан.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // www.consultant.ru
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных» // www.consultant.ru
3. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // www.consultant.ru
4. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // www.consultant.ru
5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека за 2021 год – [Электронный ресурс] // URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/2022/06/01/doklad_ombudsmena_2021_e73.pdf (дата обращения: 06.06.2022).
6. Базовые ценности: данные миллионов клиентов «Гемотеста» утекли в Сеть. Чем может грозить распространение конфиденциальной информации? // Официальный сайт газеты «Известия» – [Электронный ресурс] URL: <https://iz.ru/1330469/ivan-petrov/bazovye-tcennosti-dannye-millionov-klientov-gemo-testa-utekli-v-set> (дата обращения: 06.06.2022).
7. Воробьев С. М., Комаров С.А. Кибернетическая (информационная) цивилизация: постановка проблемы: статья // В сб.: Всероссийской научно-практич. конференции «Проблема муниципалитетов в разрезе правового обществоведения» (г. Уфа, 14 ноября 2019 г.) // Отв. ред. Ф. М. Раянов. – Уфа, 2019. – С. 43–50.
8. Воробьев С. М., Комаров С.А. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. 2019. № 4. С. 25–37; Куксин И.Н. Цифровизация – новая реальность в праве: статья // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – Серия 2: Юридические науки. – 2020. – № 1 (23). – С. 6–12.
9. Доклад Уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае «О состоянии соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан на территории Ставропольско-

го края в 2021 году» // URL: https://stavropol-ombudsman.ru/images/Doklad_2021.pdf (дата обращения: 06.06.2022).

10. Дроздова А.М. Значение правосознания для качественного образования в условиях цифровизации российского общества // Юридический вестник ДГУ. 2021. Т. 39. № 3. С. 27–34.

11. Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Официальный сайт Российской газеты – [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifro-vye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 06.06.2022).

12. Кудрявцева Т.Ю., Кожина К.С. Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. №3 (44). С. 149 – 151.

13. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. М.: Изд-во МАТГИП, 2022. 320 с.

14. Юсупалиев Д.Д. Понятие и сущность цифровизации правовых институтов // ORIENSS. 2022. № 5. С. 892–902.

15. Федеральный омбудсмен: для защиты цифровых прав граждан существует недостаток правовых инструментов // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – [Электронный ресурс] URL: https://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/federalnyj_ombudsmen:_dlja_zashhity_cifrovyykh_prav_grazhdan_sushhestvuet_nedostatok_pravovykh_instrumentov (дата обращения: 06.06.2022).

Для цитирования: Банникова О.М. Роль института Уполномоченного по правам человека в защите информационного пространства личности в эпоху цифровизации: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 38–43.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.003

Olga M. Bannikova *

THE ROLE OF THE INSTITUTION OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE PROTECTION OF THE INFORMATION SPACE OF THE INDIVIDUAL IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Annotation. *The article analyzes the state of digitalization of the Russian society, the role and significance of the institution of the Commissioner for Human Rights at the federal and regional levels to ensure the security of the individual in the information space. The author pays special attention to the problem of optimizing legislation in the field of digital space and cybersecurity, which lags behind the development of information technology and, in general, human adaptation to the ongoing digital transformation of life.*

Key words: *Commissioner for Human Rights, digitalization, information space, digital rights, security, personal data.*

Based on the data presented in the report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation Moskalkova T.N. on the activities of the institute for 2021, a record

* *Bannikova Olga Mikhailovna*, Post-graduate student of the Department of Legal Culture and Protection of Human Rights of the Law Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol). E-mail: podkopaeva777@yandex.ru

Supervisor – *Alexandra Mikhailovna Drozdova*, Professor of the Department of Legal Culture and Protection of Human Rights of the Law Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol), Doctor of Law, Professor. E-mail: temp17@rambler.ru

was set for the number of applications received. The ombudsman's office received the largest number of them, namely: about sixty thousand appeals [5]. It should be noted that in the last few years, more and more often, the Commissioner has received appeals related to the protection of digital rights of citizens, which is objectively explained by the development of such a phenomenon as digitalization.

In the legal literature, it is correctly noted that "modern states and society have turned out to be directly dependent on digital technologies. The development of almost any sphere of life is no longer complete without the intervention of information and communication technologies. In this connection, information technology development forms a new digital era, the information society itself and cybernetic (information) civilization. Evidence of this is the noticeable growth of information technologies and the emergence of new institutions (e-government, e-justice, e-education, electronic payment systems) that require a high-quality legal basis for their functioning" [13, p. 9].

The concept of "digitalization" is not enshrined at the legislative level; however, various approaches to understanding digitalization are being developed in the legal doctrine. So, according to one of the approaches, digitalization is a certain procedure in which digital technologies and digitized data are used in order to transform other processes, models and operations that are carried out in society [12, p. 150].

It is necessary to pay attention to another approach, according to which digitalization, due to its short existence, has an interdisciplinary character and has its own specifics in each branch of legal science and sphere of society (in the narrow sense). In a broad sense, digitalization is an activity related to the use of information and communication technologies to achieve the goal of an activity that is aimed at changing existing social relations [14, p. 900].

In fact, the process of digitalization has affected all spheres of life: from the economy and business to education and healthcare, and also touched all generations of Russian citizens: from the elderly to young children.

One cannot but agree with the opinion of A.M. Drozdova regarding the realities that have developed in the era of digitalization: "It seems that "modern human society is undergoing serious and profound transformations, the speed of which was not known before, as evidenced by the events of 2020 associated with the cessation of communication and the transition to a remote version of communication. And how did a person, that same Homo sapiens, react to all these, in general, objective phenomena, did he change or remain the same? [10, p. 33].

In fact, the changes have affected not only the internal worldview of a person, but also his external security. In times of development of new technologies and automation, computerization of all spheres of our life, the institution of digital rights of citizens is actively developing, as well as offenses in this area, including attacks on digital human security, namely the disclosure of personal data, cybercrime and fraud on the Internet.

Digitalization affects the rights and freedoms of man and citizen in different ways. Technological development helps citizens in exercising their rights; hence it is proposed to consider the existence of modern human society in the conditions of a cybernetic (information) civilization [7]. It is also important to note that the right to access digital technologies, for example, and the Internet in the present period of time of the modern era is becoming a fundamental and important right of every person.

However, it is important to note that the extremely rapid pace of change driven by digitalization threatens the enjoyment of traditional rights, such as the right to privacy or freedom of thought and expression.

It is necessary to cite the following risks that a person faces in the digital environment: the unpredictability of the development of the digital environment; backlog of legal regulation of the digital space; lack of a cybersecurity culture; misuse of personal data; dissemination of false information.

In the Russian Federation, in the field of information law, the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" [1]; as well as "On Personal Data" [2], "On Providing Access to Information on the Activities of the Courts in the Russian Federation" [3], "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" [4], etc.

However, legislation in the field of digital space and cybersecurity lags far behind the development of information technology and, in general, human adaptation to the ongoing digital transformation of life.

In this regard, the legislation in this area needs constant monitoring, systematization and updating.

This state of affairs was confirmed by the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation T.N. Moskalkova, noting that today there is a lack of legal instruments to ensure the digital rights of citizens, and the COVID-19 pandemic once again pointed out the relevance of this problem [15].

We believe that this issue should be considered in several aspects. On the one hand, it is necessary to provide secure access to the Internet, on the other hand, it is necessary to protect a person from false information and ensure the protection of the information space of the individual, reducing the risks faced by citizens in the digital environment.

Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation Zorkin V.D. draws our attention to the fact that it is the task of the state to recognize and protect the digital rights of citizens [11].

Therefore, let us conclude that the protection of human and civil rights in the context of digitalization remains an important and priority, significant and relevant task for Russia as well as for the entire world community as a whole.

In 2020, more than three hundred citizens of the state turned to the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation with a request to protect digital rights. It is also worth noting that the subject of citizens' appeals as part of the protection of rights in 2021 (more than one hundred appeals were received) has changed compared to 2020.

If earlier the topics of appeals within the framework of digital security concerned remote work and distance learning, then in 2021 these were appeals related to infringement on personal data, with an encroachment on access to public services, as well as to justice; appeals on combating cybercrime, preventing exposure to unwanted information on the Internet. It is impossible not to pay attention to the fact that in general the number of requests related to infringement of personal data has increased, namely: 3% in 2020 and 31.3% in 2021). In this regard, we conclude that the severity and relevance of the problems associated with the protection of digital rights is constantly growing.

In fact, recently there has been a misuse of personal data, as well as a low level of control associated with the observance of the protection of personal data. In this regard, citizens have a low level of trust in the information space, as well as anxiety about the impossibility of exercising their rights in the context of digitalization. In this case, we can say that the Commissioner for Human Rights will act as a special human rights body, exercising its functions by providing legal assistance to citizens in this area, considering appeals, the number of which is increasing every year. Thus, the Ombudsman will be able to increase

people's trust in the mechanism for protecting human rights in the field of digital security of citizens in Russia.

The severity and relevance of the problem of personal security in the information space is due to the increasing cases of "leakage" of personal data.

For example, in May 2022, cybercriminals put up for sale a database of more than thirty million clients of the Gemotest medical laboratory, since the named database is of interest to some categories of fraudsters, since it indicates not only the last name and first name of the client, but also the place, date of birth, home address, a personal or home phone number, often an e-mail address, moreover, the passport data of clients, as well as information about the disease and the tests performed [6].

In 2021, the issue of protecting the rights of people from unwanted information has become particularly relevant. The Ombudsman received complaints of harassment, threats, slander and other unsolicited information on the Internet.

In this case, in order to ensure the protection of the information space of the individual, it is important not only to improve legislation in this area, but also to develop activities related to increasing the culture of cybersecurity, increasing citizens' confidence in the digital space in the era of digitalization through legal education and general legal education.

Let us note the fact that both the Commissioner for Human Rights of the Russian Federation and the Commissioners for Human Rights in the constituent entities of the Russian Federation do not avoid solving these problematic issues and organize events within the framework of legal education of citizens in the field of protection and ensuring a safe information space of the individual.

In confirmation of the above, in December 2021, the Scientific and Educational Center for Human Rights prepared and conducted a training seminar for human rights ombudsmen in the constituent entities of the Russian Federation on the general topic: "Protection of human rights in the digital environment", which considered issues of information personal security.

Particular attention of the seminar participants was drawn to the need for scientific understanding of many problems from the perspective of information law related to protection against information threats, information adaptation to digitalization innovations and increasing cybersecurity.

An important measure to improve the culture of cybersecurity is to work with the younger generation through legal education, namely, the conduct by the Commissioner and representatives of his staff of training courses related to safe behavior on the Internet and protection from information fraudsters. To date, the Institute of the Commissioner is implementing a number of legal education projects related to the digital sphere ("Innovative technologies in legal education on the rights and freedoms of citizens, forms and methods of their protection").

It is important to note that in the regions the practice of protecting the digital rights of citizens by the regional Commissioner is currently at the initial stages of development.

Commissioners for Human Rights in most constituent entities of the Russian Federation are actively involved and adapting to the realities of digitalization: each Commissioner in the region has its own website with the necessary information for citizens; it also provides for the possibility of obtaining an online consultation through an electronic appeal; The activity of ombudsmen in social networks is actively developing, for example, the creation of the Telegram channel of the Commissioner for Human Rights.

For the sake of fairness, it should be noted that in the Stavropol Territory, the office of the Commissioner for Human Rights has transferred most of the work on legal education

of the population to the Internet, which cannot but be alarming, since it deprives citizens of personal communication with the staff of the ombudsman's office.

Last year, only on the official website of the Commissioner, 82 materials on legal education were published; 64 news information about the activities of the Commissioner; in the newly created section of the site "Digest", which publishes reviews of the most interesting media publications on the protection of the rights and freedoms of citizens, 25 materials were posted [9].

So, digitalization is a modern reality that cannot be avoided, it provides ample opportunities for the implementation and enhancement of guarantees of human rights and freedoms, however, taking into account the risks it causes, it is necessary to use legal instruments to put digitalization at the service of the interests of the state, society and the individual [eight]. In this regard, an important role in protecting the digital rights of citizens is played by the institution of the Commissioner for Human Rights, in which, both at the federal and regional levels, it is necessary to develop mechanisms to ensure and protect the digital security of citizens, as well as to improve the culture of cybersecurity, including using legal education of citizens.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 (as amended on July 14, 2022) "On Information, Information Technologies and Information Protection" //www.consultant.ru
2. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 (as amended on July 14, 2022) "On Personal Data" //www.consultant.ru
3. Federal Law No. 262-FZ of December 22, 2008 (as amended on December 8, 2020) "On Providing Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation" //www.consultant.ru
4. Federal Law No. 436-FZ of December 29, 2010 (as amended on July 1, 2021) "On protecting children from information harmful to their health and development" //www.consultant.ru
5. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights for 2021 – [Electronic resource] / /URL: //https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/2022/06/01/doklad_ombuds-mena_2021_e73.pdf (date of access: 06.06. 2022).
6. Basic values: the data of millions of Gemotest clients leaked to the Web. What threatens the dissemination of confidential information? // Official website of the Izvestia newspaper – [Electronic resource] //URL: https://iz.ru/1330469/ivan-petrov/bazovye-tcennosti-dannye-millionov-klientov-gemotesta-utekli-v-set (accessed: 06/06/2022).
7. Vorobyov S. M., Komarov S.A. Cybernetic (information) civilization: problem statement: article // In: All-Russian Scientific and Practical. conference "The problem of municipalities in the context of legal social science" (Ufa, November 14, 2019) // Responsible. ed. F. M. RAYANOV. Ufa, 2019. P. 43–50.
8. Vorobyov S. M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of State and Law. 2019. No. 4. P. 25–37; Kuksin I.N. Digitalization is a new reality in law: article // Bulletin of the Moscow University. S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2020. No. 1 (23). P. 6–12.
9. Report of the Commissioner for Human Rights in the Stavropol Territory "On the state of observance of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens in the Stavropol Territory in 2021" // URL: https://stavropol-ombudsman.ru/images/Doklad_2021.pdf (date accessed: 06/06/2022).

10. Drozdova A.M. The value of legal consciousness for quality education in the context of the digitalization of Russian society // Legal Bulletin of the DSU. 2021. V. 39. No. 3. P. 27–34.

11. The task of the state is to recognize and protect the digital rights of citizens. Reflection on the margins of the St. Petersburg International Legal Forum // Official website of the Russian newspaper – [Electronic resource] // URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (date of access: 06/06/2022).

12. Kudryavtseva T.Yu., Kozhina K.S. Basic concepts of digitalization // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2021. No. 3 (44). Pp. 149–151.

13. Theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarov. Moscow: Izd-vo MATGiP, 2022. 320 p.

14. Yusupaliev D.D. The concept and essence of digitalization of legal institutions // ORIENSS. 2022. No. 5. P. 892–902.

15. Federal Ombudsman: there is a lack of legal instruments to protect the digital rights of citizens // Official website of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation – [Electronic resource] URL: https://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/federalnyj_ombudsmen:_dlja_zashhity_cifrovykh_prav_grazhdan_sushhestvuet_nedostatok_pmentovykh (date of access: 06/06/2022).

For citation: Bannikova O.M. The role of the institution of the Commissioner for Human Rights in protecting the information space of the individual in the era of digitalization: an article // Theory of State and Law. 2022. No. 3 (28). P. 43–48.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.003

Научная статья

УДК 340

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.004

К.И. Воронков*

С.И. Захарцев**

М.В. Сальников***

ИДЕЯ ДОБРА И ВСЕОБЩЕГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО МИРА

***Аннотация.** Обосновывается настоятельная необходимость разработки государственной идеологии и её дальнейшего закрепления в Конституции Российской Федерации. Рассматриваются теоретико-методологические проблемы деятельности государства в идеологической сфере, а также ее отображение в правообразующей деятельности государства. Поставленные проблемы анализируются в связи с происходящей трансформацией современного Российского государства.*

***Ключевые слова:** национальная идея, государственная идеология, государственная политика, функции государства.*

Высокий динамизм трансформации общества и государства, вопросы о будущем страны, определение необходимого направления дальнейшего развития России в условиях вынужденной Специальной военной операции и ответной, подрывающей экономическую составляющую, санкционной политике западных стран, непрекращающееся волновое расширение блока НАТО к границам Российской Федерации, ставящее под угрозу государственный суверенитет, а также иные значимые геополитические события требуют глубокого осмысления имеющихся результатов происходящих явлений.

Во все исторические эпохи и во всех цивилизациях идеология, во многом, детерминировала происходящие в мире процессы, предопределяла политику государств, поведение социальных групп. Недооценивать ее роль и место в системе факторов, воздействующих на все без исключения государственные и общественные процессы, просто бессмысленно. Внутренняя и внешняя политика всякого государства, форма государства, характер социальных отношений в нем всегда испытывали на себе существенное влияние доминирующих в данном обществе идеологических доктрин.

* Воронков Кирилл Ильич, преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Лобачевского, кандидат юридических наук. E-mail: vk166816@mail.ru

** Захарцев Сергей Иванович, профессор Санкт-Петербургского военного института войск Национальной Гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, академик РАЕН. E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

*** Сальников Михаил Викторович, Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», главный научный сотрудник Юридического института (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Как известно, термин «идеология» был введен в научный оборот в XVIII веке в работах Дестюда де Траси и его последователей. В своей работе «Элементы идеологии» под идеологией он понимал термин, как производное от двух греческих корней «idea» – идея, мысль, представление и «logos» – наука, учение, т.е. наука об идеях [20, с. 8]. Основы этой научной школы стали известны благодаря Томасу Джефферсону, который выступил инициатором перевода на английский язык «Элементов идеологии». Кроме этого, еще ранее Аристотель, Платон, Макиавелли, Бэкон и другие мыслители не употребляли в своих работах данный единый термин, хотя достаточно глубоко анализировали его сущность [20, с. 6]. Например, Платон в диалоге «Государство» видит в идеальной модели государства необходимый элемент государственного управления – идеологические механизмы. В диалоге «Законы» заявляет о единстве законов, религии и морали, как едином механизме, обеспечивающим законопослушание граждан и незыблемость государства [21, с. 100].

Идеология, в настоящее время, продолжает оставаться весьма значимым фактором политических процессов, как в России, так и во всем мире. Распад Советского Союза, окончивший противостояние с Америкой в «Холодной войне», позволил Соединенным Штатам с большим оптимизмом продолжать осуществлять идеологию «Американского глобализма». Она была разработана теоретиками консерватизма З. Бжезинским и Р. Пайпсом и заявила о ведущей роли США в мировой политике [21, с. 180]. Для Соединенных Штатов евразийская геостратегия включает целенаправленное руководство динамичными, с геостратегической точки зрения, государствами и осторожное обращение с государствами-катализаторами в геополитическом плане, соблюдая два равноценных интереса Америки: в ближайшей перспективе – сохранение своей исключительной глобальной власти, а в далекой перспективе – ее трансформацию во все более институционализирующееся глобальное сотрудничество.

Ограничения идеологического характера, навязанные американскими консультантами в период правления президента Б.Н. Ельцина и закрепленные в статье 13 Конституции Российской Федерации, существенно подорвали созидательный потенциал дальнейшего перспективного развития России, делая политическую систему более косной, вследствие чего была существенно ослаблена экономическая составляющая образованного государства, кроме этого, произошло существенное отставание страны в научно-техническом плане. Вследствие этого, Америка, в тот исторический период, стала богаче, гораздо дальше ушла в области развития технологий, была более гибкой и передовой в военной области, более созидательной и привлекательной в социальном плане. В связи с этим, важно констатировать, что новая Россия 1990-х годов вошла в этап «Догоняющего развития».

Идеология освящает власть и законы, придает им особую значимость, глубинный смысл существования и функционирования, позволяет создать систему доминирующих ценностей, лежащих в основе всего происходящего в общественной жизни, позволяет определить конкретные цели общественного развития, ближайшие и перспективные, выбрать средства для их достижения [20, с. 29]. Ослабление идеологических основ или отсутствие суверенной государственно-правовой идеологии вовсе практически губительно для государства, хотя оно может некоторое время существовать в силу инерции, тщетно пытаясь преодолеть многочисленные трудности и проблемы. Государство может утратить свою жизнеспособность, возможность адаптироваться к возникающим и нарастающим антропийным явлениям [20, с. 32]. Следствием ослабления воздействия на общественное мнение граждан явля-

ется ослабление национальной или государственной самоидентификации, утрата субъективной значимости данного государства для его граждан [20, с. 33].

Римская империя в последний век своей истории, Советский Союз конца 80-х годов прошлого столетия – ярчайшее подтверждение того, что недостаточная артикулированность, а тем более осозанный отказ от суверенной государственно-правовой идеологии, в сочетании с другими проблемами, способны привести государство к гибели [18, с. 33]. Отсутствие или существенное ослабление национальной идеи и государственной идеологии способно привести к распаду единого ценностного пространства, превращению государства в аморфную совокупность слабо взаимосвязанных индивидов и групп [20, с. 59].

В связи с этим очевидно, что любое государство не может существовать без движущей и определяющей направление его развития национальной идеи, выражающейся в государственно-правовой идеологии, так как по своей сути государство – это тоже идея: идея объединения, идея правопорядка, идея безопасности, идея власти. В ситуации отсутствия собственной национальной идеи и государственной идеологии Россия может попасть под чуждое идеологическое влияние, насаждаемое для наших граждан [19, с. 193].

Идеологию, или даже государственно-правовую идеологию следует отнести к числу тех необходимых, неотъемлемых сущностных признаков, наличие которых и делает возможным существование самого феномена государства [20, с. 20]. Она является необходимым средством реализации государственных целей, политики государства, позволяет обосновать властные действия.

В основе государственной политики всегда лежит определенная система ценностей, предопределяющая логику происходящего и предпринимаемого [20, с. 23]. Идеология позволяет обеспечить реальное единство ценностных ориентаций индивида и государства, интегрировать все множество существующих социальных, профессиональных, территориальных, этнических и иных групп в нечто целое, самоидентификация с которым является для индивида субъективно значимой [20, с. 27].

В книге «Стратегический взгляд» 2013 года З.Бжезинский утверждал, что неспособность Америки сотрудничать с Россией после окончания холодной войны возымела, к его сожалению, обратный эффект, когда Россия стала ориентироваться на установление своего влияния на постсоветском пространстве [10, с. 6–20]. Вследствие этого последовало расширение блока НАТО в Европе, основной целью которого стало сдерживание развития России и ослабление сфер ее влияния на постсоветском пространстве. Таким образом, анализ существовавших в прошлом и ныне существующих мировых процессов позволяет прийти к выводу о том, что идеология, в какой-либо из ее форм, является ключевым обоснованием геополитики.

В связи с этим, проводимая политика лидеров Российского государства должна быть адекватна вызовам современных глобальных процессов. На фундаментальном уровне прослеживается ее связь с национальной идеей. Полагаем, что важной задачей сохранения государственного суверенитета России, в настоящее время, может стать идея признания ценностных оснований права, государства, суверенитета в качестве базовых социально-нравственных ценностей. Зафиксировать этот факт, своего рода – аналог нового общественного договора, можно только посредством Конституции РФ.

Подлинный государственный суверенитет выражается в наличии и продвижении собственной идеологии, основанной на самобытном пути Российского госу-

дарства в его ретроспективном анализе. Ценности, заложенные в основе патриотизма и любви к своей родине, являются главенствующими для любого человека. Любовь к России выступает вечной движущей силой развития страны. Всемирно-историческое предназначение России часто используется Президентом Российской Федерации в качестве весомого аргумента для обоснования значимых политических решений.

Комментируя начало Специальной военной операции по защите ДНР и ЛНР, обращаясь к населению России, Владимир Владимирович Путин отметил: «Нынешние действия России продиктованы еще и нашей трагической в прошлом историей. В свое время, в начале 40-х, страна оказалась не готова к встрече врага и заплатила за это страшную цену, о которой Украина, разделившая плату за победу в Великой Отечественной, сегодня предпочитает забыть. Буквально накануне Киев начал выход из соглашения об увековечении памяти о мужестве и героизме народов победителей. В России герои и уроки Великой Отечественной войны никогда не забыты. Нам с вами просто не оставили ни одной другой возможности защитить Россию, наших людей, кроме той, которую мы вынуждены будем использовать сегодня. Обстоятельства требуют от нас решительных и незамедлительных действий. Мною принято решение о проведении специальной военной операции. Ее цель – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. Военное освоение прилегающих к нашим границам территорий, если мы позволим это сделать, останется на десятилетия вперед, а может, и навсегда и будет создавать для России постоянно нарастающую, абсолютно неприемлемую угрозу. Уже сейчас, по мере расширения НАТО на восток, ситуация для нашей страны с каждым годом становится все хуже и опаснее. Более того, в последние дни руководство НАТО прямо говорит о необходимости ускорить, форсировать продвижение инфраструктуры Альянса к границам России. Другими словами – они ужесточают свою позицию. Продолжать просто наблюдать за тем, что происходит, мы больше не можем. Это было бы с нашей стороны абсолютно безответственно.

Дальнейшее расширение инфраструктуры Североатлантического альянса, начавшееся военное освоение территорий Украины для нас неприемлемы. Проблема в том, что на прилегающих к нам территориях, – замечу, на наших же исторических территориях, – создается враждебная нам «антиРоссия», которая поставлена под полный внешний контроль, усиленно обживается вооруженными силами натовских стран и накачивается самым современным оружием. Для нашей страны это в итоге вопрос жизни и смерти, вопрос нашего исторического будущего как народа. И это не преувеличение, это так и есть. Это реальная угроза не просто нашим интересам, а самому существованию нашего государства, его суверенитету. Это и есть та самая красная черта, о которой неоднократно говорили» [1].

В докладе «Римского клуба» «The Limits to Growth model: still prescient 50 years later» за 2022 год в рамках проекта Earth4All сотрудники представили подробные документы, в которых изучены проблемы и решения, необходимые для преобразования мировой экономической системы [23]. Участники клуба одобрили идею «нового мирового порядка» с необходимостью сокращения населения и снижения экономического роста, оправдывая такие явления как войны, революции, эпидемии и прочие катаклизмы, приводящие к массовой гибели людей. Примером этого может служить провокация националистов и фашистов на Украине, их финансирование, которые привели к революции в стране и, спустя 8 лет после 2014 года, к началу необходимой и вынужденной специальной военной операции.

Президент России 16 марта 2022 года в режиме видеоконференции провёл совещание о мерах социально-экономической поддержки регионов, в ходе которого затронул аспекты, связанные с национал-предателями – «пятой коленной». Владимир Владимирович отметил: «Мы же помним, как коллективный Запад поддерживал сепаратизм, терроризм, поощрял террористов и бандитов на Северном Кавказе. Как и в 1990-е – начале 2000-х годов, они и сейчас вновь, в очередной раз хотят повторить попытку дожать нас, додавить, превратить в слабую, зависимую страну, нарушить территориальную целостность, расчленив в лучшем для них варианте Россию. Тогда у них это не вышло, не выйдет и сейчас. Коллективный Запад пытается расколоть наше общество, спекулируя на боевых потерях, на социально-экономических последствиях санкций, спровоцировать гражданское противостояние в России и, используя свою пятую колонну, стремится к достижению своей цели. А цель одна, я уже говорил об этом, – разрушение России. Но любой народ, а тем более российский народ, всегда сможет отличить истинных патриотов от подонков и предателей. Убеждён, такое естественное и необходимое самоочищение общества только укрепит нашу страну, нашу солидарность, сплочённость и готовность ответить на любые вызовы. Россия никогда не будет в таком жалком и униженном состоянии, и борьба, которую мы ведём, – это борьба за наш суверенитет, за будущее нашей страны и наших детей. Мы будем сражаться за право быть и оставаться Россией. Примером нам – мужество и стойкость наших солдат и офицеров, верных защитников Отечества» [2].

В связи с этим, безусловно, нужно признать тот факт, что для сохранения государственного суверенитета России, недопущения общественных волнений и противоречий, для сплочения русского народа существует реальная необходимость в разработке и закреплении общенациональной идеи Российской Федерации и суверенной государственно-правовой идеологии.

Под общенациональной идеей, охватывающий весь многонациональный народ России, предлагаем понимать идею добра и всеобщего союза, основанного на патриотизме и любви к своей родине, соединяющего национальности и объединяющего к сотрудничеству граждан всех стран мира.

Всякое государство, в силу имеющихся возможностей, коммуникативных, пропагандистских, экономических и иных, сознательно акцентирует именно те ценности, которые адекватны объективным интересам всего общества, на базе которых происходит выработка из групповых и сословных идеологий интегративной для всего общества идеологической системы [20, с. 35].

Идеология должна укрепить общественную нравственность, создать идеалы справедливости, законности, ответственности государства не только перед своими гражданами, но и перед мировым сообществом. Смена государственной идеологии способна существенно видоизменить государство, привести его к трансформации, изменению качественных свойств и функций.

Государственная идеология лишь тогда будет способна выполнять свою интеграционную роль, когда не только исходящие от государства идеологические императивы адекватны реальным интересам населения, но и существует соответствие их знаковых систем. Реципируемой населением может быть лишь та идеологическая система, в которой не только характер ценностей адекватен его интересам, но и совпадают знаковые системы, символы, воспринимаемое содержание исходящих от государства идеологием [20, с. 49]. Политическая власть всегда предполагает

идеологическую регуляцию общественной жизни [20, с. 28]. Именно идеология способствует идеологической легитимации власти, её самооправданию [20, с. 29].

Очевидно, чтобы признать национальную идею и закрепить государственную идеологию на законодательном уровне, необходимо ответить на ряд основополагающих вопросов: в чем заключается основная идея, почему люди должны оставаться жить в этой стране, какое направление развития предполагается, что лежит в основе данной концепции и др.

Важно обозначить, что эти вопросы являются мельчайшим примером того огромного множества проблем, которые могут быть рассмотрены. Разработка национальной идеи и государственной идеологии предполагает бесконечное ее совершенствование, идеальную модель идеологии разработать, практически, не представляется возможным, можно только предложить включить в концепцию «Добра и Всеобщего союза» те самые лучшие основы, которые закрепляются во всех, существующих в настоящее время и известных людям идеях, предложениях чиновников, научного сообщества и деловой общественности.

В связи с этим, нужно постараться достаточно просто, ясно и лаконично обосновать цель этой идеологии и определить дальнейшее направление «движения» страны, чтобы у россиян не было страха в завтрашнем дне, иначе неясность людей может довести до исступления населения.

Основная идея концепции «Добра и Всеобщего союза» заключается в акцентировании внимания на «Социальном союзе» людей и включении их в единое общество, в котором государство должно ограничить возможность и стремления одной социальной группы извлекать выгоду за счет других социальных слоев. Основные принципы справедливости, патриотизма, гуманности и солидарности людей за общее будущее страны выступают главным условием существования общества.

Идея концепции «Всеобщего союза» рассматривает союз разных национальностей России, поскольку наша страна славится многонациональным народом России и укрепление такого союза не позволит дестабилизировать общественность. Кроме этого, концепция допускает и приветствует граждан других стран объединиться вокруг государствообразующего русского народа, призывает всех людей к мирному перспективному сотрудничеству и совместному развитию людей. В этом уникальном союзе равных и уважающих друг друга национальностей кроется залог успеха для развития цивилизации. Поэтому Россия может предложить миру «Союз цивилизаций», на основе взаимного уважения и признания самобытности других стран.

Гармония, складывающаяся в отношениях между многочисленными народами России, в их широкой, открытой душам других народов культуре, на протяжении всей истории Российского государства выступала связующим звеном между Востоком и Западом, в основе которой заложен принцип всеобщего идеала человека как высшей ценности. Государственный союз, как и всякий союз, будет тем сплоченнее и сильнее, он будет тем дружнее и успешнее решать свои задачи, чем глубже в гражданах будет чувство общей объединенности, чем сильнее в них будет уверенность в том, что единый и общий интерес лежит в основании их объединения [20, с. 30]. Поскольку, очевидно, что человечество имеет единые истоки и общую цель [20, с. 38], постольку суть идеи заключается в независимом, союзном, многовариантном и одновременно совместном, параллельном развитии всех без исключения стран, переходящем в Концепцию «Единства всемирного исторического процесса».

«Религиозный союз» может предполагать сотрудничество всех существующих религий в целях сохранения мира на земле.

«Идея добра», разработанная великим русским мыслителем – Ф.М. Достоевским, до сих пор, является, безусловно, актуальной [7]. Нельзя не оценить значимость его творчества для национального наследия России и мировой культуры. В философии Ф.М. Достоевского идея добра и народа обретает конкретность через причастность двум идеям: идее «максимума» духовного бытия – идее Бога – и идее «минимума» духовного бытия – идее земли, почвы. Синтез этих двух идей, собственно, и определяет особенность бытия народа.

В его философии обозначается единство личности и народа, раскрывается внутренняя взаимосвязь российского государства, анализируется историческое предназначение русского народа. Основное внимание уделяется трактовке Ф.М. Достоевским основополагающих метафизических, философско-правовых, философско-религиозных, историософских идей: бытия, свободы, человека, души, русского народа и его ценностей, семьи, права, справедливости, исторического предназначения России. Идеалы гуманизма, им разработанные, основаны на принципах патриотизма, абсолютного добра, идее единства нации, несомненно, являются актуальными и в настоящее время.

Центральным элементом метафизики Ф.М. Достоевского является учение о смысле всеобщего бытия и о значении этого вопроса для разума и воли человека, центральным элементом этики – учение о добре и зле и о свободе человека, социальной философии – историческом значении России и русского народа. Источники зла и преступлений, по Достоевскому, существуют из-за разъединенности людей, в распадении связи единого и многого в нравственном пространстве. Поэтому, идея бессмертия души выступает важнейшей для верующего человека [3, с. 186–193; 4; 5; 6; 8; 9; 11].

Идеалы сильной, суверенной и глубоко нравственной в своих основах нации выступают основаниями развития страны. Значение русского национального духа придает силы национальным ценностям.

Достоевский сумел на языке, понятном современному читателю, раскрыть смысл того единства абсолютного и личного начал в человеке, которое заключено в свободе как в высшем определении человека (свобода как высший дар Бога человеку). Синергия классической философии, дающей методологические средства для теоретического выражения таким образом понимаемой свободы, и философии Ф.М. Достоевского (в ее художественной форме и в ее систематическом изложении) формирует исходную точку построения национальной суверенной философии права, являющейся методологической основой современной государственно-правовой идеологии [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 22]. Опыт осмысления итогов классической философии Ф.М. Достоевского в контексте проблем современного права позволяет сделать вывод о том, что представленный его способ понимания бытия «Абсолютного Добра» является высшей формой конкретного мышления всеобщего единства мироздания.

В связи с этим, представленная концепция «Добра и Всеобщего союза» гармонично сочетается с исторически сложившимся менталитетом многонационального народа России, может сделать страну сильнее, сплоченнее, является привлекательной для других стран, призывает к совместному сотрудничеству, которое является основой человеческого общества и не вступает в противоречие с другими существ-

вующими идеологиями, то есть может быть рассмотрена как интегративная идеология, или идеология «для всех».

Если Россия успешно справится с процессом демократической консолидации и социальной модернизации, то, в определенный момент, она может стать центральным звеном во взаимоотношениях с другими странами. Для процветания и успеха России, в дальнейшем, потребуется тесное сотрудничество со всеми странами мира, и это будет неизбежно. Религиозное и идеологическое возрождение России даст миру надежду на будущее. Миссия народов России будет состоять в кардинальном изменении сущности человеческих взаимоотношений, придет освобождение от эгоизма и грубых материальных страстей. Отношения между народами будут восстановлены на новой основе: доверии и мудрости.

Территории России привлекательны для жизни людей. Комфортным местом пребывания граждан будут не только экономически развитые мегаполисы, но и экологически чистые районы страны, например, Западная Сибирь, где имеется большое накопление чистой энергии. Поддержка малых городов, равномерное распределение доходов на все города страны сделают привлекательными условия для проживания наших сограждан. Для этого потребуется экономический толчок, своего рода, квантовый переход. Потребуется особый импульс для придания этого явления. При наличии импульса, потенциала и постоянных осознанных усилий, преодоление барьера возможно в любой момент. Переход на новый уровень развития не зависит от времени.

Необходимо создать «Культ предпринимательства», чтобы стать технологичной страной, ввести минимизацию предпринимательского регулирования, ввести налоговую ставку от оборота и ввести прогрессивную систему налогообложения, нацелиться на создание «новых» и «закрывающих технологий», «подрывных инноваций», использовать совершенно новые формы энергии, ввести в практику технологии, созданные при помощи искусственного интеллекта и разработать правовые основы его регулирования. За счет создания уникальных технологий наша страна возродится. Только так Россия сможет стать передовой технологичной страной с развитой и сильной экономикой.

Поэтому, можно заключить, что все идеологические системы определенного общества или государства характеризуют тождественность наиболее существенных ценностей, присущих данному социуму, своего рода компромисс всех социальных групп. Все они, несмотря на имеющиеся существенные различия, функционируют в едином ценностно-идейном поле данного общества, поддерживаемом и задаваемом государством [20, с. 51].

Большинство идеологий призывают к эволюционному развитию общества, социальному миру и поиску консенсуса. Их примерами могут быть трансгуманизм, неогуманизм, гуманизм, либерализм, технокоммунизм, пацифизм, экологизм, фундаментализм, глобализм и другие. Всех их объединяет интегративная идеология государства, превращающая конкурирующие политические силы в элементы единой системы [20, с. 52]. Поэтому, все они являются той единой глобальной общностью, чьи интересы выражает идеология данного государства, сквозь призму чьих интересов отражается в ней общественное бытие.

Претендуя на универсальность, идеология «Добра и Всеобщего союза» может быть вполне толерантна в отношении иных существующих в геополитическом пространстве ценностных систем.

Названная государственно-правовая идеология может существовать именно как одна из некоего множества существующих в обществе возможных идеологий, не насаждаемая государством насильственно, а объективно стоящая над всем комплексом частных, групповых ценностных систем уже в силу своего интегративного характера. Она может быть рассмотрена в некой совокупности с другими идеями, существующими в Российском обществе и, вероятно, сможет поддерживаться государством. Государство, в этом случае, должно лишь стремиться убедить своих граждан в существовании неких ценностей, интегрирующих всех их. При этом государственная идеология является своего рода коммуникативным пространством для всего множества существующих в нем иных идеологий, предполагая процедуры и правила достижения согласованных решений, поиска компромиссов, нахождения согласия между всеми действующими в политике субъектами [20, с. 38–39].

Нельзя построить сильное государство без воспитания в гражданах чувства патриотизма, чувства значимости действия конкретного человека в жизни своей страны, чувства сопричастности к проблемам своего народа, и данные задачи и являются функцией государственной идеологии. Ценности всякого государства в форме его государственной идеологии во многом определяют происходящие в нем социально-политические, социокультурные и экономические процессы [20, с. 56].

Государственная или общенациональная идеология есть более высокоорганизованная модель или тип исходящих от государства идей и более настоятельная и последовательная их селекция силами и средствами государства. Она существует в виде целостной системы, логично и иерархизированно построенной.

Национальная идея – это эскизно обрисованная совокупность общепризнанных и поддерживаемых государством ценностных ориентаций. Наличие и воспроизведение в каждом последующем поколении национальных идей представляет собой условие существования народа как самостоятельного субъекта исторического процесса и его государства. Национальная идея всегда остаётся связанной с религиозным опытом народа и с его фундаментальным самоопределением в этой сфере.

Национальная идея современной России должна базироваться на духовных ценностях всех существующих конфессий. Она может рассматриваться как средство преодоления идентификационного кризиса современного российского общества [20, с. 59–62].

Выход страны из кризиса возможен лишь в результате осознания всеми без исключения национальных интересов государства в качестве высших ценностей общества и своего рода национальным примирением на этой основе. Происходящее ныне реформирование Российского государства должно проходить не спонтанно, методом проб и ошибок со всеми следующими из этого неизбежными потерями, а на основе определенной научной базы, имеющих теоретических наработок [21, с. 4]. Только осознание сущности и наиболее значимых свойств и характеристик именно Российского государства может позволить российским реформаторам добиться позитивных последствий в осуществляемом курсе реформ.

Библиографический список

1. Владимир Путин объявил о начале специальной военной операции в связи с ситуацией в Донбассе. Новости. Первый канал (1tv.ru). Интернет доступ: [www.1tv.ru/news/2022-02-24/421654-prezident-rossii-poyasnil-motivy-resheniya_o_nachale-voennoy-operatsii_po-zaschite-donbassa?](http://www.1tv.ru/news/2022-02-24/421654-prezident-rossii-poyasnil-motivy-resheniya-o-nachale-voennoy-operatsii-po-zaschite-donbassa?)

2. Владимир Путин о разгроме «пятой колонны» в России (wsem.ru). Интернет доступ: wsem.ru/publications/putin_1162/
3. *Алиев Я.Л., Воронков К.И., Числов А.И.* Идея добра в интерпретации Ф.М. Достоевского и в контексте философии права: презентация-рецензия монографии А.И. Бастрыкина, Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права» – СПб.: Фонд «Университет». 2021. – 380 с. – (Серия: «Наука и общество») // *Юридическая наука: история и современность.* – 2022. – № 1. – С. 186–193.
4. *Бастрыкин А.И., Сальников В.П.* Идея человека в учении Ф.М. Достоевского о праве и государстве // *Вестник Института права Башкирского государственного университета.* – 2021. – № 4(12). – С. 9–19. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.12.1.
5. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Взаимосвязь идеи абсолютного добра и свободы человека в философии права Ф.М. Достоевского // *Юридическая наука: история и современность.* – 2021. – № 6. – С. 176–181.
6. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Идея абсолютного добра в философии права Достоевского: ее актуальность в контексте конституционных реформ // *Поправки к Конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства: Всероссийская научно-практическая конференция, Уфа, 24 марта 2021 года.* – Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. – С. 67–76.
7. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / *Вступительное слово профессора А. Александрова; Следственный комитет Российской Федерации.* – СПб.: Фонд «Университет», 2021. – 380 с. (Серия: «Наука и общество»).
8. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Идея права нового времени и философское наследие Ф.М. Достоевского: мировоззренческая оппозиция двух моделей // *Правовое государство в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 18 мая 2021 года / Башкирский государственный университет.* – Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. – С. 75–85.
9. *Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Творческое наследие Ф.М. Достоевского в современной европейской философии: поиск путей преодоления духовного отчуждения человека // *Юридическая наука: история и современность.* – 2020. – № 6. – С. 170–177.
10. *Бжезинский Збигнев.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / Пер. с англ. М. Десятовой. – М.: АСТ, 2013. – 285с.
11. *Евдеева Н.В.* Гуманизм: общетеоретический аспект и его конституционная реализация // *Мир политики и социологии.* – 2015. – № 1. – С. 198–205.
12. *Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П.* Правовая философия Достоевского и идеократические основания суверенитета России // *Юридическая наука: история и современность.* – 2021. – № 1. – С. 171–176.
13. *Керимов А.Д., Куксин И.Н.* Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса: монография. М.: Изд-во ИНФРА-М, 2018. 96 с.
14. *Куксин И.Н., Селихов Н.В.* Национальная идея в Конституции России: теоретическая оценка ключевых положений // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* 2020. Т. 45. № 4. С. 732–741.
15. *Крижановская Г.Н.* К вопросу о необходимости государственной идеологии // *Мир политики и социологии.* – 2019. – № 9. – С. 34–40.
16. *Лазарев В.В.* Идеологические страсти на конституционном уровне // *Мир политики и социологии.* – 2019. – № 9. – С. 25–33.
17. *Лазарев В.В.* Идеологическое сопровождение современного правосудия // *Мир политики и социологии.* – 2019. – № 4. – С. 17–32.
18. Приглашаем к дискуссии "О государственно-правовой идеологии" в связи со статьей-презентацией классика теории государства и права, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почётного работника высшего профессионального образования российской Федерации В.В. Лазарева "Идеологи-

ческое сопровождение современного правосудия" // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 11–16.

19. Сальников В.П., Романовская Л.Р., Довгань Н.И. Гуманитарный суверенитет и идеологическая функция государства // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 193–200.

20. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – Сер. Безопасность человека и общества.

21. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.– 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).

22. Сальников В.П., Захарцев С.И., Масленников Д.В., Морозов А.И. К вопросу об историко-философских основаниях суверенной философии права как формы выражения национальных социально-правовых ценностей // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 174–180.

23. The Limits to Growth model: still prescient 50 years later – Club of Rome. Интернет доступ: www.clubofrome.org/publication/earth4all-ltg-model/

Для цитирования: Воронков К.И., Захарцев С.И., Сальников М.В. Идея добра и всеобщего союза в контексте русского мира: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 49–59.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.004

Kirill I. Voronkov*
Sergey I. Zakhartsev**
Mikhail V. Salnikov***

THE IDEA OF GOODNESS AND UNIVERSAL UNION IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN WORLD

Annotation. *The urgent need to develop a state ideology and its further consolidation in the Constitution of the Russian Federation is substantiated. Theoretical and methodological problems of the state's activity in the ideological sphere, as well as its reflection in the law-forming activity of the state, are considered. The problems posed are analyzed in connection with the ongoing transformation of the modern Russian state.*

Keywords: *National idea, state ideology, state policy, functions of the state.*

The high dynamism of the transformation of society and the state, questions about the future of the country, determining the necessary direction for the further development of Russia in the conditions of the forced Special Military Operation and the retaliatory, un-

* Voronkov Kirill Ilyich, Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Nizhny Novgorod State University named by Lobachevsky, candidate of legal sciences. E-mail: vk166816@mail.ru

** Zakhartsev Sergey Ivanovich, Professor of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

*** Salnikov Mikhail Viktorovich, President of the Foundation for the Promotion of Science and Education in the Field of Law Enforcement "Universitet", Chief Researcher of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences. E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

dermining the economic component, sanctions policy of Western countries, the ongoing wave expansion of the NATO bloc to the borders of the Russian Federation, threatening the state sovereignty, as well as other significant geopolitical events require a deep understanding of the existing results of ongoing phenomena.

In all historical epochs and in all civilizations, ideology, in many respects, determined the processes taking place in the world, predetermined the policy of states, the behavior of social groups. It is simply pointless to underestimate its role and place in the system of factors affecting all state and social processes without exception. The domestic and foreign policy of any state, the form of the state, and the nature of social relations in it have always experienced a significant influence of the ideological doctrines that dominate in a given society.

As is known, the term "ideology" was introduced into scientific circulation in the 18th century in the works of Destude de Tracy and his followers. In his work "Elements of Ideology", he understood the term ideology as a derivative of two Greek roots "idea" – idea, thought, representation and "logos" – science, teaching, i.e. the science of ideas [20, p. 8]. The foundations of this scientific school became known thanks to Thomas Jefferson, who initiated the translation into English of The Elements of Ideology. In addition, even earlier Aristotle, Plato, Machiavelli, Bacon and other thinkers did not use this single term in their works, although they analyzed its essence quite deeply [20, p. 6]. For example, Plato in the dialogue "The State" sees in the ideal model of the state a necessary element of public administration – ideological mechanisms. In the dialogue "Laws" declares the unity of laws, religion and morality, as a single mechanism that ensures the obedience of citizens and the inviolability of the state [21, p. 100].

Ideology, at present, continues to be a very significant factor in political processes, both in Russia and around the world. The collapse of the Soviet Union, which ended the confrontation with America in the Cold War, allowed the United States to continue to pursue the ideology of "American globalism" with great optimism. It was developed by conservative theorists Z. Brzezinski and R. Pipes and announced the leading role of the United States in world politics [21, p. 180]. For the United States, a Eurasian geostrategy includes the purposeful leadership of geostrategically dynamic states and the careful handling of geopolitical catalyst states, respecting two equal American interests: in the short term, maintaining its exclusive global power, and in the long term, transforming it into an increasingly institutionalized global collaboration.

Ideological restrictions imposed by American consultants during the reign of President B.N. Yeltsin and enshrined in Article 13 of the Constitution of the Russian Federation, significantly undermined the creative potential of further promising development of Russia, making the political system more inert, as a result of which the economic component of the formed state was significantly weakened, in addition, there was a significant backlog of the country in scientific and technical terms. As a result, America, in that historical period, became richer, went much further in the field of technology development, and was more flexible and advanced in the military field, more creative and socially attractive. In this regard, it is important to state that the new Russia of the 1990s entered the stage of "Catching Up Development".

Ideology sanctifies power and laws, gives them special significance, a deep meaning of existence and functioning, allows you to create a system of dominant values that underlie everything that happens in public life, allows you to determine the specific goals of social development, the immediate and long-term ones, and choose the means to achieve

them [20, p. 29]. The weakening of the ideological foundations or the absence of a sovereign state-legal ideology is practically fatal for the state, although it may exist for some time due to inertia, trying in vain to overcome numerous difficulties and problems. The state may lose its viability, the ability to adapt to emerging and growing anthropic phenomena [20, p. 32]. The consequence of the weakening of the impact on the public opinion of citizens is the weakening of national or state self-identification, the loss of the subjective significance of this state for its citizens [20, p. 33].

The Roman Empire in the last century of its history, the Soviet Union in the late 80s of the last century is the clearest confirmation that insufficient articulation, and even more so a conscious rejection of the sovereign state-legal ideology, combined with other problems, can lead the state to death [18, p. 33]. The absence or significant weakening of the national idea and state ideology can lead to the disintegration of a single value space, the transformation of the state into an amorphous set of weakly interconnected individuals and groups [20, p. 59].

In this regard, it is obvious that any state cannot exist without a national idea that drives and determines the direction of its development, expressed in state-legal ideology, since, in its essence, the state is also an idea: the idea of unification, the idea of law and order, the idea of security, the idea of authorities. In the absence of its own national idea and state ideology, Russia may fall under an alien ideological influence imposed on our citizens [19, p. 193].

Ideology, or even state-legal ideology, should be attributed to those necessary, inalienable essential features, the presence of which makes the existence of the very phenomenon of the state possible [20, p. 20]. It is a necessary means of realizing state goals, state policy, and allows justifying power actions.

The state policy is always based on a certain system of values that predetermines the logic of what is happening and being undertaken [20, p. 23]. Ideology makes it possible to ensure the real unity of the value orientations of the individual and the state, to integrate the entire set of existing social, confessional, territorial, ethnic and other groups into something whole, self-identification with which is subjectively significant for the individual [20, p. 27].

In his 2013 book *Strategic View*, Z. Brzezinski argued that America's inability to cooperate with Russia after the end of the Cold War had, unfortunately, the opposite effect, when Russia began to focus on establishing its influence in the post-Soviet space [10, p. 6–20]. As a result, the expansion of the NATO bloc in Europe followed, the main goal of which was to curb the development of Russia and weaken its spheres of influence in the post-Soviet space. Thus, an analysis of the past and current world processes allows us to conclude that ideology, in any of its forms, is the key justification for geopolitics.

In this regard, the policy pursued by the leaders of the Russian state should be adequate to the challenges of modern global processes. At the fundamental level, its connection with the national idea can be traced. We believe that the idea of recognizing the value bases of law, the state, and sovereignty as basic social and moral values can become an important task of preserving the state sovereignty of Russia at the present time. To fix this fact, a kind of analogue of a new social contract, is possible only through the Constitution of the Russian Federation.

Genuine state sovereignty is expressed in the presence and promotion of its own ideology, based on the original path of the Russian state in its retrospective analysis. The values underlying patriotism and love for one's homeland are dominant for any person. Love for Russia is the eternal driving force behind the development of the country. The

world-historical destiny of Russia is often used by the President of the Russian Federation as a weighty argument to justify significant political decisions.

Commenting on the start of the Special Military Operation to protect the DNR and LNR, addressing the population of Russia, Vladimir Vladimirovich Putin noted: "The current actions of Russia are also dictated by our tragic history in the past. At one time, in the early 40s, the country was not ready to meet the enemy and paid a terrible price for this, which Ukraine, which shared the payment for the victory in the Great Patriotic War, today prefers to forget. Literally the day before, Kyiv began withdrawing from the agreement to perpetuate the memory of the courage and heroism of the victorious peoples. In Russia, the heroes and lessons of the Great Patriotic War are never forgotten. You and I simply have not been left with any other opportunity to protect Russia, our people, except for the one that we will be forced to use today. Circumstances require us to take decisive and immediate action. I have decided to conduct a special military operation. Its goal is to protect people who have been subjected to bullying and genocide by the Kyiv regime for eight years. The military development of the territories adjacent to our borders, if we allow it, will remain for decades to come, and perhaps forever, and will create a constantly growing, absolutely unacceptable threat for Russia. Even now, as NATO expands to the east, the situation for our country is getting worse and more dangerous every year. Moreover, in recent days the leadership of NATO has been openly talking about the need to speed up the advancement of the Alliance's infrastructure to the borders of Russia. In other words, they are hardening their position. We can no longer just continue to observe what is happening. It would be absolutely irresponsible on our part.

Further expansion of the infrastructure of the North Atlantic Alliance, the military development of the territories of Ukraine that has begun is unacceptable for us. The problem is that in the territories adjacent to us, I note, in our own historical territories, an "anti-Russia" hostile to us is being created, which has been placed under complete external control, is intensively settled by the armed forces of NATO countries and is pumped up with the most modern weapons. For our country, this is ultimately a matter of life and death, a matter of our historical future as a people. And this is not an exaggeration, it is true. This is a real threat not just to our interests, but to the very existence of our state, its sovereignty. This is the very red line that has been talked about many times" [1].

In the Club of Rome report "The Limits to Growth model: still prescient 50 years later" for 2022, as part of the Earth4All project, employees presented detailed papers that explored the problems and solutions needed to transform the global economic system [23]. The club members approved the idea of a "new world order" with the need to reduce the population and reduce economic growth, justifying such phenomena as wars, revolutions, epidemics and other cataclysms leading to mass deaths. An example of this is the provocation of nationalists and fascists in Ukraine, their financing, which led to a revolution in the country and, 8 years after 2014, to the start of a necessary and forced special military operation.

On March 16, 2022, the President of Russia held a meeting via videoconference on measures of socio-economic support for the regions, during which he touched upon aspects related to national traitors – the "fifth knee". Vladimir Vladimirovich noted: "We remember how the collective West supported separatism, terrorism, encouraged terrorists and bandits in the North Caucasus. As in the 1990s – early 2000s, they now again, once again want to repeat their attempt to put pressure on us, to put pressure on us, to turn us into a weak, dependent country, to violate territorial integrity, to dismember Russia in the best way for

them. It didn't work out then, and it won't work out now. The collective West is trying to split our society, speculating on military losses, on the socio-economic consequences of sanctions, to provoke a civil confrontation in Russia and, using its fifth column, is striving to achieve its goal. And there is only one goal; I have already spoken about this, the destruction of Russia. But any people, and even more so the Russian people, will always be able to distinguish true patriots from scum and traitors. I am convinced that such a natural and necessary self-purification of society will only strengthen our country, our solidarity, cohesion and readiness to respond to any challenges. Russia will never be in such a miserable and humiliated state, and the struggle we are waging is a struggle for our sovereignty, for the future of our country and our children. We will fight for the right to be and remain Russia. An example for us is the courage and steadfastness of our soldiers and officers, the faithful defenders of the Fatherland" [2].

In this regard, of course, it is necessary to recognize the fact that in order to preserve the state sovereignty of Russia, to prevent social unrest and contradictions, to unite the Russian people, there is a real need to develop and consolidate the national idea of the Russian Federation and sovereign state-legal ideology.

Under the national idea, covering the entire multinational people of Russia, we propose to understand the idea of goodness and a universal union based on patriotism and love for one's homeland, uniting nationalities and uniting citizens of all countries of the world for cooperation.

Any state, by virtue of the available opportunities, communicative, propaganda, economic and others, deliberately emphasizes precisely those values that are adequate to the objective interests of the whole society, on the basis of which the development of an integrative ideological system for the whole society takes place from group and estate ideologies [20, p. 35].

The ideology should strengthen public morality, create the ideals of justice, legality, the responsibility of the state not only to its citizens, but also to the world community. A change in state ideology can significantly modify the state, lead it to transformation, and change in qualitative properties and functions.

The state ideology will be able to fulfill its integration role only when not only the ideological imperatives emanating from the state are adequate to the real interests of the population, but also there is a correspondence between their sign systems. Only that ideological system can be received by the population, in which not only the nature of values is adequate to its interests, but also sign systems, symbols, and the perceived content of ideologemes emanating from the state coincide [20, p. 49]. Political power always involves the ideological regulation of public life [20, p. 28]. It is ideology that contributes to the ideological legitimization of power, its self-justification [20, p. 29].

Obviously, in order to recognize the national idea and consolidate the state ideology at the legislative level, it is necessary to answer a number of fundamental questions: what is the main idea, why people should stay in this country, what direction of development is supposed, what underlies this concept, etc.

It is important to point out that these questions are the smallest example of the vast array of problems that can be considered. The development of a national idea and state ideology presupposes its endless improvement, it is practically impossible to develop an ideal model of ideology, one can only propose to include in the concept of "Good and General Union" those very best foundations that are fixed in all currently existing and known people ideas, proposals of officials, the scientific community and the business community.

In this regard, it is necessary to try to simply, clearly and concisely justify the purpose of this ideology and determine the further direction of the "movement" of the country so that the Russians do not have fear in the future, otherwise the ambiguity of people can lead to a frenzy of the population.

The main idea of the concept of "Good and General Union" is to focus on the "Social Union" of people and their inclusion in a single society, in which the state must limit the ability and aspirations of one social group to benefit at the expense of other social strata. The basic principles of justice, patriotism, humanity and solidarity of people for the common future of the country are the main condition for the existence of society.

The idea of the concept of "General Union" considers the union of different nationalities of Russia, since our country is famous for the multinational people of Russia and the strengthening of such a union will not allow destabilizing the public. In addition, the concept allows and welcomes citizens of other countries to unite around the state-forming Russian people, calls on all people for peaceful long-term cooperation and joint development of people. In this unique union of equal and mutually respecting nationalities lies the key to success for the development of civilization. Therefore, Russia can offer the world a "Union of Civilizations" based on mutual respect and recognition of the identity of other countries.

Harmony, which develops in relations between the numerous peoples of Russia, in their wide culture, open to the souls of other peoples, throughout the history of the Russian state, acted as a link between East and West, which is based on the principle of the universal ideal of man as the highest value. The state union, like any union, will be the more united and stronger, it will be the more amicably and successfully solve its tasks, the deeper the feeling of common unity will be in the citizens, the stronger will be the confidence in them that a single and common interest lies at the basis of their unions [20, p. thirty]. Since it is obvious that humanity has a common origin and a common goal [20, p. 38], insofar as the essence of the idea lies in the independent, allied, multivariate and at the same time joint, parallel development of all countries without exception, turning into the Concept of the "Unity of the World Historical Process".

"Religious union" may involve the cooperation of all existing religions in order to maintain peace on earth.

"The idea of good", developed by the great Russian thinker – F.M. Dostoevsky, is still, of course, relevant [7]. It is impossible not to appreciate the significance of his work for the national heritage of Russia and world culture. In the philosophy of F.M. Dostoevsky, the idea of goodness and the people acquires concreteness through participation in two ideas: the idea of the "maximum" of spiritual existence – the idea of God – and the idea of the "minimum" of spiritual existence – the idea of earth, soil. The synthesis of these two ideas, in fact, determines the peculiarity of the existence of the people.

In his philosophy, the unity of the individual and the people is indicated, the internal interconnection of the Russian state is revealed, and the historical destiny of the Russian people is analyzed. The main attention is paid to the interpretation of F.M. Dostoevsky's fundamental metaphysical, philosophical and legal, philosophical and religious, historical ideas: being, freedom, man, soul, the Russian people and its values, family, law, justice, the historical destiny of Russia. The ideals of humanism, developed by him, are based on the principles of patriotism, absolute goodness, the idea of the unity of the nation, undoubtedly, are relevant at the present time.

The central element of F.M. Dostoevsky is the doctrine of the meaning of universal existence and the significance of this issue for the mind and will of man, the central element

of ethics is the doctrine of good and evil and the freedom of man, social philosophy is the historical significance of Russia and the Russian people. The sources of evil and crime, according to Dostoevsky, exist because of the disunity of people, in the disintegration of the connection between the one and the many in the moral space. Therefore, the idea of the immortality of the soul is the most important for a believer [3, p. 186–193; 4; 5; 6; 8; 9; 11].

The ideals of a strong, sovereign and deeply moral nation in its foundations are the foundations of the country's development. The significance of the Russian national spirit gives strength to national values.

Dostoevsky was able, in a language understandable to the modern reader, to reveal the meaning of that unity of the absolute and personal principles in man, which is contained in freedom as the highest definition of man (freedom as the highest gift of God to man). The synergy of classical philosophy, which provides methodological means for the theoretical expression of freedom thus understood, and the philosophy of F.M. Dostoevsky (in its artistic form and in its systematic presentation) forms the starting point for building a national sovereign philosophy of law, which is the methodological basis of modern state-legal ideology [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 22]. The experience of understanding the results of the classical philosophy of F.M. Dostoevsky in the context of the problems of modern law allows us to conclude that his way of understanding the existence of the "Absolute Good" presented by him is the highest form of concrete thinking of the universal unity of the universe.

In this regard, the presented concept of "Good and General Union" is in harmony with the historically established mentality of the multinational people of Russia, can make the country stronger, more united, is attractive to other countries, calls for joint cooperation, which is the basis of human society and does not enter into contradiction with other existing ideologies, that is, it can be considered as an integrative ideology, or an ideology "for all".

If Russia successfully copes with the process of democratic consolidation and social modernization, then, at some point, it may become a central link in relations with other countries. For the prosperity and success of Russia, in the future, close cooperation with all countries of the world will be required, and this will be inevitable. The religious and ideological revival of Russia will give the world hope for the future. The mission of the peoples of Russia will be to radically change the essence of human relationships, liberation from egoism and gross material passions will come. Relations between peoples will be restored on a new basis: trust and wisdom.

The territories of Russia are attractive for people's lives. A comfortable place for citizens to stay will be not only economically developed megacities, but also ecologically clean regions of the country, for example, Western Siberia, where there is a large accumulation of clean energy. Support for small towns, equal distribution of income to all cities of the country will make living conditions attractive for our fellow citizens. This will require an economic push, a kind of quantum transition. It will take a special impulse to give this phenomenon. With momentum, potential and constant conscious effort, overcoming the barrier is possible at any moment. The transition to a new level of development does not depend on time.

It is necessary to create an "Cult of Entrepreneurship" to become a technological country, introduce the minimization of entrepreneurial regulation, introduce a tax rate on turnover and introduce a progressive taxation system, aim at creating "new" and "closing technologies", "disruptive innovations", use completely new forms of energy, put into practice technologies created with the help of artificial intelligence and develop the legal

framework for its regulation. Due to the creation of unique technologies, our country will be reborn. Only in this way can Russia become an advanced technological country with a developed and strong economy.

Therefore, we can conclude that all the ideological systems of a certain society or state characterize the identity of the most essential values inherent in this society, a kind of compromise of all social groups. All of them, despite the existing significant differences, function in a single value-ideological field of a given society, supported and set by the state [20, p. 51].

Most ideologies call for the evolutionary development of society, social peace and the search for consensus. Their examples can be transhumanism, neo-humanism, humanism, liberalism, techno-communism, pacifism, environmentalism, fundamentalism, globalism and others. All of them are united by the integrative ideology of the state, which turns competing political forces into elements of a single system [20, p. 52]. Therefore, all of them are that single global community whose interests are expressed by the ideology of a given state, through the prism of whose interests' social life is reflected in it.

Claiming to be universal, the ideology of "Good and General Union" can be quite tolerant of other value systems existing in the geopolitical space.

The named state-legal ideology can exist precisely as one of a certain set of possible ideologies existing in society, not imposed by the state forcibly, but objectively standing above the whole complex of private, group value systems, already by virtue of its integrative nature. It can be considered in some combination with other ideas that exist in Russian society and, probably, will be able to be supported by the state. The state, in this case, should only seek to convince its citizens of the existence of certain values that integrate all of them. At the same time, the state ideology is a kind of communicative space for the entire set of other ideologies existing in it, assuming procedures and rules for achieving agreed decisions, searching for compromises, and finding agreement between all subjects acting in politics [20, p. 38–39].

It is impossible to build a strong state without cultivating in citizens a sense of patriotism, a sense of the significance of the actions of a particular person in the life of their country, a sense of belonging to the problems of their people, and these tasks are a function of state ideology. The values of any state in the form of its state ideology largely determine the socio-political, socio-cultural and economic processes taking place in it [13; 20, p. 56].

State or national ideology is a more highly organized model or type of ideas emanating from the state and their more insistent and consistent selection by the forces and means of the state. It exists as an integral system, logically and hierarchically built.

The national idea is a sketchy set of generally recognized and state-supported value orientations. The presence and reproduction in each subsequent generation of national ideas is a condition for the existence of the people as an independent subject of the historical process and its state. The national idea always remains connected with the religious experience of the people and with its fundamental self-determination in this area.

The national idea of modern Russia should be based on the spiritual values of all existing confessions. It can be considered as a means of overcoming the identification crisis of modern Russian society [14; 20, p. 59–62].

The country's way out of the crisis is possible only as a result of the awareness by all, without exception, of the national interests of the state as the highest values of society and a kind of national reconciliation on this basis. The ongoing reform of the Russian state should not take place spontaneously, by trial and error with all the inevitable losses that follow from this, but on the basis of a certain scientific base, existing theoretical develop-

ments [21, p. 4]. Only awareness of the essence and the most significant properties and characteristics of the Russian state can allow Russian reformers to achieve positive consequences in the ongoing course of reforms.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Vladimir Putin announced the start of a special military operation in connection with the situation in the Donbass. News. Channel One (1tv.ru). Internet access [//www.1tv.ru/news/2022-02-24/421654prezident_rossii_poyasnil_motivy_resheniya_o_nachale_voennoy_operatsii_po_za-schite_donbassa?](http://www.1tv.ru/news/2022-02-24/421654prezident_rossii_poyasnil_motivy_resheniya_o_nachale_voennoy_operatsii_po_za-schite_donbassa?)
2. Vladimir Putin on the defeat of the "fifth column" in Russia (wsem.ru). Internet access [//wsem.ru/publications/putin_1162/](http://wsem.ru/publications/putin_1162/)
3. Aliev Ya.L., Voronkov K.I., Chislov A.I. The idea of good in the interpretation of F.M. Dostoevsky and in the context of the philosophy of law: presentation-review of the monograph by A.I. Bastrykina, R.F. Ismagilova, V.P. Salnikov "The idea of goodness in the works of F.M. Dostoevsky and Its Influence on the Development of the Philosophy of Law". St. Petersburg: University Foundation. 2021. 380 p. (Series: "Science and Society") // Legal Science: History and Modernity. 2022. No. 1. P. 186–193.
4. Bastrykin A.I., Salnikov V.P. The idea of a person in the teachings of F.M. Dostoevsky on Law and the State // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2021. No. 4(12). P. 9–19. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2021.12.1.
5. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The relationship between the idea of absolute goodness and human freedom in the philosophy of law F.M. Dostoevsky // Legal science: history and modernity. 2021. No. 6. P. 176–181.
6. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The idea of absolute goodness in Dostoevsky's philosophy of law: its relevance in the context of constitutional reforms // Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation: All-Russian Scientific and Practical conference, Ufa, March 24, 2021. Ufa: Bashkir State University, 2021. P. 67–76.
7. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The idea of Good in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the philosophy of law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky) / Introductory speech by Professor A. Alexandrov; Investigative Committee of the Russian Federation. St. Petersburg: Fund "University", 2021. 380 p. (Series: "Science and Society").
8. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The idea of the law of the new time and the philosophical heritage of F.M. Dostoevsky: ideological opposition of two models // State of Law in the Modern World: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, May 18, 2021 / Bashkir State University. Ufa: Bashkir State University, 2021. P. 75–85.
9. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Creative heritage of F.M. Dostoevsky in modern European philosophy: the search for ways to overcome the spiritual alienation of man // Legal science: history and modernity. 2020. No. 6. P. 170–177.
10. Brzezinski Zbigniew. Strategic view: America and the global crisis / Per. from English. M. Desyatova. Moscow: ACT, 2013. 285p.
11. Evdeeva N.V. Humanism: General Theoretical Aspect and Its Constitutional Implementation // World of Politics and Sociology. 2015. No. 1. P. 198–205.
12. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Dostoevsky's Legal Philosophy and the Ideocratic Foundations of Russia's Sovereignty // Legal Science: History and Modernity. 2021. No. 1. P. 171–176.
13. Kerimov A.D., Kuksin I.N. Strong state as a determining factor of social progress: monograph. Moscow: Publishing house INFRA-M, 2018. 96 p.

14. Kuksin I.N., Selikhov N.V. National idea in the Constitution of Russia: theoretical assessment of key provisions // *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right*. 2020. V. 45. No. 4. P. 732–741.
15. Krizhanovskaya G.N. On the question of the need for state ideology // *World of Politics and Sociology*. 2019. No. 9. P. 34–40.
16. Lazarev V.V. Ideological passions at the constitutional level // *World of Politics and Sociology*. 2019. No. 9. P. 25–33.
17. Lazarev V.V. Ideological support of modern justice // *World of politics and sociology*. 2019. No. 4. P. 17–32.
18. We invite you to the discussion "On State-Legal Ideology" in connection with the article-presentation of the classic of the theory of state and law, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation V.V. Lazarev "Ideological support of modern justice" // *World of politics and sociology*. 2019. No. 4. P. 11–16.
19. Salnikov V.P., Romanovskaya L.R., Dovgan N.I. Humanitarian Sovereignty and the Ideological Function of the State // *Legal Science: History and Modernity*. 2016. No. 9. P. 193–200.
20. Salnikov V.P., Stepashin S.V., Khabibulina N.I. State Ideology and Language of Law: Monograph / Ed. ed. V.P. Salnikov. St. Petersburg: Fund "University", 2002. 208 p. Ser. Security of man and society.
21. Salnikov V.P., Stepashin S.V., Khabibulin A.G. Statehood as a Phenomenon and an Object of Typology: Theoretical and Methodological Analysis. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Academy of Law, Economics and Life Safety. St. Petersburg: Fund "University", 2001. 208 p. (Series: "Security of Man and Society").
22. Salnikov V.P., Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Morozov A.I. On the question of the historical and philosophical foundations of the sovereign philosophy of law as a form of expression of national social and legal values // *World of Politics and Sociology*. 2018. No. 11. P. 174–180.
23. The Limits to Growth model: still prescient 50 years later – Club of Rome. Internet access: www.clubofrome.org/publication/earth4all-ltg-model/

For citation: Voronkov K.I., Zakhartsev S.I., Salnikov M.V. The idea of goodness and universal union in the context of the Russian world: article // *Theory of State and Law*. 2022. No. 3 (28). P. 59–68.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.004

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP.2022.28.3.005

А.М. Дроздова*

М.Б. Ревнова**

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

***Аннотация.** В статье анализируется история создания Всеобщей Декларации прав человека, механизм ее принятия и особенности воздействия на правовые системы существующих государств. Автор убедительно доказывает, что международный документ, регламентирующий права и свободы личности в мире, могли создать только одаренные, порядочные, умные и высоко-нравственные личности – авторы текста Декларации.*

***Ключевые слова:** права человека, мировой порядок, правовая система, человек, личность, гражданин, Всеобщая Декларация прав человека.*

Общеизвестно, что Билль о правах в Великобритании (1689 г.), Билль о правах в США (1791г.) и Декларация прав человека и гражданина во Франции (1789), которые основывались на идеях естественного права периода эпохи Просвещения, были первыми, принятыми в разных странах документами о правах человека в мире.

Понимание того, что злодеяния, совершенные нацистской Германией в период Второй мировой войны, заставили правительства многих стран осознать необходимость разработки и принятия **всеобщего договора**, в котором были бы четко обозначены общепризнанные права человека и механизмы их защиты, как на уровне государств-участников, так и во всех других государствах в мире. Таким уникальным правовым актом стала Всеобщая Декларация прав человека [1], которая после достаточно длительной подготовки и одобрения, была принята Генеральной Ассамблеей ООН на очередном Заседании в 1948 году. Над текстом Декларации работала созданная для этой цели рабочая группа – комиссия ООН, которая под председательством Элеоноры Рузвельт работала в период с 27 января по 10 февраля 1947.

Характеризуя созданную для разработки текста Декларации рабочую группу, следует отметить, что в ее состав входили первоначально 18 человек – представители некоторых государств, таких как: США, Великобритания, СССР, Австралия, Белорусская ССР, Куба, Китай, Индия, Египет, Иран, Панама, Ливия, Франция, Уругвай, Филиппины, Югославия и Чили. Следует отметить *достаточно скромное представительство стран Европы...*

* Дроздова Александра Михайловна, профессор кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь), доктор юридических наук, профессор. E-mail: temp17@rambler.ru

** Ревнова Мария Борисовна, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Общее руководство по организации работы и руководству Комиссией было возложено на чиновника секретариата ООН – руководителя отдела по правам человека, специалиста по международному праву, гражданина Канады Джона Хамфри, а задача, поставленная перед ними, заключалась в разработке и подготовке документа под общим названием *Международный билль о правах человека*.

На первом этапе работа комиссии осложнялась тем, что представители различных стран, имея каждый собственное мнение, по-своему пытался обрисовать ситуацию с обеспечением прав человека, а общего текста у них не было. Проблема была решена путем создания подгруппы комиссии под руководством Э. Рузвельт, которой и было поручено подготовить первоначальный вариант текста Декларации. В подгруппу вошли: философ Чарльза Малика и представитель Китая Чжан Пэнчунья, которые привлекли в свою подгруппу для подготовки черновика текста чиновника – Джона Хамфри и его сотрудников.

Опытному и профессионально подготовленному Дж. Хамфри удалось подготовить черновой вариант текста Декларации из 48 статей и представить его для обсуждения на заседании подкомиссии, куда был включен к этому времени представитель СССР Вл. Корецкий, что указывает на участие нашего государства в подготовке документа с самого начала создания и обсуждения текста документа.

Поскольку эти пятеро представителей различных стран, **впервые в мире** работавшие над созданием текста Декларации, не совсем представляли, что именно им следует создать, что следует вложить в текст документа, они испытывали объективные трудности в достижении единого мнения, прекрасно понимая при этом и *осознавая сложность и важность поставленной перед ними задачи...*

Ради справедливости следует отметить, что самый опытный, переживший за свою жизнь две войны, был Рене Кассен, по национальности еврей, потерявший в фашистских концлагерях около тридцати родственников, приговоренный нацистами к смертной казни, согласившийся работать в подкомиссии над проектом Декларации, именно его вклад в разработку текста Всеобщей декларации прав человека 1948 года стал основным и весомым.

Следует отметить, что Дж. Хамфри, собирая предварительный текст, принимал к включению в черновой вариант документа самые разные предложения, в том числе от отдельных граждан и частных лиц, членами подкомиссии были проанализированы конституции и действующие в то время юридические нормы в сфере прав человека. Изначально подготовленный из всех поступивших предложений документ был представлен 400 страницами текста и охватывал множество прав в культурной, социальной, экономической и политической сферах. После того как документ был сформирован, всем стало труднее вносить предложения о включении той или иной нормы, поскольку свое предложение автору следовало обосновать....

Полученный документ предварительно обсуждался в форме проекта и решением подкомитета явилось задание на уменьшение текста и приведение его в соответствие с требованиями законодательной техники того времени. Подготовка второй версии текста была доверена писателю по профессии и специалисту в сфере прав человека Рене Кассену, который выполнил задание и представил результат своего труда на рассмотрение подкомиссии через за *два дня* [5]. По причине такого активного и качественного участия Р. Кассена в подготовке второй версии документа было принято долгое время считать создателем Всеобщей декларации прав человека 1948 года именно Р. Кассена.

Вместе с тем, в конце XX века, был найден черновик данного документа, который обнаружили в делах у Дж.Хамфри, и который был написан его рукой и это была та самая *первая* версия Декларации. Ради справедливости, следует отметить, что он сам скромно отказывался признавать себя создателем документа, объясняя, что одному было бы не под силу создать такой документ и что это результат творческой деятельности сотен заинтересованных лиц, что несомненно делает ему честь и вызывает уважение.

Вместе с тем, отметим, что после многих консультаций с рядом международных организаций, заседаний и консультаций, которые продолжались достаточно долго и кропотливо, 17 июня 1947 года Р. Кассен представил для обсуждения на заседании подкомиссии подготовленный *лично им вариант* Всеобщей декларации прав человека 1948 года, над которым еще некоторое время комиссия работала напряженно по графику, составленному Э. Рузвельт, и общий текст документа был готов 17 декабря 1947г.

Создавая текст Декларации, авторы обнаружили ряд проблемных вопросов, например, спор разгорелся о включении в документ положений о методах контроля за исполнением положений Декларации. Одни были уверены, что без прописанного механизма контроля, документ в целом теряет свою юридическую значимость; другие, соглашаясь с первыми, уверяли, что следует не только вписать в Декларацию нормы механизма контроля, но требуется создание и международного трибунала; третьи указывали на то, что нарушивший Декларацию не будет подвергнут наказанию, нет возможности применить принуждение к нему.

Споры со стороны молодых и крупных держав вызывали и объемы предоставляемых прав и свобод, поскольку первые хотели получить их больше, а вторые – были обеспокоены предоставлением слишком большого объема прав молодым государствам, опасаясь за свою целостность.

Жаркие споры и дебаты привели к тому, что была принята версия документа под названием «Женевская». Уже в мае 1948 года на очередном заседании комиссии документ *окончательно* был принят голосованием: 12 голосов – «за», «против» – 0, но было 3 «воздержавшихся»: СССР, Белоруссия и Украина, притом, что голосовали постатейно.

Позволим себе сделать некоторые выводы, а именно: после окончания Второй мировой войны, в ходе которой люди претерпевали повсеместно множество бедствий и лишений, стали участниками глобальных конфликтов, испытали на себе массовые зверства, бомбардировки городов и разрушения инфраструктуры; испытали последствия атомной бомбардировки, голод, холод, унижение, преступления геноцида и др. уже в 1948 году принимается Всеобщая Декларация прав человека. По историческим меркам 74 года срок не большой, хотя для действия Декларации значимый, который позволяет сделать определенные выводы, о произошедших изменениях и полученных результатах международного сотрудничества множества стран в реализации и защите прав человека, в развитии концепции международного права прав человека, гуманитарного права, нормы которых регламентировали взаимоотношения на базе взаимопонимания между странами мирового сообщества в сфере создания механизмов реализации и защиты прав каждого человека.

Позволим согласиться с мнением ряда ученых и политиков, которые отмечают факт создания, обсуждения и принятия текста Декларации в сложный период взаимоотношений между рядом государств мира, да и создатели Декларации – пред-

ставители не самых дружественно настроенных государств порой проявляли непонимание друг друга, при том, при том, что участники рабочей группы пытались слышать и понимать друг друга, идти друг другу на уступки и компромиссы, всячески пытались согласовывать свои, порой несовместимые позиции по ряду вопросов и правовых ценностей.

Впервые в истории человечества в Декларации провозглашались такие категории как: «свобода», «равенство», «справедливость», «социальный прогресс» и т.д., просматривается по тексту определенный перечень гражданских и политических, социальных и экономических, а также культурных прав, которые до этого момента не закреплялись в международных документах! Создать такой международный документ, регламентирующий права и свободы личности в мире, могли только одаренные, порядочные, умные и высоконравственные личности – авторы текста Декларации, перед которыми следует склонить голову.

Естественно, что члены комиссии при создании текста Декларации понимали, что она будет носить рекомендательный декларативный характер; в преамбуле Декларации ими был провозглашен принцип – документ есть *задача, к выполнению которой должны стремиться* все народы и все государства мира в своей повседневной деятельности; однако рабочая группа и комиссия состояли из квалифицированных дипломатов, профессиональных ученых, высокообразованных государственных деятелей и известных общественников, которые в связи с этим и *смогли* создать в столь короткие сроки значимый для всех стран международный правовой документ.

В окончательной редакции Всеобщей декларации прав человека получила одобрение 10 декабря 1948 года со стороны 48 стран-членов ООН. Вместе с тем, следует обратить внимание на тот факт, что социалистические страны, ЮАР и Саудовская Аравия воздержались в процессе голосования, реально понимая, что реализация ряда статей Декларации по объективным причинам на момент её принятия не могла быть реализована в их странах, что делает однозначно им честь, в сравнении с тем как поступили в то же самое время и в аналогичной ситуации страны Запада в целом, в которых провозглашенные в Декларации права не соблюдались, ущемлялись, подвергались сомнению, притом, что это не остановило присутствующих представителей названных государств от голосования за текст Декларации полностью. (Например, в США в этот период существовала расовая дискриминация, признанная в законодательном порядке и т.д.)

О значении Всеобщей Декларации прав человека продолжают говорить и спорить, продолжают обсуждать плюсы и минусы текста Декларации, но она, Декларация, и сегодня является источником закрепленных наиболее важных общих норм и ценностей человечества. Авторами были учтены разнообразные культурные, политические, правовые традиции и воззрения, которые получили закрепление в Декларации и не перестают с тех пор для народов и государств быть наивысшим стандартом в институте прав человека.

В последующие годы Декларация породила ряд важнейших конвенций на международном уровне по правам человека, среди которых следует назвать Венскую конвенцию 1993 года, которая закрепила принцип: «что все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны и правам человека следует относиться глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием» [6]. Невозможно не указать на слова, сказанные в преамбуле конвенции о том, что следует исходить из признания и подтверждения принципа, что все

права человека проистекают из достоинства и ценности, присущих человеческой личности, тогда как личность в свою очередь является основополагающим субъектом прав человека и основных свобод, что в свою очередь требует от неё являться основным бенефициаром этих прав и свобод и активно участвовать в их реализации. Важность и значимость Венской конвенции еще и в том, что она породила институт Верховного комиссара по правам человека, должность которого учреждена Генеральной Ассамблеей ООН.

Нормы-принципы Всеобщей Декларации прав человека продолжали воплощаться в нормах конституций многих государств мира, претерпевали конкретизацию и толкование в конвенциях, законах, соглашениях, договорных практиках, освещались в монографиях, диссертациях и т.д. [3].

Ради справедливости и с чувством благодарности следует напомнить о том, что под воздействием Декларации была написана целая глава Конституции нашего государства в 1993 году, посвященная правам и свободам человека и гражданина, к тому же конституционно был закреплен естественный характер прав человека по аналогии с Декларацией [2, 4].

Всегда следует помнить тот факт, что принцип взаимозависимости общепризнанных прав каждого не может не оказывать влияния на систему механизмов межгосударственных гарантий и защиты прав личности всеми государствами мира вообще, если последние провозглашены во Всеобщей Декларации. И, тем не менее, Факультативный протокол к Пакту об экономических, социальных и культурных правах появляется только в 2008 году после того, как прошло 60 лет после принятия Всеобщей Декларации, что указывает на тот факт, сколько времени понадобилось мировому сообществу, чтобы подойти к осознанию необходимости и важности закрепления принципов и норм формирования и функционирования контрольного механизма в сфере реализации социально-экономических и культурных прав человека и гражданина.

За последние 20 лет на основе Декларации создана во многих странах и функционирует система международных и иных договоров в сфере защиты прав личности в мире, накоплен практический опыт, которым обмениваются ученые, правители, омбудсмены при том, что постоянно выявляются в названной сфере и существенные недостатки в механизмах защиты и контроля за реализацией и обеспечением прав человека и гражданина.

Следует сделать вывод о том, что деятельность по сотрудничеству между государствами в сфере защиты прав человека не следует прекращать ни на миг, поскольку даже в тяжелые времена «холодных отношений» между государствами велись переговоры и находились решения трудных и проблемных вопросов на основе взаимных уступок и компромиссов договаривающихся сторон с учетом интересов и возможностей всех участников переговорного процесса на основе готовности поиска взаимоприемлемых решений, что тоже требуется и в настоящее время.

В целом, оценивая Декларацию и ее ценность, многие ученые указывают на то, что необходима доработка текста Декларации с учетом «новых» прав и свобод человека, которые получили закрепление в международных документах за последние годы, вполне возможно появление и новых принципов и норм международного права в теории прав человека, которые практически уже закреплены и реализуются в межгосударственных соглашениях по правам человека, как, например, *принцип защиты прав ребенка*.

Нельзя не отметить, что значимость Всеобщей Декларации прав человека еще и в том, что и сегодня она есть, существует и функционирует как международный и внутригосударственный документ в сфере прав личности в большинстве стран мира, хотя вокруг неё не утихают споры о ее рекомендательном или обязательном характере... Важно, что есть зафиксированные письменно принципы формирования теории прав человека в мире, которые через Всеобщую Декларацию прав человека оказывают влияние на нашу правовую систему, важно, что Декларация продолжает развиваться и «обрастать» новыми нормами и принципами, важно, что она востребована и ею пользуются постоянно, т.е. она реализуется даже в том виде, в котором появилась в 1948 году.

Если принять во внимание, что Декларация в свое время была принята в виде *резолюции* Генеральной Ассамблеи ООН, то справедливо ли считать ее характер рекомендательным, *хотя объективно сама по себе Декларация – документ юридически не обязательный*. А как быть с тем фактом, что результат практики государств может быть воспринят вначале как обычай, в последующем признаваемый юридической нормой.

В реальной жизни есть примеры изначального признания ряда прав в формате обычного права, с последующим их переходом в статус обязательных, например, договорных.

Сегодня в ряде стран Европы и Америки достаточно громко звучат голоса об отмене международного права, об отмене функционирования международных механизмов защиты прав личности, о чем свидетельствуют события последних лет на Ближнем Востоке, например. Трудно понимать и еще труднее осознать поведение ряда стран бывшего СССР с точки зрения реальной разумности, начинаешь задумываться над психическим здоровьем политической и идеологической элиты государств, таких как Украина, Литва, Польша, в деятельности, которых просматривается не принцип защиты интересов собственного государства, собственного населения, а принцип: *сделай соседу хуже, пусть даже хуже станет и мне*.

Нельзя людям в мире жить без права и правозащитных механизмов, что сегодня демонстрируют последние события в мире и *дело борьбы за права человека* следует рассматривать как обязанность всех людей, обладающих здоровым правовым сознанием. Хотелось бы верить в то, что Россия продолжит развивать механизмы по формированию национального внутрироссийского правового и патриотического сознания с учетом влияния Всеобщей Декларации прав человека на нашу правовую систему. Наша страна, наш народ должны возложить на себя миссию путем просвещения и образования развивать механизмы реализации и защиты прав личности каждого человека не только в своей стране, но и во всем мире.

Важно отметить и тот факт, что право, как система правил жизни крайне важна для каждого человека в его общении и взаимодействии, в процессах предотвращения и разрешения конфликтов на всех уровнях, поскольку человек живет в правовом поле и не может существовать без права, то для детей, молодежи, студентов право еще и важно как средство воспитания и формирования человека, личности, гражданина.

Библиографический список

1. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/

2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://www.consultant.ru/>

3. Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация норм Конвенции и решений Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: монография. 2-е изд. /Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.-СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2015. – 426 с.

4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / А.М. Дроздова [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

5. См.: Во всем этом была огромная заслуга Р. Кассена, к тому же он написал *вступительную преамбулу*, в которой описаны *основные принципы*, введены шесть вступительных статей, 32 статьи были систематизированы на 8 подгрупп, а еще включены два завершающих положения о применении. Р. Кассен говорил, что Всеобщая декларация прав человека 1948 года похожа на портик греческого собора с фундаментом, ступеньками, четырьмя колоннами и фронтоном. Режим доступа: <http://vsenichego.ru/?p=3607>

6. См. Венская Декларация и программа действий. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml

Для цитирования: Дроздова А.М., Ревнова М.Б. Всеобщая декларация прав человека и ее влияние на правовую систему России: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 69–75.
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.005

Alexandra M. Drozdova *
Mariya B. Revnova **

THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS AND ITS IMPACT ON THE LEGAL SYSTEM OF RUSSIA

Annotation. *The article analyzes the history of the creation of the Universal Declaration of Human Rights, the mechanism for its adoption and the specifics of the impact on the legal systems of existing states. The author convincingly proves that an international document regulating the rights and freedoms of the individual in the world could only be created by gifted, decent, intelligent and highly moral individuals – the authors of the text of the Declaration.*

Key words: *human rights, world order, legal system, person, individual, citizen, Universal Declaration of Human Rights.*

It is common knowledge that the British Bill of Rights (1689), the US Bill of Rights (1791) and the French Declaration of the Rights of Man and Citizen (1789), which were based on the natural law ideas of the Enlightenment period, were the first adopted in different countries documents on human rights in the world.

* Drozdova Alexandra Mikhailovna, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg), Professor of the Department of Legal Culture and Protection of Human Rights of the Law Institute of the North Caucasus Federal University (Stavropol), Doctor of Law, Professor. E-mail: temp17@rambler.ru

** Revnova Maria Borisovna, rector of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of legal sciences. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

The understanding that the atrocities committed by Nazi Germany during the Second World War made the governments of many countries realize the need to develop and adopt a universal treaty that would clearly identify universally recognized human rights and mechanisms for their protection, both at the level of participating states and in all other states in the world. Such a unique legal act was the Universal Declaration of Human Rights [1], which, after a rather lengthy preparation and approval, was adopted by the UN General Assembly at a regular meeting in 1948. The text of the Declaration was worked out by a working group created for this purpose – the UN Commission, which, under the chairmanship of Eleanor Roosevelt, worked from January 27 to February 10, 1947.

Describing the working group created to develop the text of the Declaration, it should be noted that it initially consisted of 18 people – representatives of some states, such as: the USA, Great Britain, the USSR, Australia, the Byelorussian SSR, Cuba, China, India, Egypt, Iran, Panama, Libya, France, Uruguay, Philippines, Yugoslavia and Chile. It should be noted a rather modest representation of European countries ...

The general management of the organization of work and leadership of the Commission was entrusted to an official of the UN Secretariat – the head of the human rights department, a specialist in international law, a citizen of Canada, John Humphrey, and the task assigned to them was to develop and prepare a document under the general name of the International Bill of Rights person.

At the first stage, the work of the commission was complicated by the fact that representatives of various countries, each having their own opinion, tried in their own way to describe the situation with the provision of human rights, but they did not have a common text. The problem was solved by creating a subgroup of the commission under the leadership of E. Roosevelt, who was instructed to prepare the initial version of the text of the Declaration. The subgroup included: the philosopher Charles Malik and the representative of China Zhang Pengchunya, who attracted an official, John Humphrey and his staff, to their subgroup to prepare a draft of the text.

The experienced and professionally trained J. Humphrey managed to prepare a draft version of the text of the Declaration of 48 articles and submit it for discussion at a meeting of the subcommittee, which by that time included the representative of the USSR Vl. Kortsy, which indicates the participation of our state in the preparation of the document from the very beginning of the creation and discussion of the text of the document.

Since these five representatives of various countries, who for the first time in the world worked on the creation of the text of the Declaration, did not quite understand what exactly they should create, what should be put into the text of the document, they experienced objective difficulties in reaching a consensus, while perfectly understanding and realizing the complexity and the importance of their task...

For the sake of justice, it should be noted that the most experienced, who survived two wars in his life, was Rene Cassin, a Jew by nationality, who lost about thirty relatives in Nazi concentration camps, sentenced to death by the Nazis, who agreed to work on a subcommittee on the draft Declaration, it was his contribution to development of the text of the Universal Declaration of Human Rights of 1948 became the main and weighty.

It should be noted that J. Humphrey, collecting the preliminary text, accepted a variety of proposals for inclusion in the draft version of the document, including those from individual citizens and individuals, the members of the subcommittee analyzed the constitutions and the legal norms in force at that time in the field of human rights. Initially prepared from all the proposals received, the document was presented with 400 pages of text

and covered many rights in the cultural, social, economic and political spheres. After the document was formed, it became more difficult for everyone to make proposals for the inclusion of a particular norm, since the author had to substantiate his proposal...

The resulting document was previously discussed in the form of a draft, and the decision of the subcommittee was to reduce the text and bring it in line with the requirements of the legislative technique of that time. The preparation of the second version of the text was entrusted to a writer by profession and a specialist in the field of human rights Rene Cassin, who completed the task and submitted the result of his work to the subcommittee in two days [5]. Due to such an active and high-quality participation of R. Cassin in the preparation of the second version of the document, it was customary for a long time to consider R. Cassin the creator of the Universal Declaration of Human Rights of 1948.

At the same time, at the end of the 20th century, a draft of this document was found, which was found in the affairs of J. Humphrey, and which was written by his hand, and this was the very first version of the Declaration. For the sake of justice, it should be noted that he himself modestly refused to recognize himself as the creator of the document, explaining that it would not be possible for one to create such a document and that this is the result of the creative activity of hundreds of interested parties, which undoubtedly does him honor and causes respect.

At the same time, we note that after many consultations with a number of international organizations, meetings and consultations that lasted quite a long time and painstakingly, on June 17, 1947, R. Cassin presented for discussion at a meeting of the subcommittee a version of the Universal Declaration of Human Rights of 1948 prepared by him personally, on which for some time the commission worked hard according to the schedule drawn up by E. Roosevelt, and the general text of the document was ready on December 17, 1947.

When creating the text of the Declaration, the authors discovered a number of problematic issues, for example, a dispute flared up about the inclusion in the document of provisions on methods for monitoring the implementation of the provisions of the Declaration. Some were sure that without a prescribed control mechanism, the document as a whole loses its legal significance; others, agreeing with the former, assured that not only should the norms of the control mechanism be included in the Declaration, but also the creation of an international tribunal was required; still others pointed out that the one who violated the Declaration would not be punished, there was no possibility to apply coercion to him.

Disputes on the part of young and large powers also caused the volumes of rights and freedoms granted, since the former wanted to get more of them, while the latter were concerned about granting too many rights to young states, fearing for their integrity.

Heated disputes and debates led to the fact that a version of the document called "Geneva" was adopted. Already in May 1948, at the next meeting of the commission, the document was finally adopted by voting: 12 votes – "for", "against" – 0, but there were 3 "abstentions": the USSR, Belarus and Ukraine, despite the fact that they voted article by article.

Let us draw some conclusions, namely: after the end of World War II, during which people everywhere suffered many disasters and hardships, became participants in global conflicts, experienced massive atrocities, bombing cities and destroying infrastructure; experienced the consequences of the atomic bombing, hunger, cold, humiliation, the crime of genocide, etc. already in 1948, the Universal Declaration of Human Rights was adopted. By historical standards, 74 years is not a long period, although it is significant for the operation of the Declaration, which allows us to draw certain conclusions about the changes that have taken place and the results of international cooperation of many countries in the im-

plementation and protection of human rights, in the development of the concept of international human rights law, humanitarian law, norms which regulated relations on the basis of mutual understanding between the countries of the world community in the field of creating mechanisms for the implementation and protection of the rights of each person.

Let us agree with the opinion of a number of scientists and politicians who note the fact of the creation, discussion and adoption of the text of the Declaration in a difficult period of relations between a number of states of the world, and the creators of the Declaration, representatives of not the most friendly states, sometimes showed misunderstanding of each other, moreover, moreover, that the members of the working group tried to hear and understand each other, make concessions and compromises to each other, tried in every possible way to coordinate their sometimes incompatible positions on a number of issues and legal values.

For the first time in the history of mankind, the Declaration proclaimed such categories as: "freedom", "equality", "justice", "social progress", etc., a certain list of civil and political, social and economic, as well as cultural rights is visible in the text which until now have not been fixed in international documents! To create such an international document regulating the rights and freedoms of the individual in the world, could only gifted, decent, intelligent and highly moral individuals – the authors of the text of the Declaration, before whom one should bow one's head.

Naturally, when creating the text of the Declaration, the members of the commission understood that it would be of a recommendatory declarative nature; in the preamble of the Declaration, they proclaimed the principle that a document is a task that all peoples and all states of the world should strive to achieve in their daily activities; however, the working group and the commission consisted of qualified diplomats, professional scientists, highly educated statesmen and well-known public figures, who, in this regard, were able to create an international legal document significant for all countries in such a short time.

The final version of the Universal Declaration of Human Rights was approved on December 10, 1948 by 48 UN member countries. At the same time, attention should be paid to the fact that the socialist countries, South Africa and Saudi Arabia abstained in the voting process, realizing that the implementation of a number of articles of the Declaration for objective reasons at the time of its adoption could not be implemented in their countries, which makes it clear their honor, in comparison with what the countries of the West did at the same time and in a similar situation as a whole, in which the rights proclaimed in the Declaration were not respected, infringed, questioned, despite the fact that this did not stop the representatives of these states present from voting for the text of the Declaration in full. (For example, in the United States during this period there was racial discrimination recognized by law, etc.)

The meaning of the Universal Declaration of Human Rights continues to be discussed and argued, the pros and cons of the text of the Declaration continue to be discussed, but even today it, the Declaration, is the source of the most important common norms and values of mankind. The authors took into account a variety of cultural, political, legal traditions and views, which were enshrined in the Declaration and have not ceased to be the highest standard for peoples and states in the institution of human rights ever since.

In subsequent years, the Declaration gave rise to a number of major human rights conventions at the international level, among which the Vienna Convention of 1993 should be mentioned, which enshrines the principle: "that all human rights are universal, indivisible, interdependent and interrelated and human rights should be treated globally, on a fair

and equal basis, with the same approach and attention” [6]. It is impossible not to point to the words spoken in the preamble of the convention that one should proceed from the recognition and confirmation of the principle that all human rights stem from the dignity and worth inherent in the human person, while the person, in turn, is a fundamental subject of human rights and fundamental freedoms. which in turn requires her to be the main beneficiary of these rights and freedoms and to actively participate in their implementation. The importance and significance of the Vienna Convention also lies in the fact that it gave rise to the institution of the High Commissioner for Human Rights, whose position was established by the UN General Assembly.

The norms-principles of the Universal Declaration of Human Rights continued to be embodied in the norms of the constitutions of many states of the world, underwent concretization and interpretation in conventions, laws, agreements, contractual practices, were covered in monographs, dissertations, etc. [3].

For the sake of justice and with a sense of gratitude, it should be recalled that under the influence of the Declaration, an entire chapter of the Constitution of our state was written in 1993, dedicated to the rights and freedoms of man and citizen, moreover, the natural nature of human rights was constitutionally fixed by analogy with the Declaration [2, 4].

One should always remember the fact that the principle of interdependence of the universally recognized rights of everyone cannot but influence the system of mechanisms for interstate guarantees and protection of individual rights by all states of the world in general, if the latter are proclaimed in the Universal Declaration. And yet, the Optional Protocol to the Covenant on Economic, Social and Cultural Rights appears only in 2008 after 60 years have passed since the adoption of the Universal Declaration, which indicates the fact that how long it took the world community to come to the realization the need and importance of fixing the principles and norms of the formation and functioning of the control mechanism in the sphere of the implementation of socio-economic and cultural rights of a person and a citizen.

Over the past 20 years, on the basis of the Declaration, a system of international and other treaties has been created in many countries and operates in the field of protecting the rights of the individual in the world, practical experience has been accumulated that scientists, rulers, ombudsmen exchange mechanisms for the protection and control over the implementation and provision of human and civil rights.

It should be concluded that the activities of cooperation between states in the field of human rights protection should not be stopped for a moment, since even in difficult times of “cold relations” negotiations were held between states and solutions were found to difficult and problematic issues based on mutual concessions and compromises. contracting parties, taking into account the interests and capabilities of all participants in the negotiation process, based on the readiness to search for mutually acceptable solutions, which is also required at the present time.

In general, assessing the Declaration and its value, many scientists point out that it is necessary to refine the text of the Declaration, taking into account the “new” human rights and freedoms that have been enshrined in international documents in recent years, it is quite possible that new principles and norms of international law will appear. in the theory of human rights, which are practically already enshrined and implemented in interstate agreements on human rights, such as the principle of protecting the rights of the child.

It should be noted that the significance of the Universal Declaration of Human Rights is also in the fact that even today it exists, exists and functions as an international and do-

mestic document in the field of individual rights in most countries of the world, although disputes about its recommendatory or mandatory nature do not subside around it. ... It is important that there are written principles for the formation of the theory of human rights in the world, which through the Universal Declaration of Human Rights have an impact on our legal system, it is important that the Declaration continues to develop and “acquire” new norms and principles, it is important that it is also in demand by it are constantly used, i.e. it is being implemented even in the form in which it appeared in 1948.

If we take into account that the Declaration was once adopted in the form of a resolution of the UN General Assembly, then is it fair to consider its character to be recommendatory, although objectively the Declaration itself is not a legally binding document. But what about the fact that the result of the practice of states can be perceived at first as a custom, subsequently recognized as a legal norm. In real life, there are examples of the initial recognition of a number of rights in the format of customary law, with their subsequent transition to the status of mandatory, for example, contractual ones.

Today, in a number of countries in Europe and America, voices are heard quite loudly about the abolition of international law, the abolition of the functioning of international mechanisms for the protection of individual rights, as evidenced by the events of recent years in the Middle East, for example. It is difficult to understand and even more difficult to understand the behavior of a number of countries of the former USSR from the point of view of real rationality, you begin to think about the mental health of the political and ideological elite of states, such as Ukraine, Lithuania, Poland, in activities that do not see the principle of protecting the interests of their own state, their own population, but the principle: make your neighbor worse, even if it becomes worse for me.

It is impossible for people in the world to live without law and human rights mechanisms, which is demonstrated today by recent events in the world, and the cause of the struggle for human rights should be considered as the duty of all people with a healthy legal consciousness. I would like to believe that Russia will continue to develop mechanisms for the formation of national domestic legal and patriotic consciousness, taking into account the influence of the Universal Declaration of Human Rights on our legal system. Our country, our people must take on the mission to develop mechanisms for the realization and protection of the rights of the individual of each person, not only in their country, but throughout the world, through enlightenment and education.

It is also important to note the fact that law, as a system of rules of life, is extremely important for each person in his communication and interaction, in the processes of preventing and resolving conflicts at all levels, since a person lives in the legal field and cannot exist without law, then for children, youth, students, the right is also important as a means of educating and shaping a person, personality, citizen.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. "Universal Declaration of Human Rights" (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948). Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/
2. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with changes approved during the nationwide vote on 07/01/2020) <http://www.consultant.ru/>

3. Komarov S.A., Lapteva I.V., Titenkov D.I. Human rights and legal infiltration of the norms of the Convention and decisions of the European Court of Human Rights into the legal system of the Russian Federation: monograph. 2nd ed. / Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow-Sank-Petersburg: Publishing House of the Law Institute (St. Petersburg), 2015. 426 p.

4. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / A.M. Drozdova [i dr.]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 343 p. (Series: Professional Comments).

5. See: R. Cassin made a great merit in all this, besides, he wrote an introductory preamble, which describes the basic principles, introduced six introductory articles, 32 articles were systematized into 8 subgroups, and also included two final provisions on the application. R. Cassin said that the Universal Declaration of Human Rights of 1948 is similar to the portico of a Greek cathedral with a foundation, steps, four columns and a pediment. Access mode: <http://vsenichego.ru/?p=3607>

6. See Vienna Declaration and Program of Action. Access mode: https://www.un.org/en/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml

For citation: Drozdova A.M., Revnova M.B. The Universal Declaration of Human Rights and Its Influence on the Russian Legal System: Article // Theory of State and Law. 2022. No. 3 (28). P. 75–81.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.05

Научная статья

УДК 340

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.006

Т.Ф. Зябкина*

Н.Б. Кирсанова**

Д.А. Мохоров***

И.И. Мушкет****

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ МОРСКИХ СПОРОВ

***Аннотация.** В условиях постоянного увеличения межгосударственных торговых отношений и объема товарооборота, развитием логистических связей, приобретают актуальность морские перевозки. По сравнению с другими видами транспорта перевозка грузов морскими судами имеет ряд преимуществ, в частности, низкая себестоимость перевозки, практическая неограниченная пропускная способность морских путей.*

Морское судоходство используется в основном в международных перевозках. Наличие иностранного элемента в этом древнейшем способе перемещения грузов обуславливает его сложное правовое регулирование. Нередко возникающие споры, связанные с морскими грузоперевозками, стороны, как правило, разрешают в суде. При этом, спорящие стороны для урегулирования конфликта могут воспользоваться одним из юрисдикционных способов – обратиться в суд или в арбитраж, решение которых будет обязательным для сторон. Вместе с тем, обращение спорящих сторон в арбитраж или суд не всегда для них приемлемо, поскольку грозит разрывом коммерческих связей. Вследствие чего стороны заинтересованы найти альтернативные способы разрешения конфликта или спора, максимально урегулировать разногласия с сохранением деловых взаимоотношений.

К альтернативным способам разрешения споров относят, в частности, переговоры сторон, претензионный порядок, третейское разбирательство, медиация, коммерческий арбитраж. Основными альтернативными способами являются переговоры и медиация (посредничество). В статье авторы рассматривают теоретико-правовые аспекты разрешения морских споров,

* Зябкина Татьяна Федоровна, старший преподаватель Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: zyabkina_tf@spbstu.ru

** Кирсанова Наталья Борисовна, старший преподаватель Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: kirsanova_nb@spbstu.ru

*** Мохоров Дмитрий Анатольевич, директор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: mohorov_da@spbstu.ru

**** Мушкет Иван Ильич, заместитель руководителя Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ – директор Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств-участников МПА СНГ, доктор юридических наук, профессор. E-mail: mimrd@iacis.ru

анализируют проблемы правовой трансформации процедуры медиации; рассматривают примирительные процедуры и разработки стратегии и правовых механизмов взаимодействия участников, развитие институтов морских медиаторов и международных морских посредников.

Ключевые слова: морские перевозки грузов; национальное законодательство; медиация; медиативные технологии; разрешение споров; морской контракт; примирительная процедура; специалисты-медиаторы.

Введение. Институт урегулирования споров и разногласий при помощи посредников известен с древних времен человеческой цивилизации и является старейшим инструментом международных правоотношений [8]. На протяжении веков «медиация» имела разные названия, например, «предложение добрых услуг», «ходатайство», «посредничество». Как писал Э. Джонстон в своей работе «Краткая история медиации» в древних цивилизациях споры разрешали представители духовенства, мудрецы, старейшины и другие уважаемые люди [16].

Как правило, процедура примирения с привлечением посредников использовалась в торговых регионах. Корни современной медиации можно найти у древних финикийской и Вавилонской цивилизациях, занимавшихся в основном морской торговлей. Свое развитие институт «медиации» получил в средние века и новое время, когда назрела у человечества необходимость закончить многолетние войны, например, Тридцатилетнюю войну, в которую были вовлечены почти все государства Европы, включая Россию.

В 1648 году между воюющими государствами состоялось примирение, были заключены мирные договоры. По мнению В.В. Коломытцевой, началом развития медиации можно считать принятие в 1803 году Наполеоном Бонапартом «Акта посредничества» (или «Акт о медиации») – первого нормативного правового документа в этой области, которым был разрешен конфликт между Германией, Швейцарией и Францией [9].

Развитие межгосударственных торговых связей, увеличение объема и интенсивности торговли в XX веке вызвали необходимость дальнейшего развития института медиации и закрепления его основ и принципов на законодательном уровне. В этот период времени наиболее интенсивное развитие институт медиации получил в Великобритании, США и Австралии, а позднее – в Европе. Именно тогда термин «медиация» стал употребляться в ее современном понимании [10].

Окончательным оформлением института медиации можно считать 1981 год, когда ученые Гарвардской школы права в своем исследовании описали концепцию работы с конфликтом так называемую теорию «переговоры по существу» или «совместные действия». Суть этой теории заключается в разграничении интересов и позиций сторон, т.е. в ходе переговоров (медиации) необходимо уяснить интересы каждой конфликтующей стороны для достижения взаимовыгодного решения, без победителя и проигравшего. В этом и заключается работа медиатора. Условно такие переговоры можно представить следующей схемой: люди – интересы – варианты – решения [14]. Таким образом, актуальность исследования определяют наличие в настоящее время проблем развития и модернизации института посредников (переговорщиков или медиаторов), а также правового регулирования досудебного (внесудебного) порядка разрешения споров в области морских торговых перевозок.

Основная часть. Поскольку морской транспорт используется в основном для международной перевозки грузов, то и правовое регулирование перемеще-

ния грузов морскими судами носит международный характер. Основными источниками международной морской перевозки грузов являются международные соглашения, национальное (внутреннее) законодательство государств, морские обычаи.

Наиболее важными источниками являются Брюссельская конвенция 1924 года, в которой указаны реквизиты коносамента, закреплен порядок его составления и выдачи с Гаагскими правилами, защищающими интересы перевозчиков грузов [3]; Гамбургские правила, регулирующие ответственность грузоотправителя и перевозчика, транспортные документы, предъявление требований и исков [1]; Правила Висби [4]; Роттердамские правила [2]. Таким образом, международные морские перевозки регулируются четырьмя правовыми режимами, которые, порой, одни и те же вопросы по-разному регулируют, что неизбежно приводит к возникновению коллизий в международной арбитражной практике морских перевозок.

Вместе с тем, морские перевозки регулируются международными морскими обычаями и национальным законодательством государств, а также и специфическими институтами, в том числе альтернативными способами урегулирования споров. Таким образом, основной проблемой международного правового регулирования морских перевозок грузов является отсутствие единых подходов в его источниках. Тем не менее, в международной практике сложились принципы мирного урегулирования споров, возникающих в сфере торгового мореплавания.

Как уже было сказано ранее, стороны могут обратиться в суд или арбитраж, что грозит разрывом сложившихся коммерческих связей. Кроме того, в пользу поиска и использования сторонами альтернативных способов и механизмов разрешения споров следует отнести следующие аргументы: снижение судебных расходов и издержек; сокращение времени урегулирования конфликта; достижение результата, который устраивает обе спорящие стороны; добровольность исполнения решения; выбор сторонами посредника (медиатора или переговорщика); самостоятельное определение сторонами формы и порядка ведения переговоров; продолжение коммерческих связей и делового сотрудничества. Наиболее удачные решения, реализующиеся в настоящее время в юридической профессии, которые направлены на повышение эффективности работы юристов и адаптации к постоянно меняющимся реалиям и потребностям в юридических услугах медиаторов (или переговорщиков) в сфере урегулирования конфликтов в области морских перевозок грузов, направлены также на продвижение и совершенствование медиативных практик.

Медиация это одна из структурированных технологий, направленная на разрешение противоречий/конфликтов (или в целях недопущения конфликтов) между спорящими сторонами с помощью третьей, независимой (нейтральной) стороны, которая не заинтересована в том или ином конфликте [13, 14, 15]. Важнейшими условиями применения процедуры медиации являются добровольное участие в ней всех сторон спора, их готовность включиться в процесс поиска путей его урегулирования, а также отказ от обращения к другим (судебным, административным) способам разрешения споров на время проведения процедуры медиации.

В. Архипов определял медиацию как «один из инструментов организации эффективного правопорядка, поскольку в результате успешных медиационных проце-

дур стороны (субъекты) достигают понимания общности своих интересов. Благодаря этому им удается понять, как нормативная структура соответствует их отношениям, создать «конституцию» для своих будущих отношений или прекратить непродуктивное взаимодействие» [7].

Анализируя трансформацию института медиации, можно уверенно утверждать, что в настоящее время медиация уже не является отдельным, самостоятельным видом юридической деятельности, а является ее частью и рассматривается юридическим сообществом в качестве одного из приоритетных направлений реформирования и модернизации российского правового поля. Осознавая значимость и перспективность медиативных технологий в разрешении споров, законодатель закрепил необходимость введения института медиации в правовое поле России, приняв Федеральный Закон № 193-ФЗ от 27.07.2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [5].

В целях развития медиативных технологий и практик следует обратиться к изучению международного опыта участия морских посредников для разрешения споров, связанных с морской перевозкой грузов. Во многих зарубежных странах уже создана необходимая правовая база применения медиации в данной области. Так, например, Японская судоходная биржа в 1992 году приняла Согласительные правила, регламентирующие добровольное досудебное урегулирование морских споров; в Испании 06 июля 2012 года был принят Закон о медиации в гражданских и коммерческих спорах, которым, в том числе, регулируются и морские споры; в 2007 году в США Морской арбитражной ассоциацией Соединенных Штатов были приняты Правила медиации; Международная комиссия морского примирения и медиации была основана в Лондоне 13 октября 2006 года, в состав которой входят наиболее авторитетные специалисты более чем из 20 государств, в том числе, и из России.

Принятие указанных нормативных актов обусловлено тем, что в конце XX века четко обозначилась тенденция необходимости разработки и принятия правил медиации специализированными организациями, которые предлагают свои услуги для урегулирования морских споров. Результатом этого было принятие в 1999 году Обществом морских арбитров правил медиации [18]. В 2006 году на основании положений Согласительного регламента ЮНСИТРАЛ (от 1980 года) были приняты Правила морского примирения и медиации, которыми в указанный регламент были внесены поправки, адаптирующие его к проведению процедуры медиации в спорах по морским контрактам, в случае, если стороны договорились об их применении. Учитывая в настоящее время востребованность применения примирительных (медиативных) процедур, переговорные и медиативные практики постоянно совершенствуются, адаптируясь к изменяющимся реалиям. В настоящее время используется порядка 40 медиативных практик и процедур для разрешения морских споров.

В научных работах, посвященных альтернативным способам разрешения споров, как правило указывают на положительные стороны в использовании таких процедур, что, несомненно, служит продвижению и развитию данного института. Вместе с тем, это представляется не совсем верным. Форма международного контракта морской перевозки грузов не имеет жесткого нормативного закрепления. Однако, юридическая техника требует, чтобы контракт содержал отдельные положения по вопросам урегулирования споров. В контрактах морских перевозок сторо-

ны самостоятельно решают, каких способом они будут разрешать конфликтные ситуации. Такие формы и способы обязательны для сторон контракта.

Международные правовые акты не содержат четких требований по процедуре предъявления претензии (рекламации). В то же время, сторонам необходимо продумать и четко прописать в морском контракте, каким образом, в какой форме, в какие сроки стороны будут предъявлять претензии друг другу. Таким образом, прорабатывая данные вопросы, стороны должны потратить достаточно времени для таких формулировок для внесения их в типовой контракт.

В связи с постоянным совершенствованием примирительных процедур, Федеральным законом № 197-ФЗ от 26.07.2019 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были значительно расширены возможности применения посредничества при разрешении споров [6]. По заключению многих специалистов, медиация является весьма эффективным способом урегулирования споров, в частности, вытекающих из договоров морского страхования и нарушения морских контрактов. Также следует отметить, что примирительную процедуру стороны вправе применить не только в досудебном разрешении конфликта, но и во время судебного разбирательства.

Примирительная процедура инициируется одной из спорящих сторон путем направления другой стороне соответствующего письменного предложения. Посредник (медиатор) выбирается сторонами по обоюдному согласию, согласовывается место и порядок проведения процедуры. Медиатор, руководствуясь принципами справедливости и нейтральности, оказывает сторонам помощь беспристрастно и независимо, при необходимости дает сторонам рекомендации и советы для урегулирования спора. Цель его деятельности – мирное разрешение конфликта.

Таким образом, становится очевидным, что успешная деятельность морского посредника должна основываться на коммуникативных способностях и юридическом опыте специалиста по морскому праву, и, следовательно, требует специального обязательного обучения медиативным техникам. Исходя из этого, нельзя не согласиться с М.Новасо, который ставит вопрос о необходимости подготовки квалифицированных кадров морских посредников, которые должны обладать, в том числе, междисциплинарными навыками [17].

Так, например, Президент Федеральной палаты адвокатов Ю.Пилипенко в целях развития медиативных процедур, предлагает активно привлекать к ним адвокатов и других специалистов [11]. В связи с этим встает вопрос о необходимости объединения научного потенциала юридического сообщества для создания образовательных программ и технологий развития переговорных компетенций, созданных специально для использования процедур медиации в различных областях правоотношений, в частности, в области разрешения морских споров. Подготовка специалистов-медиаторов в сфере урегулирования споров по морским перевозкам грузов, помимо базового высшего юридического образования, должна состоять из изучения морского права (применение международных конвенций, правовые нормы регулирующие международные морские перевозки грузов, ответственность перевозчика, основные транспортные документы, вопросы подсудности, нормы национального права, процессуальные вопросы), анализ международного опыта проведения медиативных процедур в разрешении морских споров, конфликтологию, юридическую психологию.

Также при обучении медиативным практикам необходимо изучать значение и особенности национальных и культурных отличий сторон. В целях решения задач по созданию инновационных образовательных проектов в области медиации можно использовать принцип саморегулируемых организаций, которые объединят профессионалов-медиаторов. К слову сказать, в Голландии к посреднику предъявляются достаточно жесткие требования – помимо наличия высшего юридического образования, кандидату необходимо пройти специальные курсы и получить сертификат. Кроме того, посредник обязан быть зарегистрирован в Голландском институте посредничества и иметь опыт работы по разрешению споров порядка в 10 делах, ежегодно проходить повышение квалификации [12].

Заключение. Подводя итог, можно с уверенностью констатировать необходимость внедрения в российскую правовую практику различных форм примирительных процедур, что предполагает серьезную проработку концепций использования каждой процедуры. Без использования альтернативных способов разрешения споров, в том числе, в области морских перевозок, невозможно развитие бизнеса и межгосударственных торговых взаимоотношений. Необходимо создавать стимулирующие механизмы для использования спорящими сторонами примирительных процедур, не доводя спор до судебного разбирательства.

Рассмотрение применения медиативных практик при рассмотрении морских споров позволит выработать правильный баланс сторон, которые разрешая спор в правовом поле и обеспечивая приемлемые для обеих сторон и оговоренные заранее в контракте способы разрешения конфликта, сохранить коммерческие связи.

Необходимо создавать образовательные программы для подготовки специалистов-медиаторов. Стратегическая цель подготовки – создание Института международных морских посредников. Возможно рассмотрение вопроса об объединении профессиональных морских медиаторов в профессиональное сообщество.

Развивать медиацию в России в различных направлениях – медиация на основе Гарвардского метода проведения переговоров и общественная медиация по отдельным категориям споров; судебная медиация (использование медиативных практик в работе суда); внедрение обязательной процедуры медиации по морским спорам. Иными словами, медиация является неотъемлемой частью разрешения конфликтов и споров, а сама процедура получает постепенное правовое закрепление. Нет никаких сомнений, что медиация все больше будет востребована в качестве альтернативного способа разрешения споров, связанных с морской перевозкой грузов.

Библиографический список

1. «Конвенция Организации Объединенных Наций о морской перевозке грузов 1978 года» («Гамбургские правила») (Вместе с «Общей договоренностью...», «Резолюцией, принятой конференцией...») (Заключена в г. Гамбурге 31.03.1978) // <http://treaties.un.org/>, дата обращения 04.03.2021).
2. «Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов» («Роттердамские правила») (Заключена в г. Нью-Йорке 11.12.2008) // <http://treaties.un.org/> (дата обращения 01.03.2021).
3. «Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте 1924 года» (вместе с «Протоколом подписания») (заключена в г. Брюсселе 25.08.1924) (с изм. от 21.12.1979).

4. «Протокол об изменении Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаменте от 25 августа 1924 года, измененной Протоколом от 23 февраля 1968 года» [рус., англ.] (Подписан в г. Брюсселе 21.12.1979) // <http://treaties.un.org/> (дата обращения 01.03.2021).
5. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.
6. Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 30. – Ст. 4099.
7. *Архипов В.В.* Медиация – предмет изучения теоретико-правовых дисциплин // Третейский суд. – 2009. – № 1 (61). – С. 55.
8. *Давыденко Д.Л.* Из истории примирительных процедур в Западной Европе и США // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – М.: ЮРИТ-Вестник. – 2004. – № 1. – С. 163–176. // URL: http://mediators.ru/rus/about_mediation/literature/text6; *Комаров С.А., Бижан Н.Р.* Внедрение медиации в процессе формирования правового государства // Юридическая мысль. – 2012. – № 4 (74). – С. 50–54; *Мицкая Е.В.* Применение медиации в разрешении правовых конфликтов в Казахстане // Теория государства и права. – 2020. – № 3-1 (19-1). – С. 95–106.
9. *Коломытцева В.В.* Этапы становления медиации в зарубежных странах // Вестник Тамбовского университета. – 2013. – № 2 (118). – С. 268–272.
10. *Денисенко С.В.* Медиация как социальное явление и правовой институт (теоретико-правовой аспект) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 12 (43).
11. Достоинства и проблемы медиации. 14 февраля 2020 панельная дискуссия в рамках VII Международной научно-практической конференции «Ковалевские чтения» // <https://fparf.ru/news/fpa/dostoinstva-i-problemy-mediatsii/> (дата обращения 16.03.2021).
12. *Решетникова И.В.* Размышляя о судопроизводстве: Избранное. – М.: Статут, 2019. – 510 с.
13. *Таймазов В.* Медиация в России: первые шаги // Расчет. – 2008. – № 12. – С. 1.
14. *Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию, или переговоры без поражения / пер. с англ. А. Гореловой; предисл. В.А. Кременюка. – М.: Наука, 1992. – С. 18.
15. Aishan W., Wentang Y. The Combination of Diversified Measures Facilitating the Resolution of Disputes // Mediation Principles and Practice / in Y. Zhang (ed.). – Xiamen, 2008.
16. Johnston E. A Short History of Mediation. – URL: <http://cfrmediation.com/a-short-history-of-mediation>.
17. Maximiliano Navas. Maritime Law Mediation. Legal regime of Civil and Commercial Mediation in Spanish Law: [Электронный ресурс] – URL: <http://www.uk.gmm-abogados.com/maritime-lawmediation/> (дата обращения 16.03.2021)
18. Society of Maritime Arbitrators: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smany.org/sma/mediationrules.html> (дата обращения 14.03.2021).

Для цитирования: Зябкина Т.Ф., Кирсанова Н.В., Мохоров Д.А., Мушкет И.И. Теоретико-правовые аспекты альтернативных способов разрешения морских споров: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 82–88.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.006

Tatyana F. Zybalkina*
Natalya B. Kirsanova**
Dmitry A. Mokhorov***
Ivan I. Mushket****

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF ALTERNATIVE WAYS TO RESOLVE MARITIME DISPUTES

Annotation. *In the context of a constant increase in interstate trade relations and the volume of trade, the development of logistics links, maritime transportation is becoming relevant. Compared with other modes of transport, the transportation of goods by sea has a number of advantages, in particular, the low cost of transportation, the practically unlimited capacity of sea routes.*

Maritime shipping is used mainly in international shipping. The presence of a foreign element in this ancient method of moving goods causes its complex legal regulation. Frequently arising disputes related to maritime transportation, the parties, as a rule, resolve in court. At the same time, the disputing parties can use one of the jurisdictional methods to resolve the conflict – go to court or arbitration, the decision of which will be binding on the parties. At the same time, the appeal of the disputing parties to arbitration or court is not always acceptable for them, since it threatens to break commercial ties. As a result, the parties are interested in finding alternative ways to resolve the conflict or dispute, as much as possible to resolve differences while maintaining business relationships.

Alternative methods of dispute resolution include, in particular, negotiations of the parties, claims procedure, arbitration, mediation, commercial arbitration. The main alternative methods are negotiations and mediation (mediation). In the article, the authors consider the theoretical and legal aspects of resolving maritime disputes, analyze the problems of the legal transformation of the mediation procedure; consider conciliation procedures and the development of a strategy and legal mechanisms for the interaction of participants, the development of institutions of maritime mediators and international maritime mediators.

Key words: *sea transportation of goods; national legislation; mediation; media technologies; dispute resolution; maritime contract; conciliation procedure; mediation professionals.*

Introduction. The institution of settlement of disputes and disagreements with the help of intermediaries has been known since ancient times of human civilization and is the oldest instrument of international legal relations [8]. Over the centuries, "media-

* Zybalkina Tatyana Fedorovna, Senior Lecturer, Higher School of Law and Forensic Technical Expertise, Institute for the Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. E-mail: zybalkina_tf@spbstu.ru

** Kirsanova Natalya Borisovna, Senior Lecturer, Higher School of Law and Forensic Technical Expertise, Institute for the Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. E-mail: kirsanova_nb@spbstu.ru

*** Mokhorov Dmitry Anatolievich, PhD in Law, Associate Professor, Director of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. E-mail: mohorov_da@spbstu.ru

**** Mushket Ivan Ilyich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Secretariat of the Council of the CIS Inter-Parliamentary Assembly – Director of the International Institute for Monitoring the Development of Democracy, Parliamentarism and Observance of the Electoral Rights of Citizens of the IPA CIS Member States. E-mail: mird@iacis.ru

tion" has had various names, such as "offering good offices", "petition", "and mediation". As E. Johnston wrote in his work "A Brief History of Mediation", in ancient civilizations disputes were resolved by representatives of the clergy, sages, elders and other respected people [16].

As a rule, the procedure of reconciliation with the involvement of intermediaries was used in the trading regions. The roots of modern mediation can be found in the ancient Phoenician and Babylonian civilizations, which were mainly engaged in maritime trade. The institution of "mediation" developed in the Middle Ages and modern times, when it became necessary for mankind to end long-term wars, for example, the Thirty Years' War, in which almost all European states, including Russia, were involved.

In 1648, reconciliation took place between the warring states, peace treaties were concluded. According to V.V. Kolomytseva, the beginning of the development of mediation can be considered the adoption in 1803 by Napoleon Bonaparte of the "Act of Mediation" (or "Act on Mediation") – the first regulatory legal document in this area, which resolved the conflict between Germany, Switzerland and France [9].

The development of interstate trade relations, the increase in the volume and intensity of trade in the 20th century necessitated the further development of the institution of mediation and the consolidation of its foundations and principles at the legislative level. During this period of time, the institution of mediation received the most intensive development in the UK, the USA and Australia, and later in Europe. It was then that the term "mediation" began to be used in its modern sense [10].

The final design of the institution of mediation can be considered 1981, when scientists at Harvard Law School in their study described the concept of working with conflict, the so-called theory of "negotiations on the merits" or "joint actions". The essence of this theory is to delimit the interests and positions of the parties, i.e. during negotiations (mediation) it is necessary to clarify the interests of each conflicting party in order to achieve a mutually beneficial solution, without a winner and a loser. This is the job of the mediator. Conventionally, such negotiations can be represented by the following scheme: people – interests – options – solutions [14]. Thus, the relevance of the study is determined by the current problems of development and modernization of the institution of intermediaries (negotiators or mediators), as well as the legal regulation of the pre-trial (out-of-court) procedure for resolving disputes in the field of maritime trade.

Main part. Since maritime transport is used mainly for the international transportation of goods, the legal regulation of the movement of goods by sea vessels is of an international nature. The main sources of international maritime transportation of goods are international agreements, national (internal) legislation of states, maritime customs.

The most important sources are the Brussels Convention of 1924, which specifies the details of the bill of lading, fixes the procedure for its preparation and issuance with the Hague Rules that protect the interests of cargo carriers [3]; Hamburg rules governing the liability of the consignor and carrier, transport documents, claims and claims [1]; Wisby rules [4]; Rotterdam Rules [2]. Thus, international maritime transport is governed by four legal regimes, which, at times, regulate the same issues in different ways, which inevitably leads to conflicts in the international arbitration practice of maritime transport.

At the same time, maritime transportation is regulated by international maritime customs and the national legislation of states, as well as by specific institutions, including alternative dispute resolution methods. Thus, the main problem of international legal regulation of maritime transport of goods is the lack of common approaches in its sources. Nev-

ertheless, in international practice, the principles of peaceful settlement of disputes arising in the field of merchant shipping have developed.

As mentioned earlier, the parties can go to court or arbitration, which threatens to break the existing commercial ties. In addition, in favor of the search and use by the parties of alternative methods and mechanisms for resolving disputes, the following arguments should be attributed: reduction of legal costs and expenses; reducing the time for conflict resolution; achieving a result that suits both disputing parties; voluntary execution of the decision; choice by the parties of an intermediary (mediator or negotiator); independent determination by the parties of the form and procedure for conducting negotiations; continuation of commercial relations and business cooperation. The most successful solutions currently being implemented in the legal profession, which are aimed at increasing the efficiency of the work of lawyers and adapting to the constantly changing realities and needs for legal services of mediators (or negotiators) in the field of resolving conflicts in the field of maritime transport of goods, are also aimed at promoting and improvement of mediation practices.

Mediation is one of the structured technologies aimed at resolving contradictions/conflicts (or in order to avoid conflicts) between disputing parties with the help of a third, independent (neutral) party that is not interested in a particular conflict [13, 14, 15]. The most important conditions for the application of the mediation procedure are the voluntary participation in it of all parties to the dispute, their readiness to join the process of finding ways to resolve it, as well as the refusal to resort to other (judicial, administrative) methods of resolving disputes for the duration of the mediation procedure.

V. Arkhipov defined mediation as “one of the tools for organizing an effective legal order, since as a result of successful mediation procedures, the parties (subjects) reach an understanding of the commonality of their interests. Thanks to this, they manage to understand how the normative structure fits their relationship, create a “constitution” for their future relationship, or stop unproductive interaction” [7].

Analyzing the transformation of the institution of mediation, we can confidently assert that at present mediation is no longer a separate, independent type of legal activity, but is part of it and is considered by the legal community as one of the priority areas for reforming and modernizing the Russian legal field. Realizing the importance and prospects of mediation technologies in resolving disputes, the legislator consolidated the need to introduce the institution of mediation into the legal field of Russia by adopting Federal Law No. 193-FZ of July 27, 2010 “On an alternative procedure for resolving disputes with the participation of an intermediary (mediation procedure)” [5].

In order to develop mediation technologies and practices, one should turn to the study of international experience in the participation of maritime mediators to resolve disputes related to the carriage of goods by sea. In many foreign countries, the necessary legal framework for the use of mediation in this area has already been created. For example, the Japan Shipping Exchange in 1992 adopted the Conciliation Rules governing the voluntary pre-trial settlement of maritime disputes; in Spain, on July 6, 2012, the Law on Mediation in Civil and Commercial Disputes was adopted, which, among other things, regulates maritime disputes; in 2007 in the United States, the United States Maritime Arbitration Association adopted the Mediation Rules; The International Commission for Maritime Conciliation and Mediation was founded in London on October 13, 2006, which includes the most authoritative experts from more than 20 states, including Russia.

The adoption of these regulations is due to the fact that at the end of the twentieth century there was a clear trend towards the need to develop and adopt mediation rules by

specialized organizations that offer their services to resolve maritime disputes. The result of this was the adoption in 1999 of the rules of mediation by the Society of Maritime Arbitrators [18]. In 2006, based on the provisions of the UNCITRAL Conciliation Regulations (1980), the Maritime Conciliation and Mediation Rules were adopted, which amended the said regulation to adapt it to mediation in disputes under maritime contracts, if the parties agreed on their application. Given the current demand for the use of conciliation (mediation) procedures, negotiation and mediation practices are constantly being improved, adapting to changing realities. Currently, about 40 mediation practices and procedures are used to resolve maritime disputes.

In scientific works devoted to alternative dispute resolution methods, as a rule, they point out the positive aspects in the use of such procedures, which undoubtedly serves to promote and develop this institution. However, this does not seem to be entirely true. The form of an international contract for the carriage of goods by sea does not have a strict regulatory framework. However, legal technique requires that the contract contain separate provisions for the settlement of disputes. In maritime transport contracts, the parties independently decide in what way they will resolve conflict situations. Such forms and methods are obligatory for the parties to the contract.

International legal acts do not contain clear requirements for the procedure for filing a claim (complaint). At the same time, the parties need to think over and clearly state in the maritime contract how, in what form, and within what time frame the parties will make claims to each other. Thus, while working through these issues, the parties should spend enough time for such formulations to be included in the model contract.

In connection with the constant improvement of conciliation procedures, Federal Law No. 197-FZ of July 26, 2019 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" significantly expanded the possibilities for using mediation in resolving disputes [6]. According to many experts, mediation is a very effective way to resolve disputes, in particular those arising from marine insurance contracts and breach of maritime contracts. It should also be noted that the parties have the right to apply the conciliation procedure not only in the pre-trial resolution of the conflict, but also during the trial.

The conciliation procedure is initiated by one of the disputing parties by sending an appropriate written proposal to the other party. The mediator (mediator) is chosen by the parties by mutual agreement; the place and procedure for the procedure are agreed upon. The mediator, guided by the principles of fairness and neutrality, provides assistance to the parties impartially and independently, if necessary, gives the parties recommendations and advice for resolving the dispute. The purpose of his activity is the peaceful resolution of the conflict.

Thus, it becomes obvious that the successful activity of a maritime mediator must be based on the communication skills and legal experience of a specialist in maritime law, and, therefore, requires special mandatory training in mediation techniques. Based on this, one cannot but agree with M. Novaso, who raises the issue of the need to train qualified personnel for maritime intermediaries, who should also have interdisciplinary skills [17].

So, for example, the President of the Federal Chamber of Lawyers Yu. Pilipenko, in order to develop mediation procedures, proposes to actively involve lawyers and other specialists in them [11]. In this regard, the question arises of the need to combine the scientific potential of the legal community to create educational programs and technologies for the development of negotiation competencies created specifically for the use of mediation procedures in various areas of legal relations, in particular, in the field of resolving maritime disputes. The training of specialist mediators in the field of dispute resolution on maritime transport of

goods, in addition to basic higher legal education, should consist of studying maritime law (the application of international conventions, legal norms governing international maritime transport of goods, carrier liability, basic transport documents, issues of jurisdiction, norms of national law, procedural issues), analysis of international experience in conducting mediation procedures in resolving maritime disputes, conflictology, legal psychology.

Also, when teaching mediation practices, it is necessary to study the meaning and characteristics of the national and cultural differences of the parties. In order to solve the problems of creating innovative educational projects in the field of mediation, you can use the principle of self-regulatory organizations that will bring together professional mediators. By the way, in the Netherlands there are rather strict requirements for an intermediary – in addition to having a higher legal education, a candidate must take special courses and receive a certificate. In addition, the mediator must be registered with the Dutch Mediation Institute and have experience in resolving disputes in about 10 cases, and undergo training every year [12].

Conclusions. Summing up, we can confidently state the need to introduce various forms of conciliation procedures into Russian legal practice, which implies a serious study of the concepts of using each procedure. Without the use of alternative methods of dispute resolution, including in the field of shipping, it is impossible to develop business and interstate trade relations. It is necessary to create incentive mechanisms for the use of conciliation procedures by disputing parties, without bringing the dispute to trial.

Consideration of the use of mediation practices in the consideration of maritime disputes will allow developing the right balance of parties that, resolving the dispute in the legal field and providing acceptable for both parties and agreed in advance in the contract, ways to resolve the conflict, maintain commercial ties.

It is necessary to create educational programs for the training of specialist mediators. The strategic goal of the preparation is the creation of the Institute of International Maritime Mediators. It is possible to consider the issue of uniting professional maritime mediators into a professional community.

Develop mediation in Russia in various directions – mediation based on the Harvard negotiation method and public mediation in certain categories of disputes; judicial mediation (the use of mediation practices in the work of the court); introduction of a mandatory mediation procedure for maritime disputes. In other words, mediation is an integral part of the resolution of conflicts and disputes, and the procedure itself is gradually becoming legally consolidated. There is no doubt that mediation will be increasingly in demand as an alternative way to resolve disputes related to the carriage of goods by sea.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. "United Nations Convention on the Carriage of Goods by Sea, 1978" (the "Hamburg Rules") (Together with the "General Agreement...", "Resolution Adopted by the Conference...") (Concluded at Hamburg on 31.03.1978)// (according to the information on the UN website <http://treaties.un.org/>, accessed 04.03.2021).

2. "United Nations Convention on Contracts for the International Carriage of Goods Wholly or Partly by Sea" ("Rotterdam Rules") (Concluded in New York on 11.12.2008) // <http://treaties.un.org/> (accessed 03/01/2021).

3. "International Convention for the Unification of Certain Rules on Bills of Lading of 1924" (together with the "Signing Protocol") (concluded in Brussels on 08/25/1924) (as amended on 12/21/1979).
4. "Protocol on amending the International Convention on the Unification of Certain Rules on Bills of Lading of August 25, 1924, as amended by the Protocol of February 23, 1968" [rus., eng.] (Signed in Brussels on 21.12.1979) // (according to the information on the UN website <http://treaties.un.org/>, accessed 03/01/2021).
5. Federal Law of July 27, 2010 No. 193-FZ "On an alternative procedure for resolving disputes with the participation of an intermediary (mediation procedure)" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 31. Art. 4162.
6. Federal Law of July 26, 2019 No. 197-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 30. Art. 4099.
7. Arkhipov V.V. Mediation is a subject of study of theoretical and legal disciplines // Arbitration Court. 2009. No. 1 (61). P. 55.
8. Davydenko D.L. From the history of conciliation procedures in Western Europe and the USA // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. Moscow: YURIT-Bulletin. 2004. No. 1. P. 163–176 // URL: http://mediators.ru/rus/about_mediation/literature/text6; Komarov S.A., Bizhan N.R. The introduction of mediation in the process of formation of the rule of law // Legal Thought. 2012. No. 4 (74). P. 50–54; Mitskaya E.V. The use of mediation in resolving legal conflicts in Kazakhstan // Theory of State and Law. 2020. No. 3-1 (19-1). P. 95–106.
9. Kolomytseva V.V. Stages of formation of mediation in foreign countries // Bulletin of the Tambov University. 2013. No. 2 (118). P. 268–272.
10. Denisenko S.V. Mediation as a Social Phenomenon and Legal Institution (Theoretical and Legal Aspect) // Science and Education: Economy and Economics; entrepreneurship; law and management. 2013. No. 12 (43).
11. Advantages and problems of mediation. February 14, 2020 panel discussion within the framework of the VII International Scientific and Practical Conference "Kovalev Readings" // <https://fparf.ru/news/fpa/dostoinstva-i-problemy-mediatsii/> (date of access 03/16/2021).
12. Reshetnikova I.V. Reflecting on Judicial Proceedings: Selected Works. Moscow: Statute, 2019. 510 p.
13. Taymazov V. Mediation in Russia: first steps // Calculation. 2008. No. 12. P. 1.
14. Fisher R., Yuri W. The path to agreement, or negotiations without defeat / transl. from eng. A. Gorelova; foreword V.A. Kremenyuk. Moscow: Nauka, 1992. P. 18.
15. Aishan W., Wentang Y. The Combination of Diversified Measures Facilitating the Resolution of Disputes // Mediation Principles and Practice / in Y. Zhang (ed.). Xiamen, 2008.
16. Johnston E. A Short History of Mediation. // URL: <http://cfrmediation.com/a-short-history-of-mediation>.
17. Maximiliano Navas. Maritime Law Mediation. Legal regime of Civil and Commercial Mediation in Spanish Law: [Electronic resource] // URL: <http://www.uk.gmm-abogados.com/maritime-lawmediation/> (Accessed 03/16/2021)
18. Society of Maritime Arbitrators: [Electronic resource] // URL: <http://www.smany.org/sma/mediationrules.html> (accessed 03/14/2021).

For citation: Zyabkina T.F., Kirsanova N.V., Mokhorov D.A., Mushket I.I. Theoretical and legal aspects of alternative ways to resolve maritime disputes: article // Theory of State and Law. 2022. No. 3 (28). P. 89–94.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.006

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP.2022.28.3.007

В.В. Ковалев*

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ ГРАЖДАН

***Аннотация.** В статье дается анализ влияния процессов информатизации и цифровизации на правосознание личности в условиях меняющегося российского общества. Автор специальное внимание уделяет влиянию различных источников информации на правосознание личности, определяет степень такого влияния и предлагает конкретные меры по развитию содержания правосознания в силу возросших информационных возможностей, что и позволяет увеличить объем правовых знаний у населения.*

***Ключевые слова:** правовое сознание, информатизация, цифровизация, Интернет, искусственный интеллект, цифровое пространство, поколение молодежи.*

Процесс информатизации и цифровизации, присущий современному обществу, в настоящее время оказывает влияние, абсолютно на все сферы жизни общества. Не остается в стороне и духовная сфера. Как известно, именно к ней относится человеческое сознание. Последнее, таким образом, также, подвергается влиянию цифровизации и информатизации.

Современное общество характеризуется, помимо всего прочего, тем, что интеллектуальный (умственный) труд все в большей степени, вытесняет из сферы человеческой занятости труд физический. Непосредственные производственные операции в наиболее прогрессивных экономических системах давно автоматизированы. Существенно повышается роль искусственного интеллекта.

Обращаем внимание на мнение А.М. Дроздовой о том, что «Сегодня принято говорить о мировом кризисе образования, о его уроне и проблемах в связи с происходящей информационной революцией, которая, по мнению ученых, обостряет многократно проблемы образования и формирования личности. В процессе цифровизации всех сфер жизни общества высвечивается проблема приравнивания знания к информации, тогда как необходимо по-прежнему знание и умение выбирать и использовать информацию в определенных целях» [3, с. 5].

Взаимосвязь информатизации (цифровизации) и сознания отличается большей степенью обоюдности. С одной стороны, сам процесс информатизации (цифровизации) стал возможен благодаря человеческому сознанию (интеллекту), явившись изобретением последнего. С другой стороны, сама информатизация (цифровизация), как уже отмечалось выше, оказывает влияние на человеческое сознание,

* Ковалев Владимир Викторович, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека; теории и истории государства и права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь), кандидат исторических наук, доцент. E-mail: vsardiuk@ncfu.ru

ориентируя последнее на функционирование в условиях информационно-цифрового пространства.

Как известно, одной из разновидностей сознания является правовое сознание (правосознание). Поскольку информатизация (цифровизация) оказывает влияние на сознание в целом, то, разумеется, указанное влияние имеет место и в отношении правосознания.

Определенным результатом влияния информатизации (цифровизации) на правосознание является трансформация последнего. В силу сказанного, со стороны юридической науки, необходимо особое внимание рассматриваемой проблеме.

В этой связи, стоит сказать, что исследование проблем трансформации правосознания в условиях развития информационного общества вызывает в настоящее время определенный интерес. Данный интерес обуславливается тем обстоятельством, что т.н. «цифровизация» в последние десятилетия является фактором, во многом определяющим существующие реалии, о чем уже писалось в юридической науке [1; 2; 5, с. 150; 6].

Современные информационные ресурсы и возможности оказывают существенное влияние на жизнедеятельность, как всего общества, так и отдельных индивидов. Это касается всех общественных сфер. Например, коммуникативные сети создают новые связи и структуры, новые правила поведения и формы власти [5, с. 151]. С другой стороны, как справедливо отмечают отдельные авторы, глобальные трансформации общества в XXI веке не сводятся лишь к технологиям, а представляют собой следствие глубинных изменений в общечеловеческой культуре. [7, с. 88]. Изменения в общечеловеческой культуре неизбежно влияют на изменения в различных видах культуры, в том числе – культуры правовой. Последнее, же, в свою очередь, оказывает влияние и на правосознание, как категорию, тесным образом, связанную с правовой культурой.

Сегодня, под влиянием т.н. «цифровизации», на формирование правосознания оказывают влияние различные источники информации. По степени указанного влияния, на первое место в настоящее время можно поставить, пожалуй, Интернет. По верному замечанию отдельных исследователей, компьютерная техника позволяет каждому в домашних условиях пребывать в персонально созданном мире как реальности разного рода, позволяет накладывать одни изображения на другие, трансформировать их, помещать одну информацию на другую, совмещать реально несоместимые объекты, получая при этом фантастические и необычные сюжеты, существование которых не зависит от реальных характеристик [8, с. 905–906]. Каким же образом «сетевая» реальность оказывает влияние на правосознание?

Как известно, главная задача правосознания состоит в обеспечении полноценного развития правовой системы, создания устойчивого и эффективно действующего механизма ее функционирования. Решение указанной задачи будет затруднительным без определенной системы знаний, представлений о правилах и нормах, регулирующих поведение людей в социально значимых ситуациях, допустимых средствах достижения целей. Знания же, сами по себе, это и есть информация, которая включает в себя как собственный, так и заимствованный опыт. В случае с правосознанием, речь идет о передаче правовой информации «с целью не только уведомления населения о действующих правовых нормах, но и для формирования уважительного отношения к ним» [4, с. 45].

Так же как и иная информация, правовая информация обычно передается из различных источников и самыми различными способами, однако нельзя отрицать

тот факт, что на первом месте по объему размещаемой правовой информации и по доступным способам ее получения, в настоящее время является Интернет, что указывает на современные реалии [9]. Нельзя не отметить и тот факт, что зачастую граждане получают информацию, например о действующих нормативно-правовых документах или принимаемых законах из неспециализированных источников коммуникации, а именно: из таких социальных сетей как инстаграмм, фэйсбук, вконтакте и др., тогда как в настоящее время официальные аккаунты в Инстаграмм имеются у многих органов государственной власти, правоохранительных органов и т.д.

Более того, имеют место быть профессиональные аккаунты юристов-практиков, которые бесплатно дают через профиль рекомендации и по составлению юридических документов, консультации по правовым вопросам, дают разъяснения действующего законодательства, информируют подписчиков об изменениях в законодательстве. Реально в тех же социальных сетях созданы и функционируют организованные группы профессиональных юридических сообществ, что констатирует полную и реальную возможность граждан уходить от влияния неспециализированных источников правовой информации, которые могут оказывать и оказывают негативное воздействие на формирование правосознания личности и общества в целом. Делаем не без основания вывод о том, что, функционирование правовых сетевых сообществ, социальных сетей, интернет-форумов в современном мире указывает на новые источники правовой профессиональной информации, что обеспечивает новые виды коммуникаций и повышает уровень правосознания и правовой культуры каждого и населения страны в целом.

Влияние информатизации (цифровизации) на правосознание имеет неоднозначный характер. С одной стороны, возросшие информационные возможности позволяют увеличить объем правовых знаний. За счет этого, индивид может реализовать доступ к тем материалам, которые содержат какую-либо информацию юридического характера.

Вышесказанное касается носителей правосознания различных видов и уровней. Так, носители научного правосознания (ученые-юристы) могут с помощью Интернета иметь доступ к тем научным материалам, для ознакомления с которыми ранее им приходилось посещать архивы и библиотеки (причем, зачастую, посредством командировок). Носители профессионального правосознания (юристы-практики) получают возможность дистанционного доступа, как к текущим материалам, так и ко всем базам нормативно-правовых актов различного уровня и характера. Существенным достижением стало, к примеру, приобретение возможности трансляции судебных процессов в онлайн-режиме. Для носителей же обыденного (и, одновременно – массового) правосознания информатизация (цифровизация), как открывает широкие возможности для правового просвещения, так и обеспечивает определенную правовую пропаганду.

Однако, процесс информатизации (цифровизации) может иметь не только позитивное влияние на правосознание. В данном случае, надо, в первую очередь учитывать, что рассматриваемые нами процессы, в первую очередь, резко увеличивают объем различной информации, которая, как «циркулирует» в обществе, в целом, так «обрушивается» на отдельно взятого индивида (это, разумеется, касается и информации правового характера). Как известно, одна и та же информация может оказать различное воздействие, как общество, так и на индивида. Все здесь зависит от качественного состояния того и другого.

Само развитие общества привело к процессам информатизации (цифровизации), и, само же общество столкнулось с последствиями этого. Если рассматривать информатизацию как разновидность научно-технического прогресса (а, так оно и есть), то, как и НТП в целом, цифровизация – это «медаль с двумя сторонами».

Последствия воспринимаемой, как обществом, так и индивидом информации (ее объема и характера) зависят от уровня развития двух указанных категорий. Чем выше и качественнее этот уровень, тем больше предпосылок создается для адекватного (а, в ряде случаев – плодотворного и продуктивного) восприятия указанной информации, ее обработки и получаемых последствий (результата). Соответственно, возможные негативные последствия распространяющейся информации, прямо пропорциональны снижению уровня развития т.н. «потребителей» информации.

Речь идет, как об индивидах с низким уровнем правосознания, так и носителях правового нигилизма. В первом случае, восприятие определенной информации может иметь негативные последствия из-за правового невежества, низкого уровня правовой и общей культуры. Во втором случае указанная информация может стать опасным орудием в руках носителей правового нигилизма (в том числе – лиц с противоправным поведением).

Особой проблемой является соприкосновение с информацией различного характера несовершеннолетних лиц, чье сознание (и, в частности, правосознание) находится в стадии формирования. Ситуация, зачастую усугубляется и неокрепшей психикой лиц указанной категории. Не секрет, что в последнее время, многие преступления несовершеннолетних вызваны восприятием ими разной информации, с которой они знакомятся на различных цифровых ресурсах.

К сожалению, проблемой также является вовлечение молодежи в организации террористической и экстремистской направленности посредством социальных сетей и других информационных ресурсов.

Существуют ли пути решения указанных проблем? Безусловно, они есть, хотя на этом пути будет встречаться много сложностей. Процесс информатизации (цифровизации) это такой же неизбежный процесс, как и вся научно-техническая революция в целом, и, было бы совершенно неразумно пытаться его приостановить [9]. Как уже подчеркивалось выше, нельзя не видеть тех преимуществ, которые несет в себе указанный процесс. Но, как и любым процессом, данным процессом нужно научиться управлять.

Возвращение цензуры (уже в новых информационных условиях), как предлагают некоторые, вряд ли будет эффективным выходом из положения. Это показала история. Гораздо более действенным будет являться повышение уровня правосознания, правовой и общей культуры населения в целом и каждого гражданина в отдельности. Это задача государства и общества в целом. Возросшие информационные возможности, как раз необходимо использовать для решения указанной задачи. Особая роль в данном процессе должна быть отведена также СМИ, поскольку именно профессионализм их сотрудников может улучшать качество подаваемой информации на фоне возрастания ее количества.

Что же касается подрастающего поколения, то здесь решение рассматриваемой проблемы нам видится через усиление воспитательной работы, в частности, через предложение молодым людям позитивных альтернатив пребыванию в цифровом пространстве. Здесь, на наш взгляд, должны работать в комплексе различные

институты – семья, образовательные учреждения, молодежные организации, государство, в целом.

Сама же указанная комплексная работа, с нашей точки зрения может осуществляться в различных направлениях. Эти направления следующие:

- учет молодежных субкультур и направлений;
- выявление сферы интересов подростков и молодежи в информационном (цифровом) пространстве;
- выявление профессиональных предпочтений современной молодежи;
- выявление ценностных ориентаций современной молодежи.

Проведение названной работы в указанных направлениях позволит создать для молодежи условия и возможности для самореализации, что является немаловажным для данной возрастной и социальной категории.

Эффективным способом переориентации молодежи из цифрового пространства в позитивную реальность выступает приобщение подрастающего поколения к общественно полезной деятельности, в частности, путем вовлеченности различные общественные процессы (одним из таких направлений выступает, к примеру, существующее уже относительно давно волонтерское движение).

Еще одним эффективным направлением на пути решения названных задач является обращение молодежи к национально-государственным традициям, а также позитивному историческому опыту. На данном направлении целесообразно проведение целого комплекса мероприятий, которые должны проводиться, как на уровне семьи, так и на уровне различных образовательных учреждений.

Библиографический список

1. Воробьев С. М., Комаров С.А. Кибернетическая (информационная) цивилизация: постановка проблемы: статья // В сб.: Всероссийской научно-практич. конференции «Проблема муниципалитетов в разрезе правового обществоведения» (г. Уфа, 14 ноября 2019 г.) // Отв. ред. Ф. М. Раянов. – Уфа, 2019. – С. 43–50.
2. Воробьев С. М., Комаров С.А. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.
3. Дроздова А.М. Введение. Исследование актуальных проблем уровня и формирования правосознания и правовой культуры современной студенческой молодежи: монография. Т. 2 // Г.Б. Власова, А.М. Дроздова, В.В. Ковалев, О.В. Мельникова, Н.А. Ряснянская / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.М. Дроздовой. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 260 с.
4. Зыбуновская Н. В. Влияние средств массовой коммуникации на формирование правовой культуры граждан / Н.В. Зыбуновская, А.Н. Покида // Власть и управление на Востоке России. – 2018. – № 2. – С. 45–52.
5. Иванова М. А. Правовая культура в условиях развития сетевого общества // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 2(27). – С. 149–152.
6. Куксин И.Н. Цифровизация – новая реальность в праве: статья // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – Серия 2: Юридические науки. – 2020. – № 1 (23). – С. 6–12.
7. Кулинченко А. О взаимосвязи организации и управления в условиях развития сетевого информационного общества // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2018. – № 6. – С. 84–90.
8. Лугинина А.Г. Модели сетевых обществ в постиндустриальных и информационных концепциях // Научный журнал КубГАУ. – 2016. – № 120. – С. 903–913.

9. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: МАТГиП, 2022. – 320 с.

Для цитирования: Ковалев В.В. Влияние информатизации и цифровизации на правосознание граждан: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 95–100.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.007

Vladimir V. Kovalev*

IMPACT OF INFORMATIZATION AND DIGITALIZATION ON LEGAL CONSCIOUSNESS OF CITIZENS

Annotation. *The article analyzes the impact of the processes of informatization and digitalization on the legal consciousness of the individual in a changing Russian society. The author pays special attention to the influence of various sources of information on the legal consciousness of the individual, determines the degree of such influence and proposes specific measures to develop the content of legal consciousness due to increased information capabilities, which allows increasing the volume of legal knowledge among the population.*

Key words: *legal consciousness, informatization, digitalization, Internet, artificial intelligence, digital space, youth generation.*

The process of informatization and digitalization inherent in modern society currently has an impact on absolutely all spheres of society. The spiritual realm does not stand aside either. As you know, it is to her that the human consciousness belongs. The latter, therefore, is also influenced by digitalization and informatization.

Modern society is characterized, among other things, by the fact that intellectual (mental) labor is increasingly replacing physical labor from the sphere of human employment. Direct production operations in the most progressive economic systems have long been automated. The role of artificial intelligence is growing significantly.

We draw attention to the opinion of A.M. Drozdova that “Today it is customary to talk about the global crisis of education, about its damage and problems in connection with the ongoing information revolution, which, according to scientists, exacerbates the problems of education and personality formation many times over. In the process of digitalization of all spheres of society's life, the problem of equating knowledge with information is highlighted, while knowledge and the ability to choose and use information for certain purposes are still necessary” [3, p. 5].

The relationship between informatization (digitization) and consciousness is characterized by a high degree of reciprocity. On the one hand, the very process of informatization (digitization) became possible thanks to human consciousness (intelligence), being the invention of the latter. On the other hand, informatization itself (digitalization), as noted above, has an impact on human consciousness, orienting the latter towards functioning in the information-digital space.

* *Kovalev Vladimir Viktorovich*, Associate Professor of the Department of Legal Culture and Protection of Human Rights; theory and history of state and law of the Law Institute of the North Caucasian Federal University (Stavropol), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. E-mail: vserdiuk@ncfu.ru

Theory of State and Law

As you know, one of the varieties of consciousness is legal consciousness (legal consciousness). Since informatization (digitization) has an impact on consciousness as a whole, then, of course, this influence also takes place in relation to legal consciousness.

A certain result of the influence of informatization (digitization) on legal consciousness is the transformation of the latter. In view of the foregoing, from the side of legal science, special attention is needed to the problem under consideration.

In this regard, it is worth saying that the study of the problems of the transformation of legal consciousness in the context of the development of the information society is currently of particular interest. This interest is due to the fact that the so-called. "Digitalization" in recent decades is a factor that largely determines the existing realities, which has already been written in legal science [1; 2; 5, p. 150; 6].

Modern information resources and opportunities have a significant impact on the life of both the whole society and individual individuals. This applies to all public spheres. For example, communication networks create new connections and structures, new rules of behavior and forms of power [5, p. 151]. On the other hand, as some authors rightly point out, the global transformations of society in the 21st century are not limited to technologies, but are the result of profound changes in human culture [7, p. 88]. Changes in the universal culture inevitably affect changes in various types of culture, including legal culture. The latter, in turn, has an impact on legal consciousness as a category closely related to legal culture.

Today, under the influence of the so-called. "Digitalization", the formation of legal consciousness is influenced by various sources of information. According to the degree of this influence, the Internet can probably be put in the first place at the present time. According to the correct observation of individual researchers, computer technology allows everyone at home to stay in a personally created world as realities of various kinds, allows you to superimpose one image on another, transform them, place one information on another, combine really incompatible objects, while obtaining fantastic and unusual plots, the existence of which does not depend on real characteristics [8, p. 905–906]. How does the "network" reality influence legal consciousness?

As you know, the main task of legal consciousness is to ensure the full development of the legal system, the creation of a stable and effective mechanism for its functioning. The solution of this problem will be difficult without a certain system of knowledge, ideas about the rules and norms that regulate people's behavior in socially significant situations, acceptable means of achieving goals. Knowledge, in itself, is information, which includes both one's own and borrowed experience. In the case of legal consciousness, we are talking about the transfer of legal information "in order not only to notify the population about the current legal norms, but also to form a respectful attitude towards them" [4, p. 45].

As well as other information, legal information is usually transmitted from various sources and in a variety of ways; however, it cannot be denied that the Internet is currently in the first place in terms of the amount of legal information posted and the available ways to obtain it, which indicates modern realities [9]. It should also be noted that citizens often receive information, for example, about current regulatory documents or laws being adopted from non-specialized sources of communication, namely from social networks such as Instagram, Facebook, VKontakte, etc., whereas at present many government authorities, law enforcement agencies, etc. have official Instagram accounts.

Moreover, there are professional accounts of legal practitioners who give free recommendations through the profile and on the preparation of legal documents, legal advice,

provide clarifications to current legislation, and inform subscribers about changes in legislation. In reality, organized groups of professional legal communities have been created and are functioning in the same social networks, which states the full and real opportunity for citizens to get away from the influence of non-specialized sources of legal information that can and do have a negative impact on the formation of the legal consciousness of an individual and society as a whole. We conclude, not without reason, that the functioning of legal network communities, social networks, Internet forums in the modern world indicate new sources of legal professional information, which provides new types of communication and increases the level of legal awareness and legal culture of each and the population of the country in general.

The influence of informatization (digitization) on legal consciousness is ambiguous. On the one hand, increased information opportunities allow increasing the amount of legal knowledge. Due to this, an individual can realize access to those materials that contain any information of a legal nature.

The foregoing concerns the carriers of legal consciousness of various types and levels. Thus, the carriers of scientific legal awareness (scholars-lawyers) can use the Internet to have access to those scientific materials that they previously had to visit archives and libraries to get acquainted with (and, often, through business trips). Carriers of professional legal awareness (lawyers-practitioners) get the opportunity of remote access, both to current materials and to all bases of regulatory legal acts of various levels and nature. A significant achievement was, for example, the acquisition of the possibility of broadcasting trials online. For carriers of ordinary (and, at the same time, mass) legal consciousness, informatization (digitization), both opens up wide opportunities for legal education, and provides certain legal propaganda.

However, the process of informatization (digitization) can have not only a positive impact on legal consciousness. In this case, it is necessary, first of all, to take into account that the processes we are considering, first of all, sharply increase the volume of various information, which, as it "circulates" in society as a whole, "falls" on a single individual (this, of course, also applies to legal information). As you know, the same information can have a different impact, both on society and on the individual. Everything here depends on the qualitative state of both.

The very development of society has led to the processes of informatization (digitization), and society itself has faced the consequences of this. If we consider informatization as a kind of scientific and technological progress (and, as it is), then, like scientific and technological progress in general, digitalization is a "medal with two sides".

The consequences of the information perceived both by society and the individual (its volume and nature) depend on the level of development of the two indicated categories. The higher and better this level, the more prerequisites are created for an adequate (and, in some cases, fruitful and productive) perception of this information, its processing and the resulting consequences (results). Accordingly, the possible negative consequences of disseminating information are directly proportional to the decrease in the level of development of the so-called "consumers" of information.

We are talking about both individuals with a low level of legal consciousness, and carriers of legal nihilism. In the first case, the perception of certain information may have negative consequences due to legal ignorance, a low level of legal and general culture. In the second case, this information can become a dangerous tool in the hands of the carriers of legal nihilism (including those with unlawful behavior).

A special problem is contact with information of a different nature by minors, whose consciousness (and, in particular, legal consciousness) is at the stage of formation. The situation is often aggravated by the fragile psyche of people in this category. It is no secret that recently, many juvenile crimes are caused by their perception of different information that they get acquainted with on various digital resources.

Unfortunately, the problem is also the involvement of young people in terrorist and extremist organizations through social networks and other information resources.

Are there ways to solve these problems? Of course, they are, although there will be many difficulties along the way. The process of informatization (digitization) is the same inevitable process as the entire scientific and technological revolution as a whole, and it would be completely unreasonable to try to stop it [9]. As already emphasized above, it is impossible not to see the advantages that this process brings. But, like any process, this process must be learned to manage.

The return of censorship (already under the new informational conditions), as suggested by some, is unlikely to be an effective way out. History has shown this. It will be much more effective to raise the level of legal awareness, legal and general culture of the population as a whole and of each citizen individually. This is the task of the state and society as a whole. The increased information capabilities just need to be used to solve this problem. A special role in this process should also be assigned to the media, since it is the professionalism of their employees that can improve the quality of the information provided against the background of an increase in its quantity.

As for the younger generation, we see the solution to the problem under consideration through strengthening educational work, in particular, through offering young people positive alternatives to staying in the digital space. Here, in our opinion, various institutions should work in a complex – the family, educational institutions, youth organizations, the state as a whole.

The complex work itself, from our point of view, can be carried out in various directions. These directions are:

- taking into account youth subcultures and directions;
- identification of the sphere of interests of adolescents and youth in the information (digital) space;
- identification of professional preferences of today's youth;
- revealing the value orientations of today's youth.

Carrying out the above work in these areas will create conditions and opportunities for self-realization for young people, which is important for this age and social category.

An effective way to reorient young people from the digital space into a positive reality is to involve the younger generation in socially useful activities, in particular, through the involvement of various social processes (one of these areas is, for example, the volunteer movement that has existed for a relatively long time).

Another effective direction on the way to solving these problems is the appeal of young people to national-state traditions, as well as positive historical experience. In this direction, it is advisable to carry out a whole range of activities that should be carried out both at the family level and at the level of various educational institutions.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Vorobyov S. M., Komarov S. A. Cybernetic (information) civilization: problem statement: article // In: All-Russian Scientific and Practical conference "The problem of municipalities in the context of legal social science" (Ufa, November 14, 2019) // Responsible. ed. F. M. RAYANOV. Ufa, 2019. P. 43–50.
2. Vorobyov S. M., Komarov S. A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of State and Law. 2019. No. 4. P. 25–37.
3. Drozdova A.M. Introduction. Research of actual problems of the level and formation of legal consciousness and legal culture of modern student youth: monograph. Volume 2 / G.B. Vlasova, A.M. Drozdova, V.V. Kovalev, O.V. Melnikova, N.A. Ryasnyanskaya; under total ed. Dr. jurid. sciences, prof. A.M. Drozdova. Moscow: INFRA-M, 2022. 260 p.
4. Zybunovskaya N.V. Influence of mass media on the formation of legal culture of citizens / N.V. Zybunovskaya, A.N. Pokida // Power and management in the East of Russia. 2018. No. 2. P. 45–52.
5. Ivanova M. A. Legal culture in the context of the development of a network society // Baltic Humanitarian Journal. 2019. V. 8. No. 2(27). Pp. 149–152.
6. Kuksin I.N. Digitalization is a new reality in law: article // Bulletin of the Moscow University. S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2020. No. 1(23). P. 6–12.
7. Kulinchenko A. On the relationship between organization and management in the development of a network information society // Economics and management: a scientific and practical journal. 2018. No. 6. P. 84–90.
8. Luginina A.G. Models of network societies in post-industrial and information concepts // Scientific journal of KubGAU, 2016. No. 120. P. 903–913.
9. Theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarov. Moscow: Publishing House MATGiP, 2022. 320 p.

For citation: Kovalev V.V. The Impact of Informatization and Digitalization on Legal Consciousness of Citizens: an article // Theory of State and Law. 2022. No. 3 (28). P. 100–104.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.007

Научная статья

УДК 340

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.008

И.Н. Куксин*

БОЛОНСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ – ТОРМОЗ ИЛИ ПРОГРЕСС?*

***Аннотация.** Статья посвящена проблемам, связанных с реализацией Болонской конвенции в Российской Федерации. Анализируются причины невозможности внедрения принципов Болонской конвенции для российской высшей школы. Автор, исследуя подходы и аргументы представителей профессорско-преподавательского состава, политических и государственных деятелей о состоянии российского высшего образования в сложившихся новых условиях, приходит к выводу о необходимости вносить изменения в подготовку кадров, делая ставку на фундаментальность образования.*

***Ключевые слова:** Болонская декларация, высшее образование, балльно-рейтинговая система, академическая мобильность*

Введение: история вопроса. Болонский образовательный процесс был запущен в Европе в июне 1999 года подписанием в г. Болонья (Италия) двадцатью девятью министрами образования европейских государств декларации под названием «Зона европейского высшего образования». Главный принцип этой системы: стандарты обучения должны быть одинаковы во всех вузах мира, а дипломы автоматически признаны во всех странах, подписавших декларацию.

Россия присоединилась к ней в 2003 г. в бытность министра образования В.М. Филиппова (1999–2004 гг.). 30 марта 2022 года В.М. Филиппов в беседе с обозревателем «НГ» Натальей Савицкой на ее вопрос может ли измениться ситуация с двухуровневой системой образования «бакалавриат-магистратура» сказал: «Всем, кто говорит, что России надо выйти из Болонского процесса, я хочу напомнить, что никакого документа, который бы Россия подписала по Болонскому процессу, нет. Ни одного документа... Это всего лишь соглашение (неофициальное) министерств образования европейских государств между собой, направленное на обеспечение сопоставимости структуры, уровней, стандартов и квалификаций высшего образования» [12].

Главной идеей у российских реформаторов системы высшего образования была ориентация России на Запад. Несмотря на наличие противников ее подписания, широкого обсуждения в российских вузах и в среде научной общественности данной декларации не было.

В тот переходной период тон ее реализации начали задавать негосударственный учебные заведения, количество которых росло как «грибы после дождя». Как

* Куксин Иван Николаевич, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и управления Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

** Подготовлено при информационной поддержке СПС «Консультант-Плюс».

показывает исследование, проведенное в период первого десятилетия существования негосударственного высшего образования (1991–2000 годы) число негосударственных вузов приблизилось к 400 [1, с. 3]. В 1995 г. из 142 негосударственных вузов подготовку по программам бакалавриата вели 103 (т.е. 72,5%) [1, с. 20]. Способствовал этому процессу и Закон «Об образовании в Российской Федерации» 1992 года, который уже оперировал понятиями «бакалавриат» и «магистратура», а принятый четыре года спустя Закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (1996 г.) законодательно закрепил трехуровневую систему обучения, обеспечивающую подготовку бакалавров, наряду с традиционно готовящимися специалистами.

В последующие годы внедрения Болонской системы образования шло с большими потугами и все больше показывало ее ущербность. В качестве примера сошлюсь на заседание Совета при Президенте РФ по русскому языку, которое было проведено в Кремле 5 ноября 2019 года. Когда речь зашла о подготовке учителей русского языка и литературы, Президент Российской Федерации усомнился в целесообразности разделения ступеней высшего образования на бакалавриат и магистратуру. Он задал риторический вопрос: «Что это даёт? Что бакалавриат преподаёт только в младших классах, что ли, а магистратура даёт право преподавать в десятом-одиннадцатом? Это просто голая схема модная или в этом есть какой-то смысл?» [9]. Главой государства было предложено подумать о подготовке преподавателей по пятигодичной программе.

В своем Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 года Президент России предложил, исходя из динамично меняющегося рынка труда и появления новых профессий «дать возможность студентам после второго курса выбирать новое направление или программу обучения, включая смежные профессии» [10].

Основная часть: каковы перспективы российского образования?

В специальной печати за последние годы все больше появляется статей, в которых авторы ставят вопрос: почему Болонский образовательный процесс работает против России и нужно ли ей оставаться в нем? Если обратиться к периоду подписания данной конвенции, то как показывает ход исторического развития никто Россию силком в этот процесс не тянул, инициатором выступала сама Россия. Какими мотивами руководствовались те должностные лица, которые подписывали эту конвенцию?

Одной из главных мотиваций введения Болонской системы – это открыть для России дверь для вхождения в мировую систему образования. Замысел привлекательный. Унифицировав стандарты учебного процесса, выпускник в России получал степень бакалавра. При наличии способностей и материальных возможностей он мог продолжать обучение в магистратуре, например, Германии, Франции, Чехии, Австрии, Польши, Нидерландов, Финляндии, Великобритании, Испании, Латвии, Словакии, Канады, Италии. Как видно важным положением Болонского процесса является то, что студенты получают возможность не только выбора содержания своего образования и места обучения, но и реализовать принцип мобильности.

Спустя около двух десятилетий господства Болонской системы в России автор пришел к однозначному выводу, что ожидания не оправдались, так как многие фундаментальные проблемы российского образования, так и не были решены. Возможность учиться в европейских вузах доступно ничтожной доле студентов. Но не это главное. Главное то, что российскому образованию нанесен ущерб, который выра-

жается в том, что качество высшего образования упало до критических отметок. Те, кто участвует в образовательном процессе, сталкиваясь с выпускниками вузов констатируют очевидный факт. Некоторая часть студентов-выпускников показывает хорошие знания. Однако в своей массе образовательный уровень их таков, что не хватает серьезной теоретической основы.

Если в советской системе образования студентов учили думать, доказывать, сомневаться, то теперь все это было заменено понятием «компетенции». На практике это означает, что в конечном итоге инструкция, регламентирующая твое место работы, определяет, что ты должен знать. Получается, что фундаментальное высшее образование мы заменили компетенциями. Болонская система лишила сильную сторону российского образования – фундаментальности знаний. Именно поэтому многие критики Болонской системы видят ее ущербность в том, что будущему выпускнику преподают некие практические компетенции без серьезной теоретической основы. Сами стандарты бакалавриата таковы, что в их рамках нельзя дать студентам фундаментальные знания. В основе этой образовательной системы лежит узкая специализация, что в конечном итоге ведет к утрате глубины и широты знаний студентов-выпускников, неспособности ставить и решать инновационные задачи.

В качестве примера остановлюсь на подготовке юридических кадров. Опираясь на мнение научной общественности, выраженные в многочисленных научных публикациях можно констатировать, что «качество юридического образования находится если не в кризисном, то довольно в неопределенном состоянии» [6, с. 42]. Сегодня выпускник-бакалавр юридического факультета, чтобы стать судьей, следователем, прокурором или адвокатом должен иметь два юридических диплома: бакалавра и магистра. С одним дипломом – не важно, бакалавриата или магистратуры человек не будет считаться полноценным юристом. Именно это обстоятельство положило начало недоверия к бакалаврам, особенно когда речь идет о таких профессиях, которые требуют владения не только компетенций, но и базового образовательного уровня.

Судить о качестве образования по оценкам в приложении к диплому весьма сомнительно. Чтобы скрыть ущербность Болонской системы чиновниками от образования была придумана балльно-рейтинговая система, которая позволяет набрать студенту необходимую сумму баллов в течение семестра, включающая посещаемость занятия, написание эссе, подготовке научных сообщений и прочее. Такая имитация бурной деятельности качественно влияет на итоговую оценку на экзамене. И если студент набрал необходимое количество баллов положительной оценкой он гарантировано обеспечен.

За более чем 19-летнюю практику внедрения Болонской системы в России не произошло автоматического признания дипломов. Реформаторы образования убеждали, что участие в Болонском процессе позволит получить единый европейский диплом, что упрощает трудоустройство наших выпускников за границей [12, с. 46]. Разве сегодня мы не убедились в том, что автоматическое взаимное признание дипломов по всей территории Болонского процесса – это блеф, утопия? Сам Болонский процесс этого не предусматривает. Согласно Лиссабонской конвенции (раздел III «Основные принципы, относящиеся к оценке квалификации»), обладатели квалификаций (дипломов), выданных в одной из Сторон, имеют надлежащий доступ к оценке этих квалификаций. Обладатель квалификации может требовать лишь бесплатную оценку своего образования, но не может ее избежать [7, с. 46].

Обобщая практику внедрения бакалавриата как высшего образования, нельзя не видеть его недостатки, что естественно вызывает критику многих положений. Так, например, ректор МГУ В.Садовничий еще в 2016 году высказал мнение, что «российским высшим учебным заведениям стоит от неё отказаться, а её введение назвал ошибкой. По его словам, необходимо вернуться к пяти-шестилетнему обучению – как это, кстати, сделали ведущие западные университеты» [11]. Высказанное ректором МГУ предложение выйти из Болонского процесса получило неоднозначную оценку, как в образовательном сообществе, так и среди чиновников высшего ранга. Одни одобряли, другие резко критиковали.

Например, с критикой Болонской системы выступила спикер Совета Федерации В.И. Матвиенко в декабре 2021 года. По ее словам, присоединение России к Болонскому процессу не только не оправдало возлагаемых на него надежд, но и привело к утрате ряда достоинств действующей в то время системы российского образования. «Предполагалось, что если мы перейдем на Болонский процесс, то будет автоматическое признание наших дипломов о высшем образовании во всех западных государствах. Этого не произошло. При том, что мы получили много положительного, мы и многое потеряли. Потеряли, может быть, фундаментальность в нашем образовании, когда снизилась требовательность к студентам, как это было раньше» [9]. Обращаясь к депутатам, она призвала найти выход из создавшегося положения и найти пути возвращения нашей высшей школы.

Вице-спикер Государственной Думы И.А. Яровая «назвала бакалавриат «недообразованием», так как выпускников с таким дипломом не принимают на работу во многих структурах, считая этот уровень среднепрофессиональным» [9]. Профессор Сергей Бабурин отмечает, что Болонская система – не что иное, как адаптация Европы к опыту лучшего в тот момент советского образования. По его мнению, необходимо устранить «технологический сбой» – проблему соотношения бакалавриата и магистратуры [11].

В 2015 году в 75 регионах Российской Федерации был проведен Всероссийский опрос общественного мнения, посвященный проблемам образования. По итогам оказалось, что 78,9 % опрошенных против Болонской системы в РФ [1, с. 6]. По мнению председателя Ассоциации юристов России С.В. Степашина «пришло время России выйти из Болонского образовательного процесса. Данная система принесла стране больше вреда, чем пользы» [8].

Однако в российском образовательном пространстве имеется множество его сторонников. Те, кто обучался по данной системе заняли высокое положение не только в органах власти, но и в сфере высшего образования, став заведующими кафедрами, деканами и даже ректорами, достигнув определенного научного и социального статуса. Как правило, среди этих людей мы найдем тех, кто будет убеждать наше общество быть приверженцами Болонской системы образования. Для примера приведу аргументы сторонников этой системы, высказанные в печати за последнее время. Так, Иванов Александр Владимирович, профессор доктор физико-математических наук, автор движения «За возрождение образования» полагает, что «Высказывание Степашина – это всё равно, что высказывание Бастрыкина, который сказал, что надо отменять ЕГЭ, потому что ЕГЭ – это плохо. То есть пока это всё на уровне «бла-бла-бла». Предмета для обсуждения, по большому счёту, нет. Говорить о каких-то серьёзных заявлениях наверху, о смене образовательной политики пока нет никаких оснований. По крайней мере, заявление Степашина для этого никаких поводов не даёт» [5]. Далее автор полагает, что отменить Болонскую систему и вернуться к спе-

циалитету – это затеять очередную перестройку всего образовательного процесса в вузах. Советская система подготовки убита, нет кадров, которые в состоянии сейчас быстро перекрыть учебные планы. Автор делает вывод, что затевать сейчас кардинальную перестройку, ломать то, что есть, и переходить к старому это повлечет падение качества образования. Как предложение он полагает, что «надо дать вузам право, как вариант восстановить специалитет, если они считают это целесообразным» [5].

Возникает вопрос: так нужна ли в современный период переориентация в системе российского высшего образования; какие основные претензии к бакалавриату; можно ли за четыре года подготовить квалифицированного работника? 23 марта 2022 года Российская газета вышла со статьей Валерия Выжutowича под названием: «Зачем нам реформа образования?». В основу статьи положено интервью директора Института образования НИУ ВШЭ профессором И. Абанкиной. Отвечая на вопрос почему бакалавров называют «недоучками» ответ был таков, что это очень устаревшее представление людей, которые никогда не учились по системе бакалавриата. Болонская система была задумана как пространство академической мобильности, для студентов и для профессуры, для взаимного признания программ, квалификации выпускников. Болонская система работает на то, чтобы сделать образование соответствующим современному рынку труда, с возможностью быстрого распространения практик, с академическим обменом. Разрушать эту систему сейчас и выходить из нее – значит, обречь себя на полную изоляцию и непризнание. Переход к старой системе неадекватен. Сейчас все стараются сделать программы более интенсивными, короткими, использовать проектный метод, исследовательские практики, эксперименты [4]. Благодаря этому «студенты могут сами выстраивать образовательную программу, выбирая курсы в разных университетах. И их дипломы признают не только вузы других стран, но и работодатели по всему миру. Болонская система – серьезный рывок для России [2].

По убеждению автора, исходя из складывающейся политической и экономической обстановки в мире и отношений России со странами Европы, цели, поставленные в Болонской конвенции, в ближайшие десятки лет не могут быть реализованы, особенно в части возможностей доступа к образованию в вузах Европы, США, Канады, получения рабочих мест и реализации принципа мобильности. Препятствовать этому будет практически весь коллективный Запад. Почему? Ответ кроется в тех исторических процессах, которые складывались и складываются в странах Европы по отношению к российскому государству. В настоящее время, когда Россия стала на защиту прав населения ДНР и ЛНР произошла беспрецедентная в истории мирового высшего образования дискриминация российских студентов по мотивам их национальности.

Сегодня уже налицо факты отчислений студентов из высших учебных заведений иностранных государств, в том числе и участников Болонского процесса. Произошло это не случайно, а закономерно. Вспомним 1941 год. На СССР напала не только гитлеровская Германия, напала вся остальная Европа, за исключением сербов и греков. Вся экономика Европы и США работали на военную машину Германии. Еще не было поднято Знамя Победы над рейхстагом, а У. Черчилль, премьер-министр Великобритании, отдал приказ начальникам своих штабов о разработке операции внезапного удара по СССР – операции «Немыслимое». Он был ему предоставлен 22 мая 1945 года на 29 страницах. Чего здесь было больше: вероломство Англии и англосаксов или страха перед русскими?

Сколько же физических и духовных сил должно было быть у советского народа, чтобы переломить хребет этому страшному монстру. Были биты испанские ди-

визии и французские легионы, армии Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии, части Чехословакии и Хорватии. Брестскую крепость штурмовали вместе с немцами австрийцы, город Севастополь – румыны и итальянцы, а Албания послала воевать дивизию СС «Скандербег». Я задаю себе вопрос: неужели эти страны забыли 1945 год? И как только представилась возможность хотя бы как-то отыграться за те годы, когда они позорно проиграли сражения, сегодня правительства этих стран грозят России ядерными ударами, высылкой дипломатов, но особенно остервенело начали выжигать русскую литературу, музыку, живопись, театр, образование, спорт без которых европейская культура уже не может считаться полноценной культурой. Запад бьет по русскому народу потому, что ничего не может сделать России ни в политическом, ни в экономическом, а тем более в военном плане.

И дело совсем не в конфликте на Украине. И даже жесточайший диктат мирового гегемона в лице США, от которого Европа, поджав хвост, лишь повизгивает не исчерпывает всех причин. Они значительно глубже. Европейские страны перестали притворяться. Пока раны фашизма еще были свежи, пока были живы те, кто сражался с ним, они как будто бы осудили фашизм, провели душевную денацификацию. Но как только появилась возможность мстить России, они дружно сбрасывают благообразную маску и показывают свое истинное лицо.

Ярчайшим примером служат события, связанные с якобы массовым расстрелом гражданских людей Вооруженными Силами России в украинском поселке Буче и игнорирование Западом доказательств фабрикации. Утверждать, что с 24 февраля 2022 года произошло помрачение в Европе, нет смысла. Это закономерный процесс оголтелой русофобии.

Заключение. Надо признать, что весь мир, и Россия в том числе, на пороге мирового переустройства. Эта смена уже затронула сферу образования. Когда утверждают, что весь мир не отказывается от Болонской системы это миф. «Европейские страны в 2011–2012 годах признали несовершенство Болонской системы» [2]. Сегодня Россия и ее союзники должны по-новому выстраивать политику, в том числе и в сфере образования. Это не обязательно надо немедленно копировать советскую образовательную систему. Надо объединяться с теми странами, которые рассматривают Россию как равноправного партнёра, и искать пути сближения, вырабатывая в области образования соглашения и договора. Опыт у России в этом направлении колоссальный.

Сегодня настало время кардинального пересмотра подходов к бакалавриату и специалитету. Например, для подготовки бухгалтера, специалиста гостиничного бизнеса, спорта или в сферах искусства может быть достаточно для выполнения своих функций тех фундаментальных знаний, которые можно дать за четыре года, чтобы выпускник обладал достаточным набором профессиональных умений. Те области, где от специалиста требуется аналитическое и ассоциативное мышление, где необходима фундаментальная теоретическая подготовка, то есть надо возвращать специалитет. Только разумность и взвешенность, а также учет требований рынка труда и мировых тенденций позволит эффективно реализовать требование Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Библиографический список

1. АКЦИО-6. Главные результаты всероссийского опроса общественного мнения по проблемам образования // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1648889686&tld=ru&lang=ru&name=axio-6_web.pdf&tex (дата обращения: 2.04.2022).

2. *Агранович М.* Магистра – к ответу? // Российская газета, 2022, 22 марта.
3. *Березовский А.П.* История становления и развития негосударственной высшей школы России: 90-е годы XX века: автореф. дис. ... канд. историч. наук. Москва, 2000. 22 с.
4. *Выжуртович В.* Зачем нам реформа образования? // Российская газета, 2022, 23 марта.
5. *Иванов А.В.* Отказ от Болонской системы – не поздно ли пить «Боржоми»? // URL.: <https://www.nakanune.ru/articles/118537/> (дата обращения: 3.04.2022).
6. *Куксин И.Н.* Юридическое образование в России: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2017. № 3. С. 40–44.
7. *Куксин И.Н.* Реформа высшего юридического образования в России: от модернизации к традициям // Политика, Власть. Право: Материалы I Международной научно-теоретической конференции, посвященной памяти и 79-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, члена-корреспондента РАН, д.ю.н., профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Москва-Белгород, 26 апреля 2014 г.). Белгород: ООО «ГиК». 2014. С. 44–53.
8. *Куликов В.* Научим по-своему // Российская газета, 2022, 17 марта.
9. Не пора ли России выйти из Болонского процесса? // URL.: https://ruskline.ru/news_rl/2020/06/13/my_zamenili_fundamentalnoe_vysshee_obrazovanie_kompetenciyami (дата обращения: 2.04.2022).
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // www.consultant.ru
11. Пора хлопнуть дверью. Почему Болонский процесс работает против России // URL.: https://tsargrad.tv/articles/pora-hlopnut-dverju-pochemu-bolonskij-process-rabotaet-protiv-rossii_333450 (дата обращения: 1.04.2022).
12. *Филиппов В.М.* Чем обернется выход России из Болонского процесса / Независимая газета, 2022, 30 марта // URL.: https://www.ng.ru/education/2022-03-30/8_8404_education2.html (дата обращения: 3.04.2022).

Для цитирования: *Куксин И.Н.* Болонская система образования в России – тормоз или прогресс?: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 105–111.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.008

Ivan N. Kuksin *

BOLOGNA SYSTEM OF EDUCATION IN RUSSIA – BRAKE OR PROGRESS?*

Annotation. *The article is devoted to the problems related to the implementation of the Bologna Convention in the Russian Federation. The reasons for the impossibility of implementing the principles of the Bologna Convention for Russian higher education are analyzed. The author, exploring the approaches and arguments of representatives of the teaching staff, politicians and statesmen about the state of Russian higher education in the current new conditions, comes to the conclusion that it is necessary to make changes in the training of personnel, relying on the fundamental nature of education.*

Keywords: *Bologna Declaration, higher education, point-rating system, academic mobility.*

* *Kuksin Ivan Nikolaevich*, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law and Management of the Moscow City Pedagogical University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: proffKuk-1944@yandex.ru

** Prepared with the information support of the SPS "Consultant-Plus".

Introduction: background. The Bologna educational process was launched in Europe in June 1999 by the signing in Bologna (Italy) by twenty-nine ministers of education of European states of a declaration called the “European Higher Education Area”. The main principle of this system is that the standards of education must be the same in all universities of the world, and diplomas are automatically recognized in all countries that have signed the declaration.

Russia joined it in 2003 when Minister of Education V.M. Filippova (1999–2004). March 30, 2022 V.M. Filippov, in an interview with NG columnist Natalya Savitskaya, asked if the situation with the two-level system of education “bachelor-master’s” could change: “To everyone who says that Russia needs to withdraw from the Bologna process, I want to remind you that no document, which Russia would have signed on the Bologna process, no. Not a single document... This is just an agreement (unofficial) between the ministries of education of European states among themselves, aimed at ensuring comparability of the structure, levels, standards and qualifications of higher education” [12].

The main idea of the Russian reformers of the higher education system was Russia's orientation to the West. Despite the presence of opponents of its signing, there was no wide discussion of this declaration in Russian universities and among the scientific community.

During that transition period, non-state educational institutions began to set the tone for its implementation, the number of which grew like mushrooms after the rain. As shown by a study conducted during the first decade of the existence of non-state higher education (1991–2000), the number of non-state universities approached 400 [1, p. 3]. In 1995, out of 142 non-state universities, 103 (i.e., 72.5%) taught undergraduate programs [1, p. 20]. This process was also facilitated by the Law “On Education in the Russian Federation” of 1992, which already operated with the concepts of “bachelor’s” and “master’s”, and the Law “On Higher and Postgraduate Professional Education” (1996) adopted four years later legislated a three-level system education, providing training for bachelors, along with traditionally preparing specialists.

In subsequent years, the introduction of the Bologna system of education proceeded with great efforts and more and more showed its inferiority. As an example, I will refer to the meeting of the Russian Language Council under the President of the Russian Federation, which was held in the Kremlin on November 5, 2019. When it came to training teachers of the Russian language and literature, the President of the Russian Federation questioned the wisdom of dividing the levels of higher education into bachelor's and master's degrees. He asked a rhetorical question: “What does it give? What does the bachelor's degree teach only in the lower grades, or what, but the master's degree gives the right to teach in the tenth or eleventh? Is it just a naked scheme of fashion or does it make any sense? [9]. The head of state proposed to think about training teachers under a five-year program.

In his Address to the Federal Assembly on January 15, 2020, the President of Russia proposed, based on the dynamically changing labor market and the emergence of new professions, “to enable students after the second year to choose a new direction or program of study, including related professions” [10].

The main part: what are the prospects for Russian education?

In recent years, more and more articles have appeared in the special press in which the authors raise the question: why does the Bologna educational process work against Russia and does it need to stay in it? If we turn to the period of signing this convention, then as the course of historical development shows, no one forced Russia into this process, the initiator was Russia itself. What motives guided those officials who signed this convention?

Theory of State and Law

One of the main motivations for the introduction of the Bologna system is to open the door for Russia to enter the world education system. The idea is attractive. Having unified the standards of the educational process, a graduate in Russia received a bachelor's degree. With the ability and financial resources, he could continue his studies in the magistracy, for example, in Germany, France, the Czech Republic, Austria, Poland, the Netherlands, Finland, Great Britain, Spain, Latvia, Slovakia, Canada, Italy. As can be seen, an important provision of the Bologna process is that students get the opportunity not only to choose the content of their education and place of study, but also to implement the principle of mobility.

After about two decades of the dominance of the Bologna system in Russia, the author came to the unequivocal conclusion that the expectations were not justified, since many fundamental problems of Russian education have not been resolved. The opportunity to study at European universities is available to an insignificant proportion of students. But this is not the main thing. The main thing is that Russian education has suffered damage, which is expressed in the fact that the quality of higher education has fallen to critical levels. Those who participate in the educational process, encountering university graduates, state an obvious fact. Some of the graduate students show good knowledge. However, for the most part, their educational level is such that there is a lack of a serious theoretical basis.

If in the Soviet system of education students were taught to think, prove, doubt, now all this has been replaced by the concept of "competence". In practice, this means that in the end, the instructions governing your place of work determine what you need to know. It turns out that we have replaced fundamental higher education with competencies. The Bologna system has deprived the strong side of Russian education – the fundamental knowledge. That is why many critics of the Bologna system see its flaw in the fact that the future graduate is taught certain practical competencies without a serious theoretical basis. The bachelor's standards themselves are such that within their framework it is impossible to give students fundamental knowledge. This educational system is based on a narrow specialization, which ultimately leads to the loss of the depth and breadth of knowledge of graduate students, the inability to set and solve innovative problems.

As an example, I will focus on the training of legal personnel. Based on the opinion of the scientific community, expressed in numerous scientific publications, it can be stated that "the quality of legal education is, if not in a crisis, then rather in an uncertain state" [6, p. 42]. Today, a bachelor of law graduate in order to become a judge, investigator, prosecutor or lawyer must have two law degrees: a bachelor's and a master's degree. With one diploma, it doesn't matter if you have a bachelor's or a master's degree, a person will not be considered a full-fledged lawyer. It was this circumstance that laid the foundation for distrust of bachelors, especially when it comes to such professions that require possession of not only competencies, but also a basic educational level.

It is very doubtful to judge the quality of education by the grades in the supplement to the diploma. To hide the inferiority of the Bologna system, education officials came up with a point-rating system that allows a student to score the required amount of points during the semester, including class attendance, writing an essay, preparing scientific reports, and so on. Such an imitation of violent activity qualitatively affects the final grade on the exam. And if the student scored the required number of points with a positive assessment, he is guaranteed to be provided.

For more than 19 years of the practice of introducing the Bologna system in Russia, there has not been an automatic recognition of diplomas. Education reformers convinced

that participation in the Bologna process would make it possible to obtain a single European diploma, which simplifies the employment of our graduates abroad [12, p. 46]. Haven't we seen today that the automatic mutual recognition of diplomas throughout the territory of the Bologna process is a bluff, a utopia? The Bologna process itself does not provide for this. According to the Lisbon Convention (Section III "Basic principles relating to the assessment of qualifications"), holders of qualifications (diplomas) issued in one of the Parties have adequate access to the assessment of these qualifications. The holder of a qualification can only demand a free assessment of his education, but cannot avoid it [7, p. 46].

Summarizing the practice of introducing a bachelor's degree as a higher education, one cannot help but see its shortcomings, which naturally cause criticism of many provisions. For example, back in 2016, the rector of Moscow State University V. Sadovnichiy expressed the opinion that "Russian higher educational institutions should abandon it, and called its introduction a mistake. According to him, it is necessary to return to five-six-year education – as, by the way, the leading Western universities did" [11]. The proposal made by the rector of Moscow State University to withdraw from the Bologna process received a mixed assessment, both in the educational community and among high-ranking officials. Some approved, others sharply criticized.

For example, the speaker of the Federation Council V.I. Matvienko in December 2021. According to her, Russia's accession to the Bologna process not only did not justify the hopes placed on it, but also led to the loss of a number of advantages of the Russian education system operating at that time. "It was assumed that if we switch to the Bologna process, then there will be automatic recognition of our diplomas of higher education in all Western countries. That did not happen. While we have gained a lot, we have lost a lot. We lost, perhaps, the fundamental nature in our education, when the demands on students decreased, as it was before" [9]. Addressing the deputies, she urged to find a way out of the current situation and find ways to return our higher education.

Vice Speaker of the State Duma I.A. Yarovaya "called the bachelor's degree "undereducation", since graduates with such a diploma are not hired in many structures, considering this level to be average professional" [9]. Professor Sergei Baburin notes that the Bologna system is nothing more than an adaptation of Europe to the experience of the best Soviet education at that time. In his opinion, it is necessary to eliminate the "technological failure" – the problem of the ratio of bachelor's and master's degrees [11].

In 2015, the All-Russian Public Opinion Poll dedicated to the problems of education was conducted in 75 regions of the Russian Federation. According to the results, it turned out that 78.9% of the respondents were against the Bologna system in the Russian Federation [1, p. 6]. According to the Chairman of the Association of Lawyers of Russia S.V. Stepashin, "the time has come for Russia to withdraw from the Bologna educational process. This system has done the country more harm than good" [8].

However, in the Russian educational space there are many of his supporters. Those who studied according to this system occupied a high position not only in government bodies, but also in the field of higher education, becoming heads of departments, deans and even rectors, reaching a certain scientific and social status. As a rule, among these people we will find those who will convince our society to be committed to the Bologna system of education. As an example, I will cite the arguments of the supporters of this system, expressed in the press recently. So, Ivanov Alexander Vladimirovich, Professor, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, author of the movement "For the Revival of Educa-

tion” believes that “Stepashin’s statement is the same as Bastrykin’s statement, who said that the Unified State Examination should be canceled, because the Unified State Examination is bad. That is, while it’s all at the level of “blah blah blah”. By and large, there is no subject for discussion. So far, there is no reason to talk about some serious statements at the top, about a change in educational policy. At least, Stepashin’s statement does not give any reasons for this” [5]. Further, the author believes that to abolish the Bologna system and return to the specialty is to start another restructuring of the entire educational process in universities. The Soviet training system has been killed; there are no cadres who are now in a position to quickly reshape curricula. The author concludes that starting a radical restructuring now, breaking what is, and moving on to the old one will lead to a drop in the quality of education. As a proposal, he believes that “universities should be given the right, as an option, to restore a specialty, if they consider it appropriate” [5].

The question arises: is there a need for a reorientation in the system of Russian higher education in the modern period? what are the main claims to the bachelor's degree; Is it possible to prepare a qualified worker in four years? On March 23, 2022, Rossiyskaya Gazeta published an article by Valery Vyzhutovich titled: “Why do we need an education reform?”. The article is based on an interview with the Director of the Institute of Education of the National Research University Higher School of Economics, Professor I. Abankina. When asked why bachelors are called “dropouts”, the answer was that this is a very outdated view of people who never studied under the bachelor's system. The Bologna system was conceived as a space for academic mobility, for students and professors, for the mutual recognition of programs and the qualifications of graduates. The Bologna system is working to make education relevant to the modern labor market, with the possibility of rapid dissemination of practices, with academic exchange. To destroy this system now and get out of it means dooming yourself to complete isolation and non-recognition. The transition to the old system is inadequate. Now everyone is trying to make the programs more intense, shorter, use the project method, research practices, experiments [4]. Thanks to this, “students can build their own educational program by choosing courses at different universities. And their diplomas are recognized not only by universities in other countries, but also by employers around the world. The Bologna system is a serious breakthrough for Russia” [2].

According to the author, based on the current political and economic situation in the world and Russia's relations with European countries, the goals set in the Bologna Convention cannot be realized in the next decades, especially in terms of access to education in universities in Europe, the USA, Canada, obtaining jobs and implementing the principle of mobility. Almost the entire collective West will prevent this. Why? The answer lies in those historical processes that have taken shape and are taking shape in European countries in relation to the Russian state. At present, when Russia began to protect the rights of the population of the DPR and LPR, there has been an unprecedented discrimination in the history of world higher education against Russian students based on their nationality.

Today, there are already facts of expulsions of students from higher educational institutions of foreign states, including participants in the Bologna process. It happened not by chance, but naturally. Consider 1941. Not only Nazi Germany attacked the USSR, the rest of Europe attacked, with the exception of the Serbs and Greeks. The entire economy of Europe and the United States worked for the German war machine. The Victory Banner had not yet been raised over the Reichstag, and W. Churchill, Prime Minister of Great Britain, ordered his chiefs of staff to develop an operation of a surprise strike on the USSR – Opera-

tion Unthinkable. It was given to him on May 22, 1945 on 29 pages. What was more here: the treachery of England and the Anglo-Saxons or fear of the Russians?

How much physical and spiritual strength the Soviet people had to have in order to break the back of this terrible monster. Spanish divisions and French legions, armies of Italy, Romania, Hungary, Finland, parts of Czechoslovakia and Croatia were beaten. The Brest fortress was stormed by the Austrians together with the Germans, the city of Sevastopol was stormed by the Romanians and Italians, and Albania sent the SS Skanderbeg division to fight. I ask myself the question: have these countries forgotten the year 1945? And as soon as the opportunity presented itself to at least somehow recoup those years when they shamefully lost battles, today the governments of these countries threaten Russia with nuclear strikes, the expulsion of diplomats, but they began to burn out Russian literature, music, painting, theater, education, sports especially furiously without which European culture can no longer be considered a full-fledged culture. The West is hitting the Russian people because it cannot do anything to Russia, either politically or economically, and even more so militarily.

And it's not at all about the conflict in Ukraine. And even the cruelest dictatorship of the world hegemon in the face of the United States, from which Europe, tail between its legs, only squeals, does not exhaust all the reasons. They are much deeper. European countries have stopped pretending. While the wounds of fascism were still fresh, while those who fought against it were alive, they seemed to condemn fascism, carried out spiritual denazification. But as soon as it became possible to take revenge on Russia, they unanimously throw off their fine mask and show their true colors.

The clearest example is the events associated with the alleged mass execution of civilians by the Russian Armed Forces in the Ukrainian village of Bucha and the West's disregard for evidence of fabrication. It makes no sense to say that since February 24, 2022, a blackout has occurred in Europe. This is a natural process of frenzied Russophobia.

Conclusion. It must be admitted that the whole world, including Russia, is on the threshold of world reorganization. This shift has already affected the education sector. When they say that the whole world does not abandon the Bologna system, this is a myth. "European countries in 2011–2012 recognized the imperfection of the Bologna system" [2]. Today, Russia and its allies must build their policy in a new way, including in the field of education. It is not necessary to immediately copy the Soviet educational system. We must unite with those countries that view Russia as an equal partner and seek ways of rapprochement by working out agreements and treaties in the field of education. Russia's experience in this area is colossal.

Today it is time for a radical review of approaches to undergraduate and specialist studies. For example, for the preparation of an accountant, a specialist in the hotel business, sports or in the fields of art, it may be enough for the performance of their functions of those fundamental knowledge that can be given in four years so that the graduate has a sufficient set of professional skills. Those areas where analytical and associative thinking is required from a specialist, where fundamental theoretical training is necessary, it is necessary to return the specialist. Only reasonableness and balance, as well as taking into account the requirements of the labor market and global trends, will effectively implement the requirement of the Federal Law "On Education in the Russian Federation".

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. AXIO-6. The main results of the All-Russian Public Opinion Poll on Education // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1648889686&tld=ru&lang=ru&name=axio-6_web.pdf&tex (Accessed: 2.04.2022).
2. Agranovich M. Master – to the answer? // Rossiyskaya Gazeta, 2022, March 22.
3. Berezovsky A.P. The history of the formation and development of a non-state higher school in Russia: the 90s of the XX century: author. dis. ... cand. historical Sciences. Moscow, 2000. 22 p.
4. Vyzhutovich V. Why do we need education reform? // Rossiyskaya Gazeta, 2022, March 23.
5. Ivanov A.V. Rejection of the Bologna system – is it too late to drink Borjomi? // URL: <https://www.nakanune.ru/articles/118537/> (date of access: 04/03/2022).
6. Kuksin I.N. Legal education in Russia: problems and prospects // Bulletin of the Moscow University. S.Yu. Witte. Series 2. Legal Sciences. 2017. No. 3. P. 40–44.
7. Kuksin I.N. Reform of higher legal education in Russia: from modernization to traditions // Politics, Power. Law: Proceedings of the I International Scientific and Theoretical Conference dedicated to the memory and 79th anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor Gennady Vasilievich Maltsev (Moscow-Belgorod, April 26, 2014)). Belgorod: GiK LLC. 2014. P 44–53.
8. Kulikov V. Let's teach in our own way // Rossiyskaya Gazeta, March 17, 2022.
9. Isn't it time for Russia to withdraw from the Bologna Process? // URL: https://ruskline.ru/news_rl/2020/06/13/my_zamenili_fundamentalnoe_vysshee_obrazovanie_kompetencyami (date of access: 2.04.2022).
10. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 01/15/2020 // www.consultant.ru.
11. It's time to slam the door. Why the Bologna process works against Russia // URL: https://tsargrad.tv/articles/pora-hlopnut-dverju-pochemu-bolonskij-process-rabotaet-protiv-rossii_333450 (Accessed: 1.04.2022).
12. Filippov V.M. What will result in Russia's withdrawal from the Bologna process / Nezavisimaya Gazeta, 2022, March 30 // URL .: https://www.ng.ru/education/2022-03-30/8_8404_education2.html (date of access: 04/03/2022).

For citation: Kuksin I.N. Bologna system of education in Russia – brake or progress?: article // Theory of State and Law. 2022. No. 3 (28). P. 111–117.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.008

Научная статья

УДК 340

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.009

И.Н. Куксин*

Р.М. Курмаев**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

***Аннотация.** Сегодня внимание мирового сообщества приковано к событиям, которые происходят в отношениях между Российской Федерацией и Украиной, на территории которой российскими Вооруженными силами проводится специальная военная операция. Насколько правомерно было принято руководством России решение о проведении демилитаризации и денацификации Украины? Ответы, которые кажутся очевидными не всегда оказываются таковыми. В статье предпринята попытка проанализировать данное событие, с опорой на нормы международного права и теоретические источники, посвященные данной проблеме.*

***Ключевые слова:** государственное принуждение, насилие, целеполагание, государственная власть, геноцид, нацизм.*

***Введение: постановка проблемы.** Сегодня мир переживает очередной сложнейший период в своем развитии. Соединенным Штатам Америки, разжигателю войн и военных конфликтов на всех континентах мира, вновь удалось со своими сателлитами создать военное и экономическое противостояние в центре Европы, используя проводимую Россией специальную военную операцию по демилитаризации и денацификации Украины. Под вывеской защиты демократии и придуманных Америкой неких новых правил, взамен международных норм, это государство наделило себя «исключительностью» и «незаменимостью», присвоило себе право безапелляционно диктовать свою волю всем государствам Земли.*

Одним из первых, кто возвел Америку в ранг исключительного государства, был 44-й президент Соединённых Штатов Америки Барак Обама. Выступая перед выпускниками военной академии Вест-Пойнт в мае 2014 года им было сказано: «Когда тайфун обрушивается на Филиппины, в Нигерии похищают девочек, а на Украине люди в масках занимают здания, мир смотрит на Америку и ждет ее помощи. Мой вывод таков: на мировой арене Америка всегда должна вести всех за собой. Если мы не возьмем на себя эту роль, то ее возьмет кто-то другой» [11]. Эту идею активно использовала Хиллари Клинтон в своих предвыборных речах в борьбе за пост 45-го президента Америки, которая неоднократно подчеркивала, что «США – исключительная нация, я верю, что мы, как говорил Линкольн, по-прежнему «последняя

* Куксин Иван Николаевич, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права и управления Московского государственного педагогического университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: proffkuk-1944@yandex.ru

** Курмаев Рустам Мусаевич, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

и лучшая надежда Земли», мы все еще «сияющий город на холме», как говорил (президент) Рейган и все-еще «великая, не эгоистичная, сочувствующая страна» Роберта Кеннеди» [11].

Чтобы усмирять подобные претензии отдельных государств, которым кажется, что они «всесильны, несокрушимы» на отдельных исторических периодах своего развития, у каждого народа должны быть общепризнанные легитимные средства, с помощью которых он способен в рамках принятых и действующих норм международного права достойно защищать себя, свой суверенитет и свои национальные интересы. Человечество на протяжении своего длительного развития выработало такие средства, одно из которых вошло в науку и государственную практику под названием *государственное принуждение*. Если гражданское общество объединяет людей сложным переплетением свободно реализуемых частных интересов, то государство же, как особый, специально сконструированный для этой цели механизм, – принуждением [6, с. 250].

Главное его предназначение не создавать условия на дозволенное принуждение сильного над слабым, а быть одним из инструментов реализации права в рамках международных договоров. Поэтому проблема принуждения государств к исполнению норм международного права является наиболее острым и требующим выработки механизмов его реализации.

По своему содержанию этот термин, так или иначе, олицетворяет насилие, которое и в древние времена, и в настоящее время рассматривается как одно из основных средств достижения поставленных государством целей.

Учеными гуманитарных отраслей знаний проблеме изучения сущности насилия и его роли в государственном строительстве всегда уделялось и уделяется внимание, что привело, в конечном итоге, к взаимоисключающим суждениям о его сущности и предназначении. Анализ специальной литературы убедительно подтверждает данный вывод. Так одна группа ученых рассматривает феномен насилия как одно из высокоэффективных средств достижения поставленных целей, другие – видят в нем средство антигуманности и деструктивности.

Особую остроту данного вопроса придает такое обстоятельство, когда государство в основном своем законе закрепляет, что оно строит правовое государство. Правомерна ли сама постановка вопроса о сочетании государственного принуждения в рамках правового государства?

Насилие, как крайнее средство принуждения [1, с. 25; 16, с. 41], применяется не ради самого себя, а всегда преследует конкретную цель. Представляется, что в основе принуждения центральным звеном, определяющим последующие действия субъекта управления (государства), выступает целеполагание. Последнее включает в себя осознание своих потребностей и мотивов, что и ведет в конечном итоге к постановке цели.

Если под этим углом зрения рассматривать создавшуюся кризисную международную обстановку, связанную с событиями на Украине, то следует указать на преследуемые цели Россией и США, включая страны, входящие в блок НАТО, которые являются диаметрально противоположными.

Устами Президента Российской Федерации было заявлено, что российские войска «сражаются за Россию, за мирную жизнь для граждан Донбасса, за денацификацию и демилитаризацию Украины» [14]. Дальнейшая конкретизация цели принуждения в форме специальной военной операции на Донбассе была озвучена в вы-

ступлении Президента России 9 мая 2022 года, где он сказал: «В декабре прошлого года мы предложили заключить договор о гарантиях безопасности. Россия призывала Запад к честному диалогу, к поиску разумных, компромиссных решений, к учёту интересов друг друга. Все напрасно. Страны НАТО не захотели нас услышать, а это значит, что на самом деле у них были совершенно другие планы. И мы это видели. В открытую шла подготовка к очередной карательной операции на Донбассе, к вторжению на наши исторические земли, включая Крым» [3].

Президент Украины, выступая в феврале 2022 года на Мюнхенской конференции по безопасности, прямо заявил, что в случае отказа Украине от вступления в блок НАТО, она готова приступить к созданию ядерного оружия. Следует учитывать и такие факторы как обстрел территории народных республик Донбасса на протяжении восьми лет, притеснение русского населения и запрет русского языка на ее территории, нападки на Украинскую православную церковь и попытки ее раскола при создании Православной церкви Украины, насаждение и возвеличивание неонацистских движений, организаций и политических партий, разрушение многочисленных памятников солдатам и офицерам Советской Армии, освобождавших Украину в годы Великой Отечественной войны от немецко-фашистских захватчиков, планирование руководством Украины совместно с США, так называемых наступательных военных операций объединенных сил в марте 2022 года на Донбасс и Крым.

Изложенные в обобщенном виде факты и сформировали итоговую цель для России – провести на территории Украины специальную войсковую операцию по принуждению ее руководства к проведению демилитаризации и денацификации страны.

Лейтмотивом речей президента Соединенных Штатов Америки Джо Байдена, которые аккумулируют целевую установку по поводу конфликта вокруг Украины, сводятся к тому, что «он важнее Второй мировой, но сопоставимым по важности с Первой мировой и с американской гражданской войнами», что «легко не будет», «дешево не выйдет», «это надолго», однако «цена того стоит». В конечном итоге Америка на войне – и твердо намерена ее выиграть [2].

Лидеры стран Евросоюза, стремясь завоевать лояльность США, действуя в ущерб своим национальным интересам, высказывают прогнозы, претензии, требования, которые настолько беспочвенные, что может сложиться впечатление, что ракеты НАТО уже ежедневно наносят удары по военным объектам России, а танки Альянса стоят в каких-то считанных километрах от Москвы, что военный разгром России – дело ближайших дней. При этом разгром России неотвратим до такой степени, что уже можно смело начинать делить «шкуру русского медведя».

Америка и страны НАТО свои заявления подкрепляют конкретными действиями, а именно поставками тяжелого вооружения Украине, участием в разработке наступательных и оборонительных операций против российских войск и вооруженных сил Донецкой и Луганской народных республик, проведением военных учений у российских границ, расширением стран-участников альянса чем повышают степень разрастания конфликта, который может перерасти в ядерную войну. Америка и блок НАТО не скрывают конечных своих целей – экономически ослабить и обескровить Российскую Федерацию, а в конечном итоге ее уничтожить. В американской военной доктрине Россия является главной угрозой ее национальной безопасности. Вопрос: в изложенных условиях Россия имела право на легитимное принуждение того государства, которое прямо угрожает ее национальным интересам и национальной безопасностью?

Основная часть: легальность принуждение в деятельности государства.

Авторы, посвятившие свои труды исследованию легальности принуждения, утверждают, что «государственно-правовое принуждение осуществляется государственными органами и их должностными лицами» [12]. Только государственная власть в лице ее государственных органов может, как крайняя мера, прибегать к применению легального принуждения другого государства, совершающего противоправные деяния. И здесь возникает непростая проблема, которая вызывает неоднозначные суждения: насколько будут действия государства, применившего принуждение в отношении другого государства за совершенные последним подобных действий, будут правомерными?

Применительно к событиям сегодняшнего дня насколько правомерны действия России по проведению специальной военной операции на Украине? Представляется, что ответы на поставленные вопросы надо искать в анализе как теоретических, так и нормативных источников.

Если исходить из общей теории права, то принуждение характеризуется неблагоприятными для делинквента (правонарушителя) последствиями, вытекающими из совершенного правонарушения и применением ответных мер другими субъектами права. При таком подходе можно утверждать, что государственное принуждение выступает правовым последствием реализации норм. В частности, речь идет о нормах международного права.

Следует оговориться, что в доктрине международного права до настоящего времени оспаривается сама возможность международно-правового принуждения. Его сторонники полагают, что невозможно никакое принуждение в отношении государств (Г. Нимайер). Однако такой подход отвергается как российскими (А.М. Талалаев, И.И. Лукашук), так и зарубежными (Дж. Кунц) исследователями. С учетом, что сегодня существует реальная угроза полномасштабного конфликта между НАТО, США и Россией, в том числе и с применением оружия массового уничтожения, значение института принуждения возрастает в разрешении международных кризисных ситуаций. Таким образом, современное международное право не только признает необходимость института принуждения в международных отношениях, но и нуждается в нём.

Сегодня мир как никогда хрупок, он балансирует на лезвии ножа. «Перед человечеством стоит труднейшая задача – формирование нового мирового порядка. Он должен отражать идеалы мира и справедливости, основанным на широком сотрудничестве государств и учете их интересов» [7, с. 165]. В сложившихся условиях институт государственного принуждения является тем инструментом, который позволяет решать сложные кризисные ситуации в международных отношениях. Однако вместе с осознанной необходимостью использования данного института важна его детальная правовая регламентация и теоретическое обоснование, что позволит предотвратить злоупотребления принуждением со стороны государств, исключит международный произвол и нестабильность. Потому автор разделяет мнение С.В. Черниченко о том, что «вряд ли можно обнаружить какую-либо разновидность применения силы в межгосударственных отношениях, которая бы выходила за пределы международного права» [17, с. 221].

Анализ последних научных публикаций по данной проблематике показывает, что зарубежные ученые и практики не остаются равнодушными к сложившейся ситуации вокруг Украины. К примеру, группа сербских профессоров и юристов обозна-

чали свой подход постановкой вопроса: нарушила ли Россия международное право, начав специальную военную операцию на Украине и пришла к выводу, что «поведение киевской хунты дало право Донецку и Луганску отделиться, а России вмешаться в конфликт» [13]. Следовательно, они признают полную правоту России в проведении указанной операции. Сразу возникает вопрос, а не вступает ли такой вывод с Уставом ООН в противоречие? В частности, речь идет о статье 51, которая строго ограничивает основание принуждения, допуская его только в качестве меры как ответ на международное противоправное деяние.

Известно, что в международном праве нет надгосударственного органа, который мог бы принуждать суверенные государства к соблюдению правовых норм. Следовательно, средство такого принуждения находится в руках самих государств.

Если исходить из указанной статьи Устава ООН, то она предусматривает такие формы принуждения как индивидуальную самооборону в виде санкций или коллективную в виде контрмер. Все иные силовые действия государства в отношении другого расцениваются как неправомерные.

Вместе с тем, за последние годы в теории международного права обосновывается относительно новый подход, дающий основание полагать, что в исключительных случаях государство, как субъект международного права, может и должен применить принуждение в отношении другого государства, которое посягает на его суверенитет и национальную безопасность.

Авторы полагают, что на протяжении восьми лет, начиная с 2014 года, сложилась исключительно неразрешимая ситуация, когда уладить отношения с Украиной мирным путем стало невозможным, когда геноцид русскоязычной части населения достиг апогея и когда стало очевидным, что ее нападение на ЛНР и ДНР, а в дальнейшем и на Крым должно было начаться в ближайшее время, что и было позднее подтверждено соответствующими приказами командованием Вооруженных Сил Украины. Следует также учитывать, что военная машина НАТО практически вплотную подступила к границам России. «Если эта инфраструктура будет двигаться дальше, если ракетные комплексы США и НАТО появятся на Украине, то их подлетное время до Москвы сократится до 7–10 минут, а при размещении гиперзвукового оружия – до пяти. Для нас это серьезнейший вызов – вызов нашей безопасности» [15].

Складывающиеся обстоятельства требовали от руководства страны решительных и незамедлительных действий. В связи с этим на основании ст. 51 Устава ООН с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным собранием (22.02.2022 г.) договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой народной республикой и Луганской народной республикой было принято политическим руководством страны решение о проведении специальной военной операции на территории Украины. Президент России В.В. Путин 24 февраля 2022 года в своем обращении к народу обосновал принятое решение.

Была названа цель специальной военной операции – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима, предать суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе граждан Российской Федерации, проведение демилитаризации и денацификации Украины. Постоянный представитель РФ при ООН В. Небензя на экстренном заседании Совета безопасности ООН по ситуации на Украине заявил: «Мы не производим агрессию против украинского народа, а выступаем против хунты, которая захватила власть в Киеве».

Вполне ожидаемо, что так называемый коллективный Запад в лице его политиков, государственных деятелей, исследователей международного права подвергли ожесточенной критике руководство России за принятое решение, отрицая в своих аргументах очевидное. Чтобы показать тональность высказываний, в порядке иллюстрации, процитируем отдельные из них. Так, Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш отказался считать событие в Донбассе геноцидом. Ему вторит канцлер Германии Олаф Штольц, назвав заявление Президента России «смехотворным». Международная ассоциация исследователей геноцида, оправдывая действие киевской хунты против русского народа, заявила что «Путин ложно присваивает и эксплуатирует термин геноцид для оправдания вторжения в суверенное государство».

Исследователи истории Второй мировой войны геноцида и нацизма в своем опубликованном заявлении указали на некорректность риторики о нацизме и назвали действия В.Путина «циничным злоупотреблением» термином «геноцид», памятью о Второй мировой войне и о Холокосте, призванным приравнять Украину к нацистскому режиму и оправдать агрессию России в её адрес [10]. Подобные утверждения философов, политологов, историков Запада можно цитировать до бесконечности. Однако все их утверждения сводятся к одному – дискредитировать в глазах мирового сообщества действие руководства России по демилитаризации и денацификации Украины.

Очевидно, что виновниками происходящего в центре Европы являются США и НАТО. Они уже тридцать лет противодействуют России и расширяют альянс к ее границам, угрожая ее безопасности. В складывающихся критических условиях действия России по проведению специальной военной операции на Украине не выходят за рамки норм международного права, что позволяет утверждать о легитимном принуждении.

В теоретических источниках по международному праву утверждается, что одним из проявлений принуждения является сила [8], как «способность одного субъекта международного права влиять на поведение другого в желаемом для себя направлении» [5, с. 39]. Если исходить из приведенных положений логично поставить вопрос: согласуется ли применение принуждения вплоть до использования военной силы со ст. 2 пункта 4 Устава ООН, закрепляющей принцип, согласно которому «все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций».

В исследовательских работах, посвященных данной проблеме утверждается, что «положения п. 4 ст. 2 Устава ООН распространяется только на т.н. «первичные», регулятивные отношения, то есть определяющие общий порядок осуществления международных отношений. Применение же принуждения представляет собой «вторичное», охранительное правоотношение, являющееся следствием предшествующего правоотношения, породившее противоправное деяние» [8, с. 19]. Началу такой трактовки положила Комиссия международного права ООН при разработке проектов статей об ответственности государств, за международно-правовые деяния. В комментарии (п. 40) было дано пояснение, что нормы об ответственности и принуждении «... можно назвать «вторичными», поскольку эти нормы имеют целью определить правовые последствия невыполнения обязательств, предусмотренных «первичными» нормами [4, с. 196–197]. Комиссия посчитала такое разграничение необходимым, для того, чтобы в полной мере проанализировать суть международного принуждения и ответственности государств.

Если строго исходить из приведенных положений, то Российская Федерация, применяя силу, принуждение не нарушала «первичных» отношений, которые запрещены п. 4 ст. 2 Устава ООН, а действовала в рамках «вторичных» охранительных правоотношений, так как имело место со стороны Украины нарушения установленного мирового правопорядка. Более того, Россия исходила из требований статей 3 и 4 договоров «О дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи» ратифицированных Государственной Думой (22.02.2022 г.), которые закрепляют приверженность на коллективную самооборону, что не противоречит статье 51 Устава ООН.

Заключение. Как показывает история человеческой цивилизации идет постоянный процесс эволюции форм и методов принуждения. XXI век не исключение, ибо возникающие противоречия между странами разрешаются отнюдь не цивилизованными средствами. Сущность данной проблемы исследуется через категорию «принуждение», что обусловлено возникающими в силу различных причин региональных и глобальных конфликтов под лозунгами, например, обретения суверенитета или самоопределения народов и наций. Неизменно такие процессы сопровождаются вооруженными конфликтами, гражданскими войнами.

В силу того, что гегемон в лице США, не готов добровольно сдать свои геополитические и геоэкономические позиции, поэтому объем государственного насилия в ближайшие годы будет нарастать. Как ответная реакция, так или иначе, государства будут прибегать к принуждению в межгосударственных отношениях. Именно поэтому труднейшей теоретической задачей становится ответ на вопрос можно ли использовать принуждение во имя благих целей, годится ли оно в качестве инструмента борьбы со злом. В силу этого необходимы теоретические исследования и конкретные предложения по совершенствованию межгосударственного законодательства.

Библиографический список

1. Байтин М.И. Государство и политическая власть: теоретическое исследование // Дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1972. – 448 с.
2. Борьба за Украину для США важнее Второй мировой войны // URL: <https://vz.ru/politics/2022/5/10/1157140.html> (дата обращения: 12.05.2022).
3. Выступление президента России Владимира Путина. 09.05.2022 // URL: <https://www.1tv.ru/shows/den-pobedy/obrashenie-prezidenta/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira-putina-09-05-2022> (дата обращения: 12.05.2022).
4. Доклад Комиссии международного права о работе ее двадцать пятой сессии, 7 мая – 13 июля 1973 г. // Ежегодник Комиссии международного права. – 1973. – Т II. – С. 187–275 // URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_1973_v2.pdf (дата обращения: 27.05.2022).
5. Деханов С.А. Право и сила в межгосударственных отношениях // Московский журнал международного права. – 2003. – № 4. – С. 38–48. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/view/924> (дата обращения: 27.05.2022).
6. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 529 с.
7. Куксин И.Н. Современная проверка принципов Устава ООН: украинский узел // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – Т. I (43). – С. 164–168.
8. Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в системном международном праве: дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2019. – 186 с.
9. Матвеева С.М. Эволюция феномена силы в мировой политике [Электронный ресурс]. URL: http://gosreg.amchs.ru/pdffiles/15number/articles15/Matveeva_15.pdf

10. О проведении специальной военной операции [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 27.05.2022).

11. «Последняя надежда Земли»: Хиллари Клинтон заявила об исключительности США [Электронный ресурс] // URL: <https://tengrinews.kz/usa/poslednyaya-nadejda-zemli-hillari-klinton-zayavila-301358/> <https://tengrinews.kz/usa/poslednyaya-nadejda-zemli-hillari-klinton-zayavila-301358/> (дата обращения: 12.05.2022).

12. Петренко М.Н. Государственно-правовое принуждение: отдельные проблемные вопросы // Современные научные исследования и инновации. – 2020. – № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2020/09/93373> (дата обращения: 23.05.2022).

13. Печат (Сербия): почему Россия права? [Электронный ресурс] // URL: <https://inosmi.ru/2>

14. Путин объяснил цели российской операции на Украине // URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/03/goals/> (дата обращения: 12.05.2022).

15. Путин: Москве нужны юридические гарантии того, что НАТО не будет расширяться на восток [Электронный ресурс] // URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/533893>

16. Чашников В.А., Фалькина Т.Ю. О соотношении понятий «принуждение» и «насилие» // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 1. – С. 41–43.

17. Черниченко С.В. Теория международного права: Современные теоретические проблемы. – В 2-х томах. – Т. 1. – М.: НИМП, 1999. – 336 с.

Для цитирования: Куксин И.Н., Курмаев Р.М. Государственное принуждение как способ разрешения межгосударственных противоречий: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 118–125.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.009

Ivan N. Kuksin*
Rustam M. Kurmaev**

STATE COERCION AS A WAY TO RESOLVE INTERSTATE CONTRADICTIONS

Annotation. *Today, the attention of the world community is riveted to the events that are taking place in relations between the Russian Federation and Ukraine, on the territory of which the Russian Armed Forces are conducting a special military operation. How legitimate was the Russian leadership's decision to demilitarize and denazify Ukraine? Answers that seem obvious are not always so. The article attempts to analyze this event, based on the norms of international law and theoretical sources devoted to this problem.*

Key words: *state coercion, violence, goal-setting, state power, genocide, nazism.*

Introduction: problem statement. Today the world is going through another difficult period in its development. The United States of America, the instigator of wars and mil-

* *Kuksin Ivan Nikolaevich*, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law and Management, Moscow State Pedagogical University, Doctor of Law, Professor. E-mail: proffkuk-1944@yandex.ru

** *Kurmaev Rustam Musaevich*, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute (St. Petersburg), candidate of legal sciences. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

itary conflicts on all continents of the world, once again succeeded with its satellites in creating a military and economic confrontation in the center of Europe, using a special military operation conducted by Russia to demilitarize and denazify Ukraine. Under the guise of defending democracy and some new rules invented by America, instead of international norms, this state endowed itself with "exclusivity" and "indispensability", appropriated the right to dictate its will to all the states of the Earth peremptorily.

One of the first who elevated America to the rank of an exceptional state was the 44th President of the United States of America, Barack Obama. Speaking to graduates of the West Point Military Academy in May 2014, they were told: "When a typhoon hits the Philippines, girls are kidnapped in Nigeria, and masked men occupy buildings in Ukraine, the world is looking to America and waiting for her help. My conclusion is that on the world stage, America must always lead the way. If we do not take on this role, then someone else will take it" [11]. This idea was actively used by Hillary Clinton in her campaign speeches in the struggle for the post of the 45th president of America, who repeatedly emphasized that "the United States is an exceptional nation, I believe that we, as Lincoln said, are still" the last and best hope of the Earth ", we are still "a shining city on a hill," as (President) Reagan said, and still "a great, not selfish, sympathetic country," Robert Kennedy" [11].

In order to pacify such claims of individual states, which think that they are "omnipotent, invincible" at certain historical periods of their development, each people must have generally recognized legitimate means by which it is able to adequately defend itself within the framework of accepted and valid norms of international law, their sovereignty and their national interests. Mankind, during its long development, has developed such means, one of which has entered science and state practice under the name of state coercion. If civil society unites people by a complex interweaving of freely realized private interests, then the state, as a special mechanism specially designed for this purpose, is coercion [6, p. 250].

Its main purpose is not to create conditions for the permitted coercion of the strong over the weak, but to be one of the instruments for the implementation of law within the framework of international treaties. Therefore, the problem of forcing states to comply with the norms of international law is the most acute and requires the development of mechanisms for its implementation.

In its content, this term, one way or another, personifies violence, which both in ancient times and at present is considered as one of the main means of achieving the goals set by the state.

Scientists of the humanitarian branches of knowledge have always paid attention to the problem of studying the essence of violence and its role in state building, which ultimately led to mutually exclusive judgments about its essence and purpose. An analysis of the specialized literature convincingly confirms this conclusion. So one group of scientists considers the phenomenon of violence as one of the highly effective means of achieving the set goals, others see it as a means of inhumanity and destructiveness.

This issue is especially acute when the state establishes in its main law that it is building a state of law. Is it justified to raise the question of the combination of state coercion within the framework of the rule of law?

Violence as an extreme means of coercion [1, p. 25; 16, p. 41], is applied not for its own sake, but always pursues a specific goal. It seems that at the heart of coercion, the central link that determines the subsequent actions of the subject of control (the state) is goal-setting. The latter includes awareness of one's needs and motives, which ultimately leads to goal setting.

If from this angle we consider the current international crisis situation related to the events in Ukraine, then we should point to the goals pursued by Russia and the United States, including the countries that are members of the NATO bloc, which are diametrically oppose.

Through the mouth of the President of the Russian Federation, it was stated that Russian troops “fight for Russia, for a peaceful life for the citizens of Donbass, for the denazification and demilitarization of Ukraine” [14]. Further specification of the goal of coercion in the form of a special military operation in the Donbass was announced in the speech of the President of Russia on May 9, 2022, where he said: “Last December, we proposed to conclude an agreement on security guarantees. Russia called on the West to an honest dialogue, to search for reasonable, compromise solutions, to take into account each other's interests. All in vain. The NATO countries did not want to hear us, which means that in fact they had completely different plans. And we saw it. Openly, preparations were underway for another punitive operation in the Donbass, for an invasion of our historical lands, including Crimea” [3].

The President of Ukraine, speaking in February 2022 at the Munich Security Conference, explicitly stated that if Ukraine refuses to join the NATO bloc, it is ready to start creating nuclear weapons. Consideration should also be given to such factors as the shelling of the territory of the people's republics of Donbass for eight years, the oppression of the Russian population and the ban on the Russian language on its territory, attacks on the Ukrainian Orthodox Church and attempts to split it when creating the Orthodox Church of Ukraine, the planting and glorification of neo-Nazi movements, organizations and political parties, the destruction of numerous monuments to soldiers and officers of the Soviet Army, who liberated Ukraine during the Great Patriotic War from Nazi invaders, the planning by the leadership of Ukraine, together with the United States, of the so-called offensive military operations of the joint forces in March 2022 in the Donbass and Crimea.

The facts stated in a generalized form formed the final goal for Russia – to conduct a special military operation on the territory of Ukraine to force its leadership to demilitarize and denazify the country.

The leitmotif of the speeches of the President of the United States of America Joe Biden, which accumulate a target setting regarding the conflict over Ukraine, boil down to the fact that “it is more important than the Second World War, but comparable in importance to the First World War and the American Civil War”, that “it will not be easy”, “it won't work out cheap”, “it's for a long time”, but “the price is worth it”. Ultimately, America is at war – and is determined to win it [2].

The leaders of the EU countries, in an effort to win the loyalty of the United States, acting to the detriment of their national interests, make forecasts, claims, demands that are so groundless that one might get the impression that NATO missiles are already hitting Russian military targets on a daily basis, and the Alliance tanks are in what – a few kilometers from Moscow, that the military defeat of Russia is a matter of the next few days. At the same time, the defeat of Russia is inevitable to such an extent that it is already possible to safely begin to divide the “skin of the Russian bear”.

America and the NATO countries back up their statements with concrete actions, namely, the supply of heavy weapons to Ukraine, participation in the development of offensive and defensive operations against Russian troops and the armed forces of the Donetsk and Luhansk People's Republics, military exercises near Russian borders, and the expansion of the countries participating in the alliance, which increase the degree to which the

conflict escalates, which can escalate into a nuclear war. America and the NATO bloc do not hide their ultimate goals – to economically weaken and bleed the Russian Federation, and ultimately destroy it. In American military doctrine, Russia is the main threat to its national security. Question: under the conditions outlined, did Russia have the right to legitimate coercion of that state that directly threatens its national interests and national security?

The main part: the legality of coercion in the activities of the state. The authors who devoted their works to the study of the legality of coercion argue that "state-legal coercion is carried out by state bodies and their officials" [12]. Only the state power in the person of its state bodies can, as a last resort, resort to the use of legal coercion of another state that commits unlawful acts. And here a difficult problem arises, which causes ambiguous judgments: to what extent will the actions of a state that used coercion against another state for such actions committed by the latter be lawful.

With regard to today's events, how legitimate are Russia's actions to conduct a special military operation in Ukraine? It seems that the answers to the questions posed should be sought in the analysis of both theoretical and normative sources.

Based on the general theory of law, coercion is characterized by adverse consequences for the delinquent (offender) arising from the offense committed and the use of retaliatory measures by other subjects of law. With this approach, it can be argued that state coercion is a legal consequence of the implementation of norms. In particular, we are talking about the norms of international law.

It should be noted that the very possibility of international legal coercion has been disputed in the doctrine of international law so far. Its supporters believe that no coercion against states is possible (G. Niemeyer). However, this approach is rejected by both Russian (A.M. Talalaev, I.I. Lukashuk) and foreign (J. Kunz) researchers. Given that today there is a real threat of a full-scale conflict between NATO, the United States and Russia, including with the use of weapons of mass destruction, the importance of the institution of coercion is growing in resolving international crisis situations. Thus, modern international law not only recognizes the need for the institution of coercion in international relations, but also needs it.

Today the world is more fragile than ever, it balances on a knife edge. "Mankind faces the most difficult task – the formation of a new world order. It should reflect the ideals of peace and justice, based on the broad cooperation of states and taking into account their interests" [7, p. 165]. In the current conditions, the institution of state coercion is the tool that allows you to solve complex crisis situations in international relations. However, along with the perceived need to use this institution, its detailed legal regulation and theoretical justification are important, which will prevent abuses of coercion by states, exclude international arbitrariness and instability. Therefore, the author shares the opinion of S.V. Chernichenko that "it is hardly possible to find any kind of use of force in interstate relations that would go beyond the limits of international law" [17, p. 221].

An analysis of the latest scientific publications on this issue shows that foreign scientists and practitioners do not remain indifferent to the current situation around Ukraine. For example, a group of Serbian professors and lawyers indicated their approach by posing the question: did Russia violate international law by launching a special military operation in Ukraine and came to the conclusion that "the behavior of the Kyiv junta gave Donetsk and Lugansk the right to secede, and Russia to intervene in the conflict" [13]. Consequently, they recognize the complete correctness of Russia in carrying out this operation. The question immediately arises, does not such a conclusion come into conflict with the UN

Theory of State and Law

Charter? In particular, we are talking about Article 51, which severely limits the basis of coercion, allowing it only as a measure in response to an internationally wrongful act.

It is known that in international law there is no supranational body that could force sovereign states to comply with legal norms. Consequently, the means of such coercion lies in the hands of the states themselves.

Based on this article of the UN Charter, it provides for such forms of coercion as individual self-defense in the form of sanctions or collective self-defense in the form of countermeasures. All other forceful actions of the state in relation to another are regarded as unlawful.

At the same time, in recent years, a relatively new approach has been substantiated in the theory of international law, which gives reason to believe that in exceptional cases a state, as a subject of international law, can and must use coercion against another state that encroaches on its sovereignty and national security.

The authors believes that over the course of eight years, starting in 2014, an exceptionally insoluble situation has developed when it became impossible to settle relations with Ukraine peacefully, when the genocide of the Russian-speaking part of the population reached its climax and when it became obvious that its attack on the LNR and DNR, and in the future, and to the Crimea was to begin in the near future, which was later confirmed by the relevant orders of the command of the Armed Forces of Ukraine. It should also be taken into account that the NATO military machine has almost come close to the borders of Russia. "If this infrastructure moves on, if US and NATO missile systems appear in Ukraine, then their flight time to Moscow will be reduced to 7–10 minutes, and when deploying hypersonic weapons, to five. For us, this is a serious challenge – a challenge to our security" [15].

The current circumstances demanded decisive and immediate action from the country's leadership. In this regard, on the basis of Art. 51 of the UN Charter, with the sanction of the Federation Council of Russia and in pursuance of the treaties of friendship and mutual assistance ratified by the Federal Assembly (02.22.2022) with the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic, the political leadership of the country made a decision to conduct a special military operation on the territory of Ukraine. President of Russia V.V. On February 24, 2022, Putin justified the decision in his address to the people.

The goal of the special military operation was named – to protect people who have been subjected to abuse, genocide by the Kyiv regime for eight years, to bring to justice those who committed numerous bloody crimes against civilians, including citizens of the Russian Federation, to demilitarize and denazify Ukraine. At an emergency meeting of the UN Security Council on the situation in Ukraine, the Permanent Representative of the Russian Federation to the UN, V. Nebenzia, said: "We do not carry out aggression against the Ukrainian people, but we oppose the junta that seized power in Kyiv".

It is quite expected that the so-called collective West, represented by its politicians, statesmen, researchers of international law, subjected the Russian leadership to fierce criticism for the decision taken, denying the obvious in their arguments. To show the tone of the statements, by way of illustration, we will quote some of them. Thus, UN Secretary-General António Guterres refused to consider the event in Donbass genocide. He is echoed by German Chancellor Olaf Stolz, calling the Russian President's statement "ridiculous." The International Association of Genocide Researchers, justifying the actions of the Kyiv junta against the Russian people, stated that "Putin falsely appropriates and exploits the term genocide to justify the invasion of a sovereign state."

Researchers of the history of the Second World War of genocide and Nazism in their published statement pointed out the incorrectness of the rhetoric about Nazism and called V. Putin's actions a "cynical abuse" of the term "genocide", a memory of the Second World War and the Holocaust, designed to equate Ukraine with the Nazi regime and justify Russia's aggression against her [10]. Such statements of philosophers, political scientists, historians of the West can be quoted endlessly. However, all their statements come down to one thing – to discredit in the eyes of the world community the actions of the Russian leadership in the demilitarization and denazification of Ukraine.

It is obvious that the US and NATO are responsible for what is happening in the center of Europe. They have been opposing Russia for thirty years and expanding the alliance to its borders, threatening its security. In the emerging critical conditions, Russia's actions to conduct a special military operation in Ukraine do not go beyond the norms of international law, which allows us to assert legitimate coercion.

In theoretical sources on international law, it is stated that one of the manifestations of coercion is force [8], as "the ability of one subject of international law to influence the behavior of another in the desired direction" [5, p. 39]. Based on the above provisions, it is logical to raise the question: is the use of coercion up to the use of military force consistent with Art. 2 of paragraph 4 of the UN Charter, which enshrines the principle that "all Members of the United Nations shall refrain in their international relations from the threat or use of force against the territorial integrity or political independence of any State, or in any other manner inconsistent with the Purposes of the United Nations".

In research papers devoted to this problem, it is stated that "the provisions of paragraph 4 of Art. 2 of the UN Charter applies only to the so-called "primary", regulatory relations, that is, determining the general procedure for the implementation of international relations. The use of coercion is a "secondary", protective legal relationship, which is a consequence of the previous legal relationship that gave rise to an illegal act" [8, p. 19].

The beginning of such an interpretation was laid by the UN International Law Commission in the development of draft articles on the responsibility of states for international legal acts. In the commentary (p. 40), an explanation was given that the rules on responsibility and coercion "... can be called "secondary", since these rules are intended to determine the legal consequences of failure to fulfill the obligations provided for by the "primary" rules [4, p. 196–197]. The Commission considered such a distinction necessary in order to fully analyze the essence of international coercion and the responsibility of states.

If we strictly proceed from the above provisions, then the Russian Federation, by using force, coercion did not violate the "primary" relations that are prohibited by paragraph 4 of Art. 2 of the UN Charter, but acted within the framework of "secondary" protective legal relations, since there was a violation of the established world legal order by Ukraine. Moreover, Russia proceeded from the requirements of Articles 3 and 4 of the treaties "On Friendship, Cooperation and Mutual Assistance" ratified by the State Duma (02/22/2022), which fix the commitment to collective self-defense, which does not contradict Article 51 of the UN Charter.

Conclusion. As the history of human civilization shows, there is a constant process of evolution of forms and methods of coercion. The 21st century is no exception, because the contradictions that arise between countries are resolved by no means civilized means. The essence of this problem is explored through the category of "coercion", which is due to regional and global conflicts arising for various reasons under slogans, for example, gaining sovereignty or self-determination of peoples and nations. Such processes are invariably accompanied by armed conflicts and civil wars.

Due to the fact that the hegemon represented by the United States is not ready to voluntarily surrender its geopolitical and geo-economic positions, therefore, the volume of state violence will increase in the coming years. As a response, one way or another, states will resort to coercion in interstate relations. That is why the most difficult theoretical task is to answer the question of whether coercion can be used for good purposes, whether it is suitable as a tool to combat evil. Because of this, theoretical studies and specific proposals for improving interstate legislation are needed.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Baitin M.I. State and political power: a theoretical study // Diss. ... doc. legal Sciences. Moscow, 1972. 448 p.
2. The fight for Ukraine is more important for the US than World War II // URL: <https://vz.ru/politics/2022/5/10/1157140.html> (Accessed: 05/12/2022).
3. Speech by Russian President Vladimir Putin. 05/09/2022 // URL: <https://www.1tv.ru/shows/den-pobedy/obrashenie-prezidenta/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira-putina-09-05-2022> (date of access: 05/12/2022).
4. Report of the International Law Commission on the work of its twenty-fifth session, May 7 – July 13, 1973 // Yearbook of the International Law Commission. 1973. T II. pp.187–275 // URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_1973_v2.pdf (Accessed 05/27/2022).
5. Dekhanov S.A. Law and force in interstate relations // Moscow Journal of International Law. 2003, No. 4. P. 38–48. [Electronic resource] // URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/view/924> (date of access: 05/27/2022).
6. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed., Rev. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 529 p.
7. Kuksin I.N. Modern Verification of the Principles of the UN Charter: Ukrainian Knot // Rule of Law: Theory and Practice. 2016. T I (43). Pp. 164–168.
8. Kritsky K.V. Sanctions and unilateral restrictive measures in systemic international law: dis. ... cand. legal Sciences. Moscow, 2019. 186 p.
9. Matveeva S.M. The evolution of the phenomenon of power in world politics [Electronic resource]. URL: http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/15number/articles15/Mat-veeva_15.pdf (date of access: 05/27/2022).
10. On conducting a special military operation [Electronic resource] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (date of access: 05/27/2022).
11. "The last hope of the Earth": Hillary Clinton declared the exceptionalism of the United States [Electronic resource] // URL: <https://tengrinews.kz/usa/poslednyaya-nadejda-zemli-hillari-klinton-zayavila-301358/> <https://tengrinews.kz/usa/poslednyaya-nadejda-zemli-hillari-klinton-zayavila-301358/> (date of access: 05/12/2022).
12. Petrenko M.N. State-legal coercion: individual problematic issues // Modern scientific research and innovation. 2020. No. 9 [Electronic resource] URL: <http://web.snauka.ru/issues/2020/09/93373> (date of access: 05/23/2022).
13. Print (Serbia): why is Russia right? [Electronic resource] // URL: <https://inosmi.ru/2>
14. Putin explained the goals of the Russian operation in Ukraine // URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/03/goals/> (Accessed: 05/12/2022).
15. Putin: Moscow needs legal guarantees that NATO will not expand to the east [Electronic resource] // URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/533893> (Accessed: 05/27/2022).

16. Chashnikov V.A., Falkina T.Yu. On the relationship between the concepts of "coercion" and "violence" // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1. Pp. 41–43.

17. Chernichenko S.V. Theory of international law: Modern theoretical problems. In 2 volumes. T. 1. Moscow: NIMP, 1999. 336 p.

For citation: Kuksin I.N., Kurmaev R.M. State coercion as a way to resolve interstate contradictions: article // Theory of State and Law. 2022. No. 3 (28). P. 125–132.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.009

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.010

А.А. Максимов*

УЧЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ В РАННЕЙ РУКОПИСИ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ «СИСТЕМА НРАВСТВЕННОСТИ»

***Аннотация.** Ранняя рукопись Г.В.Ф. Гегеля «Система нравственности» стала последней ступенью перед созданием им собственной развернутой системы учения о личности, обществе, праве и государстве. Хотя Гегель пока еще использует форму метода, которую заимствует у Ф.В.Й. Шеллинга, с содержательной стороны он активно разрабатывает собственный метод познания правовых явлений. В результате им формируются основные идеи, ставшие доминирующими в поздних философско-правовых работах и в них обоснованные: о государстве как выражении высшей нравственной идеи, о сущностном единстве гражданского общества и государства, о целостности государственной власти и др.*

***Ключевые слова:** Гегель, Шеллинг, «Система нравственности», метод, право, государство.*

Рукописью Г.В.Ф. Гегеля, относящейся к 1805 – 1806 гг. и вошедшей в историю науки под названием «Система нравственности», открывается переходный этап к зрелой системе политико-правовых воззрений ученого, нашедшей своей воплощение в «Энциклопедии философских наук» и «Философии права».

С точки зрения метода, «Система нравственности» представляет собой попытку Гегеля двигаться в русле идей и методологических принципов Ф.В.Й. Шеллинга, с которым его в это время связывали творческое сотрудничество и личные дружеские отношения. В этот период своего творчества Шеллинг разрабатывает систему, получившую наименование абсолютного идеализма. В ее основе лежит идея абсолюта, понимаемого как абстрактное тождество всех противоположностей, прежде всего – противоположностей мышления и бытия, субъекта и объекта, природы и человека.

В аспекте метода Гегель ведет, соответственно, речь об абсолютном тождестве созерцания и понятия, где абсолютное понятие и абсолютное созерцание диалектически меняются местами. Детальному изложению и анализу системы и метода Ф.В.Й. Шеллинга этого периода посвящена специальная работа Г.В.Ф. Гегеля 1801 г. «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга в соотношении со «Статьями для облегчения обозрения состояния философии в начале XIX столетия Рейнгольда», в которой он излагает и собственное отношение к шеллингианскому методу [4, с. 115–134].

* Максимов Александр Александрович, аспирант кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: sanchomaa@gmail.com.

Научный консультант – Маслеников Дмитрий Владимирович, проректор по учебной – учебно-методической работе, заведующий кафедрой общегуманитарных наук ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор. E-mail: dwm61@inbox.ru

Внимательное знакомство с текстом рукописи показывает, что Гегель по мере работы над материалом все дальше уходит от шеллингианского схематизма, стремится к разработке собственного диалектического метода и совсем тесно ему становится в рамках шеллингианских схем в последнем разделе, когда речь идет о природе государства. Об этом убедительно пишет Н.А. Татаренко: «...и по характеру письма, и по использованию терминов последняя глава значительно отличается от предыдущих, особенно от первой... Складывается впечатление, что, вооружившись принципами философии Шеллинга и замыслом построить на их основании свой текст, Гегель постепенно либо теряет интерес к такому схематизированному изложению, либо понимает, что не может применить данную методологию ко всем темам исследуемого предмета. В любом случае, с каждой страницей перед нами предстает все менее упорядоченная структура, но все более четко вырисовываются детали – пока еще не везде продуманные, местами противоречивые – именно гегелевской философии, которая полностью проявит себя в «Феноменологии духа»» [13, с. 126–127].

Тем не менее, несмотря на очевидное и доминирующее влияние методологии шеллинговской философии, рукопись «Система нравственности» важна и интересна тем, что в ней окончательно закрепляется образ государства как воплощения нравственной субстанции, а обсуждение глубоких внутренних связей нравственной природы государства и христианской религии выходят за пределы анализа внешних отношений государства и конфессии [12, с. 24–25].

Прежде всего, нужно отметить, что само понятие нравственности в этой работе трактуется предельно широко, что станет характерно для категориального аппарата Гегеля и в поздний период творчества. В отличие от морали, которую Гегель связывал преимущественно с субъективным миром человека, нравственность охватывает всю систему объективных форм жизни общества, как материальных, так и духовных, которые обуславливающих ориентацию личности на ценности абсолютного блага. Нравственность опосредует единство морали и права, так что «содержание морали полностью наличествует в естественном праве» [3, с. 330]. Такая трактовка понятия нравственности войдет позднее в «Философию права» Гегеля. Здесь же впервые предвосхищается и позднейшая архитектоника «Философии права». А именно: абстрактное право и мораль – гражданское общество и народ – государство. Это позволяет некоторым специалистам говорить о «Системе нравственности» как о первом варианте позднейшей «Философии права».

Сначала Гегель говорит о субъективном духе, связывая его, прежде всего с проблемой свободы воли человеческой личности, реализации и опредмечивании этой воли. Способом опредмечивания воли выступает человеческий труд, опосредованный орудием, в результате которого человек достигает предмета своего стремления. Хотя этот труд связан с разумом и орудием производства, логически он еще представляет собой, по сути, природный, досоциальный, процесс, а потому также и в итоге трудового процесса «здесь совершенно не может быть речи ни о какой правовой основе или стороне владения» [3, с. 282].

Далее речь идет о «действительном духе», аналоге позднейшего понятия объективного духа, которое мы встречаем в «Энциклопедии философских наук» и которое посвящено проблематике договора, преступления и наказания, закона и моральных норм. В тексте «Системы нравственности» Гегель более подробно, чем в поздней «Философии права», но с тех же общих теоретических позиций, анализирует различные виды преступлений: угнетение, убийство, ограбление, кража, оскорбление чести.

Как и потом в «Философии права» он анализирует внутреннюю связь преступления и справедливости возмездия, называя эту связь «абсолютной» [3, с. 313].

Внутреннюю связь преступления и наказания Гегель трактует диалектически, через указание на единство и борьбу противоположностей. Методологически значимо указание на всеобщее как опосредующее их начало. Неправедность преступления состоит в том, что оно стремится восстановить всеобщее, необходимость наказания – часть всеобщей необходимости, заключенной в природе нравственности: «Преступление как отрицательная жизненность, как конституирующее себя в созерцании понятие подчиняет всеобщее, объективное, идеальное; и наоборот, справедливость возмездия как всеобщее, объективное, подчиняет отрицание...» [3, с. 313].

Завершающий раздел – нравственность – посвящен отношениям гражданского общества и понятию государственного устройства. Как и в своих поздних произведениях – «Философии права» и «Энциклопедии философских наук» – Гегель соотносит понятие нравственности со сферой объективных проявлений человеческих отношений. Это говорит о том, что данное понятие у него уже вполне устоялось. В дальнейшем, когда в «Философии права» Гегель будет развивать свою основную мысль о государстве как о выражении высшей нравственной идеи, он будет понимать эту идею не в кантовском смысле – как индивидуальный нравственный закон, а в значении высшего принципа объективного взаимодействия человека, общества и государства. Учение об этом принципе шаг за шагом утверждается в ранних работах Гегеля и является его собственным научным достижением в теоретическом контексте идей начала XIX столетия.

Первая форма, в которой эта идея нравственности проявляет себя во всей полноте (в принятой Гегелем в этом трактате терминологии, становится объектом «созерцания»), является народ. Понятие народа к началу XIX века начинает играть в юриспруденции все более важную роль в значительной степени благодаря влиянию немецких романтиков.

Концепт «народ», прочно вошедший начиная с трудов Ж. Бодена в европейский политико-правовой лексикон, укоренился в немецкой научной речи благодаря работе 1765 г. Ф.К. фон Мозера «О немецком национальном духе» [15], а также трудам И.Г. Гердера, В. Гумбольдта, И.Г. Фихте. Последний писал (правда, несколькими годами позже после создания Гегелем «Системы нравственности»): «Народ и Отечество как носитель и залог земной вечности и как то самое, что здесь может быть вечным, находится намного выше государства, в обычном смысле слова – выше общественного порядка, каким его схватывает голое ясное понятие и по своему лекалу возводит и сохраняет» [14, с. 197].

Крупнейший представитель исторической школы права Ф.К. фон Савиньи сделал понятие «народного духа» исходным в построении своей исторической концепции права. «Народный дух» – это иррационально постигаемая духовная субстанция, стихийно порождающая из себя формы правосознания. Поэтому народ выступает источником права и действительным субъектом правотворчества, которое ученые-юристы лишь подвергают вторичной огранке [6, с. 20–23].

Понятие «народа» является исключительно важным и для современного правосознания. Статья 3 Конституции Российской Федерации гласит, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ. Согласно Конституции Российской Федерации, народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Недопустимой подменой понятий является смешение понятий «народа» и «гражданского общества», с чем порой приходится сталкиваться, в то время как соотношения понятий «народ» и «гражданское общество» является сложной и актуальной социально-правовой и социологической проблемой. Нужно отметить, что Гегель также различал эти понятия, причем в своих поздних произведениях особенно отчетливо. Тем более важно познакомиться с тем, как происходило становление его представлений о содержании понятия «народа» в ранних произведениях.

Народ для Гегеля – это, прежде всего живое единство индивидуумов: «индивидуум созерцает себя в каждом как самом себе», он подчеркивает, что народ – это «не абстрактное, не равенство гражданственности» [3, с. 327]. Другими словами – объединение индивидов в народ носит не искусственный, а естественный характер.

Поскольку природа этого объединения – абсолютно нравственная природа, постольку нравственное начало существует до всяких правовых отношений. Оно первично по отношению к ним и их порождает. Такую интерпретацию позиции Гегеля косвенно подтверждает и другой фрагмент из «Системы нравственности», в котором он указывает даже на вечный и доприродный характер нравственности: «в нравственности в сознании на первый план выступает абсолютное тождество, которое существовало до природы и было чем-то внутренним» [3, с. 326].

Последняя мысль, которую мы встречаем в ранних религиозно-философских и философско-политических трактатах Гегеля, будет им подробно развита в его Лекциях по философии религии. Пока что, нужно признать, что идея нравственности выражена Гегелем в анализируемом трактате достаточно смутно, понятие народа здесь пока еще внутренне недифференцировано и определяется по большей части отрицательным образом: как «абсолютная неразличенность всякой определенности практического и нравственного» [16, с. 90].

Такое же впечатление предварительных набросков, какими они по сути своей и являются, производят и фрагменты гегелевских рассуждений о государстве, которое ученый также относил к сфере нравственности. Гегелевское учение о государстве в рукописи «Система нравственности» строится под непосредственным влиянием диалога «Государство» Платона. Это влияние нигде не кажется столь очевидным, как в «Системе нравственности».

Первоначально следуя платоновскому образцу, Гегель сосредоточил свое внимание на сословной структуре государства, чего не встречается в других его работах. В более поздних трудах, прежде всего в «Философии религии» он четко различает понятия гражданского общества и государства, отнеся вопрос о сословиях и вообще о социальной структуре общества к первой сфере. Абстрактное выделение сословий в качестве устойчивой внутренней структуры государственности оборачивается для Гегеля схематизмом в ее описании.

Первым он выделяет так называемое «абсолютное сословие», которое «имеет своим принципом абсолютную чистую нравственность» [3, с. 337]. Это сословие, по сути, объединяет сословия философов и воинов из «Государства» Платона. Это сословие живет ради всеобщих интересов всего народа. Его абсолютная нравственность проявляется «не как любовь к отечеству, народу, к законам, а как абсолютная жизнь в отечестве и для народа» [3, с. 330].

Вторым называется «сословие добропорядочности», в котором не сложно разглядеть платоновский идеал умеренности. Если в эпоху Платона сюда можно было отнести ремесленников и крестьян, то Гегель в новых исторических условиях ведет

речь о том, что в период Французской революции было принято называть третьим сословием, т.е. о буржуазии [3, с. 340]. Пролетариат здесь, видимо, в силу его исторической неразвитости и отсутствия классового самосознания представляется не alter ego буржуазии и ее могильщиком, а, используя терминологию самого Гегеля, некоторой в-себе-буржуазией. В любом случае, он полностью заслонен в этой системе социально-политических координат буржуазией.

«Сословие добропорядочности» Гегель связывает с системой буржуазных ценностей: семьей и собственностью, которые, как мы можем наблюдать это в отношении современного капитализма, по крайней мере, в его западном варианте, перестали быть безусловными ценностями и становятся, скорее, некоторыми антиценностями. А в начале XIX столетия ученый еще писал: «Живой целокупностью добропорядочности является семья, или природная целокупность, а также наличие собственности и средств пропитания, которое, насколько возможно, гарантирует эмпирическую целокупность жизни и воспитание детей» [3, с. 341]. Впрочем, уже тогда Гегель прозорливо отмечал своего рода «аксиологическую ограниченность» и органичную несвободу буржуазного класса: «Это сословие не способно ни на добродетель, ни на отвагу, которые свойственны лишь свободной индивидуальности. Добропорядочность же во всеобщности ее сословия существует без индивидуальности, и в своеобразии ее отношений – без свободы» [3, с. 341].

Третье сословие в классификации Гегеля – это крестьянское сословие, которое он характеризует как «сословие грубой, необработанной нравственности» [3, с. 342]. О нравственности этого сословия Гегель готов сказать немного, по сути, полностью сведя эту нравственность к доверию к абсолютному сословию [3, с. 342].

Таким образом, опыт работы с, казалось бы, самыми отвлеченными и абстрактными методиками шеллингианского схематизма привел Гегеля не к дедуцированию всеобщих принципов разумного общества и государства, а к прямой апологетике, существующей в современных ему в то время германских государствах социальной структуре, в рамках которой политическая власть и привилегированное положение, включая право на военную службу, принадлежало старым феодальным верхам: княжеской власти, аристократии, юнкерству. Крестьянство, составляя основную массу народа, полностью зависело от феодальной верхушки. А в недрах этого феодального, по сути, общества существовала буржуазия, которая не смела претендовать на политическое влияние, поскольку «это сословие не способно ни на добродетель, ни на отвагу».

Вопрос об апологетике со стороны Гегеля существующего немецкого государства, особенно позже – Прусской монархии, неоднократно вставал в научной и научно-публицистической литературе. В отечественной историографии наиболее известным этот тезис является по фрагменту из работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», в которой он, правда, в полном соответствии с гегелевской диалектикой оборачивает этот тезис в его противоположность: «достойно гибели все то, что существует» [10, с. 275]. В современном гегелеведении этот тезис давно уже принято трактовать как один из мифов, сложившихся в отношении Гегеля.

Начало его критике положил более семидесяти лет назад известный французский ученый Э. Вейль в своей работе «Гегель и государство». В ней он вполне убедительно показал, что, во-первых, Гегель стремился изучать действительность, что, отнюдь, не тождественно стремлению к ее оправданию; во-вторых, Гегель никогда не был сторонником подавления свободы и прав личности со стороны деспотического государства; в-третьих, Пруссия в начале XIX столетия была, в действительно-

сти, по сравнению с другими европейскими державами более свободным государством [1, с. 222–224].

Э. Вейль писал: «Гегель не является философом Пруссии, по крайней мере, он не имеет права на этот титул, так как противостоит волне великогерманского национализма. Он – философ современного государства, которому он дал верный анализ, с точностью указывающий, в чем заключается свобода в государстве, каковы условия, которые должно выполнить государство, чтобы быть государством свободы, государством, реализующим современное мышление» [1, с. 132].

Ученому бывает очень сложно пройти между апологетикой действительности и построением абстрактных схем, между отвлеченным теоретизированием и некритическим позитивизмом. Как нам представляется, в позднем творчестве, в «Философии права», написанной на основе тщательно проработанного диалектического метода, Гегелю в наибольшей степени удалось разрешить такого рода дилемму, органично сочетая в обществе, праве, государстве сущность и явление, необходимое и случайное, вечное и преходящее.

В ранней же своей рукописи «Система нравственности», где ученый попытался сознательно идти по пути жесткого схематизирования в духе Шеллинга, он парадоксальным образом соединил, казалось, несоединимое, прямо противоположное с точки зрения мышления: с одной стороны, внешний схематизм абстрактных умопостроений, навязывающих внешние схемы живому материалу и подгоняющую эмпирию под эти схемы (как пример: игнорирование пролетариата, не вписывающегося в трехчленную структуру сословий гегельянского феодально-буржуазного социального «кентавра»), а с другой стороны, произвольное объявление реально существующих структур общества и государства выражением всеобщего понятия, когда на самом деле они представляли собой лишь нечто временное и преходящее.

Схематизм и апологетическая структура учения об обществе, которое Гегель по платоновскому образцу в трактате «Система нравственности» включил в учение о государстве в качестве его неотъемлемой части, разумеется, не могли не отразиться и на самом этом учении. Сословно-платонический образ государства Гегель характеризует как идею государства в его статике. Напротив, там, где мы переходим в раздел «Правительство», мы начинаем рассматривать государство в его динамике. Гегель называет эту динамику «нравственной жизнью» государства.

Одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов, которые встают здесь и с которыми неизбежно приходится иметь дело историкам права, это отношение Гегеля к теории разделения властей. Поскольку в этом пункте Гегель существенно расходится с теорией разделения властей Дж. Локка и в целом высоко почитаемого им Ш.-Л. Монтескье, постольку его концепция государственной власти нередко подвергается особенно острой критике.

В этом отношении показательная позиция немецкого правоведа В. Шильда, который в своей статье «Легитимация Основного закона в качестве Конституции Германии с позиции Гегеля» прямо говорил: «В целом, трактовка Гегелем государственной власти – это одна из самых слабых сторон его правовой и государственной философии» [16, с. 87], а О. Лембке не без оснований писал: «Теория разделения властей Гегеля представляет собой парадоксальное единство устаревших и современных идей» [15, с. 121]. Однако сегодня, когда самые авторитетные ученые все чаще говорят о кризисе самой вестфальской модели государственности (Ю. Хабермас), ни один из ее принципов и институтов не может быть выведен за пределы критическо-

го рассмотрения со стороны разума, включая и теорию разделения государственных властей.

Гегель, действительно, не разделял отношение к разделению властей как к системе сдержек и противовесов, гарантирующей общественную свободу. Более того, он полагал, что действительное разделение властей говорит, скорее, о наметившемся кризисе государства. Он, далее, не был склонен в своей «Системе нравственности» выделять судебную власть в качестве одной из самостоятельных ветвей власти в полном смысле этого слова, оставляя ее в качестве прерогативы главы государства (князя). Законодательная власть также не была для него той инстанцией, которая устанавливала всеобщие основания общественной жизни.

Однако, все эти вполне оправданные замечания могут рассматриваться в качестве критических, направленных против Гегеля, только в том случае, если выбрать либеральную парадигму, заданную Дж. Локком и Ш.-Л. Монтескье, в качестве истинной. Но вряд ли можно оценивать политико-правовую теорию Гегеля с точки зрения ее соответствия постулатам идеологии либерализма, которые он, будучи сторонником конституционной монархии, не разделял. Нужно отметить, что во времена Гегеля, в начале XIX века, либеральная идеология считалась экстремистской, и автор «Философии права» выступал с критикой либерализма, либералов и их попыток построения государства на основании искусственных теоретических идей, числе которых идея разделения властей всегда занимала одной из центральных мест: «В новое время распространилось представление, что государственное устройство может быть создано, и мы действительно видели, как на основе абстрактных идей создавался государственный строй, но так называемые либералы, создававшие государственный строй на основе абстрактных принципов, повсюду – во Франции, в Испании, Неаполе, Португалии, Пьемонте, Ирландии и т. д. – кончили банкротством» [5, с. 467].

Если же оценивать воззрения Гегеля на теорию разделения властей с точки зрения правовой идеологии монархизма, принятой в немецких княжествах начала XIX века и которую в рамках умеренных идей «конституционной монархии» разделял также и Гегель, то мы увидим, что уже сама постановка вопроса о разделении властей была достаточно радикальной. Монархическая идея предполагала единственным источником власти волю монарха и единственной властью – власть монарха. Речь могла идти о разделении властных функций. Но, отнюдь, не о разделении государственных властей.

Далее, к судебной власти в рамках традиций монархической государственности, вообще, сложилось особое отношение. В большинстве монархических государств она считалась неотчуждаемой прерогативой монарха и могла лишь делегироваться им подчиненным институтам. Таким, кстати, было представление о государственной власти вообще и о судебной власти, в частности, в Российской империи даже в начале XX столетия [8; 9, с. 90]. При том, что Российская империя, вопреки навязывавшемуся стереотипам, вовсе не была политически отсталым государством, по крайней мере по сравнению с большинством европейских держав того времени.

Как нам представляется, Гегель стремится найти путь к развитию государства прежде всего за счет усложнения самой монархической власти, а не на пути отказа от нее и не на пути внутреннего разделения государственной власти как таковой. Монархическая власть, по Гегелю, включает в себя, собственно, управляющую власть (в гегелевской терминологии, «всеобщее правительство») и высшую власть, основная функция которой состоит в том, чтобы обеспечить соблюдение Основного

закона (ее Гегель называет «абсолютным правительством»). В последней О. Лембке разглядел, и как нам представляется, не без основания, предвосхищение немецким ученым идеи либерального правоведа Б. Константа о «*rouvoir neutre*» (нейтральной силе), как гаранте конституционного строя, как своего рода «страже конституции» [15, с. 113]. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Субъектность государства, по Гегелю, воплощена в его правительстве, которое, в свою очередь, воплощает в себе волю главы государства (князя). Именно здесь Гегель проводит различие между абсолютным правительством и всеобщим правительством. Абсолютное правительство является внешним выражением той «абсолютной положительной души живого», которая «наличествует в целом самого народа» [3, с. 348]. «В этом высшем правительстве положено просто сохранение, абсолютное отношение, целое» [3, с. 348]. Эта власть, по Гегелю, имеет задачей, во-первых, охрану конституции, а во-вторых, пресечение деятельности людей или институтов там, где она может быть направлена против интересов целого, интересов народа как целостности [3, с. 349]. В трактовке Гегеля власть «абсолютного правительства» рисуется некоторой комбинацией надзорной и законодательной власти, как он само их определяет [3, с. 349], и власти конституционного суда, как мы могли бы сегодня добавить от себя.

«Формальную идею абсолютного правительства, – пишет Гегель, – можно встретить во всех системах теории и действительности, а именно – органическую центральную власть, выступающую в качестве хранителя конституции» [3, с. 349]. Но все же в трактовке Гегеля его абсолютное правительство – это не выборный демократический институт. Провозгласив в свое время идею светского государства, в этом наброске Гегель склонен придать если не всему государству, то, по крайней мере, его верховному институту религиозный авторитет: «Его слова суть Божьи изречения, и оно не может являться и быть ни под какой другой формой. Оно есть непосредственное жречество всевышнего, в святине которого оно держит с ним совет и получает его откровения; все человеческое и всякая иная санкция здесь сняты» [3, с. 350–351].

При таких формулировках едва ли не единственным аналогом абсолютного правительства в современном обществе можно было бы считать институт Высшего руководителя Ирана. Нужно лишь иметь в виду, что источником жреческой власти в «абсолютного правительства» в гегелевском государстве является не религиозная санкция, а нравственный характер самого государства. Поскольку, по Гегелю, как мы видели, нравственное превосходит собственно человеческое начало и сливается с божественным началом, то государство является выражением этого божественного начала. Как скажет сам Гегель в поздний период своего творчества, государство является «земным богом». Именно жрецом этого «земного бога» является «абсолютное правительство» и именно этим его жречеством, а не принадлежностью к жречеству небесного Бога, как в религиозном, тем более как в теократическом, государстве, санкционирована его власть.

Если абсолютное правительство – это воплощение государственности в его статике, то всеобщее правительство у Гегеля воплощает собой всю динамику системы государственного управления. Рассматривая его компетенции, Гегель обсуждает вопросы, относящиеся к сфере политической экономии: организация труда в общественных масштабах, имущественное неравенство и связанные с ним проблемы, работа государства об имущественном обеспечении интересов всеобщего [3, с. 356–

362]; вопросы правосудия [3, с. 363–365]; вопросы воспитания, образования, просвещения, науки, демографической политики и т.п. [3, с. 366].

В целом в рукописи «Система нравственности» в основу государственного устройства в соответствии с общей парадигмой немецкой классической философии права Гегелем положен принцип свободы, который применительно к государственному устройству трансформируется в «органический принцип», посредством которого принцип свободы получает свое «механическое строение». Его воплощение осуществляется через гармонию, «живое бытие единого», управляемого и управляющего, народа и правительства [3, с. 364–365]. Если Гегель и противопоставлял это «живое бытие единого» в государстве идее разделения властей, то он при этом всегда подчеркивал необходимость функционально ориентированного разделения структуры властей.

Это функциональное разделение властей, на поиске которого сосредоточен Гегель, скорее, ориентировано на решение задач достижения большей эффективности управления, чем на классическую задачу обеспечения свободы гражданина от посягательств государства, как ее ставил Монтескье. Тем не менее, и при таком подходе это остается весьма важной проблемой, а при сочетании с вопросом о разделении властей с точки зрения обеспечения свободы и защиты гражданина от произвола данная проблема сохраняет свою актуальность также и для современной теории права и государства. А.М. Дроздова и С.А. Комаров справедливо считают, что «Государственная власть должна соблюдать свою истинную духовную природу, оставаясь верной своим целям, своим путям и средствам, она приобретает значение только из духовной, нравственной и религиозной глубины. В этих основополагающих признаках содержатся аксиомы власти» [7, с. 40].

Эти идеи у Гегеля конкретизируются в его концепции «механического строения» принципа свободы, выражаются в системе «свободного правления», которому соответствуют «три возможные формы свободного правления»: демократия, аристократия и монархия. Им Гегель противопоставляет три их «несвободные формы: охлократия, олигархия, деспотия [3, с. 366–367]. Такой подход заставляет вспомнить знаменитую классификацию государств Аристотеля в его «Политике». Существенная разница состоит в том, что у Стагирита различающим основанием классификации государств выступает различие «правильного» и «неправильного», еще совершенно абстрактное и само по себе малосодержательное. У Гегеля таким началом является понятие свободы, конкретность содержания которого опосредована всем предшествующим становлением немецкого классического идеализма, развитием диалектического метода познания правовых явлений и установлением идеи историзма в праве [2, с. 113, 121–122].

Здесь мы также находим, фактически, созревшей идею о внутреннем единстве государства и гражданского общества, ставшую одной из главных доминант позднего учения Гегеля о праве и государстве и определившей актуальность его идей для современной политико-правовой мысли.

Библиографический список

1. Вейль Э. Гегель и государство: пять докладов / Эрик Вейль; пер. с фр. В. Ю. Быстрова. – СПб.: Русский миръ: Владимир Даль, 2009. – 281 с.
2. Гайнутдинов Р.И., Масленников Д.В. Идея духа истории в трактовке Монтескье и Гегеля // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 112–123.
3. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. – М.: Наука, 1978. – 437 с.

4. Гегель Г.В.Ф. Вера и знание. Работы разных лет / Пер. с нем., вступит. статья, примеч. А.А. Иваненко. – СПб: Издательство «Умозрение», 2021. – 384 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. – 524 с.
6. Денисов А.М. Жизнь и научное творчество Ф.К. фон Савиньи // Юридическая мысль. – 2018. – № 3. – С. 19–25.
7. Дроздова А.М., Комаров С.А. Легитимация и ответственность государственной власти во взаимоотношениях государства и личности (социально-философские и правовые аспекты): Монография. – СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2009. – 227 с.
8. Ефремова Н.Н. Судостроительство в России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование). – М., 1993. – 190 с.
9. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. – М., 1999. – 505 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – Т. 21. – М., 1955–1981.
11. Масленников Д.В., Ревнова М.Б. Отношение религии и государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая мысль. – 2018. – № 1 (105). – С. 20–25.
12. Татаренко Н.А. Понятие нравственного и его интерпретация в гегелевской «Системе нравственности» // Историко-философский ежегодник. – 2019. – Т. 34. – С. 102–134.
13. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. – Пенза: Наука, 2009. – 348 с.
14. Ledderhose K. Aus dem Leben und den Schriften des Ministers Freiherrn Friedrich Karl v. Moser. Norderstedt: Hansebooks GmbH, 2016.
15. Lembcke O. Institutionalisierung eines pouver neuter? Oder: Wie Hegel aus dem Klumpen einem Knoten machte // Staat, Politik und Recht beim frühen Hegel. Berlin: Berlin Verlag, 2001. S. 85–121.
16. Schild W. Die Legitimation des Grundgesetzes als der Verfassung Deutschlands in der Perspektive Hegels // W. Brugger (Hrsg.) Legitimation des Grundgesetzes aus der Sicht von Rechtsphilosophie und Gesellschaftstheorie. Baden-Baden, 1996. S. 65–96.

Для цитирования: Максимов А.А. Учение о государстве в ранней рукописи Г.В.Ф. Гегеля «Система нравственности»: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 133–142.
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.010

Aleksandr A. Maksimov*

THE DOCTRINE OF THE STATE IN AN EARLY MANUSCRIPT G.W.F. Hegel "SYSTEM OF MORALS"

Annotation. *An early manuscript of G.W.F. Hegel's "The System of Morality" became the last step before he created his own detailed system of doctrine about the individual, society, law and the state. Although Hegel still uses the form of the method that he borrows from F.W.J. Schelling, from the content side, he is actively developing his own method of cognition of legal phenomena. As a result, he formed the main ideas that became dominant in later philosophical and legal works and substantiated in them: about the state as an expression of the highest moral idea, about the essential unity of civil society and the state, about the integrity of state power, etc.*

Key words: *Hegel, Schelling, "System of morality", method, law, state.*

* *Maksimov Aleksandr Aleksandrovich*, post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Principal Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg). E-mail: sanchomaa@gmail.com.

Scientific consultant – *Maslenikov Dmitry Vladimirovich*, Vice-Rector for Academic – Educational and Methodological Work, Head of the Department of General Humanities of the Public Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Doctor of Philosophy, Professor. E-mail: dwm61@inbox.ru

Theory of State and Law

Manuscript G.V.F. Hegel, relating to 1805–1806 and entered the history of science under the name "System of morality", a transitional stage opens to a mature system of political and legal views of a scientist, which has found its embodiment in the "Encyclopedia of Philosophical Sciences" and "Philosophy of Law".

From the point of view of the method, "The System of Morals" is an attempt by Hegel to move in line with the ideas and methodological principles of F.W.J. Schelling, with whom at that time he had creative cooperation and personal friendships. During this period of his work, Schelling develops a system that has received the name of absolute idealism. It is based on the idea of the absolute, understood as the abstract identity of all opposites, primarily the opposites of thinking and being, subject and object nature and man.

In terms of method, Hegel speaks of the absolute identity of intuition and concept, where the absolute concept and absolute intuition are dialectically interchanged. Detailed presentation and analysis of the system and method of F.V.Y. Schelling of this period is devoted to a special work by G.W.F. Hegel in 1801 "The difference between the systems of philosophy of Fichte and Schelling in relation to Reingold's Articles to Facilitate a Review of the State of Philosophy at the Beginning of the 19th Century", in which he also outlines his own attitude to the Schellingian method [4, p. 115–134].

A careful acquaintance with the text of the manuscript shows that Hegel, as he works on the material, moves further and further away from Schellingian schematism, strives to develop his own dialectical method and becomes very close to him within the framework of Schellingian schemes in the last section, when it comes to the nature of the state. This is convincingly written by N.A. Tatarenko: "... both in the nature of writing and in the use of terms, the last chapter differs significantly from the previous ones, especially from the first ... One gets the impression that, armed with the principles of Schelling's philosophy and the idea of building his text on their basis, Hegel is gradually either losing interest in such a schematized presentation, or realizes that he cannot apply this methodology to all topics of the subject under study. In any case, with each page we see a less and less ordered structure, but more and more clearly emerge the details – not yet thought out everywhere, in places contradictory – of precisely Hegelian philosophy, which will fully manifest itself in the Phenomenology of Spirit" [11, p. 126–127].

Nevertheless, despite the obvious and dominant influence of the methodology of Schelling's philosophy, the manuscript "The System of Morals" is important and interesting in that it finally consolidates the image of the state as the embodiment of moral substance, and the discussion of the deep internal ties between the moral nature of the state and the Christian religion goes beyond analysis of external relations of the state and confession [10, p. 24–25].

First of all, it should be noted that the very concept of morality in this work is interpreted extremely broadly, which will become characteristic of Hegel's categorical apparatus in the later period of his work. Unlike morality, which Hegel associated mainly with the subjective world of man, morality encompasses the entire system of objective forms of social life, both material and spiritual, which determine the orientation of the individual towards the values of the absolute good. Morality mediates the unity of morality and law, so that "the content of morality is fully present in natural law" [3, p. 330]. Such an interpretation of the concept of morality will later be included in Hegel's Philosophy of Law. Here, for the first time, the later architectonics of the "Philosophy of Law" is foreshadowed. Namely: abstract law and morality – civil society and the people – the state. This allows some specialists to speak of the "System of Morals" as the first version of the later "Philosophy of Law".

First, Hegel speaks of the subjective spirit, connecting it, first of all, with the problem of the free will of the human person, the realization and objectification of this will. The method of objectification of the will is human labor, mediated by a tool, as a result of which a person achieves the object of his aspiration. Although this labor is associated with the mind and the instrument of production, logically it still represents, in fact, a natural, pre-social process, and therefore also as a result of the labor process "there is absolutely no question of any legal basis or side of ownership" [3, p. 282].

Further, we are talking about the "real spirit", an analogue of the later concept of objective spirit, which we meet in the "Encyclopedia of Philosophical Sciences" and which is devoted to the problems of contract, crime and punishment, law and moral norms. In the text of the System of Morals, Hegel analyzes various types of crimes in more detail than in the later Philosophy of Law, but from the same general theoretical positions: oppression, murder, robbery, theft, insult to honor. As later in the "Philosophy of Law", he analyzes the internal connection between crime and justice of retribution, calling this connection "absolute" [3, p. 313].

Hegel interprets the internal connection between crime and punishment dialectically, through an indication of the unity and struggle of opposites. Methodologically significant is the indication of the universal as the beginning mediating them. The unrighteousness of crime lies in the fact that it seeks to restore the universal, the necessity of punishment – part of the universal necessity contained in the nature of morality: "Crime as a negative vitality, as a concept constituting itself in contemplation, subordinates the universal, objective, ideal; and vice versa, the justice of retribution as universal, objective, subjugates negation..." [3, p. 313].

The final section – morality – is devoted to the relations of civil society and the concept of state structure. As in his later works – "Philosophy of Law" and "Encyclopedia of Philosophical Sciences" – Hegel correlates the concept of morality with the sphere of objective manifestations of human relations. This suggests that this concept is already well established in him. In the future, when in the Philosophy of Law Hegel develops his main idea of the state as an expression of the highest moral idea, he will understand this idea not in the Kantian sense – as an individual moral law, but in the meaning of the highest principle of objective interaction between man, society and society states. The doctrine of this principle is established step by step in the early works of Hegel and is his own scientific achievement in the theoretical context of the ideas of the early nineteenth century.

The first form in which this idea of morality manifests itself in its entirety (in the terminology adopted by Hegel in this treatise, becomes the object of "contemplation") is the people. The concept of the people by the beginning of the 19th century began to play an increasingly important role in jurisprudence, largely due to the influence of the German romantics.

The concept of "people", which has firmly entered the European political and legal lexicon since the works of J. Bodin, took root in German scientific speech thanks to the work of 1765 by F.K. von Moser "On the German national spirit" [13], as well as the works of I.G. Herder, W. Humboldt, I.G. Fichte. The latter wrote (albeit a few years later after the creation of the "System of Morals" by Hegel): "The people and the Fatherland, as the bearer and guarantee of earthly eternity and as the very thing that can be eternal here, is much higher than the state, in the usual sense of the word – higher than the public the order in which a bare clear concept grasps it and builds and preserves it according to its pattern" [12, p. 197].

The largest representative of the historical school of law F.K. von Savigny made the concept of "folk spirit" the starting point in building his historical concept of law. The "folk spirit" is

an irrationally comprehended spiritual substance that spontaneously generates forms of legal consciousness from itself. Therefore, the people are the source of law and the actual subject of law-making, which legal scholars only subject to secondary cutting [6, p. 20–23].

The concept of "people" is extremely important for modern legal consciousness. Article 3 of the Constitution of the Russian Federation states that the bearer of sovereignty and the only source of power in the Russian Federation is its multinational people. According to the Constitution of the Russian Federation, the people exercise their power directly, as well as through state authorities and local self-government bodies.

An unacceptable substitution of concepts is the confusion of the concepts of "people" and "civil society", which is sometimes encountered, while the relationship between the concepts of "people" and "civil society" is a complex and relevant social, legal and sociological problem. It should be noted that Hegel also distinguished between these concepts, and in his later works it was especially clear. It is all the more important to get acquainted with how the formation of his ideas about the content of the concept of "people" in his early works took place.

The people for Hegel is, first of all, a living unity of individuals: "the individual contemplates himself in everyone as himself", he emphasizes that the people are "not an abstract, not an equality of citizenship" [3, p. 327]. In other words, the association of individuals into a people is not artificial, but natural.

Since the nature of this association is an absolutely moral nature, the moral principle exists before any legal relations. It is primary in relation to them and generates them. This interpretation of Hegel's position is indirectly confirmed by another fragment from the System of Morals, in which he even points to the eternal and pre-natural nature of morality: "in morality, in consciousness, absolute identity comes to the fore, which existed before nature and was something internal" [3, c. 326].

The last idea, which we meet in the early religious-philosophical and philosophical-political treatises of Hegel, will be developed by him in detail in his Lectures on the Philosophy of Religion. So far, it must be admitted that the idea of morality is expressed by Hegel in the analyzed treatise rather vaguely, the concept of the people here is still internally undifferentiated and is defined for the most part in a negative way: as "the absolute indistinguishability of any definiteness of the practical and moral" [14, p. 90].

The same impression of preliminary sketches, which in essence they are, is produced by fragments of Hegel's reasoning about the state, which the scientist also attributed to the sphere of morality. The Hegelian doctrine of the state in the manuscript "The System of Morals" is built under the direct influence of Plato's dialogue "The State". This influence is nowhere more evident than in The System of Morals.

Initially following the Platonic model, Hegel focused his attention on the class structure of the state, which is not found in his other works. In later works, primarily in the Philosophy of Religion, he clearly distinguishes between the concepts of civil society and the state, referring the question of estates and, in general, the social structure of society to the first sphere. The abstract allocation of estates as a stable internal structure of statehood turns out to be schematism for Hegel in its description.

First, he singles out the so-called "absolute estate", which "has absolute pure morality as its principle" [3, p. 337]. This estate, in fact, unites the estates of philosophers and warriors from Plato's "State". This estate lives for the sake of the general interests of the whole people. His absolute morality is manifested "not as love for the fatherland, the people, for the laws, but as an absolute life in the fatherland and for the people" [3, p. 330].

The second is called the "estate of integrity", in which it is not difficult to discern the Platonic ideal of moderation. If in the era of Plato artisans and peasants could be included here, then Hegel in the new historical conditions is talking about what during the period of the French Revolution was called the third estate, i.e. about the bourgeoisie [3, p. 340]. The proletariat here, apparently due to its historical underdevelopment and lack of class self-consciousness, is presented not as the alter ego of the bourgeoisie and its gravedigger, but, using the terminology of Hegel himself, as a kind of bourgeoisie in-itself. In any case, it is completely overshadowed in this system of socio-political coordinates by the bourgeoisie.

Hegel connects the "estate of integrity" with the system of bourgeois values: family and property, which, as we can observe in relation to modern capitalism, at least in its Western version, have ceased to be absolute values and become, rather, some anti-values. And at the beginning of the 19th century, the scientist also wrote: "The living integrity of integrity is the family, or natural integrity, as well as the availability of property and means of subsistence, which, as far as possible, guarantees the empirical integrity of life and the upbringing of children" [3, p. 341]. However, already then Hegel perspicaciously noted a kind of "axiological limitation" and the organic lack of freedom of the bourgeois class: "This estate is not capable of either virtue or courage, which is characteristic only of a free individuality. Integrity in the universality of her class exists without individuality and in the originality of her relations – without freedom" [3, p. 341].

The third estate in Hegel's classification is the peasant estate, which he characterizes as "an estate of coarse, raw morality" [3, p. 342]. Hegel is ready to say a little about the morality of this estate, in fact, completely reducing this morality to trust in the absolute estate [3, p. 342].

Thus, the experience of working with the seemingly most abstract and abstract methods of Schellingian schematism led Hegel not to deduce the universal principles of a rational society and state, but to a direct apology for the social structure that existed in contemporary German states at that time, within which political power and a privileged position, including the right to military service, belonged to the old feudal elites: the princely power, the aristocracy, the junkers. The peasantry, constituting the bulk of the people, was completely dependent on the feudal elite. And in the depths of this feudal, in fact, society, there was a bourgeoisie that did not dare to claim political influence, because "this estate is not capable of either virtue or courage."

The question of Hegel's apology for the existing German state, especially later for the Prussian monarchy, repeatedly arose in scientific and scientific journalism literature. In Russian historiography, this thesis is best known from a fragment from the work of F. Engels "Ludwig Feuerbach and the End of German Classical Philosophy", in which he, however, in full accordance with Hegelian dialectics, turns this thesis into its opposite: "everything is worthy of death, what exists" [10, p. 275]. In modern Hegelian studies, this thesis has long been accepted as one of the myths that have developed in relation to Hegel.

The beginning of its criticism was laid more than seventy years ago by the famous French scientist E. Weyl in his work "Hegel and the State". In it, he quite convincingly showed that, firstly, Hegel sought to study reality, which is by no means identical to the desire to justify it; secondly, Hegel was never a supporter of the suppression of freedom and individual rights by a despotic state; thirdly, Prussia at the beginning of the 19th century was, in fact, a freer state compared to other European powers [1, p. 222–224].

E. Weyl wrote: "Hegel is not a philosopher of Prussia, at least he does not have the right to this title, as he resists the wave of Great German nationalism. He is a philosopher of

Theory of State and Law

the modern state, to whom he gave a correct analysis, indicating exactly what freedom in the state consists of, what are the conditions that the state must fulfill in order to be a state of freedom, a state that implements modern thinking" [1, p. 132].

It can be very difficult for a scientist to pass between an apology for reality and the construction of abstract schemes, between abstract theorizing and uncritical positivism. It seems to us that in his later work, in the "Philosophy of Law", written on the basis of a carefully worked out dialectical method, Hegel was the most successful in resolving this kind of dilemma, organically combining in society, law, state, essence and phenomenon, necessary and accidental, eternal and transient.

In his early manuscript "The System of Morals", where the scientist tried to consciously follow the path of rigid schematization in the spirit of Schelling, he paradoxically connected what seemed to be incompatible, directly opposite from the point of view of thinking: on the one hand, the external schematism of abstract mental constructions that impose external schemes to living material and fitting empiricism to these schemes (as an example: ignoring the proletariat, which does not fit into the three-member structure of the estates of the Hegelian feudal-bourgeois social "centaur"), and on the other hand, the arbitrary declaration of the really existing structures of society and the state as an expression of a universal concept, when in fact, they were only something temporary and transient.

The schematism and apologetic structure of the doctrine of society, which Hegel, following the Platonic model in the treatise "The System of Morals", included in the doctrine of the state as its integral part, of course, could not but be reflected in this doctrine itself. Hegel characterizes the estate-Platonic image of the state as the idea of the state in its statics. On the contrary, where we move to the "Government" section, we begin to consider the state in its dynamics. Hegel calls this dynamic the "moral life" of the state.

One of the most difficult and debatable questions that arise here, and that historians of law inevitably have to deal with, is Hegel's attitude to the theory of the separation of powers. Since at this point Hegel differs significantly from the theory of the separation of powers by J. Locke and, in general, by Sh.-L. Montesquieu, insofar as his concept of state power is often subjected to especially sharp criticism.

In this regard, the indicative position of the German jurist W. Schild, who in his article "Legitimation of the Basic Law as the Constitution of Germany from the Position of Hegel" directly said: "In general, Hegel's interpretation of state power is one of the weakest aspects of his legal and state philosophy » [15, p. 87], and O. Lembke, not without reason, wrote: "Hegel's theory of the separation of powers is a paradoxical unity of obsolete and modern ideas" [14, p. 121]. However, today, when the most authoritative scientists are increasingly talking about the crisis of the Westphalian model of statehood itself (J. Habermas), not one of its principles and institutions can be taken beyond the limits of critical consideration from the side of reason, including the theory of separation of state powers.

Hegel, indeed, did not share the attitude towards the separation of powers as a system of checks and balances that guarantees public freedom. Moreover, he believed that the actual separation of powers speaks, rather, of the emerging crisis of the state. He, further, was not inclined in his "System of Morals" to single out the judiciary as one of the independent branches of power in the full sense of the word, leaving it as the prerogative of the head of state (prince). The legislature was also not for him the authority that established the universal foundations of social life.

However, all these completely justified remarks can be considered as critical ones directed against Hegel only if one chooses the liberal paradigm set by J. Locke and

S.-L. Montesquieu, as true. But it is hardly possible to evaluate the political and legal theory of Hegel from the point of view of its compliance with the postulates of the ideology of liberalism, which he, being a supporter of the constitutional monarchy, did not share. It should be noted that in the time of Hegel, at the beginning of the 19th century, liberal ideology was considered extremist, and the author of the *Philosophy of Law* criticized liberalism, liberals and their attempts to build a state based on artificial theoretical ideas, among which the idea of separation of powers has always occupied one of central places: "In modern times, the idea has spread that a state structure can be created, and we really saw how a state system was created on the basis of abstract ideas, but the so-called liberals, who created a state system on the basis of abstract principles, are everywhere – in France, in Spain, Naples, Portugal, Piedmont, Ireland, etc. ended up in bankruptcy" [5, p. 467].

If we evaluate Hegel's views on the theory of separation of powers from the point of view of the legal ideology of monarchism, adopted in the German principalities of the early 19th century and which, within the framework of the moderate ideas of "constitutional monarchy", was also shared by Hegel, then we will see that the very formulation of the question of the separation of powers was quite radical. The monarchical idea assumed the only source of power was the will of the monarch and the only power – the power of the monarch. It could be about the division of power functions. But, by no means, not about the separation of state powers.

Further, within the framework of the traditions of monarchical statehood, in general, a special attitude has developed towards the judiciary. In most monarchical states, it was considered an inalienable prerogative of the monarch and could only be delegated by him to subordinate institutions. This, by the way, was the idea of state power in general and of the judiciary, in particular, in the Russian Empire even at the beginning of the 20th century [7; 8, p. 90]. Despite the fact that the Russian Empire, contrary to the stereotypes imposed, was not at all a politically backward state, at least compared to most European powers of that time.

It seems to us that Hegel seeks to find a path to the development of the state, primarily through the complication of the monarchical power itself, and not on the path of abandoning it and not on the path of internal division of state power as such. Monarchical power, according to Hegel, includes, in fact, the governing power (in Hegelian terminology, "general government") and the highest power, the main function of which is to ensure compliance with the Basic Law (Hegel calls it "absolute government"). In the latter, O. Lembke discerned, and, as it seems to us, not without reason, the anticipation by the German scientist of the idea of the liberal jurist B. Constant about "pouvoir neutre" (neutral force), as the guarantor of the constitutional order, as a kind of "guardian of the constitution" [14, c. 113]. Let's consider this question in more detail.

The subjectivity of the state, according to Hegel, is embodied in its government, which, in turn, embodies the will of the head of state (prince). It is here that Hegel draws the distinction between absolute government and general government. The absolute government is the external expression of that "absolute positive soul of the living", which "is present in the whole of the people itself" [3, p. 348]. "In this supreme government, a simple preservation, an absolute relation, a whole" [3, p. 348]. This power, according to Hegel, has the task, firstly, to protect the constitution, and secondly, to suppress the activities of people or institutions where it can be directed against the interests of the whole, the interests of the people as integrity [3, p. 349]. In Hegel's interpretation, the power of "absolute government" is drawn as some combination of supervisory and legislative power, as he himself defines them [3, p. 349], and the power of the constitutional court, as we might add today on our own.

Theory of State and Law

“The formal idea of absolute government,” writes Hegel, “can be found in all systems of theory and reality, namely, an organic central authority acting as the guardian of the constitution” [3, p. 349]. But still, in Hegel's interpretation, his absolute government is not an elected democratic institution. Having proclaimed at one time the idea of a secular state, in this sketch, Hegel is inclined to give, if not to the entire state, then at least to its supreme institution, religious authority: “His words are God's sayings, and it cannot appear and be under any other form. It is the direct priesthood of the Most High, in whose shrine it holds counsel with him and receives his revelations; everything human and every other sanction is removed here” [3, p. 350–351].

With such formulations, perhaps the only analogue of absolute government in modern society could be considered the institution of the Supreme Leader of Iran. It is only necessary to keep in mind that the source of priestly power in the “absolute government” in the Hegelian state is not a religious sanction, but the moral character of the state itself. Since, according to Hegel, as we have seen, the moral transcends the actual human principle and merges with the divine principle, the state is an expression of this divine principle. As Hegel himself would say in the late period of his work, the state is an “earthly god.” It is precisely the priest of this “earthly god” that is the “absolute government” and it is precisely this priesthood of his, and not belonging to the priesthood of the heavenly God, as in a religious, especially as in a theocratic state, his power is sanctioned.

If absolute government is the embodiment of statehood in its statics, then Hegel's universal government embodies the entire dynamics of the state administration system. Considering his competencies, Hegel discusses issues related to the field of political economy: the organization of labor on a social scale, property inequality and related problems, the state's concern for the property provision of the interests of the general [3, p. 356–362]; issues of justice [3, p. 363–365]; issues of upbringing, education, enlightenment, science, demographic policy, etc. [3, c. 366].

In general, in the manuscript “The System of Morals”, in accordance with the general paradigm of the German classical philosophy of law, Hegel put the principle of freedom as the basis of the state structure, which, in relation to the state structure, is transformed into an “organic principle”, through which the principle of freedom receives its “mechanical structure”. Its embodiment is carried out through harmony, “the living being of a single”, controlled and managing people and government [3, p. 364–365]. If Hegel contrasted this “living being of one” in the state with the idea of separation of powers, he always emphasized the need for a functionally oriented separation of the structure of powers.

This functional separation of powers, on the search for which Hegel is focused, is more likely to be oriented towards achieving greater efficiency of government than the classical task of ensuring the freedom of the citizen from the encroachments of the state, as Montesquieu put it. Nevertheless, even with this approach, this remains a very important problem, and when combined with the issue of separation of powers in terms of ensuring freedom and protecting a citizen from arbitrariness, this problem remains relevant for the modern theory of state and law as well. A.M. Drozdova and S.A. Komarov rightly believe that “State power must observe its true spiritual nature, remaining true to its goals, its ways and means; it acquires significance only from the spiritual, moral and religious depths. These fundamental features contain the axioms of power” [7, p. 40].

These ideas are concretized by Hegel in his concept of the “mechanical structure” of the principle of freedom, expressed in the system of “free government”, which corresponds to “three possible forms of free government”: democracy, aristocracy and monarchy. Hegel

contrasts them with their three “non-free forms: ochlocracy, oligarchy, despotism [3, p. 366–367]. This approach brings to mind the famous classification of states by Aristotle in his *Politics*. The essential difference is that in Stagirite the distinguishing basis for the classification of states is the distinction between “correct” and “wrong”, which is still completely abstract and has little content in itself. For Hegel, such a beginning is the concept of freedom, the concrete content of which is mediated by all the previous formation of German classical idealism, the development of the dialectical method of cognition of legal phenomena and the establishment of the idea of historicism in law [2, p. 113, 121–122].

Here we also find, in fact, the mature idea of the internal unity of the state and civil society, which became one of the main dominants of Hegel's late doctrine of law and the state and determined the relevance of his ideas for modern political and legal thought.

Bibliographic list

1. Weil E. Hegel and the state: five reports / Eric Weil; per. from fr. V. Yu. Bystrova. St. Petersburg: Russian world: Vladimir Dal, 2009. 281 p.
2. Gainutdinov R.I., Maslennikov D.V. The idea of the spirit of history in the interpretation of Montesquieu and Hegel // *Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 2019. T. 20. No. 4. P. 112–123.
3. Hegel G.W.F. *Political works*. Moscow: Nauka, 1978. 437 p.
4. Hegel G.W.F. Faith and knowledge. Works of different years / Per. with him., enter. article, note. A.A. Ivanenko. St. Petersburg: Speculation Publishing House, 2021. 384 p.
5. Hegel G.W.F. *Philosophy of law*. Moscow: Thought, 1990. 524 p.
6. Denisov A.M. Life and scientific work of F.K. von Savigny // *Legal Thought*. 2018. No. 3. P. 19–25.
7. Drozdova A.M., Komarov S.A. Legitimation and responsibility of state power in the relationship between the state and the individual (social-philosophical and legal aspects): Monograph. St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute (St. Petersburg), 2009. 227 p.
8. Efremova N.N. *Judiciary in Russia in the 18th – the first half of the 19th centuries*. (historical and legal research). Moscow, 1993. 190 p.
9. Kazansky P.E. *The power of the All-Russian Emperor*. Moscow, 1999. 505 p.
10. Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. T. 21. Moscow, 1955–1981.
11. Maslennikov D.V., Revnova M.B. The relation of religion and the state in the philosophy of law G.W.F. Hegel // *Legal Thought*. 2018. No. 1 (105). P. 20–25.
12. Tatarenko N.A. The concept of morality and its interpretation in the Hegelian “System of Morality” // *Historical and Philosophical Yearbook*. 2019. T. 34. P. 102–134.
13. Fichte I.G. *Speeches to the German nation*. Penza: Nauka, 2009. 348 p.
14. Ledderhose K. *Aus dem Leben und den Schriften des Ministers Freiherrn Friedrich Karl v. Moser*. Norderstedt: Hansebooks GmbH, 2016.
15. Lembcke O. Institutionalisation eines souveränen Neut? Oder: Wie Hegel aus dem Klumpen einem Knoten machte // *Staat, Politik und Recht beim frühen Hegel*. Berlin: Berlin: Berlin Verlag, 2001. P. 85–121.
16. Schild W. Die Legitimation des Grundgesetzes als der Verfassung Deutschlands in der Perspektive Hegels // W. Brugger (Hrsg.) *Legitimation des Grundgesetzes aus der Sicht von Rechtsphilosophie und Gesellschaftstheorie*. Baden-Baden, 1996. Pp. 65–96.

For citation: Maksimov A.A. The doctrine of the state in the early manuscript of G.W.F. Hegel “The System of Morality”: article // *Theory of State and Law*. 2022. No. 3 (28). P. 142–150.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.010

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.011

А.А. Матюхин*

В.С. Комаров**

Б.А. Ревнов***

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ УЧРЕДИТЕЛЯ (УЧАСТНИКА) ЧАСТНОЙ ОХРАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

***Аннотация.** В статье раскрывается суть некоторых ограничений, связанных со статусом учредителя (участника) частной охранной организации, а также влияние несоблюдения этих ограничений на саму организацию. Анализируется законодательный подход к нормативному регулированию в этой области, а также исследуется судебная практика, посвященная этому вопросу. Выдвигаются предложения по улучшению нормативного регулирования в данном вопросе.*

Авторы приходят к выводу, что поскольку охранная деятельность сопряжена с применением физической силы, а иногда и оружия, возможность создания собственных охранных подразделений создавала риски для использования коммерческими организациями таких подразделений не только для обеспечения безопасности своей хозяйственной деятельности, но и для воздействия на конкурирующие организации. Согласно Федеральному закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере частной охранной и детективной деятельности» от 22 декабря 2008 года № 272-ФЗ (ред. от 03.07.2016) создание собственных охранных подразделений стало невозможным.

***Ключевые слова:** участник (учредитель) частной охранной организации, частная охранная организация, статус участника (учредителя) частной охранной организации, ограничения для участника (учредителя) частной охранной организации, «основной вид деятельности» как термин, основной вид деятельности у физического лица.*

В теории гражданского права сложилось четкое понимание того, что государственные органы и органы местного самоуправления не имеют права участвовать от своего имени в хозяйственных товариществах и обществах. Учреждения могут быть участниками хозяйственных обществ и вкладчиками в товариществах на вере с разрешения собственника имущества учреждения, если иное не установлено законом.

* Матюхин Анатолий Алексеевич, профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: amatyukhin200@yandex.ru

** Комаров Владимир Сергеевич, доцент кафедры гражданского права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент // ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6990-2588>. E-mail: wladskom@mail.ru

*** Ревнов Борис Александрович, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент // ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6668-6760>. E-mail: akziz07@yandex.ru

Следует отметить, что в Российской Федерации не так много сфер, где были бы ограничения на участие тех или иных субъектов в хозяйственных обществах и, как правило, всегда подобные ограничения обусловлены уникальной спецификой деятельности таких обществ. Так, в частности ограничения на участие установлены для учредителей (акционеров, участников) кредитного рейтингового агентства [12, ч. 1 ст. 6], страховой медицинской организации [8, ч. 2 ст. 14], микрофинансовой организации [14, ч. 1 ст. 4.3], акционеров (участников) ломбарда [13, ч. 1 ст. 2.2], учредителей (участников) организатора торговли [9, ч. 1 ст. 7], учредителем (соучредителем) средства массовой информации [5, ст. 7] и некоторых других.

Подобные ограничения содержит и Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности», который определяет закрытый перечень субъектов, которые не могут являться учредителями (участниками) частной охранной организации: общественные объединения; физические и (или) юридические лица, не соответствующие требованиям, указанным в части четвертой статьи 15¹ названного Закона; граждане, состоящие на государственной службе либо замещающие выборные оплачиваемые должности в общественных объединениях; граждане, имеющие судимость за совершение умышленного преступления, а также юридические лица, в составе учредителей (участников) которых имеются указанные лица; иностранные граждане, граждане Российской Федерации, имеющие гражданство иностранного государства, лица без гражданства, иностранные юридические лица, а также организации, в составе учредителей (участников) которых имеются указанные граждане и лица, при отсутствии соответствующего международного договора Российской Федерации [6].

Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности» в первоначальной редакции не ограничивал круг субъектов, которые вправе быть участниками (учредителями) частных охранных предприятий и не устанавливал требований к деятельности учредителей (участников) таких предприятий. При этом статья 14 названного Закона допускала создание предприятиями любых организационно-правовых форм обособленных подразделений для осуществления охранно-сыскной деятельности в интересах безопасности учредителя. Данная норма позволяла коммерческим организациям создавать собственные «службы безопасности», деятельность которых была им полностью подконтрольна. Поскольку охранная деятельность сопряжена с применением физической силы, а иногда и оружия, возможность создания собственных охранных подразделений создавала риски для использования коммерческими организациями таких подразделений не только для обеспечения безопасности своей хозяйственной деятельности, но и для воздействия на конкурирующие организации [6].

В новой редакции названного Закона создание собственных охранных подразделений стало невозможно [10, ст. 2]. Согласно действующей редакции Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» оказание охранных услуг осуществляется только специально учрежденными для этих целей обществами с ограниченной ответственностью, а для учредителей (участников) таких обществ, данный вид деятельности должен быть основным [6, ч. 1 ст. 15.1]. Вместе с тем для юридических лиц, осуществляющих иную деятельность, кроме охранной, законодатель отдельно оговорил возможность учреждения частной организации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации [15], при этом, хотя в данном Положении речь идет именно об «учрежде-

нии» охранных организаций, действие соответствующего постановления Правительства Российской Федерации по смыслу закона должно распространяться и на случаи участия юридического лица в охранной организации.

Однако на граждан такой порядок, как представляется, распространен быть не может в силу прямого указания в законе именно на учредителей-юридических лиц. Такое юридическое лицо должно являться стратегическим предприятием, стратегическим акционерным обществом, субъектом естественных монополий, государственной корпорацией или государственной компанией или войсковым казачьим обществом, а также обосновать необходимость учреждения охранной организации [15, п. 2, 3]. Названные ограничения в отношении учредителей (участников) охранных организаций были установлены с целью воспрепятствования созданию и деятельности аффилированных охранных структур, а также использованию охранных организаций вопреки целям охранной деятельности [39]. Вместе с тем, само по себе данное регулирование содержит неопределенность, не позволяющую, однозначно определить круг субъектов, которые не могут являться учредителями (участниками) частной охранной организации.

Есть смысл раскрыть данный вопрос более подробно. В юридической литературе указывается на неопределенность установленных ограничений для учредителей (участников) частных охранных организаций, причем авторы предлагают различные интерпретации. Например, отмечается неопределенность понятия «основной вид деятельности» и предлагается основным видом деятельности коммерческой организации считать тот, который имеет наибольшую значимость в общем объеме услуг по итогам года; поскольку корпоративная охранная организация учреждается гражданином только для оказания охранных услуг, то процесс их оказания и будет являться для него основным видом деятельности [43, 44]. Есть и другие примеры, когда отмечается неясность данного понятия для физических лиц и предлагаются варианты его истолкования [42]. Немногочисленные комментарии Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», как правило, не содержат толкования второго предложения части четвертой [40].

Буквальное прочтение и грамматическое толкование части четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности» (на которую содержится ссылка в пункте 2 части пятой данной статьи, устанавливающей круг лиц, которые не могут быть учредителями (участниками) частной охранной организации) приводит к выводу, что данная норма устанавливает требования к учредителям (участникам) частной охранной организации – юридическим лицам.

Так, в первом предложении речь идет о невозможности создания частной охранной организации как дочернего общества организацией, осуществляющей иную деятельность, кроме охранной. Третье предложение устанавливает, что право учреждения частной охранной организации юридическим лицом, осуществляющим иную деятельность, кроме охранной, может быть предоставлено при наличии достаточных оснований в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. В четвертом предложении речь идет о филиалах частной охранной организации. При таком построении данной нормы логично предположить, что ее второе предложение – «Для учредителя (участника) частной охранной организации данный вид деятельности должен быть основным» – также адресовано юридическим лицам, а не гражданам, и тогда понятие «вид деятельности» приобретает достаточно опре-

деленные очертания. Однако названный вид толкования не соответствует тому смыслу нормы, который придается ей сложившейся правоприменительной практикой.

Строго говоря, положение части четвертой статьи 15.1 указанного Закона Российской Федерации содержит понятия, наполнение которых в силу действующего законодательства не может быть раскрыто в отношении гражданина, не осуществляющего предпринимательскую деятельность – «вид деятельности» и «основной вид деятельности» [6].

В Российской Федерации действует Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. Классификатор используется, в том числе, при решении задач, связанных с классификацией и кодированием видов экономической деятельности, заявляемых хозяйствующими субъектами при регистрации, а также определением основного и дополнительных видов экономической деятельности, осуществляемых хозяйствующими субъектами [17].

Указание на необходимость регистрации хозяйствующих субъектов, рассматриваемое в системе действующего правового регулирования, в частности с учетом положений Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [11, ст. 5, 7.1, 22.2], позволяет прийти к выводу, что указанная классификация видов экономической деятельности и их деление на основные и дополнительные применимы лишь к тем хозяйствующим субъектам, которые зарегистрированы в качестве таковых в установленном законом порядке в виде юридического лица или индивидуального предпринимателя. Так, в Единый государственный реестр юридических лиц и Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей вносятся сведения о видах экономической деятельности лица по указанному Общероссийскому классификатору, в числе которых выделяется основной вид деятельности и (при их наличии) дополнительные виды деятельности.

Также можно отметить, что для целей установления страховых тарифов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний были разработаны Правила отнесения видов экономической деятельности к классу профессионального риска, согласно которым [16] основным видом экономической деятельности коммерческой организации является тот вид, который по итогам предыдущего года имеет наибольший удельный вес в общем объеме выпущенной продукции и оказанных услуг; основным видом экономической деятельности некоммерческой организации является тот вид, в котором по итогам предыдущего года было занято наибольшее количество работников организации; основным видом экономической деятельности страхователя – физического лица, нанимающего лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, соответствует основному виду деятельности, указанному в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей.

По отношению к гражданину – физическому лицу действующее гражданское законодательство не устанавливает обязанности определения такого понятия как «основной вид его деятельности». При этом очевидно, что понятие «основное место работы», определяемое с учетом положений Трудового кодекса Российской Федерации, не является тождественным.

Между тем, Гражданский кодекс Российской Федерации [3, п. 5 ст. 66] и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» [7, п. 1 ст. 7] наде-

ляют возможностью быть участниками общества как граждан, так и юридических лиц. Данные положения, рассматриваемые в системе действующего правового регулирования, позволяют прийти к выводу, что любой гражданин, становясь участником общества с ограниченной ответственностью, приобретает данный статус именно как физическое лицо, т.е. вне взаимосвязи со статусом индивидуального предпринимателя.

При этом необходимо учитывать и различный характер деятельности, осуществляемой гражданином как физическим лицом и как индивидуальным предпринимателем. Предпринимательская деятельность – это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [3, п. 1 ст. 2]. В принципе такое определение предпринимательской деятельности (в частности, критерий систематичности) предполагает довольно высокую степень вовлеченности лица в ее осуществление. Однако это не означает, что данная деятельность для гражданина является основной. При оценке таких критериев как трудозатраты, время, уровень дохода и прочее, возможно основной деятельностью гражданина будет являться, например, трудовая деятельность.

Участие в обществе с ограниченной ответственностью само по себе не может расцениваться в качестве предпринимательской деятельности; оно относится к иной не запрещенной законом экономической деятельности [18, п. 4.2; 20, п. 2.2]. Более того, участие в обществе с ограниченной ответственностью, по сути, может не являться каким-то активным видом деятельности. Фактически это набор определенных прав участника общества, которые он время от времени реализует, как правило, на очередных или внеочередных собраниях общества. Участник общества может не принимать активного участия в текущей деятельности общества, для этого существует руководство (менеджмент) общества.

Коммерческая же организация является самостоятельным субъектом права, отличным от ее участников. Основой конституционно-правового статуса участников хозяйственных обществ служит право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; при этом деятельность акционеров (участников) не является предпринимательской (она относится к иной не запрещенной законом экономической деятельности) – предпринимательскую деятельность осуществляют не участники как таковые, а сама организация [18, п. 4.2].

Таким образом, участие в уставном капитале коммерческой организации само по себе не может расцениваться в качестве предпринимательской деятельности. Следовательно, вызывает определенные теоретические вопросы толкование, при котором отождествляется деятельность организации и ее участников, особенно с предъявлением к последним требования о том, что для участника частной охранной организации данный вид деятельности должен быть основным, поскольку охранная деятельность осуществляется не участником, а самой организацией.

Кроме того, ограничения, вытекающие из части четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности», затрагивают не только право на осуществление иной экономической деятельности, но на свободный выбор рода деятельности и профессии [1, ч. 1 ст. 37; 41], и на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности гражданами, являющихся

учредителями (участниками) охранных организаций [1, ч. 1 ст. 34; 41]. Названное регулирование создает препятствия для учредителей таких организаций заниматься иной деятельностью (индивидуальной предпринимательской или трудовой).

Соответственно, в ситуации, когда юридическое лицо не может заниматься частной охранной деятельностью по причине осуществления участником иного вида деятельности, перед таким участником стоит выбор: прекращать индивидуальную предпринимательскую (или иную) деятельность или прекращать охранную деятельность юридического лица. Вместе с тем, в пользу того факта, что в данном случае ограничено право гражданина на осуществление экономической деятельности путем создания юридического лица говорит то, что неблагоприятные последствия в виде привлечения к административной ответственности и приостановления лицензии несет именно юридическое лицо, а самому учредителю (участнику) – физическому лицу ничто не препятствует продолжать свою предпринимательскую деятельность или работу по трудовому договору, т.е. ограничиваются его права как участника юридического лица, а не как индивидуального предпринимателя или работника.

Если посмотреть на вырисовывающуюся картину с ракурса юридического лица, ситуация предстает в ещё одном интересном ключе. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации среди прочего устанавливает, что при рассмотрении дела о привлечении к административной ответственности арбитражный суд в судебном заседании устанавливает, имеются ли основания для привлечения к административной ответственности лица, в отношении которого составлен протокол об административном правонарушении [2, ч. 6 ст. 205]. При этом Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях прямо предусматривает, что юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых названным Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению [4, ч. 2 ст. 2.1].

Однако теоретически частной охранной организации грозит возможность привлечения к административной ответственности (за осуществление предпринимательской деятельности с нарушением требований и условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией) [4, ч. 3 ст. 14.1]) за то, что один из её участников (учредителей), то есть юридически другой субъект, является, к примеру, также учредителем иного юридического лица, основным видом деятельности которого не является охранная, либо является индивидуальным предпринимателем.

Между тем законодательство Российской Федерации, в том числе Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью», не содержит норм, позволяющих обществу с ограниченной ответственностью обязывать своих участников отчуждать свою долю, или иным образом прекращать свое участие в таком обществе, напротив, правоотношения общества и его участников фактически носят характер подчиненности общества воле его участников, обязательности решений участников для общества.

Примерно с таким ворохом проблем придется столкнуться конкретному правоприменителю, при разрешении вопроса. Любой анализ нормы был бы не полны без изучения её толкования, используемого в правоприменительной практике.

Применительно к гражданам-учредителям (участникам) охранных организаций, установленное частью четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации

«О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» требование осуществлять охранную деятельность в качестве основного вида деятельности судами, как правило, интерпретируется как запрещающее гражданину заниматься какой-либо деятельностью, кроме охранной.

Так, в отношении охранной организации уполномоченным органом было вынесено предписание об устранении нарушения лицензионных требований выразившихся в том, что учредитель данной организации одновременно является учредителем общества с ограниченной ответственностью и общественной организации, не осуществляющих охранную деятельность [27]. Верховный Суд Российской Федерации констатировал законность данного предписания и подтвердил выводы нижестоящих судов о том, что гражданин-учредитель (участник) охранной организации не должен заниматься иной, кроме охранных услуг, деятельностью.

Такой подход можно назвать устоявшимся в практике нижестоящих арбитражных судов, что подтверждается следующими примерами.

Арбитражный суд Уральского округа отменил решения нижестоящих судов и признал законным решение уполномоченного органа об отказе в переоформлении лицензии частной охранной организации. Данный отказ был связан с нарушением охранной организацией лицензионных требований, которое выразилось в том, что ее учредитель является учредителем иных организаций, а также зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя [33].

Определением Верховного Суда Российской Федерации заявителю по делу отказано в передаче кассационной жалобы заявителя для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации [28]. При этом суды первой и апелляционной инстанций отмечали, что участие в качестве учредителя в иных организациях и наличие статуса индивидуального предпринимателя не имеют значения для установления того, является ли для гражданина охранная деятельность основной. Суды также указали на неопределенность положений части четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности», поскольку в отношении гражданина, являющегося учредителем (участником) охранной организации, понятие «основной вид деятельности» в рассматриваемых правоотношениях не применимо, а понятие «основной вид деятельности физического лица» в законодательстве не раскрывается [34].

Решением Арбитражного суда Краснодарского края частная охранная организация была привлечена к административной ответственности, предусмотренной в части 3 статьи 14.1 КоАП Российской Федерации в виде предупреждения, поскольку единственный учредитель данной организации (гражданин) также работает заместителем генерального директора в акционерном обществе, основным видом деятельности которого является производство минеральных тепло- и звукоизоляционных материалов и изделий [38]. Суд установил, что основным видом деятельности гражданина-учредителя охранной организации является не осуществление частной охранной деятельности, как это установлено частью четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности», а осуществление (в качестве руководителя) производства минеральных тепло- и звукоизоляционных материалов и изделий.

С привлечением к административной ответственности охранной организации по части 3 статьи 14.1 КоАП Российской Федерации при тех же обстоятельствах (для

учредителя общества частная охранная деятельность не является основной) согласился и Арбитражный суд Западно-Сибирского округа [31].

Арбитражный суд Дальневосточного округа согласился с привлечением охранной организации к административной ответственности, поскольку она допустила нахождение в составе своих учредителей физическое лицо, которое на момент проверки являлось учредителем иных организаций, коды и наименования видов деятельности которых не содержали однозначного вывода о том, что их виды деятельности не имеют своей целью извлечение прибыли [29]. Тот же суд посчитал законным привлечение охранной организации к административной ответственности, поскольку ее учредитель работал в должности сварщика-монтажника в иной организации, что было расценено как осуществление иной, а не охранной деятельности в качестве основной [30].

Следует отметить, что в судебной практике обнаруживается и иной подход. В частности, судами указывается следующее [36, 37]:

- создание гражданином-учредителем охранной организации иного юридического лица и участие в нем не запрещены частью четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности»;
- толкование данного положения также не позволяет вывести подобный запрет;
- отсутствуют основания для отождествления понятий основного вида деятельности гражданина и учреждения юридического лица (участия в нем).

Следует отметить, что в практике данного суда существуют и противоположные решения, в которых нарушением части четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности» было признано то, что учредитель охранной организации является также учредителем ряда общественных объединений [35].

Из приведенных судебных решений также следует, что к административной ответственности за несоблюдение ограничения, установленного частью четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности», привлекается сама охранная организация (за нарушение лицензионных требований), а не сами участники (учредители) такой организации. Такую несогласованность отметил Арбитражный суд Поволжского округа, который признал незаконным предписание об устранении нарушения лицензионных требований, выданное частной охранной организации. Арбитражный суд подчеркнул, что предписание должностного лица, содержащее законные требования, должно быть реально исполнимо и содержать конкретные указания, четкие формулировки относительно конкретных действий, которые необходимо совершить исполнителю, и которые должны быть направлены на прекращение и устранение выявленного нарушения, однако в рассматриваемом случае исполнение предписания зависит не от охранной организации, а от ее учредителя [32]. Таким образом, можно признать, что суды, как правило, однозначно понимают установленные ограничения для учредителей (участников) частных охранных организаций. Отдельные судебные решения, в которых им придается противоположное толкование, представляют собой исключения, не получившие поддержки в практике иных судов.

Несколько проясняет ситуацию практика Конституционного Суда Российской Федерации, который, после ряда определений [24] об отказе в принятии к рассмотрению жалоб по формальным основаниям, вынес содержательное определение [21, п. 2.1], разрешившее ряд поставленных вопросов, в частности, сделав акцент, что из

конституционных гарантии свободы экономической деятельности [1, ч. 1 ст. 8; 41] и право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [1, ч. 1 ст. 34; 41] вытекает не только право гражданина на свободный выбор деятельности, но и его согласие на определенные ограничения, если выбранная им деятельность обладает особой спецификой, и её осуществление урегулировано специальными нормами. Проще говоря, участник (учредитель) частной охранной организации, подобно государственным гражданским служащим [19, п. 3] или судьям [26, п. 2] самостоятельно и добровольно соглашается с ограничениями той работы, той деятельности, которую добровольно выбирает. При этом используемое в норме понятие «основной вид деятельности», с учетом отсутствия его легальной дефиниции, было отнесено к оценочным, что само по себе не свидетельствует о недопустимости, либо порочности подобного регулирования, с учетом того, что в каждом конкретном случае итоговое наполнение данного понятия определяет правоприменитель (по аналогии с понятием малозначительности [4, ст. 2.9], к примеру [22; 23; 25, п. 2 ч. 25]).

Вопрос же о возможностях общества предпринять действия, направленные на исполнение вмененных публично правовых обязанностей также получил обобщающее разъяснение, в том числе, через признание очевидной фактической зависимости воли самого общества от воли его участников. Ведь, если допустить возможность перекидывание подобного «мостика» между двумя формально различными и самостоятельными категориями субъектов (само общество и его учредители), то механизм воздействия вырисовывается в виде возможности других учредителей (участников) частной охранной организации, доли которых в совокупности составляют не менее чем десять процентов уставного капитала общества, в судебном порядке требовать исключения из общества того учредителя (участника), который грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет (избегает отказа от другой основной деятельности или, в рамках своего выбора, уклоняется от выхода из состава учредителей (участников) общества) [7, ст. 10]. Соответственно, бездействие других участников в этой связи косвенно подтверждает их отношение к соблюдению, вернее, к несоблюдению другим участником установленных ограничений, в результате которых страдает само общество, выгодоприобретателями от действий которого они, в конечном счете, являются (на практике). Если же у такого общества один участник (учредитель), то опять же на практике их волеизъявления в принципе не могут расходиться, соответственно, и негативные последствия от принятия любых решений, пусть и пропорционально, но ложатся на обоих субъектов.

По сути своей подобный вид толкования уже использовался судами ранее, но без расшифровки собственно в судебных решениях связи участника и самого общества.

Вместе с тем, сама по себе конституционная допустимость установленного регулирования и возможность, путем сложного толкования и анализа правоприменительной практики уяснить отсутствие неопределенности в вопросе о наличии конкретных ограничений для участников (учредителей) частных охранных организаций не означает, что ныне действующее урегулирование нельзя усовершенствовать, оставив без изменений суть вопроса, однако изложив установленные требования более просто и понятно.

С учетом специфики деятельности, Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности» и так предусматривает достаточно ограни-

чений и для работников частной охранной организации [6, ст. 12] и для её руководителя [6, ч. 7 и 8 ст. 15.1], а потому в этой связи ограничения для участников (учредителей такой организации не выходя чем-то неожиданным, несоизмерным, либо не укладывающимся в «генеральную линию». При этом, к примеру, для ограничения для руководителя частной охранной организации напрямую затрагивают его конституционное право на труд, устанавливая запрет на занятие любой деятельностью по трудовому договору, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности.

Таким образом, к примеру, если бы часть четвертая статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности», вернее даже не вся данная норма, а только второе предложение абзаца было бы переработано таким образом, чтобы установить четкий запрет осуществление учредителем (участником) частной охранной организации какой-либо иной предпринимательской или трудовой деятельности, вкуче с запретом на участие в любых иных юридических лицах, безотносительно от их организационно-правовой формы – разрешение многих вопросов не требовало бы столь глубокого анализа норм и столь сложного толкования.

Подобный категорический запрет приведен в качестве примера, все же представляется, то, не смотря на всю специфику деятельности, столь суровые ограничения были бы излишними. Более уместным и целесообразным было бы по аналогии с ограничениями, наложенными на руководителя частной охранной организации, установить общий запрет на замещение государственных должностей Российской Федерации (субъектов Российской Федерации), должностей государственной (муниципальной) службы, выборных оплачиваемых должностей в общественных объединениях, а также вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением осуществления им научной, преподавательской и иной творческой деятельности [6, ч. 8 ст. 15.1] – уж если эти виды деятельности разрешены руководителю частной охранной организации, странно было бы запрещать их для участников (учредителей) такой организации. При этом запрет на участие в любых иных юридических лицах также следовало бы прописать более определенно.

Иными словами, предложение второе из части четвертой статьи 15¹ Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности» можно было бы исключить, а в часть восьмую после слова «Руководитель» добавить, поставив запятую «Учредитель (участник)». Также, дополнить часть восьмую отдельным предложением о запрете на участие учредителей (участников) частной охранной организации в любых иных юридических лицах, безотносительно организационно-правовой формы последних.

Вызывает вопросы целесообразность отдельного упоминания в законе о механизме воздействия «добросовестных» участников (учредителей) на нерадивого, занимающегося ещё каким-либо видом деятельности, который может быть признан судами основным (создавая тем самым, с учетом сложившейся правоприменительной практики, основание для негативных последствий для всей охранной организации). С одной стороны механизм теоретически выводится из положений Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [7, ст. 10], с другой стороны, с учетом опять же правоприменительной практики, видимо, этот механизм неочевиден, и отдельное подчеркивание подобной возможности, вместе с однозначным закреплением распределения ответственности представляется не лишним.

Поменяют ли предложенные изменения что-то радикально в уже существующем регулировании. Радикально – пожалуй, нет. Однако снимется весомая часть и теоретических и практических вопросов, связанных как со статусом учредителя (участника) частной охранной организации, так и с правовым положением самой такой организации. Да и определенности в правоотношениях предложенные изменения добавят, сделав установленные проще для понимания, без необходимости изучения весомого массива правоприменительной практики.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
5. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета, 1992, 8 августа.
6. Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 года № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета, 1992, 30 апреля.
7. Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
8. Федеральный закон от 29 ноября 2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 49. – Ст. 6422.
9. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 325-ФЗ «Об организованных торгах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6726.
10. Федеральный закон от 22 декабря 2008 года № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере частной охранной и детективной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6227.
11. Федеральный закон от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3431.
12. Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 222-ФЗ «О деятельности кредитных рейтинговых агентств в Российской Федерации, о внесении изменения в статью 76.1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4348.
13. Федеральный закон от 19 июля 2007 года № 196-ФЗ «О ломбардах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 31. – Ст. 3992.
14. Федеральный закон от 2 июля 2010 года № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 27. – Ст. 3435.

15. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 февраля 2010 года № 82 «Об утверждении Правил предоставления права учреждения частной охранной организации юридическим лицом, осуществляющим иную деятельность, кроме охранной») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 9. – Ст. 972.

16. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2005 года № 713 «Об утверждении Правил отнесения видов экономической деятельности к классу профессионального риска») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 50. – Ст. 5300.

17. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) ОК 029-2014 (КДЕС. Ред. 2) (принят и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 января 2014 года № 14-ст) // <https://classifikators.ru/okved>.

18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 34-П по делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 1. – Ст. 78.

19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 года № 14-П по делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 28. – Ст. 4261.

20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2010 года № 11-П по делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.И. Гущина // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 23. – Ст. 2934.

21. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2021 года № 2115-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью Частное охранное предприятие «Скала» на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 15.1 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Дата обращения 6 декабря 2021 года).

22. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 года № 1127-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванюты Юрия Пантелеевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 15.1 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Дата обращения 7 декабря 2021 года).

23. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 года № 2369-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Пустовой Любови Николаевны на нарушение ее конституционных прав частями четвертой и шестой статьи 15.1 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Дата обращения 7 декабря 2021 года).

24. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2020 года № 813-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шепеля Андрея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 15.1 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Фе-

дерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Дата обращения 7 декабря 2021 года).

25. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2018 года № 1650-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьей 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также пунктом 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Дата обращения 8 декабря 2021 года).

26. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 года № 191-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Королевой Александры Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав статьей 13 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Дата обращения 7 декабря 2021 года).

27. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 сентября 2019 года № 303-ЭС19-15254 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

28. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2018 года № 309-КГ18-18623 по делу № А76-21713/2017 / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации // <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

29. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 8 апреля 2021 года № Ф03-585/2021 по делу № А51-13256/2020 // Официальный сайт Арбитражного суда Дальневосточного округа // <https://fasdvo.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

30. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22 июля 2011 года № Ф03-3109/2011 // Официальный сайт Арбитражного суда Дальневосточного округа // <https://fasdvo.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

31. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 сентября 2020 года № Ф04-3593/2020 по делу № А70-659/2020 // Официальный сайт Арбитражного суда Западно-Сибирского округа // <https://faszso.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

32. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 9 августа 2017 года № Ф06-23140/2017 // Официальный сайт Арбитражного суда Поволжского округа // <https://faspo.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

33. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23 июля 2018 года № Ф09-4190/18 // Официальный сайт Арбитражного суда Уральского округа // <https://fasuo.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

34. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 апреля 2018 года № 18АП-3086/2018 // Официальный сайт Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда // <https://18aas.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

35. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 июля 2018 года № 13АП-14068/2018 // Официальный сайт Тринадцатого арбитражного апелляционного суда // <https://13aas.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

36. Решение Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 ноября 2018 года № 13АП-23075/2018 // Официальный сайт Тринадцатого арбитражного апелляционного суда // <https://13aas.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

37. Решение Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 марта 2018 года № 13АП-889/2018 // Официальный сайт Тринадцатого арбитражного апелляционного суда // <https://13aas.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

38. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 6 июня 2016 года по делу № А32-13469/2016 // Официальный сайт Арбитражного суда Краснодарского края // <https://krasnodar.arbitr.ru/> (Дата обращения 4 декабря 2021 года).

39. Пояснительная записка к Законопроекту № 495510-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного контроля в сфере частной охранной и детективной деятельности (по вопросу частной охранной и детективной деятельности)» // СОЗД Государственной Думы Российской Федерации // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/495510-4> (дата обращения: 01.12.2021).

40. Ермолаев А.В., Копылова Е.А. Комментарий к Закону Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (постатейный) // www.consultant.ru.

41. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 409 с.

42. Манакова Т.А. Об изменениях, внесенных в Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // www.consultant.ru.

43. Шаронов С.А. «Некорпоративные проблемы корпоративных охранных организаций» // Юрист. – 2016. – № 12. – С. 41–46.

44. Шаронов С.А. «Особенности правового положения субъектов корпоративного отношения в частной охранной организации» / Гражданское право. – 2014. – № 4. – С. 22–25.

Для цитирования: Матюхин А.А., Комаров В.С., Ревнов Б.А. К вопросу о статусе учредителя (участника) частной охранной организации: статья // Теория государства и права. – 2022. № 3. С. 151–164.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.011

Anatoly A. Matyukhin *

Vladimir S. Komarov **

Boris A. Revnov ***

TO THE ISSUE OF THE STATUS OF THE FOUNDER (PARTICIPANT) OF A PRIVATE SECURITY ORGANIZATION

Annotation. *The article reveals the essence of some restrictions related to the status of the founder (participant) of a private security organization, as well as the impact of non-compliance with these restrictions on the organization itself. The article analyzes the legislative approach to regulatory regulation in this area, as well as the judicial practice devoted to this issue. Proposals are being put forward to improve regulatory regulation in this matter.*

The authors conclude that since security activities involve the use of physical force, and sometimes weapons, the possibility of creating their own security units created risks for commercial organizations to use such units not only to ensure the safety of their economic activities, but also to influence competing organizations. According to Federal Law No. 272-FZ of December 22, 2008, the creation of its own security units has become impossible.

* *Matyukhin Anatoly Alekseevich*, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor. E-mail: amatyukhin200@yandex.ru

** *Komarov Vladimir Sergeevich*, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, PEI VO "Legal Institute" (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6990-2588>. E-mail: wladskom@mail.ru

*** *Revnov Boris Aleksandrovich*, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Ph.D. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6668-6760>. E-mail: akziz07@yandex.ru

Theory of State and Law

Keywords: *a participant (founder) of a private security organization, a private security organization, the status of a participant (founder) of a private security organization, restrictions for a participant (founder) of a private security organization, "main activity" as a term, the main activity of an individual.*

In the theory of civil law, there is a clear understanding that state bodies and local governments do not have the right to participate on their own behalf in business partnerships and companies. Institutions may be participants in economic companies and investors in limited partnerships with the permission of the owner of the property of the institution, unless otherwise provided by law.

It should be noted that there are not so many areas in the Russian Federation where there would be restrictions on the participation of certain entities in business companies and, as a rule, such restrictions are always due to the unique specifics of the activities of such companies. So, in particular, restrictions on participation are established for the founders (shareholders, participants) of a credit rating agency [12, part 1, art. 6], an insurance medical organization [8, part 2 of Art. 14], a microfinance organization [14, part 1, art. 4.3], shareholders (participants) of the pawnshop [13, part 1, art. 2.2], founders (participants) of the organizer of trade [9, part 1, art. 7], the founder (co-founder) of the mass media [5, art. 7] and some others.

Similar restrictions are contained in the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities", which defines a closed list of entities that cannot be founders (participants) of a private security organization: public associations; individuals and (or) legal entities that do not meet the requirements specified in the fourth part of Article 15.1 of the said Law; citizens who are in the public service or who hold elective paid positions in public associations; citizens who have a criminal record for committing an intentional crime, as well as legal entities whose founders (participants) include these persons; foreign citizens, citizens of the Russian Federation who have the citizenship of a foreign state, stateless persons, foreign legal entities, as well as organizations whose founders (participants) include these citizens and persons, in the absence of an appropriate international treaty of the Russian Federation [6].

The Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities" in its original version did not limit the circle of entities that were entitled to be participants (founders) of private security companies and did not establish requirements for the activities of the founders (participants) of such enterprises. At the same time, Article 14 of the said Law allowed the creation by enterprises of any organizational and legal forms of separate divisions for the implementation of security and detective activities in the interests of the founder's safety. This rule allowed commercial organizations to create their own "security services", the activities of which were completely under their control. Since security activities involve the use of physical force and sometimes weapons, the possibility of creating their own security units created risks for commercial organizations to use such units not only to ensure the safety of their business activities, but also to influence competing organizations [6].

In the new edition of the said Law, the creation of their own security units became impossible [10, Art. 2]. According to the current version of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities in the Russian Federation", the provision of security services is carried out only by limited liability companies specially established for these purposes, and for the founders (participants) of such companies, this type of activity should be the main one [6, Part 1 Art. 15.1]. At the same time, for legal entities en-

gaged in activities other than security, the legislator separately stipulated the possibility of establishing a private organization in the manner established by the Government of the Russian Federation [15], while, although this Regulation refers specifically to the “establishment” of security organizations, the action The corresponding resolution of the Government of the Russian Federation, within the meaning of the law, should also apply to cases of participation of a legal entity in a security organization.

However, it seems that such a procedure cannot be extended to citizens due to a direct reference in the law to the founders-legal entities. Such a legal entity must be a strategic enterprise, a strategic joint stock company, a natural monopoly entity, a state corporation or a state company or a military Cossack society, and also justify the need to establish a security organization [15, p. 2, 3]. These restrictions on the founders (participants) of security organizations were established in order to prevent the creation and operation of affiliated security structures, as well as the use of security organizations contrary to the goals of security activities [39]. At the same time, this regulation itself contains uncertainty that does not allow to unambiguously determining the circle of subjects that cannot be founders (participants) of a private security organization.

It makes sense to explore this issue in more detail. The legal literature indicates the uncertainty of the established restrictions for the founders (participants) of private security organizations, and the authors offer different interpretations. For example, the uncertainty of the concept of “main activity” is noted and it is proposed to consider the main activity of a commercial organization as the one that has the greatest significance in the total volume of services at the end of the year; since a corporate security organization is established by a citizen only to provide security services, the process of providing them will be the main activity for him [43, 44]. There are other examples when the ambiguity of this concept for individuals is noted and options for its interpretation are proposed [42]. The few comments of the Law of the Russian Federation “On private detective and security activities in the Russian Federation”, as a rule, do not contain an interpretation of the second sentence of part four [40].

A literal reading and grammatical interpretation of part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation “On Private Detective and Security Activities” (which is referred to in paragraph 2 of part five of this article, which establishes the circle of persons who cannot be founders (participants) of a private security organization) leads to the conclusion that this norm establishes requirements for the founders (participants) of a private security organization – legal entities.

Thus, the first sentence refers to the impossibility of creating a private security organization as a subsidiary company by an organization engaged in activities other than security. The third sentence establishes that the right to establish a private security organization by a legal entity engaged in activities other than security may be granted if there are sufficient grounds in the manner established by the Government of the Russian Federation. The fourth sentence refers to branches of a private security organization. With this construction of this norm, it is logical to assume that its second sentence – “For the founder (participant) of a private security organization, this type of activity should be the main one” – is also addressed to legal entities, and not to citizens, and then the concept of “type of activity” acquires a fairly definite outline. However, this type of interpretation does not correspond to the meaning of the norm, which is given to it by the established law enforcement practice.

Strictly speaking, the provision of part four of Article 15.1 of the said Law of the Russian Federation contains concepts, the content of which, by virtue of the current legisla-

tion, cannot be disclosed in relation to a citizen who does not carry out entrepreneurial activity – “type of activity” and “main type of activity” [6].

In the Russian Federation, the All-Russian Classification of Types of Economic Activity is in force. The classifier is used, among other things, in solving problems related to the classification and coding of types of economic activity declared by economic entities during registration, as well as determining the main and additional types of economic activity carried out by economic entities [17].

An indication of the need to register business entities, considered in the system of current legal regulation, in particular, taking into account the provisions of the Federal Law “On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs” [11, Art. 5, 7.1, 22.2], allows us to conclude that the specified classification of types of economic activity and their division into main and additional ones are applicable only to those economic entities that are registered as such in the manner prescribed by law in the form of a legal entity or an individual entrepreneur. So, the Unified State Register of Legal Entities and the Unified State Register of Individual Entrepreneurs enter information on the types of economic activity of a person according to the specified All-Russian classifier, among which the main type of activity and (if any) additional types of activity are distinguished.

It can also be noted that for the purposes of setting insurance rates for compulsory social insurance against industrial accidents and occupational diseases, the Rules for classifying types of economic activity as a class of occupational risk were developed, according to which [16] the main type of economic activity of a commercial organization is the type that according to the results of the previous year, it has the largest share in the total volume of products manufactured and services rendered; the main type of economic activity of a non-profit organization is the type in which, according to the results of the previous year, the largest number of employees of the organization were employed; the main type of economic activity of the insured – an individual who employs persons subject to compulsory social insurance against industrial accidents and occupational diseases, corresponds to the main type of activity indicated in the Unified State Register of Individual Entrepreneurs.

In relation to a citizen – an individual, the current civil legislation does not establish the obligatory definition of such a concept as “the main type of his activity”. At the same time, it is obvious that the concept of “main place of work”, defined taking into account the provisions of the Labor Code of the Russian Federation, is not identical.

Meanwhile, the Civil Code of the Russian Federation [3, p. 5 Art. 66] and the Federal Law “On Limited Liability Companies” [7, p. 1, art. 7] give both citizens and legal entities the opportunity to be members of society. These provisions, considered in the system of current legal regulation, allow us to conclude that any citizen, becoming a member of a limited liability company, acquires this status precisely as an individual, i.e. regardless of the status of an individual entrepreneur.

At the same time, it is necessary to take into account the different nature of the activities carried out by a citizen as an individual and as an individual entrepreneur. Entrepreneurial activity is an independent activity carried out at one's own risk, aimed at systematically making a profit from the use of property, the sale of goods, the performance of work or the provision of services [3, p. 1, art. 2]. In principle, such a definition of entrepreneurial activity (in particular, the criterion of systematicity) implies a fairly high degree of involvement of a person in its implementation. However, this does not mean that this activity is the main one for a citizen. When evaluating such criteria as labor costs, time, income level, etc., it is possible that the main activity of a citizen will be, for example, labor activity.

Participation in a limited liability company cannot in itself be regarded as an entrepreneurial activity; it refers to other economic activities not prohibited by law [18, p. 4.2; 20, item 2.2]. Moreover, participation in a limited liability company, in fact, may not be some kind of active activity. In fact, this is a set of certain rights of a member of the company, which he exercises from time to time, as a rule, at regular or extraordinary meetings of the company. A member of the company may not take an active part in the current activities of the company, for this there is a management (management) of the company.

A commercial organization is an independent subject of law, different from its participants. The basis of the constitutional and legal status of participants in economic companies is the right to freely use their abilities and property for entrepreneurial and other economic activities not prohibited by law; at the same time, the activities of shareholders (participants) are not entrepreneurial (it refers to other economic activities not prohibited by law) – entrepreneurial activities are carried out not by the participants as such, but by the organization itself [18, p. 4.2].

So, participation in the authorized capital of a commercial organization in itself cannot be regarded as an entrepreneurial activity. Therefore, the interpretation raises certain theoretical questions, which identifies the activities of the organization and its participants, especially with the presentation of the latter requirement that for a participant in a private security organization this type of activity should be the main one, since security activities are carried out not by the participant, but by the organization itself.

In addition, the restrictions arising from the fourth part of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation “On Private Detective and Security Activities” affect not only the right to carry out other economic activities, but the free choice of type of activity and profession [1, part 1 of Art. 37; 41], and the free use of their abilities and property for entrepreneurial and other economic activities not prohibited by law by citizens who are founders (participants) of security organizations [1, part 1, art. 34; 41]. This regulation creates obstacles for the founders of such organizations to engage in other activities (individual entrepreneurial or labor).

Accordingly, in a situation where a legal entity cannot engage in private security activities due to the participant performing a different type of activity, such a participant is faced with a choice: stop individual entrepreneurial (or other) activities or stop the security activities of a legal entity. At the same time, in favor of the fact that in this case the right of a citizen to carry out economic activities by creating a legal entity is limited, it is the legal entity that bears the adverse consequences in the form of bringing to administrative responsibility and suspension of the license, and the founder (participant) himself – nothing prevents a natural person from continuing his entrepreneurial activity or work under an employment contract, i.e. his rights are limited as a member of a legal entity, and not as an individual entrepreneur or employee.

If you look at the emerging picture from the perspective of a legal entity, the situation appears in another interesting vein. The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, among other things, establishes that, when considering a case on bringing to administrative responsibility, the arbitration court in a court session determines whether there are grounds for bringing to administrative responsibility a person in respect of whom a protocol on an administrative offense has been drawn up [2, part 6 of Art. 205]. At the same time, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation expressly provides that a legal entity is found guilty of committing an administrative offense if it is established that it had the opportunity to comply with the rules and norms, for the violation of which the said Code or the laws of the constituent entity of the Russian Federation provide

for administrative liability, but this person did not take all measures depending on him to comply with them [4, part 2, art. 2.1].

However, theoretically, a private security organization is threatened with the possibility of bringing to administrative responsibility (for carrying out entrepreneurial activities in violation of the requirements and conditions provided for by a special permit (license) [4, part 3, article 14.1]) because one of its participants (founders), that is, a legally different entity, is, for example, also the founder of another legal entity whose main activity is not security, or is an individual entrepreneur.

Meanwhile, the legislation of the Russian Federation, including the Federal Law "On Limited Liability Companies", does not contain rules that allow a limited liability company to oblige its participants to alienate their share, or otherwise terminate their participation in such a company, on the contrary, the legal relations of the company and its participants are actually in the nature of the subordination of the society to the will of its participants, the binding decisions of the participants for the society.

Approximately with such a heap of problems a particular law enforcer will have to face when resolving the issue. Any analysis of the norm would not be complete without studying its interpretation used in law enforcement practice.

With regard to citizens-founders (participants) of security organizations, the requirement established by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities in the Russian Federation" to carry out security activities as the main type of activity by the courts, as a rule, is interpreted as prohibiting a citizen from engaging in any activity other than security.

Thus, in relation to a security organization, the authorized body issued an order to eliminate violations of licensing requirements expressed in the fact that the founder of this organization is simultaneously the founder of a limited liability company and a public organization that does not carry out security activities [27]. The Supreme Court of the Russian Federation stated the legality of this order and confirmed the conclusions of the lower courts that the citizen-founder (participant) of a security organization should not engage in activities other than security services.

This approach can be called well-established in the practice of lower arbitration courts, which is confirmed by the following examples.

The Arbitration Court of the Urals District overturned the decisions of the lower courts and recognized as lawful the decision of the authorized body to refuse to reissue the license of a private security organization. This refusal was associated with a violation by the security organization of licensing requirements, which resulted in the fact that its founder is the founder of other organizations, and is also registered as an individual entrepreneur [33]. By a ruling of the Supreme Court of the Russian Federation, the applicant in the case was denied the transfer of the applicant's cassation appeal for consideration in a judicial session of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation [28]. At the same time, the courts of first and appeal instances noted that participation as a founder in other organizations and having the status of an individual entrepreneur do not matter for establishing whether security is the main activity for a citizen. The courts also pointed out the uncertainty of the provisions of part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities", since in relation to a citizen who is a founder (participant) of a security organization, the concept of "main activity" in the legal relations in question is not applicable, and the concept of "the main type of activity of an individual" is not disclosed in the legislation [34].

By the decision of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory, a private security organization was brought to administrative responsibility, provided for in part 3 of article 14.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in the form of a warning, since the sole founder of this organization (a citizen) also works as a deputy general director in a joint-stock company whose main activity is production mineral heat and sound insulating materials and products [38]. The court found that the main activity of the citizen-founder of a security organization is not the implementation of private security activities, as established by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities", but the implementation (as a head) of the production of mineral heat and soundproof materials and products.

The Arbitration Court of the West Siberian District also agreed with the bringing to administrative responsibility of a security company under part 3 of Article 14.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation under the same circumstances (for the founder of a company, private security activity is not the main one) [31].

The Arbitration Court of the Far Eastern District agreed with bringing the security organization to administrative responsibility, since it admitted that an individual was among its founders, who at the time of the audit was the founder of other organizations whose codes and names of activities did not contain an unambiguous conclusion that their activities are not intended to make a profit [29]. The same court considered it legal to bring the security organization to administrative responsibility, since its founder worked as a welder-fitter in another organization, which was regarded as the implementation of a different, and not security, activity as the main one [30].

It should be noted that a different approach is found in judicial practice. In particular, the courts indicate the following [36, 37]:

- the creation by the founding citizen of a security organization of another legal entity and participation in it are not prohibited by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities";
- the interpretation of this provision also does not allow to derive such a ban;
- there are no grounds for identifying the concepts of the main type of activity of a citizen and the establishment of a legal entity (participation in it).

It should be noted that in the practice of this court there are also opposite decisions, in which the fact that the founder of a security organization is also the founder of a number of public associations was recognized as a violation of the fourth part of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities" [35].

It also follows from the above court decisions that the security organization itself (for violating license requirements), and not the participants (founders) themselves, is brought to administrative responsibility for non-compliance with the restriction established by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and Security Activities" such an organization. Such inconsistency was noted by the Arbitration Court of the Volga District, which declared illegal the order to eliminate violations of license requirements issued by a private security organization. The Arbitration Court emphasized that an official's order containing legal requirements must be realistically executable and contain specific instructions, clear wording regarding specific actions that need to be performed by the performer, and which should be aimed at stopping and eliminating the identified violation, however, in the case under consideration, execution prescription does not depend on the security organization, but on its founder [32]. Thus, it can be recognized that the courts, as a rule, clearly understand the established restrictions for

the founders (participants) of private security organizations. Separate judicial decisions, in which they are given the opposite interpretation, are exceptions that have not received support in the practice of other courts.

The situation is somewhat clarified by the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, which, after a number of rulings [24] on the refusal to accept complaints for consideration on formal grounds, issued a meaningful ruling [21, p. 2.1], resolving a number of questions raised, in particular, emphasizing what of the constitutional guarantees of freedom of economic activity [1, part 1, art. eight; 41] and the right of everyone to freely use their abilities and property for entrepreneurial and other economic activities not prohibited by law [1, part 1 of Art. 34; 41] implies not only the right of a citizen to a free choice of activity, but also his consent to certain restrictions, if the activity he has chosen has special specifics, and its implementation is regulated by special rules. Simply put, a member (founder) of a private security organization, like state civil servants [19, p. 3] or judges [26, p. 2], independently and voluntarily agrees with the restrictions of the work, the activity that he voluntarily chooses. At the same time, the concept of “main type of activity” used in the norm, taking into account the absence of its legal definition, was classified as evaluative, which in itself does not indicate the inadmissibility or viciousness of such regulation, taking into account the fact that in each specific case the final content of this the concept is determined by the law enforcer (by analogy with the concept of insignificance [4, art. 2.9], for example [22; 23; 25, p. 2 part 25]).

The question of the society's ability to take actions aimed at fulfilling the imputed public legal obligations also received a general explanation, including through the recognition of the obvious actual dependence of the will of the society itself on the will of its participants. After all, if we allow the possibility of throwing such a “bridge” between two formally different and independent categories of subjects (the society itself and its founders), then the mechanism of influence emerges as the possibility of other founders (participants) of a private security organization, whose shares in the aggregate amount to at least ten percent of the authorized capital of the company, to demand in court the exclusion from the company of the founder (participant) who grossly violates his obligations or by his actions (inaction) makes the company's activities impossible or significantly complicates it (avoids abandoning other core activities or, within the framework of his choice, avoids leaving the founders (participants) of the company) [7, Art. ten]. Accordingly, the inaction of other participants in this regard indirectly confirms their attitude to compliance, or rather, non-compliance by another participant with the established restrictions, as a result of which the society itself suffers, the beneficiaries of whose actions they are ultimately (in practice). If such a society has one participant (founder), then again, in practice, their expressions of will, in principle, cannot diverge, respectively, and the negative consequences of making any decisions, albeit proportionally, fall on both subjects.

In essence, this type of interpretation has already been used by the courts before, but without deciphering the connection between the participant and the society itself in the court decisions.

At the same time, the constitutional permissibility of the established regulation and the possibility, through a complex interpretation and analysis of law enforcement practice, to clarify the absence of uncertainty on the issue of the existence of specific restrictions for participants (founders) of private security organizations, does not mean that the current regulation cannot be improved, leaving it unchanged essence of the question, however, setting out the established requirements in a simpler and more understandable way.

Taking into account the specifics of the activity, the Law of the Russian Federation “On Private Detective and Security Activities” already provides enough restrictions for employees of a private security organization [6, Art. 12] and for its leader [6, parts 7 and 8 of Art. 15.1], and therefore, in this regard, the restrictions for the participants (the founders of such an organization do not look like something unexpected, disproportionate, or do not fit into the “general line”. At the same time, for example, to restrict the head of a private security organization, they directly affect his constitutional the right to work, establishing a ban on engaging in any activity under an employment contract, with the exception of scientific, teaching and other creative activities.

Thus, for example, if part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation “On Private Detective and Security Activities”, or rather, not even the entire provision, but only the second sentence of the paragraph, would be reworked in such a way as to establish a clear prohibition on the founder (participant)) a private security organization of any other business or labor activity, coupled with a ban on participation in any other legal entities, regardless of their organizational and legal form – the resolution of many issues would not require such a deep analysis of the norms and such a complex interpretation.

Such a categorical ban is given as an example, yet it seems that, despite all the specifics of the activity, such severe restrictions would be unnecessary. It would be more appropriate and expedient, by analogy with the restrictions imposed on the head of a private security organization, to establish a general ban on filling government positions in the Russian Federation (subjects of the Russian Federation), positions in the state (municipal) service, elected paid positions in public associations, and also join into labor relations as an employee, with the exception of his scientific, teaching and other creative activities [6, part 8 of Art. 15.1] – if these types of activities are allowed to the head of a private security organization, it would be strange to prohibit them for the participants (founders) of such an organization. At the same time, the ban on participation in any other legal entities should also be written more specifically.

In other words, the second sentence from the fourth part of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation “On Private Detective and Security Activities” could be deleted, and added to the eighth part after the word “Head” by putting a comma “Founder (participant)”. Also, add part eight with a separate proposal to prohibit the participation of founders (participants) of a private security organization in any other legal entities, regardless of the legal form of the latter.

It raises questions about the expediency of a separate mention in the law of the mechanism of influence of “bona fide” participants (founders) on a negligent one who is engaged in some other type of activity that can be recognized by the courts as the main one (thus creating, taking into account the established law enforcement practice, the basis for negative consequences for the entire security organization). On the one hand, the mechanism is theoretically derived from the provisions of the Federal Law “On Limited Liability Companies” [7, art. 10], on the other hand, taking into account, again, law enforcement practice, apparently, this mechanism is not obvious, and a separate emphasis on such a possibility, along with an unambiguous consolidation of the distribution of responsibility, does not seem superfluous.

Will the proposed changes change something radically in the already existing regulation? Radically, probably not. However, a significant part of both theoretical and practical issues related to both the status of the founder (participant) of a private security organization and the legal status of such an organization itself will be removed. And the proposed

changes will add certainty in legal relations, making the established ones easier to understand, without the need to study a weighty array of law enforcement practice.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // <http://www.pravo.gov.ru>, 07/04/2020.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 No. 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.
3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. one.
5. Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-1 "On the Mass Media" // Rossiyskaya Gazeta, 1992, August 8.
6. Law of the Russian Federation of March 11, 1992 No. 2487-1 "On private detective and security activities in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, 1992, April 30.
7. Federal Law of February 8, 1998 No. 14-FZ "On Limited Liability Companies" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 7. Art. 785.
8. Federal Law of November 29, 2010 No. 326-FZ "On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 49. Art. 6422.
9. Federal Law of November 21, 2011 No. 325-FZ "On Organized Auctions" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6726.
10. Federal Law of December 22, 2008 No. 272-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of State Control in the Sphere of Private Security and Detective Activities" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (part 1). Art. 6227.
11. Federal Law of August 8, 2001 No. 129-FZ "On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 33 (part I). Art. 3431.
12. Federal Law No. 222-FZ dated 13 July 2015 "On the Activities of Credit Rating Agencies in the Russian Federation, on Amending Article 76.1 of the Federal Law "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" and Recognizing Certain Provisions of Legislative Acts as Invalid Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 29 (part I). Art. 4348.
13. Federal Law of July 19, 2007 No. 196-FZ "On Pawnshops" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 31. Art. 3992.
14. Federal Law of July 2, 2010 No. 151-FZ "On microfinance activities and microfinance organizations" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 27. Art. 3435.
15. Decree of the Government of the Russian Federation of February 24, 2010 No. 82 "On approval of the Rules for granting the right to establish a private security organization by a legal entity engaged in activities other than security" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 9. Art. 972.
16. Decree of the Government of the Russian Federation of December 1, 2005 No. 713 "On approval of the Rules for classifying types of economic activity as a class of professional risk" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 50. Art. 5300.

17. All-Russian classifier of types of economic activity (OKVED 2) OK 029-2014 (NACE Rev. 2) (adopted and put into effect by order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated January 31, 2014 No. 14-st) // <https://classifiers.ru/okved>.

18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 27, 2012 No. 34-P on the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph "c" of part one and part five of Article 4 of the Federal Law "On the status of a member of the Federation Council and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" in connection with the request of a group of deputies of the State Duma // Collection of Legislation of the Russian Federation, January 7, 2013, No. 1, art. 78.

19. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 30, 2011 No. 14-P on the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 10 of part 1 of Article 17 of the Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" and Article 20.1 of the Law of the Russian Federation "On the Police" in connection with complaints from citizens L.N. Kondratieva and A.N. Mumolina // Collection of Legislation of the Russian Federation, July 11, 2011, No. 28, Art. 4261.

20. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 25, 2010 No. 11-P on the case of checking the constitutionality of paragraph ten of Article 2 of the Law of the Russian Federation "On Employment in the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen N.I. Gushchina // Collection of Legislation of the Russian Federation, June 7, 2010, No. 23, art. 2934.

21. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 30, 2021 No. 2115-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of the limited liability company Private Security Company Skala on violation of its constitutional rights by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On Private Detective and security activities in the Russian Federation" // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed December 6, 2021).

22. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 27, 2021 No. 1127-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ivanyuta Yuri Panteleevich about the violation of his constitutional rights by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On private detective and security activities in the Russian Federation" // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed December 7, 2021).

23. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 29, 2020 No. 2369-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Lyubov Nikolaevna Pustova about the violation of her constitutional rights by parts four and six of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On private detective and security activities in of the Russian Federation" // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed December 7, 2021).

24. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 9, 2020 No. 813-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Andrey Vyacheslavovich Shepel about the violation of his constitutional rights by part four of Article 15.1 of the Law of the Russian Federation "On private detective and security activities in the Russian Federation" // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed December 7, 2021).

25. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 28, 2018 No. 1650-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ivanov Vladimir Gennadievich about the violation of his constitutional rights by article 2.9 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, as well as paragraph 21 of the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On some issues arising from the courts in the application of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed 8 December 2021).

26. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 18, 2006 No. 191-0 "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alexandra Evgenievna Koroleva about the violation of her constitutional rights by article 13 of the Law of the Russian Federation "On the status of judges in the Russian Federation" // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (Accessed December 7, 2021).

27. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of September 18, 2019 No. 303-ES19-15254 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (Accessed on December 4, 2021).

28. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of November 13, 2018 No. 309-KG18-18623 in case No. A76-21713/2017 / Official website of the Supreme Court of the Russian Federation // <https://vsrf.ru/lk/practice/acts> (Date accessed December 4, 2021).

29. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated April 8, 2021 No. F03-585/2021 in case No. A51-13256/2020 // Official website of the Arbitration Court of the Far Eastern District // <https://fasdvo.arbitr.ru/> (Date of access 4 December 2021).

30. Decree of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated July 22, 2011 No. Ф03-3109/2011 // Official website of the Arbitration Court of the Far Eastern District // <https://fasdvo.arbitr.ru/> (Accessed December 4, 2021).

31. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of September 18, 2020 No. F04-3593/2020 in case No. A70-659/2020 // Official website of the Arbitration Court of the West Siberian District // <https://faszso.arbitr.ru/> (Accessed 4 December 2021).

32. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated August 9, 2017 No. Ф06-23140/2017 // Official website of the Arbitration Court of the Volga District // <https://faspo.arbitr.ru/> (Accessed on December 4, 2021).

33. Resolution of the Arbitration Court of the Urals District dated July 23, 2018 No. Ф09-4190/18 // Official website of the Arbitration Court of the Urals District // <https://fasuo.arbitr.ru/> (Accessed December 4, 2021).33.

34. Resolution of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal dated April 12, 2018 No. 18AP-3086/2018 // Official website of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal // <https://18aas.arbitr.ru/> (Accessed on December 4, 2021).

34. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of July 17, 2018 No. 13AP-14068/2018 // Official website of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal // <https://13aas.arbitr.ru/> (Accessed on December 4, 2021).

35. Decision of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of November 23, 2018 No. 13AP-23075/2018 // Official website of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal // <https://13aas.arbitr.ru/> (Accessed on December 4, 2021).

36. Decision of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of March 20, 2018 No. 13AP-889/2018 // Official website of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal // <https://13aas.arbitr.ru/> (Accessed on December 4, 2021).

37. Decision of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory of June 6, 2016 in case No. A32-13469/2016 // Official website of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory // <https://krasnodar.arbitr.ru/> (Accessed on December 4, 2021).

38. Explanatory note to the Draft Law No. 495510-4 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of State Control in the Sphere of Private Security and Detective Activities (On the Issue of Private Security and Detective Activities)" // SOZD of the State Duma of the Russian Federation //URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/495510-4> (date of access: 01.12.2021).

39. Ermolaev A.V., Kopylova E.A. Commentary to the Law of the Russian Federation of March 11, 1992 No. 2487-1 "On Private Detective and Security Activities in the Russian Federation" (item-by-article) // www.consultant.ru.

40. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 409 p.

41. Manakova T.A. On amendments to the Law of the Russian Federation "On private detective and security activities in the Russian Federation" //www.consultant.ru.

42. Sharonov S.A. "Non-Corporate Problems of Corporate Security Organizations"// Lawyer. 2016. No. 12. P. 41–46.

43. Sharonov S.A. "Peculiarities of the legal status of subjects of corporate relations in a private security organization" / Civil law. 2014. No. 4. P. 22–25.

For citation: *Matyukhin A.A., Komarov V.S., Revnov B.A.* On the issue of the status of the founder (participant) of a private security organization: article // Theory of State and Law. 2022. No. 3. P. 164–176.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.011

Научная статья

УДК 340.0; 347.6

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.012

М.В. Пыльцина*

ОПТИМИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ КОНЦА XIX ВЕКА

***Аннотация.** В статье анализируется система подготовки юридических кадров в российских университетах, сложившаяся к концу XIX в. Отмечается, что утверждению нового образовательного стандарта 1884 г. и выработке новой образовательной траектории в рассматриваемый период способствовали, прежде всего, либеральные реформы 1860–1870-х гг. и последующие социально-политические изменения. Проводится анализ различных точек зрения дореволюционных правоведов по вопросу поиска оптимальных форм и приемов изучения юриспруденции в российских университетах.*

Автор делает вывод о том, что в конце XIX в. в Российской Империи наблюдалось повышенное внимание к качеству юридического образования, в основу которого был положен принцип сочетания фундаментализма и утилитаризма.

***Ключевые слова:** история права, юридическое образование, университет, лекция, практическое занятие, юридические кадры.*

В современных реалиях научный и общественный дискурс о реформе юридического образования, перспективах его развития, несомненно, продолжится, а спрос на высококвалифицированных специалистов в области права будет только возрастать. Подобные тенденции не новы для российского юридического образования, аналогичные процессы наблюдались в Российской империи в конце XIX в.

Следует отметить, что в настоящее время вопросы, связанные с проводившейся образовательной политикой, подготовкой специалистов-правоведов в пореформенной России, находят отражение в значительном количестве научных исследований, однако, указанная проблематика нередко становилась объектом последовательного изучения и в дореволюционный период.

Буржуазные реформы второй половины XIX в. вызвали в России острую необходимость реорганизации гуманитарно-правового образования с целью адаптации к изменившимся политико-экономическим условиям. Несомненно, правительство и ранее стремилось своевременно реагировать на изменение общественно-политической ситуации не только в стране, но и за рубежом. Достаточно вспомнить, например, об упразднении почти на десятилетие (1849–1857) преподавания в российских университетах государственного права зарубежных стран в связи с революционными потрясениями, охватившими ряд европейских государств [8].

В 1860–1870-е гг. в Российской Империи наблюдался рост популярности юридических факультетов, которые являлись важной составляющей по подготовке ква-

* Пыльцина Марина Викторовна, доцент кафедры юридических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: pmvistoria@mail.ru

лифицированных кадров для государственной службы. Так, согласно Судебным уставам 1864 г., замещение вакантных должностей в суде производилось «...не иначе, как из числа лиц, имеющих аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук ...» [10, ст. 202]. По справедливому замечанию современного исследователя Ф. Ф. Дудырева, «либеральные реформы впервые открыли широкий простор для деятельности юристов; а эта специальность стала одной из наиболее популярных и востребованных в русском обществе» [3, с. 88].

Уже к концу XIX в. насчитывалось 10 отечественных университетов, в которых преподавалась юриспруденция, а география этих образовательных учреждений выглядела следующим образом: Московский, Юрьевский, Казанский, Харьковский, Петербургский, Александровский, Киевский, Варшавский, Новороссийский, Томский. Позднее, в начале XX в., было учреждено еще три университета.

Все вышеперечисленные факторы послужили стимулом к обсуждению в научно-педагогической среде новых методов преподавания юридических дисциплин и поиску оптимальных форм и приемов изучения правовой науки, что не только не потеряло актуальности в наши дни, но и приобрело особое значение. К «вечным» проблемам отечественного юридического образования, безусловно, можно отнести содержательную наполненность образовательного процесса: чему учить будущего юриста, в каком объеме, что должно стать основным компонентом того или иного учебного курса [7].

Новый нормативный акт в сфере образования – Университетский Устав 1884 г., заменивший Устав 1863 г. – подтверждал обязательное наличие при университетах юридических факультетов [9, № 2404]. Университетская программа, ориентированная на подготовку высококлассных специалистов в области юриспруденции, юристов нового поколения, затрагивала широкий пласт теоретической и практической подготовки правоведа: отечественное право и его многоуровневый анализ в сравнении с иными правовыми системами, историю права, философию права, политико-правовые учения и их практические аспекты. В этой связи число юридических кафедр при университетах составляло 12 [9, № 2404], а их соотношение теперь выглядело следующим образом: на долю теоретико-исторических приходилось 25%, отраслевых – 67%, общих гуманитарных – 8% [4, с. 324–324].

Согласно образовательному стандарту 1884 г., основными формами университетского преподавания оставались аудиторные занятия – практикумы и лекции. Причем последним отводилось доминирующее положение в образовательных курсах и, как ни парадоксально, вызывало наибольшее отторжение в среде буржуазной профессуры. По свидетельству современников, как ни красноречив (при этом уточнялось, что не все юридические науки допускают «красноречивость» изложения отдельных вопросов) был профессор-лектор, лекции не развивали способностей и навыков студентов, приучали их к пассивному следованию за ходом чужих мыслей, убивали способность к самостоятельному мышлению и труду, а зачастую совершенно были оторваны от жизни. Выдвигался даже тезис о том, что «многие истинно ученые люди – плохие ораторы, хорошие же ораторы нередко пусты и плохие ученые» [5, с. 18].

С резкой критикой лекционного способа преподавания выступал преподаватель университета В. Герасимов, уничижительные суждения которого, по мнению автора статьи, заслуживают внимания: «Лекционное чтение ... утомляет, притупляет, губит». «Непосещение лекций ... протест ... против той апатии, в которую погрузи-

ла лекционная система учащихся вместе с самими преподавателями». «Слушание чтения лекций для учащегося весьма тяжкий труд из необходимости, производимый в самом стесненном и утомительном положении» [2].

Однако эти пессимистичные настроения разделяли далеко не все педагоги высшей школы. Сторонники альтернативной позиции в лекциях видели «живое слово», которое может заинтересовать слушателя, донести то новое, что есть в науке, установить духовную связь между лектором и студентом. Исходя из собственного опыта и опираясь на последние достижения западноевропейской науки, выходом из «лекционной рутины», по их мнению, могло служить издание кратких руководств по тому или иному предмету изучения. Так, А. Белогриц-Котляревский писал, что «такое руководство должно быть издаваемо в начале учебного года, дабы студент, идя на лекцию, имел его в руках, и, усвоив, или познакомившись с основными положениями науки, мог бы на лекции получить их более полное разъяснение, иллюстрирование и укрепление в памяти» [1, с. 564].

Несомненно, такой подход был нацелен не только на более плодотворный процесс познания, но и развитие самостоятельных навыков обучения студентов. В целом же, надо отметить, самостоятельная работа рассматривалась как важный элемент образовательной траектории дореволюционных юридических университетов, которая сводилась не только к обобщению теоретико-правового материала, но и анализу нормативно-регулятивного опыта, изучению нормативно-правовой базы, проведению собственных научных исследований. При этом предметом последних могли выступать как общие, т.е. разработка вопросов по юриспруденции вообще, так и специальные проблемы, посвященные какой-либо отрасли права.

Не отказываясь от утвердившегося фундаментализма юридического образования, важной составляющей организации учебного процесса становится наличие практических занятий, на которых первостепенное внимание уделялось изучению источников права и капитальных научных трудов. Уже с первых курсов предпринимались попытки раскрыть прикладные аспекты юриспруденции. Глубокое усвоение предмета начиналось тогда, когда студент мог на конкретных примерах применять теоретические положения или законы.

Еще задолго до либеральных реформ 1860–1870-х гг. в правительственных кругах отмечалось, что юридическое образование в российских университетах априори нацелено на подготовку юристов-теоретиков, в то время как государство нуждается в выпускниках, обладающих практическими навыками. В этой связи предлагалось увеличить количество обучающихся юристов-практиков, а студентам старших курсов предоставить возможность под руководством профессоров знакомиться с уголовными и гражданскими делами.

Попытки отдельных прогрессивных профессоров права варьировать методологические подходы к обучению, в частности, разнообразить практические занятия, были поддержаны профессиональным юридическим сообществом, так как они могли заметно повлиять на общее содержание правового образования. В целом же заслуга дореволюционной системы юридического образования состоит в том, что она выработала единые критерии результативности практических занятий, которые успешно реализуются в современном образовании. К их числу можно отнести следующие подходы.

Во-первых, содержание практических занятий должно коррелироваться с содержательной частью теоретического курса.

Во-вторых, обеспечение необходимого объема учебного времени, отводимого на практические занятия. Ретроспективный анализ национальной системы подготовки юристов показывает, что эта проблема остро стояла уже тогда, в пореформенное время.

В-третьих, предпочтение в проведении практических занятий отдавалось практикующим юристам.

В-четвертых, цель практических занятий сводилась к синтезу научных достижений и подготовки к прикладной деятельности в области права.

Прямым продолжением формирования прикладных навыков у студентов виделось учреждение на базе каждого университета юридической клиники. Впервые проект об организации подобных клиник был инициирован юридическим факультетом Казанского университета и вынесен на утверждение Министерства народного просвещения в 1860 г.

Студенты, занятые работой в юридических клиниках, должны были оказывать непосредственную правовую помощь населению в области публичного и частного права. А. Люблинский подчеркивал, что привлечение студента-юриста к клиническим занятиям, имеющего уже должную теоретическую подготовку, «будет способствовать познанию юридической практики через разрешение конкретных дел, взятых из действительности», предоставит «возможность студентам познакомиться, до некоторой степени, с наиболее употребительными формальностями судебной и административной практики» [6, с. 176].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в конце XIX в. в России формировалась новая образовательная парадигма подготовки юристов. Стремясь привлечь внимание к качеству юридического образования и поставить его на один уровень с западноевропейским (а во многом и опередить), в Российской Империи наблюдалась тенденция организационной и содержательной модернизации университетского юридического образования, направленная на формирование новой модели преподавания, сочетающей теоретическую и прикладную основы подготовки специалиста.

Библиографический список

1. *Белогриц-Котляревский А.* К вопросу о высшем юридическом преподавании // Юридический вестник. – 1886. – Т. 8. – С. 563–580.
2. *Герасимов В. М.* Устранение чтения лекций в академической или университетской системе преподавания наук. – СПб, 1881. – 92 с.
3. *Дудырев Ф.Ф.* Российское юридическое образование в эпоху реформ (опыт сравнительно-исторического анализа) // Государство и право. – 2005. – № 1. – С. 88–91.
4. *Захаров В.В.* Эволюция содержания русского юридического образования во второй половине XVIII – начале XX века // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2007. – Т. 2. – С. 314–347.
5. *Казанский П.Е.* К вопросу о постановке преподавания на юридических факультетах. – Одесса: Экономическая типография, 1901. – 80 с.
6. *Люблинский А.* О «юридических клиниках». Российское понимание термина «юридическая клиника» // Журнал Министерства юстиции. – 1901. Январь. – С. 175–181.
7. *Комаров С.А.* Образовательная политика в сфере подготовки юридических кадров в России: Ноябрь // Правовая политика и правовая жизнь: ноябрь. – М., Саратов, 2000. – С. 51–60; *Морозова Л.А.* Российская концепция юридического образования: от истоков к современности // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2019. – № 3. – С. 41–52.

8. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 25. Д. 81; Ф. 733. Оп. 88. Д. 144.
9. Университетский Устав от 23 августа 1884 // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. IV. – СПб.: Государственная типография, 1887. – 1257 с.
10. Учреждение Судебных установлений // Судебные уставы 20 ноября 1864 года. – [Б. м. : Б. и., 1864]. – 455 с.

Для цитирования: Пыльцина М.В. Оптимизация подготовки юридических кадров в отечественных университетах конца XIX в.: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 177–181.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.012

Marina V. Pyltcina*

OPTIMIZATION OF THE TRAINING OF LAW SCHOLARS IN DOMESTIC UNIVERSITIES AT THE END OF THE 19TH CENTURY

Annotation. *The article analyzes the system of law scholars' training in Russian universities that had developed by the end of the 19th century. It is noted that the approval of the new educational standard of 1884 and the development of a new educational trajectory in the period under review were facilitated, first of all, by the liberal reforms of the 1860s and 1870s and subsequent socio-political changes. An analysis is made of various points of view of pre-revolutionary jurists on the issue of finding optimal forms and methods for studying jurisprudence in Russian universities.*

The author concludes that at the end of the XIX century in the Russian Empire, there was considerable attention to the quality of legal education, which was based on the principle of combining fundamentalism and utilitarianism.

Keywords: *history of law, legal education, university, lecture, practical training, law scholars.*

In modern realities, scientific and public discourse on the reform of legal education, the prospects of its development will undoubtedly continue, and the demand for highly qualified specialists in the field of law will only increase. Such trends are not new for Russian legal education, similar processes were observed in the Russian Empire at the end of the XIX century.

It should be noted that at present, the issues related to the educational policy, the training of specialists-laws in the pore-form of Russia are reflected in a significant number of scientific research, however, this problem often became the object of the subsequent study and in pre-revolutionary period.

Bourgeois reforms of the second half of the XIX century in Russia, they caused an acute need to reorganize the humanitarian and legal education in order to adapt it to the changed political and economic conditions. Undoubtedly, the praint previously sought to react in a timely manner to a change in the general political situation, not only in the country, but also abroad. It is enough to recall, for example, for the abolition of almost a decade

* *Pylytcina Marina Viktorovna*, Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Voronezh State Guide Agrarian University named after Emperor Peter I, candidate of historical sciences, associate professor. E-mail: pmvistoria@mail.ru

(1849–1857) at Russian universities of state law of foreign countries in a bonds with revolutionary upheavals that have covered a number of European states [8].

In the 1860–1870s in the Russian Empire, there was an increase in the popularity of law faculties, which were an important component for the training of qualified personnel for public service. Thus, according to the trials of 1864, the replacement of vacant posts in court was carried out “... only from among persons who have certificates of universities or other higher educational institutions about the end of the course of legal sciences ...” [10, Art. 202]. According to the fair remark of the modern researcher, F.F. Dudyrev, “liberal reforms first opened wide scope for the activities of lawyers; and this specialty has become one of the most popular and in demand in Russian society” [3, p. 88].

By the end of the XIX century there were 10 domestic universities in which jurisprudence was taught, and the geography of these educational institutions was as follows: Moscow, Yuryevsky, Kazan, Kharkov, Petersburg, Aleksandrovsky, Kyiv, Warsaw, Novorossiysk, Tomsk. Later, at the beginning of the 20th century, three more universities were established.

All of the above factors served as an incentive to discuss in the scientific and pedagogical environment of new methods of teaching legal discs and the search for optimal forms and techniques for studying legal science, which not only did not lose relevance today, but also acquired special importance. The “eternal” problems of domestic legal education, of course, include the meaningful fullness of the educational process: what to teach the future lawyer, to what volume, what should become the main component of a particular training course [7].

The new regulatory act in the field of education – the university charter of 1884, which replaced the charter of 1863 – confirmed the mandatory presence of law faculties at the university [9, No. 2404]. The university program, focused on the training of high-class specialists in the field of jurisprudence, lawyers of the new generation, affected a wide layer of theoretical and practical training of a lawyer: domestic law and its multi-level analysis in comparison with other legal systems, history of law, philosophy of law, political legal exercises and their practical aspects. In this regard, the number of legal departments at universities was 12 [9, No. 2404], and their ratio now looked as follows: the theoretical and historical accounted for 25%, industry – 67%, total humanitarian – 8% [4, p. 324–324].

According to the educational standard of 1884, the main forms of university teaching remained audit classes-workshops and lectures. Moreover, the latter was assigned a dominant position in educational chickens and, paradoxically, caused the greatest rejection among bourgeois professors. According to contemporaries, no matter how eloquent (it was clarified that not all legal sciences allow the “eloquence” of the presentation of individual issues) was a professor-class, lectures did not develop the abilities and skills of students, accustomed them to passive followed by other people's thoughts, and killed their ability To independent thinking and work, and often completely torn from life. The thesis was even nominated that “many truly scientists are bad speakers, while good speakers are often empty and bad scientists” [5, p. 18].

With a sharp criticism of the lecture method of teaching, the teaching of the university V. Gerasimov was made by the derogatory judgments of which, according to the author of the article, deserve attention: “Lecture reading ... tires, dull, destroys.” “Lecture is not not attended by ... a protest ... against that apathy in which the lecture system of students along with the teachers themselves is immersed.” “Listening to lectures for the student is a very hard work from the necessity, which is made in the most constrained and tedious position” [2].

However, not all teachers of higher education shared these pessimistic moods. Supporters of an alternative position in the lectures saw a “living word” that may interest the listener, convey the new one that is in science to establish a spiritual connection between the lecturer and the student. Based on their own experience and relying on the latest achievements of Western European science, the exit from the “lecture routine”, in their opinion, could serve the publication of brief guidelines for a particular subject of study. So, A. Belogritz-Kotlyarevsky wrote that “such a leadership should be published at the beginning of the school year, so that the student, going to the lecture, had it in his hands, and, having learned, or getting acquainted with the main provisions of science, could get them at a lecture More complete clarification, illustration and strengthening in memory ”[1, p. 564].

Undoubtedly, this approach was aimed not only in a more fruitful process of cognition, but also by the development of independent students' education skills. In general, it should be noted that independent work was seen as an important element of the educational trajectory of pre-revolutionary law universities, which was reduced not only to the generalization of theoretical and legal material, but also to the analysis of regulatory and regulatory experience, study the legal framework, and conduct their own scientific research . At the same time, the subject could act as common, i.e. The development of issues on jurisprudence in general, and special problems devoted to any branch of law.

Without abandoning the established fundamentalism of legal education, an important component of the organization of the educational process is the presence of practical classes in which paramount attention was paid to the study of sources of law and capital scientific works. Already from the first courses, attempts were made to reveal the applied aspects of jurisprudence. A deep assimilation of the subject began when a student could apply theoretical provisions or laws with concrete examples.

Long before the liberal reforms of the 1860–1870s. In government circles it was noted that legal education at Russian universities a priori is aimed at training theoretical lawyers, while the state needs graduates with practical skills. In this regard, it was proposed to increase the number of training lawyers, and providing senior students to provide an opportunity under the guidance of professors to familiarize themselves with criminal and civil cases.

Attempts by individual progressive professors of the right to vary methodological approaches to training, in particular, diversify practical classes, were supported by the professional legal community, since they could significantly affect the general content of legal education. In general, the merit of the pre -revolutionary system of legal education is that it has developed uniform criteria for the effectiveness of practical classes that are successfully implemented in modern education. The following are the following approaches.

Firstly, the content of practical classes should be correlated with a continuous part of the theoretical course.

Secondly, ensuring the required volume of educational time allotted to practical classes. A retrospective analysis of the national training system of lawyers shows that this problem was acutely then, in post -reform time.

Thirdly, preference in practical classes was given to practicing lawyers.

Fourth, the goal of practical classes was reduced to the synthesis of scientific achievements and preparation for applied activities in the field of law.

A direct continuation of the formation of applied skills among students visited an institution based on each university of a legal clinic. For the first time, the project on the organization of such clinics was initiated by the legal faculty of Kazan University and was submitted for approval by the Ministry of People's Enlightenment in 1860.

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.013

М.Б. Ревнова*

Б.А. Ревнов**

ПРАВО НА ПЕРЕМЕНУ ИМЕНИ: БАЛАНС ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

***Аннотация.** В статье исследуется порядок перемены имени в соответствии с законодательством Российской Федерации, анализируются подходы других стран к вопросу перемены имени, рассматривается статус имени гражданина, права гражданина на имя. Изучается публично-правовой и частно-правовой аспекты юридического факта перемены имени.*

***Ключевые слова:** право на перемену имени, право на имя, процедура перемены имени, акты гражданского состояния, защита права на имя.*

Устанавливая статус граждан (физических лиц), как субъектов гражданских правоотношений, Гражданский кодекс Российской Федерации, в частности определяет и права граждан на имя. Каждый гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию и собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая [3, п. 1 ст. 19]. Значение права на имя сложно переоценить. Под своим именем гражданин выступает в общественных отношениях и обособляет себя в обществе. Имя индивидуализирует гражданина и имеет значение для обеспечения и защиты его субъективных гражданских прав [21, с. 51].

Правила «первичного» приобретения имени установлены Семейным кодексом Российской Федерации, в соответствии с которым имя ребенку дается по соглашению родителей. В течение длительного времени в Российской Федерации вообще отсутствовали какие-либо ограничения по выбору родителями имени ребенку, однако в 2017 году [6, ст. 1 и 2] с целью найти способ правового обеспечения баланса между правом родителей в возможности выбрать имя для ребенка и правом их ребенка на имя, которое бы не нарушало его собственные интересы, в законодательство были введены ограничения, согласно которым было запрещено использование в имени ребёнка цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов и не являющихся буквами знаков, за исключением знака «дефис», или их любой комбинации либо бранных слов, указаний на ранги, должности, титулы [4, п. 2 ст. 58].

Подобные ограничения отчасти разрешили некоторые единичные, но тем не менее, экзотические случаи, так к примеру, повторение нашумевшей истории мальчика с именем БОЧ рВФ 260602 (Биологический объект человека рода Ворониных – Фро-

* Ревнова Мария Борисовна, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

** Ревнов Борис Александрович, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (г. Санкт-Петербург). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6668-6760>. E-mail: akziz07@yandex.ru

ловых, родившийся 26 июня 2002 года), после принятия указанных ограничений перестало быть возможным. В то же время по-прежнему родители не лишены возможности дать своему чаду редкое имя: согласно статистике органов ЗАГС города Москвы, в период с 1998 по 2017 года, среди самых необычных имен, которые получили мальчики, были следующие: Николай-Никита-Нил, Христамрирадос, Дельфин, Ярослав-Лютотор, Лука-Счастье Саммерсет Оушен. За указанный период были зафиксированы следующие необычные имена у девочек: Апрель, Полина-Полина, Принцесса Даниэлла, Заря-Заряница, Алёша-Каприна, Океана, София-Солнышко. За пределами Москвы также встречаются неординарные случаи: к примеру, в Пермском крае родители назвали своего новорожденного ребенка Люцефером [20] и именно этот резонансный случай заставил общество крепко задуматься об обоснованности приоритета права родителей на выбор совсем уж любого имени своему ребенку перед его собственным правом на имя, (а заодно и о праве органов опеки и попечительства как-либо реагировать на подобные случаи, и праве органов ЗАГС отказывать в регистрации совсем уж экзотических имен, весьма неоднозначно воспринимающихся в обществе) [28].

В некоторых государствах есть ограничения на выбор имени ребенка. Так, с 2011 года в Новой Зеландии существует список из 102 имен, которые нельзя давать детям; имя также не может состоять из цифр или одной буквы. В Италии запрещено называть мальчиков Венерди (в переводе «Пятница»), а также нельзя давать детям, которые являются друг другу братьями и сестрами, идентичные имена; также действует запрет на выбор ребенку имени, значение которого не соотносится с понятиями приличия и морали [27, с. 28–29]. В Германии имя ребенка обязательно должно указывать на его половую принадлежность [18, с. 10], также имя не должно вызывать насмешки, ассоциации с общепринятыми понятиями зла (Каин или Иуда), ранить религиозные чувства сограждан (так, неприемлемо имя Христос). Не даются детям в качестве имен известные географические названия, названия торговых марок и титулы (принц, лорд) [23, с. 94]. В Дании Закон «Об именах собственных» содержит список из семи тысяч разрешенных имен. По статье 1 Закона Эстонии «Об именах» имя может состоять не более чем из трех пишущихся отдельно имен или двух имен, которые соединяются дефисом. Имя не может содержать цифры и несловесные знаки, противоречить общепринятым нормам добропорядочности. Запрещено присваивать необычные имена, имена, не соответствующие полу лица, имена известных личностей. В Мексике властями штата Сонора утвержден список из 61 имени, которыми запрещено называть детей, так как они могут их дискриминировать, вызывать психологическое и физическое насилие со стороны сверстников. В список, в частности, входят имена Бэтмен, Бургер Кинг, Гарри Поттер, Гермиона, Гитлер, Джеймс Бонд, Леди Ди, Роллинг Стоун, Фейсбук и др. [19].

Вопросы необходимости как-либо дополнительно урегулировать и ограничить право родителей на свободный выбор имени своему ребенку регулярно поднимаются различными правоведами [17; 22; 23; 24 и др.].

Вместе с тем есть универсальный способ «поправить» ошибку родителей, давших не слишком удачное, по мнению детей, имя, а заодно фамилию и отчество. В этом аспекте регулирования проблем чуть больше, хотя бы потому, что ко всем проблемам, связанным с первичной регистрацией имени, добавляются новые, носящие более прикладной и практический характер.

По российскому законодательству гражданин вправе переменить свое имя в порядке, установленном законом, при этом перемена имени не является основани-

ем для прекращения или изменения его прав и обязанностей, приобретенных под прежним именем. Кроме того, гражданин обязан принимать необходимые меры для уведомления своих должников и кредиторов о перемене своего имени, и несет риск последствий, вызванных отсутствием у этих лиц сведений о перемене его имени [3, п.2 ст. 19]. Имя, полученное гражданином при рождении, а также перемена имени подлежат регистрации в порядке, установленном для регистрации актов гражданского состояния [3, п. 3 ст. 19].

Конкретизируя данные положения, Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» предусматривает, что перемена имени подлежит государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния [5, п. 5 ст. 58]. Названный Федеральный закон также предусматривает возможность мотивированного отказа в государственной регистрации перемены имени [5, п. 5 ст. 60]. Указанный Федеральный закон не содержит специальных оснований для отказа в государственной регистрации перемены имени, однако общие его нормы содержат положения о возможности отказа в государственной регистрации акта гражданского состояния в случаях, если государственная регистрация противоречит данному Федеральному закону, либо в случае, если документы, которые необходимо представить в уполномоченный орган, не соответствуют нормативным требованиям [5, п. 1 ст. 11].

Конституция Российской Федерации устанавливает неотъемлемое право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени [2, ч. 1 ст. 23]. При этом в качестве самостоятельного основного права Конституционным Судом Российской Федерации рассматривается [13] именно конституционное право на защиту чести и доброго имени [16, с. 169]. Таким образом, возможно сделать вывод, что непосредственно право на имя, на его изменение, Конституция Российской Федерации к основным правам не относит, тем более что, как было указано ранее, сам по себе факт перемены имени не влечет прекращения или изменения прав и обязанностей [3, п. 2 ст. 19].

Существует мнение [15, с. 58], что право на имя следует рассматривать как одно из субъективных гражданских прав. Такой подход требует определения оснований и порядка его приобретения. К юридическим фактам, с которыми может быть связан этот процесс, относятся: 1) рождение ребенка; 2) усыновление (удочерение) ребенка; 3) заключение брака; 4) расторжение брака; 5) установление отцовства; 6) перемена имени. Это означает, что с правом на имя непосредственно связаны практически все (кроме смерти) акты гражданского состояния – действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние физических лиц [5, ч. 1 ст. 3].

Форма [7, форма №20] заявления о перемене имени предусматривает обязательную [5, абз. 5 ч. 2 ст. 59] для заполнения графу о причинах перемены фамилии, собственно имени и (или) отчества. Действующее российское законодательство весьма лояльно [25, с. 58] относится к возможности перемены фамилии, собственно имени и/или отчества не содержит исчерпывающего перечня причин для перемены имени, равно как и не предусматривает ни обязанность уполномоченного органа оценивать степень уважительности таких причин, ни обязанность суда мотивированным решением закрепить перемену имени (фамилии и (или) отчества). При этом наиболее распространенными причинами для смены фамилии по своему желанию являются: неблагозвучность фамилии либо трудность ее произношения; желание супруга(и) носить общую с другим супругом(ой) фамилию, если при регистрации

брака они остались с добрачными фамилиями; желание супруги вернуть добрачную фамилию, если об этом не было заявлено при расторжении брака, и т.д. [29], при этом исчезновение обстоятельств, послуживших причиной перемены имени, не влечет недействительность произведенной актовой записи [14].

Таким образом, руководствуясь приведенными положениями российского законодательства, любое лицо по своему желанию может обратиться в органы ЗАГС по поводу изменения имени, при этом уполномоченный орган не вправе отказать гражданину в удовлетворении требований, изложенных в подобном заявлении, по мотивам недостаточной их уважительности.

Законодательный опыт регулирования схожих правоотношений наших европейских партнеров несколько отличается. И, хотя единые международные стандарты и подходы к вопросу регулирования процедуры перемены имени (фамилии, отчества) отсутствуют, Европейский суд по правам человека отмечал [8, § 24; 10, § 37], что в ряде случаев им были отнесены споры, касающиеся фамилий и имен физических лиц, к категории дел, попадающих в сферу действия статьи 8 «Право на уважение частной и семейной жизни» Конвенции [1, ст. 8] о защите прав человека и основных свобод. Хотя указанная норма Конвенции не содержит прямого упоминания о праве на имя, как явствует из решений Европейского суда по правам человека, имя человека – как средство идентификации личности и связи с семьей – тем не менее касается его частной или семейной жизни [9, § 28].

В решении от 22 февраля 1994 года по делу «Бургхарц против Швейцарии» Европейский суд признал, что имя человека как средство личной идентификации и средство связи с семьей относится к сфере его частной и семейной жизни. Заинтересованность государства и общества в регулировании вопросов, связанных с использованием имен (фамилий), не противоречит данному обстоятельству, поскольку трактовка частной жизни, понимаемой как распространяющееся до определенной степени право устанавливать и поддерживать отношения с другими людьми, в том числе в профессиональной области и в сфере бизнеса, не исключает публично-правовые аспекты [8, § 24]. Суд признал положения швейцарского закона, в соответствии с которым право носить двойные фамилии предоставлялось только женщинам, состоящим в браке, и не распространялось на мужчин, дискриминационными, поскольку у мужей было меньше возможностей в отношении выбора фамилии, чем у жен (тот факт, что заявитель может неофициально носить ту фамилию, которую он предпочитает, существенного значения не имеет, поскольку в официальных документах указывается лишь юридически признанная фамилия) [8, § 26–28].

В то же время в деле в деле Стьерна против Финляндии [10], в котором заявитель оспаривал отказ властей разрешить ему поменять фамилию, Суд не установил нарушения ст. 8 Конвенция о защите прав человека и основных свобод в случае отказа заявителю в изменении его фамилии на фамилию его предка, жившего 200 лет назад. Суд отметил, что государства обладают достаточно большой свободой усмотрения в связи с тем, что в правовых системах стран – участниц Конвенции очень много общих оснований, при которых возможно изменение имени и фамилии.

Европейский суд также обратил внимание на различие в ситуациях, когда государство не разрешает изменить имя (фамилию) или когда само государство требует перемены имени либо фамилии. По существу речь идет о различиях между позитивными и негативными обязательствами государства, связанными с Конвенцией. Суд признал, что имена сохраняют ключевую роль в идентификации человека,

несмотря на то, что в государствах – участниках Конвенции все в большей степени применяются персональные идентификационные номера. Допустив возможность существования причин, которые заставляют стремиться к смене фамилии, судьи вместе с тем сочли, что введение правовых ограничений в отношении изменения имени (фамилии) может быть оправданно исходя из публичного интереса, например в целях обеспечения точности учета населения или охраны средств личной идентификации или связи с семьей. По мнению судей, в настоящее время отсутствуют общие подходы государств-участников в отношении условий изменения имени (фамилии), имеющего правовые последствия, и государства обладают в данной области широкой свободой усмотрения. Суд согласился [10, § 39] с позицией финских властей: в современных условиях, характеризующихся увеличением миграционных потоков между государствами и районами распространения языков, люди все чаще сталкиваются с трудностями, связанными с правописанием и произношением имен и фамилий [25, с. 57–58].

Несмотря на наличие различных подходов в вопросах свободы реализации права на перемену имени, представляется не совсем верным отсутствие привязки реализации субъективного права на перемену имени к конкретным юридическим фактам. Юридическая неизменность статуса гражданина, безотносительно реализации права на перемену имени, тем не менее, фактически порождает последствия, в основном – технического характера, как для самого гражданина, так и для публичных образований. В первом случае речь идет о необходимости самостоятельной замены всех документов с предыдущим именем. Учитывая, что перемена имени – акт доброй воли лица, то указанные трудозатраты добровольны и его права не нарушают. Относительно же последствий со стороны публичных образований: достаточно много различных баз данных, которые ведутся уполномоченными органами, в основном в электронном виде, в которые также необходимо вносить изменения.

Кроме того, перемена имени гражданином может осуществляться с негативными целями, связанными со злоупотреблением своими гражданскими правами, в частности: с попытками ввести в заблуждение его контрагентов в рамках гражданских правоотношений, либо попытками подобными способами избежать ответственности за совершенные действия. И не смотря на отсутствие изменений правового статуса гражданина при смене имени (фамилии, отчества), определенные трудности при установлении истины в спорах реализация исследуемого субъективного права может создать.

Целью государственной регистрации, в частности: перемены имени, является охрана имущественных и личных неимущественных прав граждан, а также интересов государства [5, п. 1 ст. 6]. Само по себе правовое регулирование перемены имени направлено на обеспечение баланса между правами и законными интересами конкретного гражданина, желающего переменить имя, и других граждан и государства и все таки не предполагает, что соответствующее право может быть реализовано гражданином в безусловном порядке. К примеру, учитывая, что заявление о перемене имени подается в уполномоченный орган лично лицом, желающим переменить имя [5, ч. 1 ст. 59] – для граждан, содержащихся в местах лишения свободы, реализовать гражданскую правоспособность в частности: изменять имя (фамилию, отчество) на общих условиях с другими гражданами не представляется возможным, поскольку лишение свободы как наказание, связанное с изоляцией от общества, объективно влечет подобные последствия в силу режима его отбывания [12].

Изучая приведенный пример, с учетом озвученной цели государственной регистрации актов гражданского состояния, возникают вопросы: должно ли в этом случае быть обеспечено право на перемену имени? не нарушит ли реализация в упомянутом примере права на перемену имени баланс между правами и законными интересами конкретного физического лица и правами и интересами других лиц и государства? для защиты каких именно своих прав и законных интересов заявитель желает переменить имя в данном случае? Если предположить, что ответ на первый вопрос будет положительным, и, допустим, будет создан механизм, позволяющий лицам, содержащимся в местах лишения свободы менять имя (а заодно фамилию и отчество), сколько раз будет возможно реализовать данное право (к вопросу о теме злоупотреблений)?

Как было сказано ранее, теоретически, перемена имени представляет собой по сути техническую процедуру, которая сама по себе не влечёт изменение каких-либо прав и обязанностей гражданина, сменившего имя, а во всех необходимых базах данных такая информация также должна быть актуализирована.

На практике, в феврале 2022 года для многих оказался неожиданным случай, когда в петербургскую школу после смены имени, фамилии и отчества вместе с предъявлением справки о несудимости устроилась в качестве преподавателя гражданка, имевшая судимость за совершение преступления в 2008 году [26]. В этом примере показательно все: от того, что внимание к себе педагог привлекла по совершенно иному поводу (внепланового изучения на уроке произведений Хармса и Введенского), а уже в ходе более детальных проверок была установлена информация о наличии в прошлом судимости, то есть аспект вскрылся по сути – по воле случая, до самого факта наличия справки об отсутствии судимости у человека, судимость имевшего, хоть и под другими фамилией именем и отчеством.

Ещё интересный случай: решением квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации от 2008 года прекращены полномочия мирового судьи (по собственному желанию). Впоследствии мировой судья меняет фамилию, имя и отчество. Далее в 2014 году решением квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации прекращена отставка такого мирового судьи ввиду осуществления последним деятельности, не совместимой со статусом судьи. При этом квалификационная коллегия указала, что учитывает просьбу о прекращении отставки с 2009 года, однако не обладает полномочиями по ретроспективному прекращению отставки судьи. К сожалению, фабула [11] дела не предоставляет большей конкретики, в то же время даже предоставленная информация рождает достаточно вопросов и предположение, что ответы на очевидные вопросы было бы легче найти, если бы фамилия имя и отчество оставались прежними.

Вопросы, связанные с негативными последствиями перемены имени редко бывают публичными. Обусловлено это, прежде всего, желанием самого человека, сменившего имя, так как трудно представить, чтобы меняя имя, гражданин сознательно хотел бы информировать весь свет о том, что когда-то его звали по-другому (для чего тогда менял?); кроме того, в любых случаях, когда весь объем прав и обязанностей не перешел следом за тем же гражданином после технической смены имени, имеет место быть и вина уполномоченного органа, не проявившего должную степень заботливости и осмотрительности при проверке, переносе данных и т.д. (*exceptio probat regulam in casibus non exceptis* – исключение подтверждает правило). Однако высокая латентность не означает низкую общественную опасность.

При этом наиболее рациональным превентивным способом борьбы со злоупотреблениями в этой области было бы изменение порядка перемены имени по сути с уведомительного на разрешительный, прописав стандартные случаи смены фамилии в законе (при регистрации брака, при расторжении брака и т.д.), возможно, есть смысл установить право гражданина один или два раза в жизни поменять имя и (или) фамилию ввиду неблагозвучности (к примеру, одновременно с заменой паспорта), – хотя бы для того, чтобы дать шанс детям, которым повезло иметь очень креативных родителей, изменить не ими выбранное имя. Наверное, было бы правильным, не составлять закрытый перечень случаев, когда смена фамилии бы допускалась, однако в любом случае причина должна быть уважительной, отказ признать причину уважительной естественно [2, ч. 1 и 2 ст. 46] должен подлежать судебному обжалованию. При этом право на замену отчества, с учетом специфики не должно реализовываться только по воле гражданина.

Теоретические попытки возражений относительно изменения порядка перемены имени с уведомительного на разрешительный, обусловленные несоразмерностью и нецелесообразностью подобных ограничений стоят на весьма зыбких позициях, если в качестве контраргумента привести простой вопрос о целях смены фамилии имени и отчества у среднестатистического гражданина. Пять-семь наиболее хрестоматийных вариантов и так будут нормативно определены, однако представить себе ситуацию при которой гражданин, лишившись права, к примеру раз в три месяца менять фамилию имя и отчество, был бы объективно поражен в осуществлении каких-либо прав сложно. Как раз наоборот, подобные факты заставляют задумываться о не вполне законных интересах лица, часто меняющего ФИО, особенно с учетом большого количества документов, подлежащих замене. Соответственно, от ужесточения (называя вещи своими именами) процедуры перемены имени, добропорядочные и законопослушные граждане только выиграют.

Библиографический список

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 20. – Ст. 2143.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://www.pravo.gov.ru>, 4 июля 2020 года [электронный ресурс] (дата обращения 22 августа 2022 г.); Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 409 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
5. Федеральный закон от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» / Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 47. – Ст. 5340.
6. Федеральный закон от 1 мая 2017 года № 94-ФЗ «О внесении изменений в статью 58 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 18. – Ст. 2671.
7. Приказ Минюста России от 1 октября 2018 года № 201 «Об утверждении форм заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния и Правил заполнения

ния форм заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния» (Зарегистрировано в Минюсте России 2 октября 2018 года № 52300) / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 22 августа 2022 г.).

8. Постановление Европейского суда по правам человека от 22 февраля 1994 года «Дело «Бургхартц против Швейцарии» (Burghartz v. Switzerland) / Официальный сайт Европейского суда по правам человека <http://hudoc.echr.coe.int/rus#>. [электронный ресурс] (дата обращения 22 августа 2022 г.).

9. Постановления Европейского суда по правам человека от 2 июня 2005 года «Дело «Знаменская (Znamenskaya) против Российской Федерации» / Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2006. – № 8. – С. 5, 30–37.

10. Постановления Европейского суда по правам человека от 25 ноября 1994 года «Дело «Стьерна против Финляндии» (Stjerna v. Finland) / Официальный сайт Европейского суда по правам человека [http://hudoc.echr.coe.int/rus#{"languageisocode":\["RUS"\],"appno":\["18131/91"\],"documentcollectionid2":\["CHAMBER"\],"itemid":\["001-104133"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/rus#{) [электронный ресурс] (дата обращения 22 августа 2022 г.).

11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 года № 2343-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Донской Ольги Константиновны на нарушение ее конституционных прав частью 2 статьи 332 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, статьей 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», а также пунктом 1 статьи 31 и статьей 31.2 Положения о порядке работы квалификационных коллегий судей / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 22 августа 2022 г.).

12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 693-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефименко Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 27 и 59 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 22 августа 2022 г.).

13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 сентября 1995 года № 69-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козырева Андрея Владимировича» / <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

14. Апелляционное определение Московского городского суда от 12 апреля 2021 года по делу № 33-13230/2021 / официальный сайт Московского городского суда <https://www.mos-gorsud.ru/> [Электронный ресурс] (дата обращения 22 августа 2022 г.).

15. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А.В. Барков, А.В. Габов, В.Г. Голубцов и др.; под ред. Л.В. Санниковой. – М.: Статут, 2015. – 662 с. // www.consultant.ru

16. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 1008 с. // www.consultant.ru

17. *Винокуров В.А.* Право человека на имя: конституционно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 6. – С. 46–49.

18. *Матвеева М.В.* Право на имя с позиций и практики Европейского суда по правам человека // Семейное и жилищное право. – 2015. – № 5. – С. 10–12.

19. *Нестерова Т.И.* Право ребенка на имя по законодательству Российской Федерации // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 6. – С. 15–18.

20. *Куликов В.* Не зовите меня Люцифером // Российская газета, 2014, 6 ноября.

21. *Пикуза К.Н.* Государственная регистрация перемены имени гражданина // Юрист. – 2010. – № 10. – С. 51–54.

22. Рузакова О.А. Право ребенка на достойное имя: современные проблемы, вопросы совершенствования российского законодательства // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 87–91.

23. Рузакова О.А., Рузаков А.Б. К вопросу о праве ребенка на имя: российская и зарубежная практика // Экономика. – Право. Общество. – 2017. – № 3 (11).

24. Рузакова О.А., Рузаков А.Б. Некоторые аспекты развития законодательства об имени ребенка (российский и зарубежный опыт) // Семейное и жилищное право. – 2017. – № 6. С. 11–14.

25. Туманова Л.В., Владимирова И.А. Защита семейных прав в Европейском суде по правам человека. – М.: Городец, 2007. – 208 с. // www.consultant.ru

26. Черенева В. Смольный назвал «сознательным подлогом» справку учительницы Сапрыкиной об отсутствии судимости / Российская газета 14 февраля 2022 года / Официальный сайт Российской газеты <https://rg.ru/2022/02/14/reg-szfo/smolnyj-sviazal-trudoustrojstvo-v-shkolu-serafimy-saprykinoj-s-podlogom.html> [Электронный ресурс] (дата обращения 22 августа 2022 г.).

27. Швец А.В., Чубукина А.Е. Проблемы реализации права ребенка на имя // Семейное и жилищное право. – 2022. – № 3. – С. 26–29.

28. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения порядка присвоения и регистрации имени» / официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1051801-6> [Электронный ресурс] (дата обращения 22 августа 2022 г.).

29. Как заполнить заявление в орган ЗАГС о перемене имени для смены фамилии? // Азбука права: электрон. журн. 2022 // www.consultant.ru

Для цитирования: Ревнова М.Б., Ревнов Б.А. Право на перемену имени: баланс публичных и частных интересов: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 185–193.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.013

Maria B. Revnova*
Boris A. Revnov**

THE RIGHT TO CHANGE THE NAME: THE BALANCING PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS

Annotation. *The article deals with the procedure for change of name in accordance with the legislation of the Russian Federation, analyzes the approaches of other countries to the issue of change of name, the status name of the citizen, the rights of the citizen in the name. Studied public law and private law aspects of the legal fact of the change of name.*

Key words: *right to a name change, right to a name, the procedure of change of name, civil status, protection of the rights to the name.*

Establishing the status of citizens (individuals) as subjects of civil legal relations, the Civil Code of the Russian Federation, in particular, determines the rights of citizens to

* *Revnova Maria Borisovna*, rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD in law. E-mail: lawinst-sp@mail.ru

** *Revnov Boris Alexandrovich*, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD in law. E-mail: Akziz07@yandex.ru

a name. Each citizen acquires and exercises rights and obligations under his own name, including the surname and first name, as well as patronymic, unless otherwise follows from the law or national custom [3, paragraph 1 of Art. 19]. The importance of the right to a name is difficult to overestimate. Under his own name, a citizen acts in public relations and separates himself in society. The name individualizes the citizen and is important for ensuring and protecting his subjective civil rights [21, p. 51].

The rules for the "primary" acquisition of a name are established by the Family Code of the Russian Federation, according to which a name is given to a child by agreement of the parents. For a long time in the Russian Federation, there were no restrictions at all on the choice of a name for a child by parents, however, in 2017 [6, art. 1 and 2] in order to find a way to legally ensure a balance between the right of parents to choose a name for the child and the right of their child to a name that would not violate his own interests, restrictions were introduced into the legislation, according to which it was forbidden to use numbers in the name of the child, alphanumeric designations, numerals, symbols and signs that are not letters, with the exception of the hyphen, or any combination of them or swear words, indications of ranks, positions, titles [4, p. 2 Art. 58].

Such restrictions partially resolved some isolated, but nonetheless exotic cases, for example, the repetition of the sensational story of a boy with the name BOP VF 260602 (Biological object of a person of the Voronin-Frolov family, born on June 26, 2002), after the adoption of these restrictions, it ceased to be possible. At the same time, parents are still not deprived of the opportunity to give their child a rare name: according to the statistics of the registry office of the city of Moscow, in the period from 1998 to 2017, among the most unusual names that the boys received were the following: Nikolai-Nikita-Nil, Christamrirdos, Dolphin, Yaroslav-Lyutobor, Luka-Shchastya Summerset Ocean. During this period, the following unusual names for girls were recorded: April, Polina-Polina, Princess Daniella, Zarya-Zaryanitsa, Alyosha-Kaprina, Oceana, Sofia-Sun. Outside of Moscow, there are also extraordinary cases: for example, in the Perm Territory, parents named their newborn child Lucifer [20] and it was this high-profile case that made society think hard about the validity of the priority of the right of parents to choose absolutely any name for their child over his own right to name, (and at the same time about the right of guardianship and guardianship authorities to somehow respond to such cases, and the right of registry offices to refuse to register very exotic names that are very ambiguously perceived in society) [28].

Some states have restrictions on the choice of a child's name. So, since 2011 in New Zealand there is a list of 102 names that should not be given to children; the name also cannot consist of numbers or a single letter. In Italy, it is forbidden to call boys Venerdi (translated as "Friday"), and it is also forbidden to give identical names to children who are brothers and sisters to each other; there is also a ban on choosing a name for a child, the meaning of which does not correlate with the concepts of decency and morality [27, p. 28-29]. In Germany, the name of the child must necessarily indicate his gender [18, p. 10], also the name should not cause ridicule, association with generally accepted concepts of evil (Cain or Judas), hurt the religious feelings of fellow citizens (for example, the name Christ is unacceptable). Children are not given well-known geographical names, trademarks and titles (prince, lord) as names [23, p. 94]. In Denmark, the Proper Names Act contains a list of seven thousand legal names. According to Article 1 of the Estonian Names Act, a name may consist of no more than three names written separately or two names joined by a hyphen. The name cannot contain numbers and non-verbal characters, contradict generally accepted standards of integrity. It is forbidden to assign unusual names, names that do not

match the gender of the person, the names of famous personalities. In Mexico, the authorities of the state of Sonora have approved a list of 61 names that are prohibited from naming children, as they can discriminate against them, cause psychological and physical violence from their peers. The list, in particular, includes the names of Batman, Burger King, Harry Potter, Hermione, Hitler, James Bond, Lady Dee, Rolling Stone, Facebook, etc. [19].

The need to somehow further regulate and limit the right of parents to freely choose a name for their child is regularly raised by various jurists [17; 22; 23; 24 and others].

At the same time, there is a universal way to "correct" the mistake of parents who gave a name that was not very successful, in the opinion of the children, and at the same time a surname and patronymic. In this aspect of regulation, there are a little more problems, if only because to all the problems associated with the initial registration of a name, new ones are added that are of a more applied and practical nature.

Under Russian law, a citizen has the right to change his name in the manner prescribed by law, while the change of name is not a basis for terminating or changing his rights and obligations acquired under his former name. In addition, a citizen is obliged to take the necessary measures to notify his debtors and creditors about the change of his name, and bears the risk of consequences caused by the lack of information from these persons about the change of his name [3, paragraph 2 of Art. 19]. The name received by a citizen at birth, as well as a change of name, are subject to registration in the manner established for the registration of acts of civil status [3, p. 3, art. 19].

Concretizing these provisions, the Federal Law "On acts of civil status" provides that a change of name is subject to state registration in the civil registry offices [5, p. 5, art. 58]. The named Federal Law also provides for the possibility of a reasoned refusal to state registration of a change of name [5, paragraph 5 of Art. 60]. The specified Federal Law does not contain special grounds for refusing state registration of a change of name, however, its general norms contain provisions on the possibility of refusing state registration of a civil status act in cases where state registration is contrary to this Federal Law, or if the documents that are required submit to the authorized body, do not meet the regulatory requirements [5, paragraph 1 of Art. 11].

The Constitution of the Russian Federation establishes the inalienable right of everyone to privacy, personal and family secrets, protection of their honor and good name [2, part 1, art. 23]. At the same time, it is the constitutional right to protect honor and good name that is considered by the Constitutional Court of the Russian Federation [13] as an independent fundamental right [16, p. 169]. Thus, it is possible to conclude that the Constitution of the Russian Federation does not directly include the right to a name, to change it, as a fundamental right, especially since, as mentioned earlier, the mere fact of changing a name does not entail the termination or change of rights and obligations [3, paragraph 2 of Art. 19].

There is an opinion [15, p. 58], that the right to a name should be considered as one of the subjective civil rights. This approach requires determining the grounds and procedure for its acquisition. Legal facts that may be associated with this process include: 1) the birth of a child; 2) adoption (adoption) of a child; 3) marriage; 4) divorce; 5) establishment of paternity; 6) name change. This means that almost all (except death) acts of civil status are directly related to the right to a name – actions of citizens or events that affect the emergence, change or termination of rights and obligations, as well as characterizing the legal status of individuals [5, part 1, article . 3].

Form [7, form No. 20] of the application for a name change provides for a mandatory [5, par. 5 hours 2 tbsp. 59] to fill in the column on the reasons for changing the last name,

first name and (or) patronymic. The current Russian legislation is very loyal [25, p. 58] refers to the possibility of changing the surname, first name and / or patronymic does not contain an exhaustive list of reasons for changing the name, nor does it provide for the obligation of the authorized body to assess the degree of validity of such reasons, nor the obligation of the court to secure the change of name (surname and (surname) with a reasoned decision or) patronymic). At the same time, the most common reasons for changing the surname at will are: the dissonance of the surname or the difficulty of pronouncing it; the desire of the spouse (s) to bear a common surname with the other spouse (s), if during the registration of marriage they remained with premarital surnames; the desire of the spouse to return the premarital surname, if this was not declared at the time of dissolution of the marriage, etc. [29], while the disappearance of the circumstances that caused the name change does not entail the invalidity of the act record [14].

Thus, guided by the above provisions of Russian legislation, any person, at will, can apply to the registry office to change the name, while the authorized body does not have the right to refuse the citizen to satisfy the requirements set out in such a statement, on the grounds of insufficient respect for them.

The legislative experience of regulating similar legal relations of our European partners is somewhat different. And, although there are no unified international standards and approaches to the issue of regulating the procedure for changing the name (surname, patronymic), the European Court of Human Rights noted [8, § 24; 10, § 37], that in a number of cases he classified disputes concerning the names and surnames of natural persons as cases falling within the scope of Article 8 "Right to respect for private and family life" of the Convention [1, Art. 8] on the protection of human rights and fundamental freedoms. Although the specified norm of the Convention does not contain a direct mention of the right to a name, as is clear from the decisions of the European Court of Human Rights, the name of a person – as a means of identifying an individual and connecting with the family – nevertheless concerns his private or family life [9, § 28].

In the decision of 22 February 1994 in *Burgharz v. Switzerland*, the European Court recognized that a person's name, as a means of personal identification and a means of connecting with the family, belongs to the sphere of his private and family life. The interest of the state and society in regulating issues related to the use of names (surnames) does not contradict this circumstance, since the interpretation of private life, understood as the right to establish and maintain relations with other people, including in the professional field and in the field of business, does not exclude public law aspects [8, § 24]. The Court held that the provisions of Swiss law, which granted the right to bear double surnames only to married women and did not extend to men, were discriminatory, since husbands had less choice of surname than wives (the fact that the applicant may unofficially bear the surname he prefers, does not have significant significance, since only a legally recognized surname is indicated in official documents) [8, § 26–28].

At the same time, in the case of *Stjerna v. Finland* [10], in which the applicant challenged the refusal of the authorities to allow him to change his surname, the Court did not find a violation of Art. 8 Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the event that the applicant is refused to change his surname to the surname of his ancestor who lived 200 years ago. The Court noted that the states have a fairly large margin of appreciation due to the fact that in the legal systems of the countries – parties to the Convention there are very few general grounds under which a change of name and surname is possible.

The European Court also drew attention to the difference in situations where the state does not allow a change of name (surname) or when the state itself requires a change of name or surname. Essentially, this is a distinction between the positive and negative obligations of the state associated with the Convention. The Court recognized that names retain a key role in the identification of a person, despite the fact that personal identification numbers are increasingly used in the States Parties to the Convention. While admitting that there might be reasons to seek a change of surname, the judges also considered that the imposition of legal restrictions on the change of name (surname) could be justified on the basis of public interest, for example, in order to ensure the accuracy of population records or to protect means of personal identification or family connections. According to the judges, at present there are no common approaches of the participating States regarding the conditions for changing the name (surname), which has legal consequences, and the states have a wide margin of appreciation in this area. The court agreed [10, § 39] with the position of the Finnish authorities: in modern conditions, characterized by an increase in migration flows between states and areas of distribution of languages, people are increasingly faced with difficulties associated with the spelling and pronunciation of names and surnames [25, p. 57–58].

Despite the existence of different approaches to the issues of freedom to exercise the right to change the name, it seems not entirely correct that the exercise of the subjective right to change the name is not tied to specific legal facts. The legal immutability of the status of a citizen, regardless of the exercise of the right to change the name, however, actually gives rise to consequences, mainly of a technical nature, both for the citizen himself and for public entities. In the first case, we are talking about the need to independently replace all documents with the previous name. Given that the change of name is an act of goodwill of a person, the indicated labor costs are voluntary and do not violate his rights. As for the consequences on the part of public entities: there are quite a lot of different databases maintained by authorized bodies, mainly in electronic form, which also need to be changed.

In addition, a change of name by a citizen can be carried out with negative goals related to the abuse of his civil rights, in particular: with attempts to mislead his counterparties in the framework of civil legal relations, or attempts in similar ways to avoid responsibility for the actions taken. And despite the absence of changes in the legal status of a citizen when changing the name (surname, patronymic), the implementation of the studied subjective right can create certain difficulties in establishing the truth in disputes.

The purpose of state registration, in particular: name change, is to protect the property and personal non-property rights of citizens, as well as the interests of the state [5, p. 1, art. 6]. In itself, the legal regulation of name change is aimed at ensuring a balance between the rights and legitimate interests of a particular citizen who wants to change his name, and other citizens and the state, and still does not imply that the corresponding right can be exercised by a citizen unconditionally. For example, given that an application for a name change is submitted to the authorized body personally by a person who wants to change his name [5, part 1, art. 59] – for citizens held in places of deprivation of liberty, to exercise civil legal capacity in particular: to change the name (surname, patronymic) on general terms with other citizens is not possible, since deprivation of liberty as a punishment associated with isolation from society objectively entails similar consequences due to the regime of his serving [12].

Studying the above example, taking into account the stated goal of state registration of acts of civil status, questions arise: should the right to change the name be ensured in

this case? Will the implementation in the above example of the right to change the name violate the balance between the rights and legitimate interests of a particular natural person and the rights and interests of other persons and the state? To protect what specific rights and legitimate interests does the applicant want to change his name in this case? If we assume that the answer to the first question will be positive, and, for example, a mechanism will be created that allows persons held in places of deprivation of liberty to change their first name (and at the same time their last name and patronymic), how many times it will be possible to exercise this right (to the question of the topic of abuse)?

As mentioned earlier, theoretically, a name change is essentially a technical procedure, which in itself does not entail a change in any rights and obligations of a citizen who has changed his name, and such information should also be updated in all necessary databases.

In practice, in February 2022, for many, it turned out to be an unexpected case when, after changing the name, surname and patronymic, along with the presentation of a certificate of good conduct, a citizen who had a criminal record in 2008 got a job as a teacher in a St. Petersburg school [26]. In this example, everything is indicative: from the fact that the teacher attracted attention to herself for a completely different reason (unscheduled study of the works of Kharmis and Vvedensky in the lesson), and already in the course of more detailed checks, information was established about the presence of a criminal record in the past, that is, the aspect was revealed in fact – by chance, up to the very fact of having a certificate of no criminal record for a person who had a criminal record, albeit under a different surname, name and patronymic.

Another interesting case: by the decision of the qualification board of judges of the constituent entity of the Russian Federation of 2008, the powers of the justice of the peace (of their own free will) were terminated. Subsequently, the justice of the peace changes the surname, name and patronymic. Further, in 2014, by the decision of the qualification board of judges of the constituent entity of the Russian Federation, the resignation of such a justice of the peace was terminated due to the latter's activities incompatible with the status of a judge. At the same time, the qualification board indicated that it takes into account the request to terminate the resignation from 2009, but does not have the authority to retrospectively terminate the judge's resignation. Unfortunately, the plot [11] of the case does not provide more specifics, at the same time, even the information provided gives rise to enough questions and the assumption that it would be easier to find answers to obvious questions if the surname, name and patronymic remained the same.

Issues related to the negative consequences of a name change are rarely public. This is due, first of all, to the desire of the person who changed his name, since it is difficult to imagine that by changing the name, a citizen would consciously want to inform the whole world that he was once called differently (why did he change then?); in addition, in any cases when the entire scope of rights and obligations did not pass after the same citizen after a technical change of name, there is also the fault of the authorized body that did not show the due degree of care and discretion when checking, transferring data, etc. (exceptio probat regulam in casibus non exceptis – the exception confirms the rule). However, high latency does not mean low public danger.

At the same time, the most rational preventive way to combat abuses in this area would be to change the procedure for changing the name, in fact, from notification to permissive, by prescribing the standard cases of changing the surname in the law (when registering a marriage, when dissolving a marriage, etc.), perhaps there are it makes sense to establish the right of a citizen once or twice in his life to change his first and (or) last name

due to dissonance (for example, simultaneously with the replacement of a passport), if only in order to give a chance to children who are lucky to have very creative parents, not to change their chosen name. It would probably be right not to draw up a closed list of cases where a change of surname would be allowed, but in any case, the reason must be valid, the refusal to recognize the reason as valid is natural [2, parts 1 and 2 of Art. 46] should be subject to judicial review. At the same time, the right to replace the patronymic, taking into account the specifics, should not be realized only at the will of the citizen.

Theoretical attempts to object to changing the order of changing the name from notifying to permissive, due to the disproportionateness and inappropriateness of such restrictions, stand on very shaky positions, if a simple question is cited as a counterargument about the goals of changing the last name and patronymic of the average citizen. Five or seven of the most textbook options will be normatively defined anyway, but it is difficult to imagine a situation in which a citizen, having lost the right, for example, to change his last name, first name and patronymic once every three months, would be objectively amazed at exercising any rights. On the contrary, such facts make us think about the not quite legitimate interests of a person who often changes his full name, especially given the large number of documents to be replaced. Accordingly, from tightening (calling a spade a spade) the name change procedure, respectable and law-abiding citizens will only benefit.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms / Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 20. Art. 2143.
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // <http://www.pravo.gov.ru>, July 4, 2020 [electronic resource] (date accessed August 22, 2022); Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 409 p. (Series: Professional Comments).
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ / Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
4. Family Code of the Russian Federation” dated December 29, 1995 No. 223-FZ / Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 16.
5. Federal Law of November 15, 1997 No. 143-FZ “On Civil Status Acts” / Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 47. Art. 5340.
6. Federal Law of May 1, 2017 No. 94-FZ “On Amendments to Article 58 of the Family Code of the Russian Federation and Article 18 of the Federal Law “On Civil Status Acts” / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 18. Art. 2671.
7. Order of the Ministry of Justice of Russia dated October 1, 2018 No. 201 “On approval of the forms of applications for state registration of acts of civil status and the Rules for filling out forms of applications for state registration of acts of civil status” (Registered with the Ministry of Justice of Russia on October 2, 2018 No. 52300) / Official Internet -portal of legal information [Electronic resource] // <http://pravo.gov.ru> (accessed August 22, 2022).
8. Judgment of the European Court of Human Rights of February 22, 1994 “The case of Burghartz v. Switzerland” (Burghartz v. Switzerland) / Official website of the European Court of Human Rights <http://hudoc.echr.coe.int/rus#>. [electronic resource] (accessed August 22, 2022).

9. Judgments of the European Court of Human Rights of June 2, 2005 "The Case of Znamenskaya v. Russian Federation" / Bulletin of the European Court of Human Rights. 2006. No. 8. P. 5, 30–37.
10. Judgments of the European Court of Human Rights of November 25, 1994 "The case of Stjerna v. Finland" / Official website of the European Court of Human Rights [http://hudoc.echr.coe.int/eng#{"languageisocode":\["RUS"\],"appno":\["18131/91"\],"document-collectionid2":\["CHAMBER"\],"itemid":\["001-104133"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/eng#{) [electronic resource] (date of access August 22, 2022).
11. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 29, 2020 No. 2343-O on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Donskoy Olga Konstantinovna about the violation of her constitutional rights by part 2 of Article 332 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, Article 26 of the Federal Law "On Judicial Bodies community in the Russian Federation", as well as paragraph 1 of Article 31 and Article 31.2 of the Regulations on the procedure for the work of qualification boards of judges / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation [http://www.ksrf.ru/ru/ Decision/Pages/default.aspx](http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx) [Electronic resource] (accessed August 22, 2022).
12. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 29, 2016 No. 693-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sergey Alexandrovich Efimenko about the violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 27 and 59 of the Federal Law "On acts of civil status" / Official website of the Constitutional Courts of the Russian Federation [http://www.ksrf.ru/ru/Decision/ Pages/default.aspx](http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx) [Electronic resource] (accessed August 22, 2022).
13. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 27, 1995 No. 69-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Andrey Vladimirovich Kozyrev" / <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.
14. Appeal ruling of the Moscow City Court dated April 12, 2021 in case No. 33-13230/2021 / official website of the Moscow City Court // <https://www.mos-gorsud.ru/> [Electronic resource] (accessed August 22, 2022).
15. Civil Code of the Russian Federation. Article by article commentary to chapters 1 – 5 / A.V. Barkov, A.V. Gabov, V.G. Golubtsov and others; ed. L.V. Sannikova. Moscow: Statut, 2015. 662 p. // www.consultant.ru
16. Commentary on the Constitution of the Russian Federation (article by article) / L.V. Andrichenko, S.A. Bogolyubov, N.S. Bondar and others; ed. V.D. Zorkin. 2nd ed., revised. Moscow: Norma, Infra-M, 2011. 1008 p. // www.consultant.ru
17. Vinokurov V.A. The human right to a name: the constitutional and legal aspect // Constitutional and municipal law. 2019. No. 6. P. 46–49.
18. Matveeva M.V. The Right to a Name from the Position and Practice of the European Court of Human Rights // Family and Housing Law. 2015. No. 5. P. 10–12.
19. Nesterova T.I. The right of the child to a name under the legislation of the Russian Federation // Family and housing law. 2021. No. 6. P. 15–18.
20. Kulikov V. Don't call me Lucifer // Rossiyskaya Gazeta, 2014, November 6.
21. Pikuza K.N. State registration of a change in the name of a citizen // Lawyer. 2010. No. 10. P. 51–54.
22. Ruzakova O.A. The right of the child to a worthy name: modern problems, issues of improving Russian legislation // Actual problems of Russian law. 2017. No. 5. P. 87–91.
23. Ruzakova O.A., Ruzakov A.B. On the issue of the child's right to a name: Russian and foreign practice // Economics. Right. Society. 2017. No. 3 (11).
24. Ruzakova O.A., Ruzakov A.B. Some aspects of the development of legislation on the name of the child (Russian and foreign experience) // Family and housing law. 2017. No. 6. P. 11–14.
25. Tumanova L.V., Vladimirova I.A. Protection of family rights in the European Court of Human Rights. Moscow: Gorodets, 2007. 208 p. // www.consultant.ru
26. Chereneva V. Smolny called the teacher Saprykina's certificate of no criminal record a "deliberate forgery" / Rossiyskaya Gazeta February 14, 2022 / Official website of Rossiyskaya Gazeta

<https://rg.ru/2022/02/14/reg-szfo/smolnyj-sviazal-trudoustrojstvo-v-shkolu-serafimy-saprykinoj-s-podlogom.html> [Electronic resource] (accessed August 22, 2022).

27. Shvets A.V., Chubukina A.E. Problems of realization of the child's right to a name // Family and housing law. 2022. No. 3. P. 26–29.

28. Explanatory note to the draft federal law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation with regard to changing the procedure for assigning and registering a name” / official website of the State Duma of the Russian Federation <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1051801-6> [Electronic resource] (accessed August 22, 2022).

29. How to fill out an application to the registry office for a change of name to change the surname? // ABC of law: electron. magazine 2022 // www.consultant.ru

For citation: Revnova M.B., Revnov B.A. The right to change the name: the balance of public and private interests: an article // Theory of State and Law. 2022. No. 3 (28). P. 193–201.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.013

Научная статья

УДК 321.1

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.014

Н.В. Селихов*

Р.М. Курмаев**

ИНСТИТУЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** В статье обсуждаются цивилизационный, формационный и институционный подходы к пониманию государства, их роль в решении социальных противоречий, сопоставляется статоцентричное и социоцентричное мировоззрение, уточняются причины эволюции публично-правовых укладов политического общества. Исследовательские задачи решаются методами социальной диалектики, рационализма и сравнительного теоретического анализа.*

***Ключевые слова:** народ, государство, институционный подход, социальная диалектика, публично-правовой уклад, самоопределение, самоорганизация.*

Введение. Государство, его сущность и роль в социальном мире – острая тема научных дискуссий всех времён. Вот и сегодня его традиционно воспринимают то полновластной над людьми *субстанцией*, то саморазвивающейся политической *общностью*, подчинённой диалектике и рациональности. Однако каким бы не представлялось само государство, его связь с *общественным сознанием* бесспорна. Учитывая, что каждой исторической реальности свойственны своё общественное сознание и сущности, науке приходится постоянно коррелировать всеобщую мировоззренческую картину с реальными отношениями государства, общества и человека. От того насколько верны оказываются предлагаемые современной теорией модели политического общежития, зависит не только сама действительность, но и наше будущее. Главное, не забывать, что излишняя научная консервативность всегда стоила человечеству потерянных поколений, тогда как воспринятая общественным сознанием рациональная доктрина всегда становилась эффективным инструментом развития человечества. В идеале, обществу необходимо знать к какой *государственной* следует стремиться, как решать с её помощью социальные противоречия, превращать исторические идеи в реальность.

Итак, в преображении действительности науке надлежит не только находить пути совершенствования отдельных политических институтов, но и проектировать сам образ государственного строя. Запросу на обновлённую государственность не должна корреспондировать очередная теоретизированная утопия, сродни

* Селихов Николай Васильевич, независимый исследователь (г. Москва), кандидат юридических наук. E-mail: selihovnv@mail.ru

** Курмаев Рустам Мусаевич, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

государству всеобщего благоденствия или политическому союзу трудящихся классов, нужна объективно-научная система знаний, пригодная к применению в текущих условиях.

Всем понятно: рациональный потенциал монархических и классовых доктрин исчерпан. Для настоящего и будущего устаревшие лекала непригодны. Решать проблему неустойчивости современного политического общества можно, лишь изменив представления о государстве, избавившись от засилья цивилизационно-формационных догматов. Нужно понимать, что эта мировоззренческая ревизия коснётся многих связанных с государством высших социальных сущностей, особо таких, как *свобода, равенство и справедливость*. Они по-прежнему ложатся «краеугольными» камнями во всякую философско-теоретическую конструкцию человеческого общежития, в них скрыты корни социального единства и предназначение государства.

Таким образом, исторически перспективная форма государства, призванная снять напряжение в современном обществе, связана с обновлением философско-теоретического миропонимания, необходимого общественному сознанию для выполнения очевидной исторической миссии: строительства нового государства, свободного от прежде неразрешимых противоречий.

Двигаясь к этой цели, начинать придётся с уточнения *мировоззренческого подхода* к пониманию государства.

Государство – предмет спора научных подходов. Этот факт монументален. Однако, хотя современная наука традиционно подаёт государство в цивилизационно-формационном контексте, она всё же вновь задалась основным вопросом философии – выяснением отношений между *сознанием* и *материей*, хотя, вопреки ожиданиям, заявленный почин не принёс ей удовлетворения. Вдруг оказалось, что методологическая аксиома XX в. уже не способна предложить современному обществу нужных решений. Цивилизационно-формационный калейдоскоп настойчиво воспроизводит знакомые картинки политического либерализма и парламентаризма, правового и социального государства, государства-субстанции и противостоящего ему гражданского общества. Словом, ничего нового, способного вывести общество из глубокого кризиса. Понятно, что причина столь очевидного теоретического «дежавю» заключена в устаревшей мировоззренческой сетке. Познавательные горизонты науки ограничены устаревшими штампами, искривляющими современное понимание не только сущности государства, но и его роли в решении социальных противоречий.

Ничего удивительного в этом нет, всё потому, что цивилизационно-формационное мировоззрение не занималось решением противоречий, а пребывало исключительно в созерцательном мировосприятии, концентрировалось на борьбе между государством и обществом в конкретных исторических условиях. Историзм как неподвластный сознанию процесс цикличного развития общества пропитал суть большинства цивилизационно-формационных теорий. Обоснование данного вывода таково.

Цивилизационный подход выставляет государство индивидуальной формой человеческой культуры, которая вместе с народами и языками, хозяйственными укладами, правом, наукой и искусством [21, с. 37] образует единый *культурно-исторический тип* бытия. Единица его измерения – *цивилизация* – историческая реальность, где свобода и равенство принадлежат народу и охраняются государ-

ством [8, с. 267]. В самом общем виде понятие «цивилизация» определяют как социокультурную систему, включающую как социально-экономические условия жизнедеятельности общества, так и этнические, религиозные его основы, степень гармонизации человека и природы, а также уровень экономической, политической, социальной и духовной свободы личности. Цивилизация, ее ценности влияют не только на социальную, но и на государственную организацию общества [10, с. 150].

Заметим, авторитетный цивилизационный взор разделяет бытие общества и государства, не проводит между ними чётких теоретических различий. Большинство авторов сознательно уклоняются от этой проблемы, избегая глубоких обобщений. Отсюда такое множество цивилизационных типологий с неясными философскими концептами и почти полным отсутствием выверенных дефиниций. Можно сказать, что цивилизационное восприятие скованно метафизически, раз представляет государство туманным проявлением *культуры*, сущность которого раскрывается исключительно в «историческом идеализме» [4, с. 4]. Непонятно, как государству вообще удаётся привнести в общество свободу и равенство. Зато сами государство и общество явно представлены как две явно противоборствующие культурные формы.

Эта традиция имеет давние корни. Так Н.Я.Данилевский считал государство и народ преходящими явлениями цивилизации с этнографическими и политическими особенностями [8, с. 45–50], а А.Тойнби утверждал, что общество создаётся культурными формами и охватывается государством, не отождествляемым с народом [18, с. 39–40].

Вывод вполне закономерен: цивилизационный подход воспринимает государство *культурным формообразованием*, возвышенным над народом. Противоречия между ними разрешаются *борьбой*. Борьба сословий, классов и индивидов за социальную иерархию, за права и свободы есть элемент культуры, естественное состояние политического общества, результат социальных противоречий, устранимых лишь с исчезновением самой цивилизации. В этом противостоянии государство активно участвует в войне «всех против всех», выступая Левиафаном с идеалистической душой и реальной властью над обществом [7, с. 6]. Так было и будет. Нужно понимать, что цивилизационное мировоззрение привержено прежним установкам, а значит, социальные противоречия для него остаются некоторой данностью, не меняющей универсума.

Формационный подход оказался теоретически конкретен. Объявив государство *организованным насилием* («машиной для подавления» [12, с. 176]), К.Маркс уявил его сущность с *общественно-экономической формацией* – новой исторической единицей, характеризующей развитие политического общества через изменение социально-классовой структуры, производительных сил и производственных отношений. Для К.Маркса война «всех против всех» упорядочилась в *классовой борьбе* за государственный механизм (систему органов власти). В руках политически и экономически господствующего класса государство превратилось в средство навязывания обществу правящей воли.

С позиции исторического материализма формационное мировоззрение объявило общественно-экономический *уклад* основой человеческого бытия, в котором разрешение противоречий происходит лишь со сменой классовой структуры общества и созреванием новой общественно-экономической формации. В изменении

классового универсума особая роль отведена социальной революции, завершающей формационный переход через установление контроля над государственным механизмом. Таким образом, революционный захват власти есть не более чем предопределённый этап формационного перехода, а сам всемирно-исторический процесс «эволюция через революцию» прекратится лишь с отмиранием государства, с появлением коммунистического общества, избавленного от классовых антагонизмов.

Итак, непримиримый спор цивилизационизма и исторического материализма вокруг государства сведён к противоборству культурного кода и общественно-экономического уклада. На том научная мысль зашла в тупик. Для современных идеалистов культурный «дух» цивилизации оказался столь же реален как «плоть» материи для их оппонентов. Цивилизационный цикл «зарождение – расцвет – угасание» противопоставлен поступательно-материалистическому развитию общества. Выход из патового мировоззренческого спора не просматривается. Лишь схожесть исторических результатов как-то сближает оппонентов: государство неизбежно гибнет в любом случае, как элемент цивилизации или инструмент формации. Вечная культура столь же невозможна, как и неизменный общественно-экономический уклад, а потому историцизм в равной степени сводит всякую цивилизацию и формацию в историческое небытие.

Но не только историцизм роднит цивилизационный и формационный подходы. Они оказались схожи во взглядах на *гегемонию* государства, превратили его в довлеющую над политическим обществом субстанцию. Лишь упомянутые ими алгоритмы разрешения социальных противоречий принципиально разные: слепое подчинение естественному ходу истории противопоставляется целенаправленной победе в классовой борьбе.

В итоге, цивилизационно-формационное древо преподнесло общественному сознанию плод *социального разобщения*, вкусив который, наука предложила общественному сознанию *статоцентричное* восприятие мира. В этом мире государство в любом состоянии (*идеи* или *материи*, «духа» или «машины») выступает системообразующим началом, орбитальным центром социальных сущностей, вершиной социальной пирамиды. Смысл статоцентричного миропонимания заточен на перманентное социальное противостояние, роль балансира в котором играет «разумное» государство, спасающее человечество от полного хаоса. Как только в обществе исчезнет противостояние, отпадёт надобность в государстве-субстанции.

Таким образом, вопрос о целенаправленном снятии государством общественных противоречий оказался вынесен за рамки цивилизационного и формационного подхода. Всё потому, что культивируемое ими *государство-субстанция* не ставит перед собой такой цели в принципе, оно само заложник неизбежных исторических процессов, выживая в которых, давит на общество, создавая в нём дополнительное напряжение.

Из того следует объективный факт: до настоящего времени философия и теория связывают образы государства исключительно с *всеобщей борьбой* (сословной, классовой и партийно-политической), с бесконечным публичным насилием. В этом смысле история человечества предстаёт чередой мрачных эпох. Остаётся гадать, как ему вообще удалось выжить. В отношениях государства-субстанции и политического общества нет и тени свободы, равенства и справедливости, между ними сложи-

лась чёткая императивная связь, в которой воля государства безраздельно господствует над интересами масс.

Словами О.Шпенглера подобную *научно-силовую ориентацию* государства в отношениях с обществом следует называть *общей ошибкой* [21, с. 124]. Политический принцип, упомянутый в библейской притче о неустойчивости царства, разделённого в себе, не оставляет силовому концепту никаких шансов на дальнейшую мировоззренческую гегемонию ни с точки зрения формальной, ни с позиции диалектической логики.

В теории государства и права существует и иной подход к типизации государств: личностный подход [10, с. 152]. В этом случае одним из таких критериев типизации государств и их правовых систем могла бы стать ***степень экономической, социальной, политической и духовной (культурной) свободы личности***, отражающаяся в идее человеческого достоинства. Такой подход вбирает в себя не только объективные критерии – социально-классовую сущность, содержание и социальное назначение государства и права, характер производственных отношений и соответствующих им уровня развития производительных сил общества, принципы организации и функционирования государственно-организованного общества и т.п., но и субъективный критерий – уровень человеческого в обществе [10, с. 152].

Нам представляется, что науке и обществу необходим и иной взгляд.

Институционный взгляд на государство. Ослабить хватку представлений о всесильном государстве-субстанции способно новое миропредставление. Этот приём предложил ещё Ф.Энгельс, доказывая, что лишь диалектическая философия очищает общественное сознание от метафизики абсолютных истин. Новому взгляду следует искать опору в собственных исторических условиях, только тогда человеческое знание способно к восходящему развитию [12, с. 275–276].

Права Ф.Энгельса особенно чувствуется сегодня. Вновь разгоревшийся спор цивилизационного идеализма и формационного материализма о государстве разрешится не победой одного из оппонентов, но восхождением к их общему основанию, примиряющему мировоззренческие платформы как исторически, так и диалектически.

Путь к мировоззренческому сближению лежит через обогащение диалектического метода *рационализмом*. Такой методологический тандем способен перекроить весь абрис социального мира, избавить общественное сознание от силового образа государства. Благодаря тому идея *борьбы* цивилизаций и классов компенсируется идеей *общественного развития*.

Обновлённый мировоззренческий постулат формулируется так: *идея творит материю, материя преобразует идею*. В этом бесконечном процессе человечество рационально (осмысленно и целенаправленно) снимает общественные противоречия, преобразая свой универсум в категориях *должное* и *сущее*. Мысль эта вполне роднит диалектический материализм с идеализмом социальной инженерии К. Поппера [15, с. 30].

Следовательно, формула сближения цивилизационного и формационного подходов к пониманию государства сводится к *рациональности* общественного сознания. В ней культурно-исторические и общественно-экономические типы бытия восходят к *идее* политического единства общества, т.е. к *политической норме*.

В материализованном виде политическая норма представляет собой *публично-правовой уклад* – отношения между базисом и надстройкой государства, пред-

ставляющие практическую *цель* и *форму* социального общежития. При этом вовсе не следует, что олицетворённое в укладе *единство* идеи и материи есть исключительно продукт культуры или баланс производительных сил и экономических отношений, они лишь его прямое следствие. Нужно признать, что борьба за власть, за государственный аппарат и позитивное право, практикуемая любыми типами политического бытия, есть неизменный атрибут становления публично-правового уклада, материализации идеи социального единства, близкой общественному сознанию в конкретный исторический момент. Для самого общества этот процесс естественен и неизбежен в силу извечной потребности решать возникающие противоречия.

Взгляд на историю политического общества как на эволюцию публично-правовых укладов поднимает теоретическую мысль на более высокий уровень знаний о государстве, возвышает её над мировоззренческой конструкцией бесконечной борьбы материи и сознания. Избавиться от неё можно лишь одним путём: воспринимать государство не столько продуктом социального неравенства [14, с. 324], сколько результатом политического единства людей.

При таком взгляде обнаруживается диалектическая рациональность общественного сознания, для которого *государство* не является чужеродной субстанцией, но *формой политической организации общества*, решающего социальные противоречия в конкретных исторических условиях.

Возникший на этом мировоззренческом постулате исследовательский подход следует называть *институциональным* (*institutione* (лат.) – учреждение, уклад). В отличие от цивилизационно-формационных взглядов, он представляет историю политического общества эволюцией публично-правовых укладов (институций).

Как новая гносеоло-мировоззренческая единица *институция* представляет собой *публично-правовой уклад политического общества, выстроенный на исторически конкретном способе управления общественными делами, закреплённым в праве и повседневно применяемым субъектами публично-правовых отношений*. По сути, это и есть государственно-организованный формат человеческого общежития, его учреждённый общественным сознанием уклад.

В апогее исторического развития государство с его публично-правовыми укладами стало наиболее развитой формой человеческого единства, в котором некогнатное сообщество людей превратилось в политический коллектив (*народ*), а индивид в *гражданина*. Рациональность общественного сознания подтолкнула человечество к государственному существованию, к идее управления политическим сообществом через его надстройку. В результате сложилась устойчивая самоуправляющаяся система, в которой *народ* составляет *базис* государства, а формируемые гражданами *органы* публичного управления – его *надстройку*. Отношения между ними и есть оформленное публично-правовым укладом *состояние*, именуемое *государственностью*. В этом состоянии народ становится государственно-организованным политическим сообществом со своей исторически конкретной социальной структурой и способом публичного управления.

Трансформация государства в институциональных переходах. Смена институций связана с рациональностью *самоопределения* и *самоорганизации* народа, в которых людское сообщество на уровне общественного сознания реализует политическую норму, т.е. определяется с *форматами* политического общежития и самоорганизуется в *способе* публичного управления. Можно сказать, что институциональный пе-

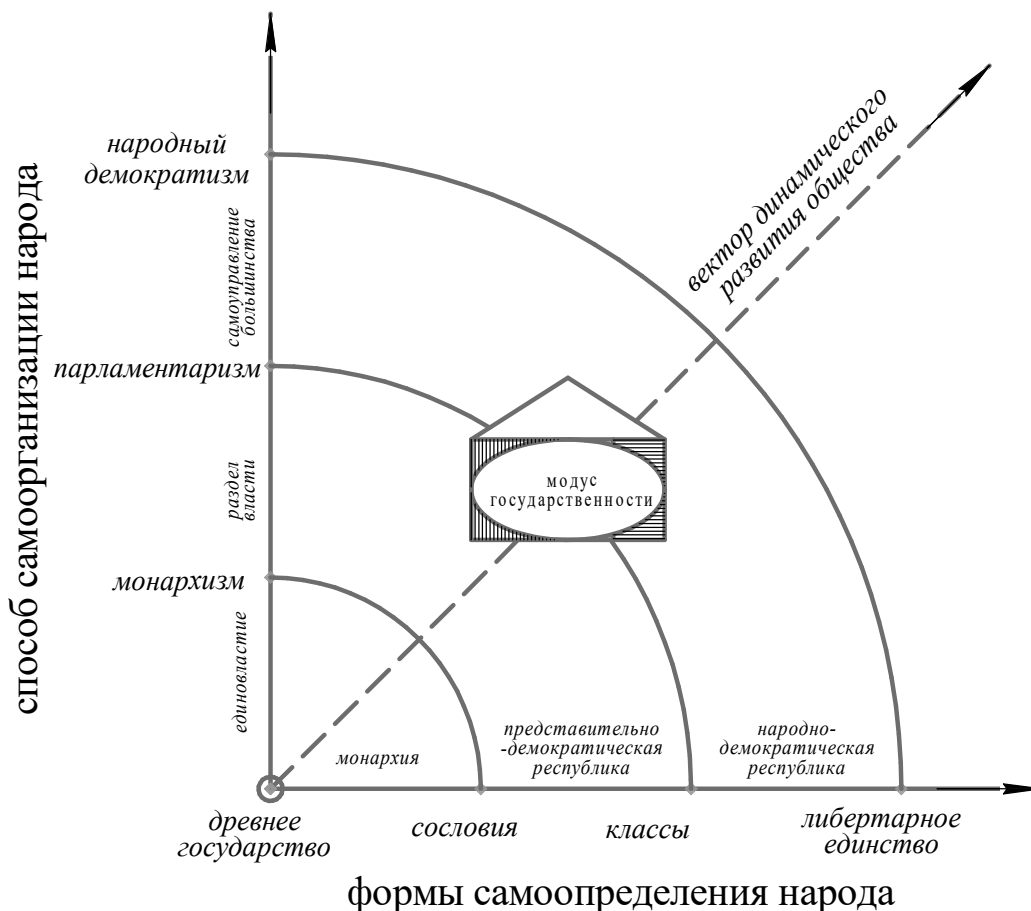
реход есть облачение политической нормы общества в конкретную организационно-правовую форму.

Сама же идея социального единства корректируется исторически изменчивыми массовыми представлениями о свободе, равенстве и справедливости. И это не какие-то исключительно абстрактные сущности, не подвластные материальному измерению в принципе. В публично-правовом укладе свобода выражается в *границах* допустимого поведения социальных субъектов, равенство ощущается в политических, экономических и правовых *паритетах* индивидов, а справедливость – в *мере* свободы и равенства для каждого человека. Для общественного сознания справедлив тот публично-правовой уклад, который устанавливает границы поведения и паритеты между людьми сообразно идее их политического общежития. Потому, например, рабство для исторически разного общественного сознания может восприниматься как политической нормой, так и крайней формой несвободы, неравенства и несправедливости. Всё дело в политическом вкусе исторического общества, но не в происках таинственного государства-субстанции. Надстройка лишь отражает предпочтения самого народа, пусть и в концентрированном, а временами даже в гипертрофированном виде. Смена политической нормы в общественном сознании рационально меняет не только надстройку, но и саму государственность, весь публично-правовой уклад.

Как видим, слагаемые институционального подхода выстраивают о государстве отличную от статоцентричных представлений *социоцентричную* мировоззренческую систему. Государство, государственность, институция, народ и другие сущности наполняются в ней иным содержанием, превращая независимое от общества государство-субстанцию не более чем в высшую форму политического общежития народа. Внутри этого *государства-общежития* с периодической сменой публично-правовых укладов разрешаются все прежние и вновь возникающие социальные противоречия. Обществу не нужно ждать цивилизационного конца или формационного перехода в надежде избавиться от надоевшего государства-гегемона. Оно прислушивается к собственному сознанию и рационально корректирует свой публично-правовой уклад. В этом историческом процессе государство-общежитие сохраняется через видоизменение своего базиса и надстройки, через смену политической нормы и публично-правового уклада. Не важно, меняются ли при этом его цивилизационные или формационные признаки, главное, что решаются накопившиеся социальные противоречия, сохраняется политическое единство народа.

Обсуждая институциональный подход, не следует путать его с институционально-эволюционной теорией Д.Норта, Э.Фуруботна и Р. Рихтера, для которых развитие форм экономической, политической и социальной организации предопределено естественно-историческим процессом отмирания и выживания институтов общества и государства [13, с. 119–120; 9, с. 112–127; 11, с. 32–46]. Рациональная трансформация публично-правовых укладов общества объясняется скорее развитием общественного сознания, чем законами политэкономии и влиянием историцизма на социально-политические атрибуты. Наоборот, всякое отмирание и видоизменение социальных институтов инициируется самим общественным сознанием, но не слепым ходом истории или экономикой.

Науке институциональный подход предлагает свой историко-рациональный срез эволюции государства, который схематично выглядит так:

Как видно, в социально-политической темпоральной системе исторических форм самоопределения и способов самоорганизации народа модус государственности (народ-базис + представительная надстройка) отображает динамичность политического общества, характеризует его внутреннюю социальную и властную организацию. Как *способ* политического общежития он чётко придерживается вектора развития общественного сознания, массовым представлениям о свободе, равенстве и справедливости. В этом упорядоченном движении баланс интересов социальных сообществ сохраняется до тех пор, пока общество придерживается политической нормы. Отступление от неё разрушает баланс интересов, провоцирует рост неравенства и изменение социальной структуры, отрывает надстройку от базиса. На этой почве в обществе возникают неразрешимые противоречия, подталкивающие его к новой политической норме, к иному государственному строю. В этом бесконечном процессе спусковым крючком институционального перехода всегда становится обновлённая идея человеческого общежития.

Несколько слов об институции и институциональном переходе.

Известны *родоплеменная, сословная, классовая и либертарная* институции. Первая возникла естественно-исторически, последующие уклады по природе рациональны и следуют исторической идее народного единства (сложившейся политической норме).

Родоплеменная институция образовалась как *когнатно-политический союз* родов и племён, объединивший *общников* [1, с. 58]. *Община* стала первым политиче-

ским формообразованием, признавшим природное равенство и свободу людей нормой жизни. Выстроенный ею древний публично-правовой уклад органично сплёл в городе-государстве когнатное самоуправление и представительно-политическое руководство союзных патриархальных советов.

В длительной борьбе патриархов за полновластие когнатное самоуправление отступило, обострились социальные противоречия, а общество расслоилось. Политической надстройке удалось навязать общественному сознанию идею *неравенства* людей и на этой почве ограничить свободу общников, придать некогда однородной общине иерархическую структуру. В изменившихся исторических условиях самосохранение подтолкнуло политическое общество к новой институции, к разделению народа на замкнутые общественно-функциональные группы (сословия), представлявшие собой общности людей со сходным происхождением, образом жизни, понятиями и юридически определёнными привилегиями [5, с. 157, 323; 6, с. 18]. Для них нормой политического общежития стали *внутрисословные паритеты* и *межсословное неравенство*. Социальная иерархия определялась близостью сословий к надстройке и крепилась правом. Аналогичными признаками различалась политико-правовая свобода граждан в государстве.

Сословная институция характеризовалась симбиозом *общего права монарха* и *самоуправления сословий*. В ней общность государственно-организованного народа крепилась законом, а интересы граждан сходились в полновластной монархии. В споре сообществ она выполняла функцию высшего арбитра и сглаживала социальные противоречия до тех пор, пока в политическом быту не возникли внутрисословное неравенство и межсословные паритеты. В попытке сохранить привычный уклад силой *монархизм* переродился в *абсолютизм*, на корню уничтожив самоуправление социальных общностей. В тот момент надстройка сословного государства оторвалась от базиса, а общество изменилось структурно.

Пришедшая на смену сословному укладу *классовая институция* придерживалась собственной нормы – *политико-экономической самодостаточности* граждан. Эта идея настолько увлекла общественное сознание, что лишённая наследственного стержня социальная структура довольно быстро перекроилась *общественным трудом* и *общностью взглядов* социальных групп. В массовом сознании производство и распределение общественного продукта поделило людей на классы, однако, в отличие от сословной, классовая система допускала перемещение граждан внутри социальной иерархии. С развитием идей индивидуальной свободы, равенства и социальной справедливости свободная социальная архитектура стала настоящим историческим прорывом и главным принципом классовой организации общества, достигшей расцвета в *представительно-демократической республике*.

Правление классовым государством вменялось выборному органу – *парламенту*. Для общественного сознания он грезился не только источником справедливых юридических установлений, но и признанной всеми площадкой межклассового взаимодействия. Парламентаризм превратился в главный принцип политического общежития классово организованного народа. В выборном представительстве, в способности избранных договориться о разделе власти, общественное сознание видело ключ к решению классовых противоречий. Эти договорённости о правах классов и самих граждан, по сути, отражавшие дальнейшее развитие идей о свободе, равенстве и справедливости, подлежали материализации (формализации) в законе. Как результат, формальное политическое право человека, возведённое в ранг всеобщей

идеологической догмы, рационально подвигало общество к политическому представительству более высокого, чем наследственная монархия уровня.

Со временем, апробировав механизмы императивного и свободного мандатов политического представительства, общественное сознание опытно познало дефекты классового управления. В политической жизни представительство буквально вытаптывало любые ростки народного самоуправления, переродилось в полновластную субстанцию (правлящую бюрократию), в мощный генератор социального неравенства. Со временем это привело к отрыву бюрократически организованной надстройки от остального общества, утратившего с развитием былую классовую структуру.

Как видим, формационная логика неизбежного разложения классового общества и государства предвещает коренные перемены, связанные с революционным решением накопившихся социальных противоречий. Цивилизационный взгляд на метаморфозы современного общества также указывают на неотвратимость изменений в его культурно-историческом типе бытия (в хозяйственном укладе, в праве и в науке, и даже в искусстве). Так было всегда, а потому дальнейшее существование капиталистической формации и зрелых цивилизаций нашего времени под вопросом. Что ожидает политическое сообщество? Этот вопрос ставит цивилизационно-формационное мировоззрение в тупик. Мультикультурность и идеологический крах формационной системы перевели его в разряд неразрешимых.

Между тем институционный подход внятно решает проблему научного прогнозирования в этой области. Политическое общество сохранит привычную схему государственности «базис-надстройка», его противоречия разрешатся в новой политической норме. Возникнет *либертарный* публично-правовой уклад.

Суть развивающегося уклада увязана с закономерным появлением *либертарного сообщества* (общества свободных и равных в политических возможностях индивидов). Это сообщество принципиально отличается от классового предшественника.

Нужно честно признать: современное общество утратило классовую структуру. Сегодня ни общественное, ни индивидуальное сознание не различает граждан развитых государств по традиционной классовой сетке. В чистом виде нет ни буржуа, ни возглавленного пролетариатом рабочего класса, ни традиционного крестьянства с натуральным укладом. Прежние сущности классового общества растворились друг в друге. Попытки науки воскресить их в обновлённом виде ни к чему теоретически правдоподобному не привели. Наоборот, на фоне устаревших классовых теорий в общественном сознании возобладали противоположные тенденции. У общества *исчезла сама потребность в классовом делении*, а в дополнение к укоренившемуся в массовом сознании равенству формальных политических прав возникла тяга к *равенству возможностей* всех людей (Преамбула Декларации о праве на развитие, Генеральная Ассамблея ООН 04.12.1986 года). Такое политическое сообщество ещё не знало, что вполне объяснимо: реальным мы воспринимаем лишь, что мы сами и создаём. Потому воинственный политический либерализм, сражавшийся последнее столетие за формальное равенство избирательных прав, теперь явно не дотягивает до современного идеала – равенства политических возможностей граждан. Планка их участия в управлении делами государства повысилась настолько, что формальное право объективно требует перехода в реальную возможность, словом того, чего представительное правление классовой институции не допускает в прин-

ципе. Для общественного сознания парламентаризм (полновластное представительство) изжил себя, превратился в сдерживающий политическое развитие фактор. Дальнейшая эволюция народовластия, его движение от представительных форм к непосредственным [17] застопорилось. Представительная демократия вошла в конфликт с диалектически преобразенным общественным сознанием, преградила путь новым форматам человеческой коммуникации.

В дополнение к сказанному, следует помнить, что с разложением классовой институции, с переходом общества от коллективных форматов к индивидуальному самоопределению граждан, проблема социальной стратификации никуда не исчезла. Она лишь перешла на новый уровень. Безграничный авторитет прав человека настолько ослабил коллективное начало, что ни сословие, ни класс уже не определяют его истинного социального статуса. Индивид сам, собственной волей самоопределяется в обществе, примыкая в конкретном вопросе к большинству или меньшинству сограждан, причём делает свой выбор не под влиянием круга лиц схожего социального положения, а в силу личных интерпретаций признанных общественным сознанием правовых установок, всеобщих ценностей, закреплённых законом.

На этом основании можно утверждать, что институционный переход к либертарному укладу сопровождается появлением новой политической нормы – *соуправления равных по закону*. На фоне прежних институций, состоявшихся в правлении *лучших по рождению* (аристократии) и *лучших по приобретению* (выборной бюрократии), *всеобщее соуправление граждан* представляется революционной идеей. С её помощью общественное сознание достигло ранее незнакомых представлений о свободе, равенстве и справедливости, в совместном общежитии народа переключилось с возвышения *лучших* на сосуществование *равных*. Именно по этой причине *гражданское соуправление, т.е. решение народом собственных наиболее важных дел через развитые институты непосредственной демократии (референдум, сходы и т.п.) волей общественного большинства*, сегодня превращается в осознанную *необходимость* человеческого общежития. В этой диспозиции выборной надстройке отводится роль исполнителя воли базиса, а накопившиеся между ними противоречия разрешаются в новом публично-правовом укладе.

Можно сказать, что мы находимся в той исторической точке, когда в общественном сознании государство-субстанция отстывает перед государством-общежитием, когда полновластная надстройка передаёт правление базису, а идея народовластия, пережившая представительное бытие в монархизме и парламентаризме, рационально движется к *народному демократизму*. Все эти процессы объективно ведут к очередному историческому формообразованию государства – к *народно-демократической республике* с гражданским соуправлением.

Общие теоретические основания институционного подхода. Формат статьи объективно не вмещает всех деталей институционной градации истории человечества, а потому наглядно представляемый ею исследовательский срез нуждается в дополнительных пояснениях. По большей части они касаются самих онтологических, гносеологических и методологических оснований институционного подхода, создающих социоцентричную картину человеческого универсума.

1. Используя познавательную конструкцию «учение – теория – догма», предполагающую последовательное обогащение форм научного знания (от философской идеи к развернутой теории и догме) о таких сущностях социального мира, как госу-

дарство и политическое общество (народ), институционный подход подвергает сомнению главный цивилизационно-формационный догмат – государство-субстанцию с его неисправимым историцизмом. Рационализм человеческого бытия, прослеживающийся в законах социальной диалектики, не только снимает проблему противостояния идеализма и материализма в понимании общественных процессов, но и выявляет действительные отношения между обществом и государством. Институционный подход представляет их проникающими друг в друга сущностями одного порядка с общими онтологическими гранями.

Так в учении народ выглядит *социальной общностью, пребывающей в известной фазе политического развития*. В теории он становится *государственно-организованным гражданским сообществом, решающим коллективные дела определенным публично-правовым способом*, а в догме представлен *гражданами конкретного государства, создающими общей волей публично-правовой уклад*.

Тем самым научному сознанию удаётся освободиться от механического понимания сущности народа как *совокупности* граждан и возвести его в категорию политической *общности* с коллективным сознанием, развитым до сознания общественного. Это сознание помогает народу противостоять кантианскому государству-субстанции (независимой от народа силе), ориентирует науку на совершенно иные мировоззренческие горизонты. Там *государство* превращается не более чем в высшую форму политического бытия народа, публично-правовое единство которого отличает его от всех иных форм социальной коммуникации.

2. Социальная диалектика предопределяет *социоцентризм* человеческого бытия, превращает *общество* в системообразующую мировоззренческую категорию. В этом мире ни внешняя сила государства-субстанции в её недостижимой идее или в высокородной материи сближает людей, но их *всеобщая воля*. Именно *социально-волевая ориентация науки* выставляет против статоцентричной диалектики борьбы *социоцентричную диалектику единства*, избавленную от механического переноса естественных законов в человеческую среду. В социальном мире единство и борьба противоположностей трансформируется в закон самосохранения общества, переход количественных изменений в качественные конкретизируется законом смены сущностей и форм человеческой коммуникации, а отрицание отрицания проявляется в законе смены способа публичного управления. В итоге, общая диалектика становится диалектикой социальной (рациональной), логично объясняющей, как постоянно меняющемуся человеческому сообществу удаётся видоизменять политический универсум. Для институционного подхода эта диалектика столь же естественна, сколько и разумна, а потому ныне активно изучается философией в контексте рассудочных трансформаций человеческого мышления [2, с. 106–116; 3, с. 82–93]. Общественное сознание, оперирующее рациональной диалектикой в преобразении действительности, – вот истинный источник эволюции общества, первопричина развития государственности.

3. Общественное сознание и его главная сила – *всеобщая воля* – опора социоцентричного мира, придающая свой контекст отношениям общества и государства, материализованным в публично-правовых укладах.

В отличие от дополитических форм единства людей (семьи, рода, племени), народ существует благодаря *всеобщей воле* [19, с. 37] – объективированному в политической норме *рациональному мнению* всех социальных субъектов, меняющему действительность. Эта воля создаётся общими интересами людей [20, с. 6–7] и за-

крепляется позитивным правом. Как *произведение* разума [16, с. 99] она реализуется в практике через волю *консенсуального большинства*, объединяющего аксиологические общности. Стало быть, воля общественного большинства и есть универсальный в практике инструмент массового сознания, для которого институционный переход представляется неотъемлемым элементом эволюционного развития государства (формы) и его содержания (политического общества). В этом восхождении последовательность публично-правовых укладов придаёт логическую стройность истории человечества подобно известным цивилизационным и формационным градациям.

4. Общеисторическое предназначение институционного механизма снятия социальных противоречий раскрывается в рациональности *самоопределения* и *самоорганизации* народа, его способности создавать и изменять своё государство через трансформацию общественного сознания.

Самоопределение народа приводит к появлению рациональных форм социальной коммуникации со своим политико-правовым менталитетом (коллективным мышлением в вопросах общественного управления), в которых установлены границы допустимого поведения для всех субъектов. Среди таких форм наиболее известны *сословия*, *классы* и *либертарное сообщество*.

Самоорганизация народа – коллективное признание способов и средств решения общих дел, укладывающихся в канву политической нормы. Цель самоорганизации – общественный *порядок* как воплощённое в практике мнение большинства о социальной свободе и справедливости. Способы самоорганизации представлены хронологическим рядом: *монархизмом*, *парламентаризмом* и *либертарным народным демократизмом*. В этой последовательности чётко прослеживается переход от правления *свободного политического представительства* (единоличного и выборного) к современной форме народного самоуправления – *гражданскому соуправлению* (всеобщей легитимации гражданами основных законотворческих и управленческих решений в государстве).

Таким образом, институционный мировоззренческий ракурс, опирающийся на систему собственных теоретических оснований, приведённых выше, способен приоткрыть для доктринального сознания ближайшую историческую перспективу, помочь нам понять, какая институция идёт на смену классовому обществу и государству.

В сжатом виде суть развивающейся либертарной институции такова.

Современной нормой политического общежития народа становится правление *равных по закону*. Иными словами, в общественном сознании зреет мысль о всеобщем гражданском соуправлении, построении на его основе новой государственности, в которой публично-правовой порядок найдёт опору во всеобщем участии граждан в управлении общественными делами. Либертарное сообщество превращается в силу с собственной волей, ограничивающей произвол политической надстройки. В таком модусе государственности объективно разрешатся противоречия, накопленные классовой институцией.

Новый публично-правовой уклад формируется на востребованных общественным сознанием принципах *прямой политической коммуникации* граждан, их *непосредственного участия* в публичном управлении. Корреспондирующий данным установкам правопорядок вполне соответствует политическим интересам государственно организованного народа, его стремлению юридически закрепить за собой

право легитимации и декретивное право, т.е. право публично утверждать и постановлять. В обновлённой политико-правовой конфигурации народное самоуправление обретёт полномостный характер, укрепится индивидуальная свобода, а справедливость возымеет всеобщий знаменатель. Мнение и воля каждого гражданина получают реальный политический вес в общей воле народа. Время покажет, сбудется ли этот политический прогноз.

В **заклучении** стоит отметить, что основным достоинством институционального подхода, создаваемой им мировоззренческой системы, является его теоретико-практическая значимость. Он не только обогащает современное научное понимание народного суверенитета (всякая власть *исходит* от народа), но и дополняет его положением о том, что всякая власть *принадлежит* народу, им *непосредственно осуществляется*. Тем самым в институциональном контексте конституционный принцип учреждения и изменения государства народом обретает ещё более глубокое значение, ориентирует практику к широкому использованию форм прямой политической коммуникации граждан в разрешении противоречий между бюрократическим представительством и утратившим классовую ориентацию обществом.

Библиографический список

1. *Аристотель*. Политика. Афинская полития. – М.: «Мысль», 1997. – 458 с.
2. *Баранов В.Е.* Диалектика как высшая форма рациональности // Общество и философия. – 2006. – № 2. – С. 106–116.
3. *Бродский Б.Е.* Диалектика и принцип выбора // Общественные науки и современность. – 1995. – № 2. – С. 82–93.
4. *Бузгалин А.В.* Цивилизационный подход и «провалы» марксизма: человек и культура // Вопросы философии. – 2014. – № 11. – С. 3–13.
5. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
6. *Ворошиловъ Н.Н.* Критическій обзоръ учения о раздѣленіи властей. – Ярославль: Въ Типографіи Губ. Зем. Управы, 1871. – 451 с.
7. *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М., 1991. – 731 с.
8. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М., 2008. – 813 с.
9. *Дюшше О.М.* Лекция «Институциональные модели государства» // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – Т. 4. – 2012. – № 2. – С. 112–127.
10. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 529 с.
11. *Лемещенко П.С.* Институционально-эволюционная теория современной экономической реформы // Вестник ассоциации белорусских банков. – 2001. – № 14. – С. 32–46.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – Т. 21. – М., 1961. – 745 с.
13. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997. – 180 с.
14. *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения: в 5 т. Т. 1. – М., 1956. – 748 с.
15. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. – Т. I. – Чары Платона. – М., 1992. – 448 с.
16. *Спиноза Б.* Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1998. – 604 с.
17. *Тахтаревъ К.М.* От представительства к народовластію. С.-Петербург, 1907. 228 с.
18. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. – М., 2003. – 592 с.
19. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1995. – 252 с.
20. *Чиркин В.Е.* Конституция и современные модели публичной власти // Государство и право. – 2011. – № 6. – С. 5–12.

21. Шпенглер О. Закат Европы. – Ростов-на-Дону, 1998. – 637 с.

Для цитирования: Селихов Н.В., Курмаев Р.М. Институционный подход к пониманию государства: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 202–216.
DOI 10.47905/MATGIP.2022.28.3.014

Nikolai V. Selikhov*
Rustam M. Kurmaev**

INSTITUTIONAL APPROACH TO UNDERSTANDING THE STATE

Annotation. *The article discusses civilizational, formational and institutional approaches to understanding the state, their role in resolving social contradictions, compares static-centric and sociocentric worldviews, clarifies the reasons for the evolution of public law structures of political society. Research problems are solved by the methods of social dialectics, rationalism and comparative theoretical analysis.*

Key words: *people, state, institutional approach, social dialectics, public legal structure, self-determination, self-organization.*

Introduction. The state, its essence and role in the social world is a hot topic of scientific discussions of all times. Today, too, it is traditionally perceived either as a substance that has full power over people, or as a self-developing political community, subordinate to dialectics and rationality. However, no matter how the state itself appears, its connection with the public consciousness is indisputable. Considering that each historical reality has its own social consciousness and essence, science has to constantly correlate the general worldview picture with the real relations between the state, society and man. Not only reality itself, but also our future depends on how true the models of political community proposed by modern theory turn out to be. The main thing is not to forget that excessive scientific conservatism has always cost mankind lost generations, while the rational doctrine accepted by the public consciousness has always become an effective tool for the development of mankind. Ideally, society needs to know what kind of statehood it should strive for, how to solve social contradictions with its help, to turn historical ideas into reality.

So, in the transformation of reality, science must not only find ways to improve individual political institutions, but also design the very image of the state system. The request for a renewed statehood should not correspond to another theorized utopia, akin to a welfare state or a political union of the working classes, an objective scientific system of knowledge is needed that is suitable for application in the current conditions.

Everyone understands that the rational potential of monarchical and class doctrines has been exhausted. For the present and the future, outdated patterns are unsuitable. It is possible to solve the problem of the instability of the modern political society only by

* *Selikhov Nikolai Vasilyevich*, independent researcher (Moscow), PhD in law. E-mail: selihovnv@mail.ru

** *Kurmaev Rustam Musaevich*, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute (St. Petersburg), PhD in law. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

changing the ideas about the state, getting rid of the dominance of civilizational and formational dogmas. It must be understood that this worldview revision will affect many higher social entities associated with the state, especially such as freedom, equality and justice. They still form the "cornerstones" in any philosophical and theoretical construction of human society; they hide the roots of social unity and the purpose of the state.

Thus, the historically promising form of the state, designed to relieve tension in modern society, is associated with the renewal of the philosophical and theoretical worldview, which is necessary for the public consciousness to fulfill an obvious historical mission: the construction of a new state, free from previously insoluble contradictions.

Moving towards this goal, we will have to start by clarifying the worldview approach to understanding the state.

The state is a subject of dispute of scientific approaches. This fact is monumental. However, although modern science traditionally presents the state in a civilizational-formational context, it nevertheless again asked itself the main question of philosophy – the clarification of the relationship between consciousness and matter, although, contrary to expectations, the declared initiative did not bring her satisfaction. Suddenly it turned out that the methodological axiom of the twentieth century. is no longer able to offer modern society the necessary solutions. The civilizational-formational kaleidoscope persistently reproduces the familiar pictures of political liberalism and parliamentarism, the rule of law and social state, the state-substance and the civil society opposing it. In a word, there is nothing new capable of leading society out of a deep crisis. It is clear that the reason for such an obvious theoretical "deja vu" lies in the outdated worldview grid. The cognitive horizons of science are limited by outdated cliches that distort the modern understanding of not only the essence of the state, but also its role in resolving social contradictions.

There is nothing surprising in this, all because the civilizational-formational worldview was not engaged in resolving contradictions, but remained exclusively in a contemplative worldview, concentrated on the struggle between the state and society in specific historical conditions. Historicism, as a process of cyclical development of society that is not subject to consciousness, has permeated the essence of most civilizational-formational theories. The rationale for this conclusion is as follows.

The *civilizational approach* exposes the state as an individual form of human culture, which, together with peoples and languages, economic structures, law, science and art [21, p. 37] forms a single cultural and historical type of being. Its unit of measurement is civilization, a historical reality where freedom and equality belong to the people and are protected by the state [8, p. 267]. In its most general form, the concept of "civilization" is defined as a socio-cultural system that includes both the socio-economic conditions of the life of society, and its ethnic, religious foundations, the degree of harmonization of man and nature, as well as the level of economic, political, social and spiritual freedom of the individual. Civilization, its values affect not only the social, but also the state organization of society" [10, p. 150].

Note that the authoritative civilizational view shares the existence of society and the state, does not draw clear theoretical differences between them. Most authors consciously evade this problem by avoiding deep generalizations. Hence, there are so many civilizational typologies with unclear philosophical concepts and an almost complete absence of verified definitions. It can be said that civilizational perception is metaphysically constrained, since it represents the state as a vague manifestation of culture, the essence of which is revealed exclusively in "historical idealism" [4, p. 4]. It is not clear how the state

generally manages to bring freedom and equality to society. On the other hand, the state and society themselves are clearly presented as two obviously opposing cultural forms.

This tradition has long roots. So N.Ya.Danilevsky considered the state and the people to be transient phenomena of civilization with ethnographic and political features [8, p. 45–50], and A. Toynbee argued that society is created by cultural forms and covered by the state, not identified with the people [18, p. 39–40].

The conclusion is quite logical: the civilizational approach perceives the state as a cultural shaping, exalted above the people. The contradictions between them are resolved by struggle. The struggle of estates, classes and individuals for the social hierarchy, for rights and freedoms is an element of culture, the natural state of political society, the result of social contradictions that can be eliminated only with the disappearance of civilization itself. In this confrontation, the state actively participates in the war of "all against all", acting as a Leviathan with an idealistic soul and real power over society [7, p. 6]. So it was and will be. It is necessary to understand that the civilizational worldview is committed to the old attitudes, which means that social contradictions for it remain a certain reality that does not change the universe.

The formational approach turned out to be theoretically specific. Declaring the state as organized violence ("machine for suppression" [12, p. 176]), K. Marx linked its essence with the socio-economic formation – a new historical unit that characterizes the development of political society through a change in the socio-class structure, productive forces and industrial relations. For K. Marx, the war of "all against all" was streamlined in the class struggle for the state mechanism (the system of authorities). In the hands of the politically and economically dominant class, the state has become a means of imposing the ruling will on society.

From the position of historical materialism, the formational worldview declared the socio-economic structure the basis of human existence, in which the resolution of contradictions occurs only with a change in the class structure of society and the maturation of a new socio-economic formation. In changing the class universe, a special role is assigned to the social revolution, which completes the formational transition through the establishment of control over the state mechanism. Thus, the revolutionary seizure of power is nothing more than a predetermined stage in the formational transition and the world-historical process of "evolution through revolution" itself will stop only with the withering away of the state, with the emergence of a communist society freed from class antagonisms.

So, the irreconcilable dispute between civilizationism and historical materialism around the state is reduced to a confrontation between the cultural code and the socio-economic structure. On that, scientific thought reached a dead end. For modern idealists, the cultural "spirit" of civilization turned out to be as real as the "flesh" of matter for their opponents. The civilizational cycle "birth – flourishing – extinction" is opposed to the progressive materialistic development of society. There is no way out of the stalemate ideological dispute. Only the similarity of historical results somehow brings the opponents together: the state inevitably perishes in any case, as an element of civilization or an instrument of formation. An eternal culture is just as impossible as an unchanging socio-economic order, and therefore historicism equally reduces any civilization and formation to historical non-existence.

But not only historicism makes civilizational and formational approaches related. They turned out to be similar in their views on the hegemony of the state, turned it into

Theory of State and Law

a substance dominating political society. Only the algorithms they mentioned for resolving social contradictions are fundamentally different: blind obedience to the natural course of history is opposed to purposeful victory in the class struggle.

As a result, the civilizational-formatational tree presented the public consciousness with the fruit of social disunity, having tasted which, science offered the public consciousness a static-centric perception of the world. In this world, the state in any state (idea or matter, "spirit" or "machine") acts as a system-forming beginning, the orbital center of social entities, the top of the social pyramid. The meaning of the static-centric worldview is focused on permanent social confrontation, in which the "reasonable" state plays the role of a balancer, saving humanity from complete chaos. As soon as confrontation disappears in society, there will be no need for a state-substance.

So, the question of purposeful removal by the state of social contradictions turned out to be taken out of the framework of the civilizational and formational approach. This is because the state-substance cultivated by them does not set itself such a goal in principle, it is itself a hostage to the inevitable historical processes, surviving in which it puts pressure on society, creating additional tension in it.

An objective fact follows from this: until now, philosophy and theory have associated the images of the state exclusively with the general struggle (class, class and party-political), with endless public violence. In this sense, the history of mankind appears as a series of dark eras. It remains to be seen how he even managed to survive. There is not even a shadow of freedom, equality and justice in the relations between the state-substance and political society; a clear imperative connection has developed between them, in which the will of the state reigns supreme over the interests of the masses.

In the words of O. Spengler, such a scientific-power orientation of the state in relations with society should be called a common mistake [21, p. 124]. The political principle mentioned in the biblical parable about the instability of a kingdom divided in itself leaves no chance for the power concept for further ideological hegemony, either from the point of view of formal or from the standpoint of dialectical logic.

In the theory of state and law, there is another approach to the typification of states: a personal approach [10, p. 152]. In this case, one of such criteria for typing states and their legal systems could be the degree of economic, social, political and spiritual (cultural) freedom of the individual, reflected in the idea of human dignity. Such an approach incorporates not only objective criteria – the social class essence, the content and social purpose of the state and law, the nature of production relations and the corresponding level of development of the productive forces of society, the principles of organization and functioning of a state-organized society, etc., but and subjective criterion – the level of human in society [10, p. 152].

It seems to us that science and society also need a different view.

Institutional view of the state. A new world view is capable of weakening the grip of ideas about an omnipotent state-substance. This technique was proposed by F. Engels, arguing that only dialectical philosophy purifies the public consciousness from the metaphysics of absolute truths. The new view should seek support in its own historical conditions, only then is human knowledge capable of upward development [12, p. 275–276].

The correctness of F. Engels is especially felt today. The newly flared dispute between civilizational idealism and formational materialism about the state will be resolved not by the victory of one of the opponents, but by the ascent to their common foundation, which reconciles worldview platforms both historically and dialectically.

The path to worldview rapprochement lies through the enrichment of the dialectical method with rationalism. Such a methodological tandem is capable of redrawing the entire outline of the social world, ridding the public consciousness of the forceful image of the state. Thanks to this, the idea of the struggle of civilizations and classes is compensated by the idea of social development.

The updated worldview postulate is formulated as follows: the idea creates matter, the matter transforms the idea. In this endless process, humanity rationally (meaningfully and purposefully) removes social contradictions, transforming its universe in the categories of due and existing. This idea is quite related to dialectical materialism with the idealism of social engineering by K. Popper [15, p. 30].

Consequently, the formula for convergence of civilizational and formational approaches to understanding the state is reduced to the rationality of public consciousness. In it, cultural-historical and socio-economic types of being go back to the idea of the political unity of society, i.e. to the political norm.

In its materialized form, the political norm is a public-legal structure – the relationship between the basis and superstructure of the state, representing a practical goal and a form of social community. At the same time, it does not at all follow that the unity of idea and matter personified in the way of life is exclusively a product of culture or a balance of productive forces and economic relations; they are only its direct consequence. It must be recognized that the struggle for power, for the state apparatus and positive law, practiced by any type of political life, is an invariable attribute of the formation of a public legal order, the materialization of the idea of social unity, close to public consciousness at a particular historical moment. For society itself, this process is natural and inevitable due to the eternal need to resolve emerging contradictions.

A look at the history of a political society as an evolution of public legal structures raises theoretical thought to a higher level of knowledge about the state elevates it above the ideological construction of the endless struggle between matter and consciousness. There is only one way to get rid of it: to perceive the state not as much as a product of social inequality [14, p. 324], how much is the result of the political unity of people.

With this view, the dialectical rationality of social consciousness is revealed, for which the state is not an alien substance, but a form of political organization of society that resolves social contradictions in specific historical conditions.

The research approach that arose on this worldview postulate should be called institutional (*instituzione* (lat.) – institution, way of life). Unlike civilizational-formational views, he presents the history of political society as the evolution of public legal structures (institutions).

As a new epistemological and ideological unit, the institution is a public legal structure of a political society, built on a historically specific way of managing public affairs, enshrined in law and daily used by subjects of public legal relations. In fact, this is the state-organized format of human community, its way of life established by public consciousness.

At the apogee of historical development, the state with its public legal structures became the most developed form of human unity, in which an incoherent community of people turned into a political collective (people), and an individual species into a citizen. The rationality of social consciousness has pushed mankind to state existence, to the idea of managing a political community through its superstructure. As a result, a stable self-governing system has developed, in which the people form the basis of the state, and the public administration bodies formed by citizens are its superstructure. The relationship

between them is the state, formalized by the public legal order, called statehood. In this state, the people become a state-organized political community with its own historically specific social structure and method of public administration.

State transformation in institutional transitions. The change of institutions is connected with the rationality of self-determination and self-organization of the people, in which the human community at the level of public consciousness implements the political norm, i.e. determined with the formats of political community and self-organizes in the way of public administration. We can say that the institutional transition is the dressing of the political norm of society in a specific organizational and legal form.

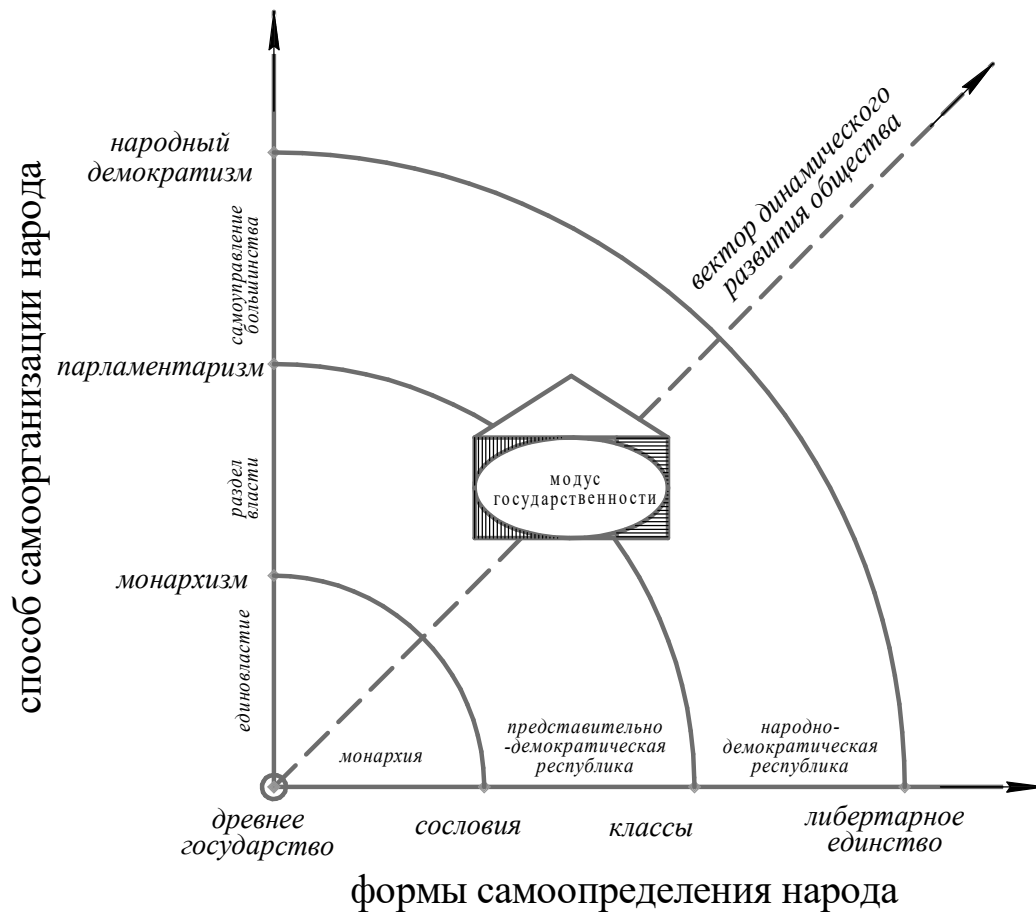
The very idea of social unity is corrected by historically changeable mass ideas about freedom, equality and justice. And these are not some exclusively abstract entities that are not subject to the material dimension in principle. In the public legal structure, freedom is expressed in the limits of acceptable behavior of social subjects, equality is felt in the political, economic and legal parities of individuals, and justice is in the measure of freedom and equality for each person. For the public consciousness, that public-legal order is fair, which establishes the boundaries of behavior and parity between people in accordance with the idea of their political community. Therefore, for example, slavery for historically different social consciousness can be perceived as a political norm, as well as an extreme form of lack of freedom, inequality and injustice. It's all about the political taste of the historical society, but not about the machinations of the mysterious state-substance. The superstructure only reflects the preferences of the people themselves, albeit in a concentrated, and sometimes even in a hyper-trophied form. A change in the political norm in the public consciousness rationally changes not only the superstructure, but also statehood itself, the entire public legal structure.

As you can see, the components of the institutional approach build a sociocentric worldview system about the state that is different from static-centric ideas. The state, statehood, institution, people and other entities are filled in it with a different content, turning the state-substance independent of society into nothing more than the highest form of political community of the people. Within this dormitory state, with a periodic change in public legal structures, all previous and newly emerging social contradictions are resolved. Society does not need to wait for a civilizational end or formational transition in the hope of getting rid of the annoying hegemonic state. It listens to its own consciousness and rationally corrects its public legal structure. In this historical process, the state-hostel is preserved through a modification of its base and superstructure, through a change in the political norm and the public legal structure. It does not matter whether its civilizational or formational features change, the main thing is that the accumulated social contradictions are resolved and the political unity of the people is preserved.

Discussing the institutional approach, one should not confuse it with the institutional-evolutionary theory of D. North, E. Furubotn and R. Richter, for whom the development of forms of economic, political and social organization is predetermined by the natural-historical process of withering away and survival of the institutions of society and states [13, p. 119–120; 9, p. 112–127; 11, p. 32–46]. The rational transformation of public legal structures of society is explained more by the development of public consciousness than by the laws of political economy and the influence of historicism on socio-political attributes. On the contrary, any withering away and modification of social institutions is initiated by social consciousness itself, but not by the blind course of history or economics.

Теория государства и права

To science, the institutional approach offers its own historical and rational cut of the evolution of the state, which schematically looks like this:

As can be seen, in the socio-political temporal system of historical forms of self-determination and ways of self-organization of the people, the mode of statehood (people-basis + representative superstructure) reflects the dynamism of political society, characterizes its internal social and power organization. As a way of political coexistence, he strictly adheres to the vector of development of public consciousness, mass ideas about freedom, equality and justice. In this ordered movement, the balance of interests of social communities is preserved as long as the society adheres to the political norm. Departure from it destroys the balance of interests, provokes the growth of inequality and changes in the social structure, tears the superstructure from the base. On this basis, insoluble contradictions arise in society, pushing it to a new political norm, to a different state system. In this endless process, the trigger for institutional transition is always the renewed idea of human community.

A few words about institutions and institutional transition.

Tribal, estate, class and libertarian institutions are known. The first arose naturally and historically, the subsequent structures are rational in nature and follow the historical idea of national unity (the prevailing political norm).

The tribal institution was formed as a cognate-political union of clans and tribes, uniting commoners [1, p. 58]. The community became the first political formation that recog-

Theory of State and Law

nized the natural equality and freedom of people as the norm of my life. The ancient public-legal order built by her organically wove cognate self-government and the representative-political leadership of the allied patriarchal councils in the city-state.

In the long struggle of the patriarchs for sovereignty, cognate self-government receded, social contradictions intensified, and society stratified. The political superstructure succeeded in imposing on the public consciousness the idea of human inequality and, on this basis, limiting the freedom of the community members, giving the once homogeneous community a hierarchical structure. In the changed historical conditions, self-preservation pushed the political society to a new institution, to the division of the people into closed social-functional groups (estates), which were communities of people with a similar origin, lifestyle, concepts and legally defined privileges [5, p. 157, 323; 6, p. 18]. For them, intra-class parity and inter-class inequality have become the norm of political community. The social hierarchy was determined by the proximity of the estates to the superstructure and was reinforced by law. The political and legal freedom of citizens in the state was distinguished by similar features.

The estate institution was characterized by a symbiosis of the common law of the monarch and the self-government of the estates. In it, the community of a state-organized people was strengthened by law, and the interests of citizens converged in a sovereign monarchy. In the dispute between communities, it served as the supreme arbiter and smoothed out social contradictions until intra-class inequality and inter-class parities arose in political life. In an attempt to preserve the habitual way of life by force, monarchism was reborn into absolutism, destroying the self-government of social communities in the bud. At that moment, the superstructure of the estate state broke away from the basis, and society changed structurally.

The class institution that replaced the estate structure adhered to its own norm – the political and economic self-sufficiency of citizens. This idea so captivated the public consciousness that the social structure, devoid of a hereditary core, was rather quickly reshaped by social labor and the commonality of views of social groups. In the mass consciousness, the production and distribution of the social product divided people into classes, however, unlike the class system, the class system allowed the movement of citizens within the social hierarchy. With the development of the ideas of individual freedom, equality and social justice, free social architecture became a real historical breakthrough and the main principle of the class organization of society, which reached its peak in a representative democratic republic.

The rule of the class state was imputed to an elected body – the parliament. For the public consciousness, he dreamed of not only a source of fair legal institutions, but also a platform for interclass interaction recognized by all. Parliamentarism has become the main principle of the political coexistence of a class-organized people. In elected representation, in the ability of the elected to agree on the division of power, public consciousness saw the key to resolving class contradictions. These agreements on the rights of classes and the citizens themselves, in fact, reflecting the further development of ideas about freedom, equality and justice, were subject to materialization (formalization) in the law. As a result, the formal political right of a person, elevated to the rank of an all-general ideological dogma, rationally moved society to a political representation of a higher level than the hereditary monarchy.

Over time, having tested the mechanisms of imperative and free mandates of political representation, the public consciousness experienced the defects of class management.

In political life, representation literally trampled down any sprouts of people's self-government, degenerated into a sovereign substance (ruling bureaucracy), into a powerful generator of social inequality. Over time, this led to the detachment of the bureaucratically organized superstructure from the rest of society, which lost its former class structure with development.

As we can see, the formational logic of the inevitable decomposition of the class society and the state portends fundamental changes associated with the revolutionary solution of the accumulated social contradictions. The civilizational view of the metamorphoses of modern society also indicates the inevitability of changes in its cultural and historical type of being (in the economic structure, in law and in science, and even in art). This has always been the case, and therefore the continued existence of the capitalist formation and mature civilizations of our time is in question. What's next for the political community? This question puts the civilizational-formational worldview to a standstill. Multiculturalism and the ideological collapse of the formational system have transferred it to the category of intractable.

Meanwhile, the institutional approach clearly solves the problem of scientific forecasting in this area. The political society will retain the usual "base-superstructure" scheme of statehood; its contradictions will be resolved in the new political norm. A libertarian public order will emerge.

The essence of the developing way of life is linked to the natural emergence of a libertarian community (a society of free and politically equal individuals). This community is fundamentally different from the class predecessor.

We must honestly admit that modern society has lost its class structure. Today, neither public nor individual consciousness distinguishes citizens of developed countries according to the traditional class grid. In its pure form, there is neither a bourgeois, nor a working class led by the proletariat, nor a traditional peasantry with a natural way of life. The former essences of class society dissolved into each other. Attempts by science to resurrect them in an updated form have not led to anything theoretically plausible. On the contrary, against the backdrop of outdated class theories, the opposite tendencies prevailed in the public consciousness. The very need for class division has disappeared from society, and in addition to the equality of formal political rights rooted in the mass consciousness, there has arisen a craving for equality of opportunity for all people (Preamble of the Declaration on the right to development, UN General Assembly 04.12.1986). The political community has not yet known such a thing, which is quite understandable: we perceive as real only what we create. Therefore, militant political liberalism, which has been fighting for the last century for a formal equality of voting rights, now clearly falls short of the modern ideal – equality of political opportunities for citizens. The level of their participation in the management of state affairs has risen so much that formal law objectively requires a transition to a real possibility, in a word, something that the representative government of a class institution does not allow in principle. For the public consciousness, parliamentarism (full-powered representation) has become obsolete and has become a factor holding back political development. The further evolution of democracy, its movement from representative forms to direct [17] stalled. Representative democracy came into conflict with the dialectically transformed public consciousness, blocked the way for new formats of human communication.

In addition to what has been said, it should be remembered that with the decomposition of the class institution, with the transition of society from collective formats to indi-

Theory of State and Law

vidual self-determination of citizens, the problem of social stratification has not disappeared anywhere. She just took it to the next level. The boundless authority of human rights has weakened the collective principle to such an extent that neither estate nor class determines its true social status. The individual himself, by his own will, self-determines himself in society, adjoining the majority or minority of fellow citizens in a specific issue, and makes his choice not under the influence of a circle of people of a similar social status, but due to personal interpretations of legal principles recognized by public consciousness, universal values enshrined in law.

On this basis, it can be argued that the institutional transition to a libertarian way of life is accompanied by the emergence of a new political norm – co-management of equals under the law. Against the backdrop of previous institutions, ruled by the best by birth (aristocracy) and the best by acquisition (elected bureaucracy), the general co-government of citizens appears to be a revolutionary idea. With its help, the public consciousness reached previously unfamiliar ideas about freedom, equality and justice, in the common coexistence of the people it switched from the exaltation of the best to the coexistence of equals. It is for this reason that civil co-administration, i.e. the decision by the people of their own most important affairs through the developed institutions of direct democracy (referendum, gatherings, etc.) of the will of the public majority, today is turning into a conscious need for human community. In this disposition, the elective superstructure is assigned the role of the executor of the will of the basis, and the contradictions that have accumulated between them are resolved in a new public legal structure.

It can be said that we are at that historical point when, in the public consciousness, the state-substance retreats before the state-hostel, when the sovereign superstructure transfers rule to the base, and the idea of democracy, which has survived representative existence in monarchism and parliamentaryism, is rationally moving towards popular democracy. All these processes objectively lead to the next historical formation of the state – to a people's democratic republic with civil co-management.

General theoretical foundations of the institutional approach. The format of the article objectively does not contain all the details of the institutional gradation of the history of mankind, and therefore the research section clearly presented by it needs additional explanations. For the most part, they concern the very ontological, epistemological and methodological foundations of the institutional approach, which create a sociocentric picture of the human universe.

1. Using the cognitive construction "doctrine – theory – dogma", which implies a consistent enrichment of the forms of scientific knowledge (from a philosophical idea to a detailed theory and dogma) about such entities of the social world as the state and political society (people), institutional approach casts doubt on the main civilizational-formational dogma – the state-substance with its incorrigible historicism. The rationalism of human existence, traced in the laws of social dialectics, not only removes the problem of opposition between idealism and materialism in understanding social processes, but also reveals the actual relationship between society and the state. The institutional approach presents them as entities of the same order penetrating each other with common ontological facets.

Thus, in the doctrine, the people looks like a social community that is in a certain phase of political development. In theory, it becomes a state-organized civil society that decides collective affairs in a certain public law way, and in dogma it is represented by citizens of a particular state, creating a public legal structure by common will.

Thus, the scientific consciousness succeeds in freeing itself from the mechanical understanding of the essence of the people as an aggregate of citizens and elevating it to the category of a political community with a collective consciousness developed to the consciousness of the public. This consciousness helps the people to resist the Kantian state-substance (a force independent of the people), orients science to completely different worldview horizons. There, the state turns into nothing more than the highest form of political existence of the people, whose public legal unity distinguishes it from all other forms of social communication.

2. Social dialectics predetermines the sociocentrism of human society, turns society into a system-forming worldview category. In this world, neither the external force of the state-substance in its inaccessible idea or in noble matter brings people together, but their universal will. It is the social-volitional orientation of science that pits against the static-centric dialectic of struggle the socio-centric dialectic of unity, freed from the mechanical transfer of natural laws into the human environment. In the social world, the unity and struggle of opposites is transformed into the law of society's self-preservation, the transition of quantitative changes into qualitative ones is concretized by the law of changing the essences and forms of human communication, and the denial of negation is manifested in the law of changing the way of public administration. As a result, the general dialectic becomes a social (rational) dialectic, logically explaining how a constantly changing human community manages to modify the political universe. For the institutional approach, this dialectic is as natural as it is reasonable, and therefore is now actively studied by philosophy in the context of rational transformations of human thinking [2, p. 106–116; 3, p. 82–93]. Public consciousness, operating with rational dialectics in the transformation of reality, is the true source of the evolution of society, the root cause of the development of statehood.

3. Public consciousness and its main force – the general will – the pillar of the socio-centric world, giving its own context to the relations between society and the state, materialized in public legal structures.

Unlike pre-political forms of unity of people (family, clan, tribe), the people exist due to the universal will [19, p. 37] – the rational opinion of all social subjects objectified in the political norm, which changes reality. This will is created by the common interests of people [20, p. 6–7] and is fixed by positive law. As a product of the mind [16, p. 99], it is realized in practice through the will of the consensual majority, which unites axiological communities. Therefore, the will of the public majority is a universal instrument of mass consciousness in practice, for which the institutional transition is an integral element of the evolutionary development of the state (form) and its content (political society). In this aspect, the sequence of public legal structures gives logical harmony to the history of mankind, like well-known civilizational and formational gradations.

4. The general historical purpose of the institutional mechanism for removing social contradictions is revealed in the rationality of self-determination and self-organization of the people, its ability to create and change its state through the transformation of public consciousness.

Self-determination of the people leads to the emergence of rational forms of social communication with their own political and legal mentality (collective thinking in matters of public administration), in which the boundaries of acceptable behavior for all subjects are established. Among these forms, estates, classes, and the libertarian community are best known.

The self-organization of the people is the collective recognition of the ways and means of solving common affairs that fit into the canvas of the political norm. The goal of self-organization is public order as the opinion of the majority on social freedom and jus-

tice embodied in practice. Ways of self-organization are presented in chronological order: monarchism, parliamentarism and libertarian popular democracy. This sequence clearly shows the transition from the rule of free political representation (individual and elected) to the modern form of people's self-government – civil co-government (general legitimation by citizens of the main legislative and managerial decisions in the state).

Thus, the institutional ideological perspective, based on the system of its own theoretical foundations given above, is able to slightly open the immediate historical perspective for doctrinal consciousness, help us understand what kind of institution is replacing class society and the state.

Briefly, the essence of the developing libertarian institution is as follows.

The rule of equals under the law is becoming the modern norm of the political community of the people. In other words, the idea of universal civil co-administration is ripening in the public mind, building a new statehood on its basis, in which the public law order will find support in the universal participation of citizens in the management of public affairs. The libertarian community turns into a force with its own will that limits the arbitrariness of the political superstructure. In such a mode of statehood, the contradictions accumulated by the class institution will be objectively resolved.

The new public legal structure is being formed on the principles of direct political communication of citizens demanded by public consciousness, their direct participation in public administration. Corresponding to these settings, the legal order is fully consistent with the political interests of the state-organized people, their desire to legally secure the right of legitimation and decree law, i.e. the right to publicly approve and decree. In the updated political and legal configuration, people's self-government will acquire a sovereign character, individual freedom will be strengthened, and justice will have a common denominator. The opinion and will of every citizen will receive real political weight in the general will of the people. Time will tell if this political prediction comes true.

In conclusion, it should be noted that the main advantage of the institutional approach, the worldview system he creates, is its theoretical and practical significance. It not only enriches the modern scientific understanding of popular sovereignty (all power comes from the people), but also supplements it with the proposition that all power belongs to the people and is directly exercised by them. Thus, in the institutional context, the constitutional principle of establishing and changing the state by the people acquires an even deeper meaning, orienting practice towards the widespread use of forms of direct political communication of citizens in resolving contradictions between bureaucratic representation and a society that has lost its class orientation.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Aristotle. Politics. Athenian polity. M.: "Thought", 1997. 458 p.
2. Baranov V.E. Dialectics as the highest form of rationality // Society and Philosophy. 2006. No. 2. P. 106–116.
3. Brodsky B.E. Dialectics and the principle of choice // Social sciences and modernity. 1995. No. 2. P. 82–93.
4. Buzgalin A.V. Civilization approach and "failures" of Marxism: man and culture // Questions of Philosophy. 2014. No. 11. P. 3–13.

5. Weber M. Favorites. Society image. Moscow: Lawyer, 1994. 704 p.
6. Voroshilov N.N. Critical review of the doctrine of the separation of powers. Yaroslavl: In the Typography of the Gub. Land Councils, 1871. 451 p.
7. Hobbes T. Works: in 2 vols. T. 2. Moscow, 1991. 731 p.
8. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe: A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance. Moscow, 2008. 813 p.
9. Dusushe O.M. Lecture "Institutional Models of the State" // Journal of Institutional Studies (Journal of Institutional Studies). T. 4. No. 2. 2012. P. 112–127.
10. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed., Rev. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 528 p.
11. Lemeshchenko P.S. Institutional-evolutionary theory of modern economic reform // Bulletin of the Association of Belarusian Banks. 2001. No. 14. P. 32–46.
12. Marx K., Engels F. Works. Second edition. T. 21. Moscow, 1961. 745 p.
13. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow, 1997. 180 p.
14. Plekhanov G.V. Selected philosophical works: in 5 volumes. T. 1. Moscow, 1956. 748 p.
15. Popper K. Open society and its enemies. Volume I. Enchantment of Plato. Moscow, 1992. 448 p.
16. Spinoza B. Selected Works. Rostov-on-Don, 1998. 604 p.
17. Takhtarev K.M. From representation to democracy. Sankt-Petersburg, 1907. 228 p.
18. Toynbee A. Civilization before the court of history. Moscow, 2003. 592 p.
19. Habermas J. Democracy. Intelligence. Moral. Moscow, 1995. 252 p.
20. Chirkin V.E. Constitution and modern models of public authority // State and Law. 2011. No. 6. P. 5–12.
21. Spengler O. Decline of Europe. Rostov-on-Don, 1998. 637 p.

For citation: Selikhov N.V., Kurmaev R.M. Institutional approach to understanding the state: article // Theory of State and Law. 2022. No. 3 (28). P. 216–228.
DOI 10.47905/MATGIP.2022.28.3.014

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP.2022.28.3.015

М. Ю. Спирин*

ИСТОЧНИК ПРАВА: МНОГООБРАЗИЕ СОДЕРЖАНИЯ И ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

***Аннотация.** В статье рассматривается проблематика многозначности категории «источник права», в различных значениях и смыслах используемой общей теорией права и отраслевыми юридическими науками. Анализируются причины и практические последствия отождествления источников права и формальных источников права, определяется степень возможности использования в значении формального источника права категории «форма права».*

Делаются выводы об основных вариантах решения проблемы полисемантической источника права в отечественной общей теории права и значении этих вариантов для развития учения об источниках и формах права (юридической морфологии).

***Ключевые слова:** источник права, полисеманτικότητα источника права, формальный источник права, форма права, правообразующий фактор, типы понимания права.*

В теории источников и форм права (морфологии права) традиционным моментом выступает первоначальное признание сложности самой категории «источник права» ввиду полисемантического характера её содержания [17, с. 3; 21, с. 32, 34, 47–49, 51–54; 15, с. 20–22, 24–25, 32, 128–129; 23, с. 77]. Как правило, авторы цитируют известное положение Тита Ливия о Законах XII таблиц как о *fons omnis publici privatique ... iuris* («источнике всего ... права, как публичного, так и частного» – Liv., 3, 24, 6), содержание которого изначально было сформулировано многозначно, где-то даже многозначительно и в каком-то смысле таинственно. Данное суждение в дальнейшем повторяется, сопровождая анализ как сущности источника права, так и отдельных разновидностей данного источника в отдельных отраслях национального права и в международном праве.

Фактически это достаточно быстро приводит авторов к утверждению (не всегда аргументированному и логически обоснованному) о том, что сам термин «источник права» не является точным (или достаточным) для отражения характера соответствующего правового феномена, поэтому многим специалистам более правильным представляется использование категории «формальный источник права» [22, с. 30–31, 33, 34; 10]. Данная категория конкретизирует («оформляет», «позитивирует») изначально многозначный термин и делает его, по мнению некоторых специалистов, более практичным. При этом, стоит заметить, авторы довольно редко

* Спирин Михаил Юрьевич, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права Юридического института Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королёва, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: smy@samaradom.ru.

специально уточняют данный терминологический момент: как правило, источник права определяется «по умолчанию» как *формальный источник права* с самого начала. Иногда прямо заявляется, что использование категории «источник права» не является в юридической науке рациональным, поскольку «вышеупомянутое понятие относится к числу преимущественно непонятных в теории права» [2, с. 32]. В принципе, если придерживаться такой логики, то и всё право, как объективное, так и система субъективных прав, также является «непонятным», что может влечь за собой известные отрицательные выводы.

Многие авторы справедливо указывают на процедурный момент, отражённый в самом наименовании категории «источник права»: слово «источник» (на различных языках – *fons, source, Quelle, fuente, fonte, źródło*, извор, криница, джерело и т.п.) обозначает 1) зарождение объекта и 2) первоначальный путь его последующего развития, путь, в рамках которого на появляющийся объект принципиально воздействуют различные объективные и субъективные факторы. В этом контексте источник права, понимаемый практически в любом видовом значении (идеологический источник, политический источник, социально-экономический источник, социально-культурный источник), тесно коррелирует с категорией «правообразующий фактор», устоявшейся в теоретико-правовой науке [27; 33, с. 608, 612–613].

Таким образом, если быть логически и терминологически последовательным, источник права, рассматриваемый в своём многозначном смысловом значении, фактически тождественен правообразующему фактору. В этом смысле возникают известные вопросы, почему специалисты настолько упорно стараются использовать данный термин именно в формальном, формализованном значении, не переходя, тем не менее, к логичному в таком случае, использованию более соответствующего контексту, термина «форма права» [29, с. 16].

Семантика слова «источник» определяет содержание этого понятия по-разному:

1) как прямое указание на *происхождение* от чего-то (источник права как обозначение происхождения права от выраженной вовне государственной воли);

2) как путь *развития* от чего-то к чему-то (как система последовательно сменяющих друг друга памятников права – *fontes cognoscendi*);

3) как носитель определённой *информации* о чём-то (информационный источник, источник познания права, цифровая оболочка права).

Также достаточно часто слово «источник» в своём основном значении отождествляется с понятием «исток», в таком случае оба эти термина равнозначны роднику как определённой естественной силе, которая порождает значительное благо (например, воду) с не вполне определённой природой происхождения. Отсюда многие исследователи определяют данный вопрос как философский (либо философско-правовой), который не имеет (или не должен иметь) прямого выражения в действующем позитивном праве. Следовательно, от такого понимания источника права с данной позиции вообще можно отказаться, что очевидно неправильно. Судя по всему, такое пренебрежение достижениями и возможностями философии права и влечёт за собой часто необоснованное отождествление источника права и формального источника права [19, с. 182–184].

Понимая категорию «источник права» по аналогии со значением родника в социальной жизни, следует отметить, что в таком случае само понятие права, значение его как в объективном, так и в субъективном смыслах, а также построение

системы права принципиально зависит от того смысла, который придаётся содержанию категории «источник права». А это, в свою очередь, связано с обозначением (и возможным последующим решением) проблемы полисемантической (многозначности) самой категории «источник права».

Следовательно, чем большее количество типов понимания права рассматривается с целью объяснения сущности и порядка реализации данного регулятивного явления, тем более многозначным становится содержание категории «источник права». Сведение же всего богатства взглядов на происхождение и последующее развитие права к легистическому направлению юридического позитивизма содержательно «выхолащивает» термин «источник права», становится идеологическим обоснованием отождествления источника права и формального источника права и далее – сведение всякого «настоящего», «практикоориентированного» источника права к нормативному правовому акту.

Именно этим, наверное, можно объяснить достаточно упрощённый подход к изложению данной категории и её видовых классификаций в современной учебной литературе по общей теории права [31, с. 232, 233; 32, с. 47; 18, с. 284–288]. Отраслевая теория в таком случае, как правило, ориентируется на предложенное и приводит похожие классификации источников права сначала в учебной литературе, а затем и в научных работах, что в своё время было аргументированно отмечено В. В. Ершовым [12, с. 10–15].

Из этого далее следует принципиальная необходимость различения источника объективного права и источника субъективного права, источника позитивного права и источника естественного права, и особенно – источника национального права и источника международного права. Следовательно, источник права даже в формальном смысле не просто может, но должен пониматься в нескольких значениях. Значит, логическая проблема существует и нуждается в определённом решении.

Существует ли реальный путь решения данной проблемы?

Как представляется, возможным вариантом ухода от чрезмерной многозначности содержания категории «источник права» и возврата ей первоначального философско-правового значения станет специальный акцент современной общей теории права на параллельно развивающейся категории «форма права».

Как заметил в своё время Г. Ф. Шершеневич, данная категория, темпорально соответствуя текущему отрезку времени, вполне способна заменить собой тот вариант понимания источника права, который включает в себя объединённые в определённую систему юридические нормы для регулирования различных социальных взаимодействий «здесь и сейчас» [37, с. 368–380]. То есть, в качестве формы права можно понимать тот смысл многозначной категории «источник права», который обычно («по умолчанию») именуется в качестве формального источника права.

При этом форма права как раз отражает определённый *статичный* момент закрепления юридических норм в рамках внешней оболочки. Таким образом, закон, состоящий из N-го количества юридических норм, включает их в свой состав как внешняя форма, *ipso facto* закон и юридические нормы этого закона соотносятся между собой как форма и содержание. Следовательно, закон (и любой другой формальный источник права) логично обозначать как форму права (форму, содержащую в себе право). Практическим доказательством правильности данного вывода является использование выражения «на основании статьи N закона», которое применяется для определения регулятивной причины наступления определённых юридиче-

ски значимых последствий в отношении конкретного лица. Понятно, что не сама статья (её пункт или подпункт) содержит в себе указание на эти последствия, но норма (нормы) права, заключённая в оболочку этой статьи (её пункта или подпункта). В то же время, сама внешняя оболочка (форма права) определяется здесь в *статичном, констатирующем* значении, дающем возможность однозначного применения определённого правила социального поведения. Получается, что несмотря на весь естественный динамизм права, механизма правового воздействия, оно нуждается в более-менее незыблемых внешних оболочках, ссылка на которые подчёркивает реальный характер действия самого права.

Отраслевая теория может (с учётом проверки смысла и частоты применения соответствующей терминологии) воспринять это изменение в понимании источника права и сделать его практически обоснованным и частотным. В то же время, по этому поводу у специалистов имеются обоснованные сомнения [20, с. 58; 21, с. 58; 23, с. 81]. Слишком долго (фактически около столетия) категория «источник права» воспринимается в отраслевой юриспруденции в качестве фактического синонима категории «форма права» без достаточных для того объяснений. Иногда на фундаментальном уровне это определяется как некая «дань сложившейся ... своеобразной традиции» (М. Н. Марченко).

Остальные варианты понимания содержания категории «источник права», которые традиционно предлагает плюралистическая доктрина юридической морфологии и которые как раз и создают известные сложности с однозначным восприятием содержания этой категории, есть смысл рассматривать именно в качестве *правообразующих факторов* (социально-экономических, идеологических, политических, традиционных, религиозных и т.д.), которые на различных временных и пространственных плоскостях взаимодействуют с итоговыми формами права.

Таким образом, многозначная конструкция «источник права» в результате такой логической операции не лишается своей содержательной полисемантической, однако такая полисеманτικότητα «плавно» распределяется по двум уровням: уровню правообразующих факторов (источников права в основном, философско-правовом смысле) и уровню форм права (источников права в практическом, формально-юридическом смысле).

В то же время, такое возможное решение заявленной проблемы, как правило, блокируется определённой «привычкой словоупотребления», которая может быть и не связана с конкретным содержанием юридической категории «источник права». Это в большей степени вопрос привычки юристов, которые в своё время изучали эту категорию именно в сложном, многозначном значении без достаточного уяснения природы и причин этой полисемантической и, в итоге, упрощая правовую действительность, пришли к восприятию источника права исключительно в качестве формального источника.

Также, как представляется, важным является понимание форм права в значении, не тождественном частям права (видам права), несведение этих форм к самим действующим нормам права, которые образуют его регулятивное содержание. В этом смысле следует признать неточность известной оценки источников права Л. И. Петражицким, что было уже неоднократно подчёркнуто советской юридической догматикой.

Таким образом, возможных вариантов решения логической проблемы восприятия содержания полисемантической категории «источник права», по меньшей мере, четыре:

1. Использовать традиционную логическую «подмену понятий» (монистический подход С. Л. Зивса, М. И. Байтина): источник права = форма права (воспринимать в качестве источника права исключительно формальный источник права, т.е. форму права; иные виды источника права не рассматривать в принципе и считать их «излишним теоретизированием», «философствованием», не востребованным практикой) [13; 3].

2. Определять термин «источник права» максимально широко (плюралистический подход С. С. Алексеева, М. Н. Марченко): и в качестве формального, и в значении любого иного (познавательного, мировоззренческого, социально-экономического, религиозного и проч.) источника права; в то же время анализировать по преимуществу формальные источники права, не отождествляя их с источниками права вообще [1; 20; 21].

3. Заменить употребление многозначного термина «источник права» понятием «форма права» со специальным указанием, что речь в этом случае идёт о внешних формах (оболочках) права («революционный» подход Г. Ф. Шершеневича, А. Ф. Шибанова, В. В. Ершова) [37; 38; 34; 35; 36, с. 42; 11; 12].

4. Занять «примирительную позицию» («эволюционный» подход С. В. Бошно), определяя «формальный источник права» и «внешнюю форму права» в качестве синонимов, при этом, не отождествляя их с общим значением всех источников права и всех форм права, делая вывод о развитии и практическом значении источника права в образовании устойчивой итоговой формы права [5; 6; 7].

Постепенное оформление и совершенствование указанных подходов в разные периоды развития российской и советской юриспруденции блестяще отражено в серии из трёх концептуально-аналитических статей К. В. Петрова 2009 года, посвящённых развитию научных взглядов ведущих отечественных юристов по вопросам проблематики содержания и соотношения категорий «источник права» и «форма права» с начала XIX века по начало XXI века [26; 25; 24].

В современной научной и учебной литературе, по сути, можно увидеть элементы каждого из заявленных выше подходов решения данной логической проблемы, при этом «по инерции» чаще используется первый вариант. При этом в последнее время предпринимаются попытки «осовременить» легистический подход и приспособить его к требованиям практической юридической деятельности, в связи с чем, например, предлагается ввести понятие «источник правоприменения» [8]. Также заметно стремление отдельных авторов рассматривать категории «источник права» и «форма права» через призму современной научно обоснованной концепции интегративного правопонимания [4]. Традиционно рассмотрение полисемантической проблематики категории «источник права» завершается указанием на множество аргументированных позиций учёных и на необходимость продолжения дальнейших исследований в данной области, с чем нельзя не согласиться [14, с. 86].

В конечном итоге, выбор одного из вышеуказанных вариантов решения заявленной логической проблемы зависит от самого типа понимания природы, происхождения и сущности права, которого придерживается юрист [28; 30, с. 8, 11]. При этом не имеет значения, является ли такой юрист учёным-теоретиком или практическим работником. Условная «ставка» в этом вопросе на легизм, юссоциологизм или правовой реализм может определить направление дальнейших исследований в области морфологии права. При этом, как представляется, переход к широкому концептуальному и далее – практическому использованию термина «форма права» (третий подход) станет лучшим средством решения данной проблемы.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
2. *Ахмадуллина А. М.* К вопросу об определении содержания и сущности дефиниции «источник права» // Теория государства и права. – 2020. – № 2. – С. 31 – 36.
3. *Байтин М. И.* Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. 2-е изд. – М.: Издат. дом «Право и государство», 2005. – 544 с.
4. *Бедретдинова В. В.* Соотношение понятий «источник права» и «форма права» (с позиции интегративного правопонимания) // Наука, образование и культура. – 2021. – № 4 (59).
5. *Бошно С. В.* Правотворчество: путь от источника к форме права. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 102 с.
6. *Бошно С. В.* Формы российского права. – М.: Изд-во «Право и закон», 2004. – 319 с.
7. *Бошно С. В.* Форма права: теоретико-правовое исследование. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2005. – 46 с.
8. *Данилюк С. Е.* Место категории «источник права» – в музее юридического позитивизма // Государство и право. – 2021. – № 5. – С. 68 – 80.
9. *Данцева Т. Н.* Формальные источники права. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2007. – 192 с.
10. *Дробышевский С. А., Данцева Т. Н.* Формальные источники права. – М.: Норма, 2011. – 160 с.
11. *Ершов В. В.* Источники и формы российского права // Российское правосудие. – 2009. – № 6 (38). – С. 4 – 15.
12. *Ершов В. В.* Источники и формы национального и международного права, реализуемого в России // Российское правосудие. – 2017. – № 7 (135). – С. 5 – 16.
13. *Зивс С. Л.* Источники права. – М.: Наука, 1981. – 240 с.
14. *Зуев А. В.* Проблемы в соотношении понятий «источник права» и «форма права» // Заметки учёного. – 2022. – № 1. – С. 84 – 86.
15. Источники и формы права в современной юридической науке / под ред. Р. Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 320 с.
16. *Калинин А. Ю., Комаров С. А.* Форма (источник) права как категория в теории государства и права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 6 (233). – С. 3 – 10.
17. *Кечекьян С. Ф.* О понятии источника права // Учёные записки МГУ. Вып. 116. Труды юридического факультета. Кн. 2. – М.: Изд-во МГУ, 1946. – С. 3–25.
18. *Комаров С. А.* Общая теория государства и права. 10-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2022. – 529 с.
19. *Лавицкая М. И.* Теоретико-правовые подходы к дефинированию понятий «источник права» и «форма права» // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – № 4. – С. 180–185.
20. *Марченко М. Н.* Источники права. – М.: Проспект, 2005. – 760 с.
21. *Марченко М. Н.* Источники права. 2-е изд. – М.: Норма, 2014. – 672 с.
22. *Ображиев К. В.* Формальные (юридические) источники права: проблемы теоретического определения // Российский юридический журнал. – 2010. – № 4. – С. 28–35.
23. *Орбец В. М.* Источник права как юридическое понятие. Конкретизация его содержания и объёма // Юридическая мысль. – 2021. – № 2 (122). – С. 77–83.
24. *Петров К. В.* Источники и формы права в постсоветском правоведении // Ленинградский юридический журнал. – 2009. – № 1 (15). – С. 61–75.
25. *Петров К. В.* Источники и формы права в советском правоведении // Ленинградский юридический журнал. – 2009. – № 2 (16). – С. 23–33.
26. *Петров К. В.* Источники и формы права в отечественном правоведении XIX – начала XX вв. // Ленинградский юридический журнал. – 2009. – № 3 (17). – С. 163–172.

27. Придворов Н. А., Трофимов В. В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. – М.: Норма, 2012. – 400 с.
28. Реутов В. П. Типы правопонимания и проблема источников и форм права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – № 2 (8). – С. 54–70.
29. Рудковский В. А. Значение волевой концепции источников права // Вестник общей и отраслевой теории права. – 2022. – № 1 (3). – С. 14–21.
30. Спири́н М. Ю. Основные подходы к пониманию источника права // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 7–13.
31. Теория государства и права: учебник / под общ. ред. О. В. Мартышина. 3-е изд. – М.: Проспект, 2019. – 432 с. (глава 15 «Источники (формы) права»)
32. Теория права и государства: учебное пособие / под ред. А. А. Малиновского. – М.: Изд-во МГИМО – Университет, 2019. – 369 с. (глава II «Источники (формы) права»)
33. Цыбулевская О. И., Касаева Т. В. Социальные факторы правообразования // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 608–613.
34. Шебанов А. Ф. О содержании и формах права // Правоведение. – 1964. – № 2. – С. 11–22.
35. Шебанов А. Ф. О понятиях источника права и формы права // Правоведение. – 1965. – № 4. – С. 23–33.
36. Шебанов А. Ф. Форма советского права. – М.: Юрид. литература, 1968. – 216 с.
37. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: философия права. Часть теоретическая. Т. 1: вып. 1 – 4. – М.: Издание бр. Башмаковых, 1910. – 839 с. (Глава VII «Формы права», § 38 «Общий обзор форм права»)
38. Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве: лекции. Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛЕНАНД, 2015. – 160 с.

Для цитирования: Спири́н М.Ю. Источник права: многообразие содержания и варианты решения логической проблемы: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 229–235.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.015

Mikhail Yu. Spirin*

SOURCE OF LAW: DIVERSITY OF CONTENT AND OPTIONS FOR SOLVING A LOGICAL PROBLEM

Annotation. *The article deals with the problematics of the ambiguity of the category "source of law", in various meanings used by the general theory of law and branch legal sciences. The reasons and practical consequences of identifying sources of law and formal sources of law are analyzed, the degree of possibility of using the category "form of law" in the meaning of a formal source of law is determined.*

Conclusions are drawn about the main options for solving the problem of the polysemantic nature of the source of law in the domestic general theory of law and the significance of these options for the development of the doctrine of the sources and forms of law (legal morphology).

Key words: *source of law, polysemantic nature of the source of law, formal source of law, form of law, law-forming factor, types of understanding of law.*

* *Spirin Mikhail Yurievich*, associate professor of the department of theory and history of state and law and international law, law institute of named after S. P. Korolyov Samara national research university (Samara university), candidate of legal sciences, associate professor.

In the theory of sources and forms of law (morphology of law), the traditional point is the initial recognition of the complexity of the category “source of law” itself due to the polysemantic nature of its content [17, p. 3; 21, p. 32, 34, 47–49, 51–54; 15, p. 20–22, 24–25, 32, 128–129; 23, p. 77]. As a rule, the authors cite the well-known position of Titus Livy on the Laws of the XII tables as *fons omnis publici privatique ... iuris* (“the source of all ... law, both public and private” – Liv., 3, 24, 6), the content of which was originally formulated ambiguously, somewhere even meaningfully and in a certain sense mysteriously. This judgment is further repeated, accompanying the analysis of both the essence of the source of law and individual varieties of this source in certain branches of national law and in international law.

In fact, this rather quickly leads the authors to the assertion (not always reasoned and logically justified) that the term “source of law” itself is not accurate (or sufficient) to reflect the nature of the relevant legal phenomenon, therefore, many specialists consider it more correct to use the category “formal source of law” [22, p. 30–31, 33, 34; 10]. This category concretizes (“shapes”, “positifies”) an initially ambiguous term and makes it, according to some experts, more practical. At the same time, it is worth noting that the authors rarely specifically clarify this terminological point: as a rule, the source of law is defined “by default” as a formal source of law from the very beginning. Sometimes it is explicitly stated that the use of the category “source of law” is not rational in legal science, since “the above concept is among the mostly incomprehensible in the theory of law” [2, p. 32]. In principle, if one adheres to this logic, then all law, both objective and the system of subjective rights, is also “incomprehensible”, which may lead to well-known negative conclusions.

Many authors rightly point to a procedural point reflected in the very name of the category “source of law”: the word “source” (in various languages - *fons*, source, *Quelle*, *fuelle*, *fonte*, *źródło*, *izvor*, *krynitsa*, *dzherelo*, etc.) denotes 1) the origin of the object and 2) the initial path of its subsequent development, the path in which the emerging object is fundamentally influenced by various objective and subjective factors. In this context, the source of law, understood in almost any specific meaning (ideological source, political source, socio-economic source, socio-cultural source), closely correlates with the category of “law-forming factor”, established in theoretical and legal science [27; 33, p. 608, 612–613].

Thus, to be logically and terminologically consistent, the source of law, considered in its many-valued semantic meaning, is actually identical to the law-forming factor. In this sense, well-known questions arise as to why experts are so stubbornly trying to use this term in a formal, formalized sense, without moving, however, to the logical use of the term “form of law” more appropriate to the context [29, p. 16].

The semantics of the word “source” defines the content of this concept in different ways:

- 1) as a direct indication of the origin from something (the source of law as a designation of the origin of law from the state will expressed outside);
- 2) as a path of development from something to something (as a system of sequentially replacing each other monuments of law – *fontes cognoscendi*);
- 3) as a carrier of certain information about something (information source, source of knowledge of law, digital shell of law).

Also, quite often the word “source” in its main meaning is identified with the concept of “source”, in which case both of these terms are equivalent to a spring as a certain natural force that generates a significant good (for example, water) with an indefinite nature of origin. Hence, many researchers define this issue as philosophical (or philosophical and le-

gal), which does not have (or should not have) a direct expression in the current positive law. Therefore, such an understanding of the source of law from this position can generally be abandoned, which is obviously wrong. Apparently, such a neglect of the achievements and possibilities of the philosophy of law often entails an unreasonable identification of the source of law and the formal source of law [19, p. 182–184].

Understanding the category “source of law” by analogy with the meaning of a spring in social life, it should be noted that in this case the very concept of law, its meaning both in the objective and subjective senses, as well as the construction of a system of law fundamentally depends on the meaning that attached to the content of the category “source of law”. And this, in turn, is connected with the designation (and possible subsequent solution) of the problem of polysemanticity (polysemy) of the category “source of law” itself.

Consequently, the more types of understanding of law are considered in order to explain the essence and procedure for the implementation of this regulatory phenomenon, the more ambiguous the content of the category “source of law” becomes. The reduction of the entire wealth of views on the origin and subsequent development of law to the legalistic direction of legal positivism meaningfully “emasculates” the term “source of law”, becomes an ideological justification for identifying the source of law and the formal source of law, and further – the reduction of any “real”, “practice-oriented” source of law to a legal act.

This, perhaps, can explain a rather simplified approach to the presentation of this category and its specific classifications in modern educational literature on the general theory of law [31, p. 232, 233; 32, p. 47; 18, p. 284–288]. In this case, the sectoral theory, as a rule, focuses on what is proposed and gives similar classifications of sources of law, first in the educational literature, and then in scientific papers, which at one time was reasonably noted by V. V. Ershov [12, p. 10–15].

This further implies the fundamental need to distinguish between the source of objective law and the source of subjective law, the source of positive law and the source of natural law, and especially the source of national law and the source of international law. Consequently, the source of law, even in the formal sense, not only can, but must be understood in several meanings. This means that a logical problem exists and needs a certain solution.

Is there a real way to solve this problem?

It seems that a possible option for avoiding the excessive ambiguity of the content of the category “source of law” and returning it to its original philosophical and legal meaning will be a special emphasis of the modern general theory of law on the parallel developing category “form of law”.

As G. F. Shershenevich noted at one time, this category, temporally corresponding to the current period of time, is quite capable of replacing that version of understanding the source of law, which includes legal norms combined into a certain system to regulate various social interactions “here and now” [37, p. 368–380]. That is, as a form of law, one can understand the meaning of the multi-valued category “source of law”, which is usually (“by default”) referred to as a formal source of law.

At the same time, the form of law just reflects a certain static moment of fixing legal norms within the framework of the outer shell. Thus, the law, consisting of the N-th number of legal norms, includes them in its composition as an external form, ipso facto the law and the legal norms of this law correlate with each other as form and content. Consequently, the law (and any other formal source of law) is logically designated as a form of law (a form that contains law). The practical proof of the correctness of this conclusion is the use of the expression “on the basis of Article N of the law”, which is used to determine the

regulatory reason for the occurrence of certain legally significant consequences in relation to a particular person. It is clear that not the article itself (its paragraph or subparagraph) contains an indication of these consequences, but the rule (norms) of law enclosed in the shell of this article (its paragraph or subparagraph). At the same time, the outer shell itself (a form of law) is defined here in a static, ascertaining sense, which makes it possible to unambiguously apply a certain rule of social behavior. It turns out that despite all the natural dynamism of law, the mechanism of legal influence, it needs more or less unshakable outer shells, the reference to which emphasizes the real nature of the operation of the law itself.

Branch theory can (taking into account the verification of the meaning and frequency of the use of the relevant terminology) perceive this change in the understanding of the source of law and make it practically justified and frequent. At the same time, experts have reasonable doubts about this [20, p. 58; 21, p. 58; 23, p. 81]. For too long (in fact, about a century), the category "source of law" has been perceived in branch jurisprudence as an actual synonym for the category "form of law" without sufficient explanations. Sometimes, at a fundamental level, this is defined as a kind of "tribute to the established ... peculiar tradition" (M. N. Marchenko).

The remaining options for understanding the content of the category "source of law", which are traditionally offered by the pluralistic doctrine of legal morphology and which just create certain difficulties with an unambiguous perception of the content of this category, it makes sense to consider it as law-forming factors (socio-economic, ideological, political, traditional, religious, etc.), which interact with the resulting forms of law on various temporal and spatial planes.

Thus, the multi-valued construction "source of law" as a result of such a logical operation does not lose its meaningful polysemanticity, however, such polysemanticity is "smoothly" distributed over two levels: the level of law-forming factors (sources of law in the main, philosophical and legal sense) and the level of law forms (sources of law in a practical, formal-legal sense).

At the same time, such a possible solution to the stated problem, as a rule, is blocked by a certain "habit of word usage", which may not be related to the specific content of the legal category "source of law". This is largely a question of the habit of lawyers who at one time studied this category in a complex, polysemantic sense without sufficient understanding of the nature and causes of this polysemanticity and, as a result, simplifying the legal reality, came to the perception of the source of law exclusively as a formal source.

It also seems important to understand the forms of law in a sense that is not identical to the parts of law (types of law), not to reduce these forms to the actual rules of law that form its regulatory content. In this sense, one should recognize the inaccuracy of the well-known assessment of the sources of law by L.I. Petrazhitzky, which has already been repeatedly emphasized by Soviet legal dogma.

Thus, there are at least four possible solutions to the logical problem of perceiving the content of the polysemantic category "source of law":

1. Use the traditional logical "substitution of concepts" (the monistic approach of S. L. Zivs, M. I. Baitin): source of law = form of law (perceive as a source of law only a formal source of law, i.e. a form of law; other types sources of law should not be considered in principle and considered as "excessive theorizing", "philosophizing", not in demand in practice) [13; 3].

2. Define the term "source of law" as broadly as possible (pluralistic approach of S. S. Alekseev, M. N. Marchenko): both as a formal and in the meaning of any other (cogni-

tive, ideological, socio-economic, religious, etc.) source of law; at the same time, to analyze mainly formal sources of law, without identifying them with sources of law in general [1; 20; 21].

3. Replace the use of the ambiguous term “source of law” with the concept of “form of law” with a special indication that in this case we are talking about external forms (shells) of law (“revolutionary” approach of G. F. Shershenevich, A. F. Shebanov, V V. Ershova) [37; 38; 34; 35; 36, p. 42; eleven; 12].

4. Take a “conciliatory position” (“evolutionary” approach of S. V. Boshno), defining “formal source of law” and “external form of law” as synonyms, while not identifying them with the general meaning of all sources of law and all forms law, making a conclusion about the development and practical significance of the source of law in the formation of a sustainable final form of law [5; 6; 7].

The gradual formation and improvement of these approaches in different periods of development of Russian and Soviet jurisprudence is brilliantly reflected in a series of three conceptual and analytical articles by K. V. Petrov in 2009, devoted to the development of scientific views of leading domestic lawyers on the issues of the content and correlation of the categories “source of law” and “form of law” from the beginning of the 19th century to the beginning of the 21st century [26; 25; 24].

In modern scientific and educational literature, in fact, one can see elements of each of the above approaches to solving this logical problem, while “by inertia” the first option is more often used. At the same time, attempts have recently been made to “modernize” the legalistic approach and adapt it to the requirements of practical legal activity, in connection with which, for example, it is proposed to introduce the concept of “source of law enforcement” [8]. Also noticeable is the desire of individual authors to consider the categories of “source of law” and “form of law” through the prism of the modern scientifically based concept of integrative legal understanding [4]. Traditionally, consideration of the polysemantic issues of the category “source of law” ends with an indication of the many well-reasoned positions of scientists and the need to continue further research in this area, with which one cannot but agree [14, p. 86].

Ultimately, the choice of one of the above options for solving the stated logical problem depends on the very type of understanding of the nature, origin and essence of law, which the lawyer adheres to [28; 30, p. 8, 11]. It does not matter whether such a lawyer is a theoretical scientist or a practical worker. The conditional “bet” in this issue on legalism, jussociologism or legal realism can determine the direction of further research in the field of morphology of law. At the same time, it seems that the transition to a broad conceptual and further practical use of the term “form of law” (the third approach) will be the best means of solving this problem.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Alekseev S. S. Law: alphabet – theory – philosophy. Comprehensive research experience. Moscow: Statut, 1999. 712 p.
2. Akhmadullina A. M. On the issue of determining the content and essence of the definition of “source of law” // Theory of State and Law. 2020. No. 2. P. 31 – 36.

3. Baitin M. I. Essence of law. Modern normative legal understanding is on the verge of two centuries. 2nd ed. Moscow: Publishing House. House "Law and State", 2005. 544 p.
4. Bedretdinova V. V. Correlation between the concepts of "source of law" and "form of law" (from the standpoint of integrative legal understanding) // Science, Education and Culture. 2021. No. 4 (59).
5. Boshno S.V. Law-making: the path from the source to the form of law. Moscow: Izd-vo RAGS, 2002. 102 p.
6. Boshno S.V. Forms of Russian law. Moscow: Publishing House "Pravo i Zakon", 2004. 319 p.
7. Boshno S.V. Form of law: theoretical and legal research. Abstract diss. ... doc. legal Sciences. Moscow, 2005. 46 p.
8. Danilyuk S. E. Place of the category "source of law" in the museum of legal positivism // State and Law. 2021. No. 5. P. 68 – 80.
9. Dantseva T. N. Formal sources of law. Diss. ... cand. legal Sciences. Krasnoyarsk, 2007. 192 p.
10. Drobyshevsky S. A., Dantseva T. N. Formal sources of law. Moscow: Norma, 2011. 160 p.
11. Ershov V.V. Sources and forms of Russian law // Russian justice. 2009. No. 6(38). Pp. 4–15.
12. Ershov V.V. Sources and forms of national and international law implemented in Russia // Russian justice. 2017. No. 7 (135). Pp. 5–16.
13. Zivs S. L. Sources of law. Moscow: Nauka, 1981. 240 p.
14. Zuev A. V. Problems in the relationship between the concepts of "source of law" and "form of law" // Notes of a scientist. 2022. No. 1. P. 84 – 86.
15. Sources and forms of law in modern legal science / ed. R. L. Khachaturova. Moscow: Yurli-tinform, 2021. 320 p.
16. Kalinin A. Yu., Komarov S. A. The form (source) of law as a category in the theory of state and law. Izvestia of higher educational institutions. Jurisprudence. 2000. No. 6 (233). Pp. 3–10.
17. Kechekyan S. F. On the concept of a source of law // Uchenye zapiski MSU. Issue. 116. Proceedings of the Faculty of Law. Book. 2. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1946. P. 3–25.
18. Komarov S. A. General theory of state and law. 10th ed. Moscow: Izd-vo Yurayt, 2022. 529 p.
19. Lavitskaya M. I. Theoretical and legal approaches to the definition of the concepts of "source of law" and "form of law" // Humanitarian Scientific Bulletin. 2021. No. 4. P. 180–185.
20. Marchenko M.N. Sources of law. Moscow: Prospekt, 2005. 760 p.
21. Marchenko M.N. Sources of law. 2nd ed. Moscow: Norma, 2014. 672 p.
22. Obrazhiev K.V. Formal (legal) sources of law: problems of theoretical definition // Russian legal journal. 2010. No. 4. P. 28–35.
23. Orobets V. M. Source of law as a legal concept. Concretization of its content and volume // Legal Thought. 2021. No. 2 (122). pp. 77–83.
24. Petrov K.V. Sources and forms of law in post-Soviet jurisprudence // Leningrad legal journal. 2009. No. 1 (15). pp. 61–75.
25. Petrov K.V. Sources and forms of law in Soviet jurisprudence // Leningrad legal journal. 2009. No. 2 (16). pp. 23–33.
26. Petrov K.V. Sources and forms of law in domestic jurisprudence XIX – early XX centuries. // Leningrad legal journal. 2009. No. 3 (17). pp. 163–172.
27. Pridvorov N. A., Trofimov V. V. Legal formation and law-forming factors in law. Moscow: Norma, 2012. 400 p.
28. Reutov V.P. Types of legal understanding and the problem of sources and forms of law // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2010. No. 2 (8). pp. 54–70.
29. Rudkovsky V. A. The value of the volitional concept of the sources of law // Bulletin of the general and branch theory of law. 2022. No. 1 (3). pp. 14–21.
30. Spirin M. Yu. Basic approaches to understanding the source of law // Legal Bulletin of Samara University. 2020. V. 6. No. 3. P. 7–13.
31. Theory of state and law: textbook / ed. ed. O. V. Martyshina. 3rd ed. Moscow: Prospekt, 2019. 432 p. (Chapter 15 "Sources (Forms) of Law")

Theory of State and Law

32. Theory of law and state: textbook / ed. A. A. Malinovsky. – Moscow: MGIMO Publishing House – University, 2019. 369 p. (Chapter II "Sources (forms) of law")

33. Tsybulevskaya O. I., Kasaeva T. V. Social factors of law formation // Legal technique. 2012. No. 6. P. 608–613.

34. Shebanov A.F. On the content and forms of law // Jurisprudence. 1964. No. 2. P. 11–22.

35. Shebanov A.F. On the concepts of the source of law and the form of law // Jurisprudence. 1965. No. 4. P. 23–33.

36. Shebanov A. F. Form of Soviet law. Moscow: Legal Literature, 1968. 216 p.

37. Shershenevich G. F. General theory of law: philosophy of law. The part is theoretical. T. 1: no. 1–4. Moscow: Edition br. Bashmakov, 1910. 839 p. (Chapter VII Forms of Law, § 38 General Survey of Forms of Law)

38. Shershenevich G. F. General doctrine of law and the state: lectures. Ed. 2nd. Moscow: LENAND Publishing House, 2015. 160 p.

For citation: Spirin M.Yu. Source of law: diversity of content and options for solving a logical problem: article // Theory of State and Law. 2022. No. 3 (28). P. 235–241.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.015

Научная статья

УДК 340

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.016

Е.Е. Степанова*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ (1799–1867)

***Аннотация.** В 1799 году указом Павла I была основана Российско-Американская компания. В статье изучены наиболее значимые нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность Российско-Американской компании.*

В статье рассмотрены формы государственного контроля деятельности Российско-Американской компании. Оценивая систему государственного контроля за ее деятельностью, можно считать, что на момент образования Компании правительственный контроль за ее деятельностью практически отсутствовал. В дальнейшем принятие Правил и Привилегий Компании в 1799 году заложило начало «огосударствления» Компании и будущего установления правительственного надзора за ее деятельностью.

***Ключевые слова:** Российско-Американская компания, государственный контроль, Уставы Российско-Американской компании, северо-западная территория Северной Америки, Российская империя.*

Официальное открытие северо-западной территории Северной Америки состоялось в 1741 году российской экспедицией под руководством В. И. Беринга. Через год было принято решение продолжить колонизацию северо-западной территории Северной Америки по берегу от Аляски до мексиканских территорий, что было обусловлено отсутствием на этом побережье Северной Америки европейцев; более благоприятными климатическими условиями на юге Берингова пролива, чем на севере, что способствовало бы колонизации этих территорий и ведению на них хозяйства; использованием налогообложения населения колонизированных земель для усиления финансового благополучия государства; нежеланием отдавать открытые территории другим иностранным государствам.

Освоение данных земель связано с именем рыльского купца Григория Ивановича Шелихова. Его экспедиция с 1784 по 1794 год осуществила продвижение в северо-восточном направлении вдоль реки Юкон и на юго-восток в направлении архипелага Александра [6, с. 45]. Колонизация территорий была большим успехом для Российского государства, однако возникали трудности к их полному освоению.

Климатические условия северо-западных территорий Северной Америки были достаточно суровыми, низкая температура и отсутствие развитой инфраструктуры позволяли жить переселенцам только вдоль береговой линии [5, с. 114]. Удаленность от центральной части России препятствовала установлению жесткого кон-

* Степанова Елена Евгеньевна – начальник учебно-методического отдела Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. E-mail: kanuzel Elena@inbox.ru

троля на данной территории. Более того, доступ к этой суровой местности лежал через еще не освоенную полностью Сибирь [12, с. 54]. Данная проблема остро поставила вопрос о способности оборонять территории от нашествия иных государств, которые уже к 1775 году были наслышаны об их ресурсах [8, с. 5].

Еще одной проблемой стали столкновения с местными жителями – индейцами-тлинкитами, отстаивавшими суверенность территории, на которой проживали, вступавшими в вооруженные конфликты с российскими колонистами [9, с. 309]. Численность воинственных индейцев-тлинкитов была не малой, более десяти тысяч человек [9, с. 25].

В 1799 году указом Павла I «О наименовании компании, составившейся для промыслов и торговли по северо-восточному морю, промыслов и торговли Российско-американской компании» (с приложением правил, привилегий и акта Компании) была учреждена Российская-Американская компания (далее – РАК) [1, 2, 3, 4].

Рассматривая систему государственного контроля за ее деятельностью, можно считать, что на момент образования Компании правительственный контроль как таковой практически отсутствовал. Предложения Коммерц-коллегии о том, чтобы РАК перешла под ее опеку, не было реализовано. Благодаря активным действиям Н. П. Резанова, РАК получила широкие права и преимущества при практически полном отсутствии государственного надзора за ней. Однако принятие Правил и Привилегий Компании в 1799 году заложило начало «огосударствления» Компании и будущего установления правительственного надзора за ее деятельностью.

Создателями коммерческой компании были купцы Г. И. Шелихов и А. А. Баранов, которые взяли на себя финансирование мероприятий по исследованию, освоению и обороне колонизированных территорий на другом континенте при условии получения привилегий в использовании ресурсов данных земель. Компания получила право на исследование земель северо-западных территорий Северной Америки, а также монопольное право на осуществление пушного промысла [11, с. 90].

Взамен предоставленных широких прав, включая «особенные привилегии», на Российско-Американскую компанию возлагались задачи, имеющие стратегическое значение для развития и укрепления российской государственности на восточных рубежах. Российско-Американская компания обеспечивала реализацию правовой политики Российской империи по открытию, заселению и освоению северо-западной территории Северной Америки посредством организации и проведения промыслово-исследовательских экспедиций.

Российско-Американская компания способствовала развитию социально-экономических отношений и общегосударственных политико-правовых институтов в регионе. Значимость Российско-Американской компании состояла в оказании государственным учреждениям содействия в осуществлении колонизационной деятельности, в частности, строительстве фортов, школ, распространении православной веры и грамотности среди местного населения, создании научных станций по изучению флора и фауна региона.

Компания была частной, хотя, на деле это был опыт частно-государственного партнерства. Ведь уже с утверждением императором Правил и Привилегий Компании было прямо обозначено, что РАК формально частная, однако имеет место государственный контроль. Параграф 12 гласит о том, что учреждаемая в Иркутске Компания именуется под высочайшим Его императорского величества покровительством Российско-Американская компания.

В связи с тем, что российские территории в Северной Америки были удалены от центрального аппарата, органы центральной власти осуществляли контроль за деятельностью промысловых экспедиций лишь косвенно. Преобладала частнопубличная составляющая. Государственный контроль в управлении территориями четко прослеживается в текстах таких правовых актов, как Уставы Российско-Американской компании. В Уставе 1799 года публично-правовая составляющая является весьма ограниченной, Устав 1821 года усиливает ее в значительной мере и высшей точки она достигает в Уставе 1844 года, который действовал вплоть до ликвидации Компании [14, с. 540].

Рассмотрим две формы государственного контроля за деятельностью Российско-Американской компании: внешнюю и внутреннюю.

Первая была наиболее приоритетной, по мнению А.Н. Ермолаева, является наиболее надежной и эффективной [7, с. 113]. Она проявлялась в разработке и принятии государством Уставов Компании, а также в осуществлении контроля соблюдения их норм и правил. Наблюдение велось посредством попечительного министерства. Изначально такие функции были возложены на Министерство внутренних дел, далее – на Министерство финансов.

До 1821 года министерство не несло ответственность за деятельность Компании, а лишь наблюдало. После принятия Устава 1821 года, это положение изменилось [3, с. 842]. Была сформирована четкая система взаимодействия попечительного министерства и Российско-Американской компании. Ответственность при этом ложилась на оба учреждения.

Уставом 1821 г. был закреплен раздел «Об обязанностях Компании в отношении правительства». Целью государственно-правовой политики становится усиление контроля финансовой деятельности данной коммерческой организации. Российско-Американская компания обязывалась оправдать предоставленное российским государством ей доверие, обеспечить целостность колоний, сохранить мирные отношения с соседними государствами, основывать свои предприятия «к общей государственной пользе» (§ 35). О своей деятельности Компания должна докладывать в Министерство финансов, которое, в свою очередь, было обязано осуществлять «бдительный надзор» за реализацией возложенных на нее функций (§ 63). Если ранее координирующую деятельность осуществлял корреспондент в лице камергера Н. П. Резанова, то ввиду централизации Министерство финансов обязывалось непосредственно докладывать о деятельности Компании главе государства (§ 36) [3, с. 842].

В период действия первого Устава министерства за деятельностью Компании лишь наблюдали, с принятием же второго Устава, сложилась четкая система взаимодействия попечительного министерства и РАК. По мнению А.Н. Ермолаева, такую форму госконтроля можно признать надежной [7, с. 114].

Государственные ревизии также являлись формой внешнего государственного контроля, которые проводились очень редко в связи с удаленностью колоний от центрального управления, так как требовали больших финансовых затрат [13, с. 48]. Три проверки деятельности проводились с 1804 по 1818 год. Результаты четвертой были представлены в 1860–1861 гг. Инспекторами были даны рекомендации для улучшения деятельности Российско-Американской компании.

Внутренняя форма государственного контроля не получила своего развития. Она была основана на влиянии Правительства на дела Компании, в структуре которой не было постоянно действующих представительных органов. Правительство не

владело пакетом акций Российско-Американской компании, не имело своих постоянно действующих представительных органов в ее структуре.

Существовало несколько проектов создания внутренней системы государственного контроля, заключающиеся в превращении Особого совета РАК в орган госконтроля и во внедрении в колониальную администрацию государственных чиновников. Однако реализовать такие предложения не удалось. Внутренняя система государственного надзора не сложилась в связи с большими финансовыми затратами, а также потому, что правительство считало просто излишним вводить такую систему.

Необходимо отметить, что контроль деятельности Российско-Американской компании осуществлялся посредством проводимых инспекторами ревизий. В связи с удаленностью территорий, ревизии были очень редки. Три проверки деятельности проводились с 1804 по 1818 год. Результаты четвертой были представлены в 1860–1861 гг. Инспекторами были даны рекомендации для улучшения деятельности Российско-Американской компании.

Таким образом, следует отметить, что Российско-Американская компания занимала ведущую роль на территории восточного региона Российской империи, находилась под непосредственным покровительством главы государства и обладала монопольным правом в отношении предметов ведения, регламентированных правовыми актами.

За деятельностью Российско-Американской компании два вида осуществления государственного контроля внесли определенный вклад в развитие Компании и имели как положительные, так и отрицательные стороны. Отмечается некая сумбурность в принятии решений об учреждении того или иного надзорного органа, что возможно ввиду необычности Компании, основанной «Колумбом российским», необходимой в том период времени как для России, так и для ее учредителя [10, с. 43].

Правительство не считало Российско-Американскую компанию частью административной системы государства, признавало ее особый статус. Российско-Американская компания не заняла подобающее ей место в иерархии российских государственных учреждений и вела автономный образ существования.

Библиографический список

1. Полное Собрание законов Российской империи. – Собрание 1-е. – Т. 17. – № 12589.
2. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 1-е. – Т. 25. – № 19030.
3. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 1-е. – Т. XXXVII. – № 28756.
4. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 2-е. – Т. XIX. – № 18290.
5. *Алексеев А.И.* Судьба Русской Америки. – Магадан: Магаданское книжное издательство, 1975. – 327 с.
6. *Волынчук А. Б., Шведов В. Г.* Геополитические аспекты освоения русскими людьми Северной Америки // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2011. – № 4. – С. 25–31.
7. *Ермолаев А. Н.* Российско-Американская компания и императорское правительство: государственный контроль за деятельностью акционерной монополистической организации (1799–1867): дисс. канд. ист. наук: 07.00.02 / Ермолаев Алексей Николаевич. – Кемерово, 2000. – 220 с.
8. *Завалишин Д.* Дело о колонии России // Русский вестник. – 1866. – Т. 62. – С. 5–26.
9. *Зорин, А.В.* Индейская война в Русской Америке: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Зорин Александр Васильевич. – Курск, 1999. – 309 с.

10. Козаева Г.Б. Правовые основы за деятельностью Российско-американской компании (1799–1867 г.г.) // Мир юридической науки. – 2012. – № 1. – С. 43–47.
11. Окунь С.Б. Российско-американская компания. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1939. – 260 с.
12. Семенов А. Э., Роянова А. И. Петр I и Сибирь // Юный ученый. – 2019. – № 8 (28). – С. 54–59.
13. Степанова Е.Е. Органы управления Российско-американской компании // Научный Вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 1 (72).
14. Тихменев П.И. Историческое обозрение. – Т. 1. – СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1863. – 698 с.

Для цитирования: Степанова Е.Е. Правовые основы государственного контроля деятельности Российско-Американской компании (1799–1867): статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 242–246.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.016

Elena E. Stepanova *

LEGAL BASIS OF STATE CONTROL ACTIVITIES OF THE RUSSIAN-AMERICAN COMPANY (1799–1867)

Annotation. *In 1799, the Russian-American Company was founded by decree of Paul I. The article examines the most significant legal acts regulating the activities of the Russian-American company.*

The article considers the forms of state control over the activities of the Russian-American company. Considering the system of state control over the activities of the Russian-American Company (RAC), we can assume that at the time of the formation of the Company there was practically no government control over its activities. Subsequently, the adoption of the Rules and Privileges of the Company in 1799 laid the foundation for the "nationalization" of the Company and the future establishment of government oversight of its activities.

Key words: *Russian-American Company, state control, Charters of the Russian-American Company, North-West Territory of North America, Russian Empire.*

The official discovery of the northwestern territory of North America took place in 1741 by a Russian expedition led by V. I. Bering. A year later, it was decided to continue the colonization of the northwestern territory of North America along the coast from Alaska to the Mexican territories, which was due to the absence of Europeans on this coast of North America; more favorable climatic conditions in the south of the Bering Strait than in the north, which would contribute to the colonization of these territories and the management of their economy; the use of taxation of the population of colonized lands to enhance the financial well-being of the state; unwillingness to give open territories to other foreign states.

The development of these lands is associated with the name of the Rylsk merchant Grigory Ivanovich Shelikhov. His expedition from 1784 to 1794 advanced northeast along the Yukon River and southeast towards the Alexander Archipelago [6, p. 45]. The coloniza-

* *Stepanova Elena Evgenievna* – Head of the Educational and Methodological Department of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. E-mail: kanuzelena@inbox.ru

tion of the territories was a great success for the Russian state, but there were difficulties in their full development.

The climatic conditions of the northwestern territories of North America were quite severe, low temperature and lack of developed infrastructure allowed settlers to live only along the coastline [5, p. 114]. Remoteness from the central part of Russia prevented the establishment of strict control in this territory. Moreover, access to this harsh terrain lay through Siberia, which had not yet been fully developed [12, p. 54]. This problem sharply raised the question of the ability to defend territories from the invasion of other states, which already by 1775 had heard about their resources [8, p. 5].

Another problem was clashes with local residents – the Tlingit Indians, who defended the sovereignty of the territory on which they lived, who entered into armed conflicts with Russian colonists [9, p. 309]. The number of warlike Tlingit Indians was not small, more than ten thousand people [9, p. 25].

In 1799, by decree of Paul I "On the name of the company formed for the trade and trade in the northeast sea, the trade and trade of the Russian-American Company" (with the rules, privileges and act of the Company attached), the Russian-American Company (hereinafter – RAK) [1, 2, 3, 4].

Considering the system of state control over its activities, we can assume that at the time of the formation of the Company there was practically no government control as such. The proposals of the Collegium of Commerce that the RAC should come under its tutelage were not implemented. Thanks to the active actions of N. P. Rezanov, the RAC received broad rights and advantages with the almost complete absence of state supervision over it. However, the adoption of the Rules and Privileges of the Company in 1799 laid the foundation for the "nationalization" of the Company and the future establishment of government oversight of its activities.

The founders of the commercial company were merchants G. I. Shelikhov and A. A. Baranov, who undertook the financing of activities for the exploration, development and defense of colonized territories on another continent, subject to obtaining privileges in the use of the resources of these lands. The company received the right to explore the lands of the northwestern territories of North America, as well as the monopoly right to carry out fur trade [11, p. 90].

In return for the wide rights granted, including "special privileges", the Russian-American Company was assigned tasks of strategic importance for the development and strengthening of Russian statehood on the eastern borders. The Russian-American Company ensured the implementation of the legal policy of the Russian Empire on the discovery, settlement and development of the northwestern territory of North America through the organization and conduct of fishing and research expeditions.

The Russian-American Company contributed to the development of socio-economic relations and national political and legal institutions in the region. The significance of the Russian-American Company was to assist state institutions in the implementation of colonization activities, in particular, the construction of forts, schools, the spread of the Orthodox faith and literacy among the local population, the creation of scientific stations to study the flora and fauna of the region.

The company was private, although, in fact, it was the experience of a public-private partnership. After all, already with the approval of the Rules and Privileges of the Company by the emperor, it was directly indicated that the RAC was formally private, but there was state control. Paragraph 12 states that the Company being established in Ir-

kutsk is referred to under the highest patronage of His Imperial Majesty as the Russian-American Company.

Due to the fact that the Russian territories in North America were removed from the central apparatus, the central authorities exercised control over the activities of fishing expeditions only indirectly. The private sector dominated. State control in the management of territories is clearly seen in the texts of such legal acts as the Charters of the Russian-American Company. In the Charter of 1799, the public law component is very limited, the Charter of 1821 strengthens it to a large extent and it reaches its highest point in the Charter of 1844, which was in force until the liquidation of the Company [14, p. 540].

Let us consider two forms of state control over the activities of the Russian-American Company: external and internal.

The first was the most priority, according to A.N. Ermolaev, is the most reliable and effective [7, p. 113]. It manifested itself in the development and adoption by the state of the Company's Charters, as well as in monitoring compliance with their rules and regulations. Supervision was carried out through the Ministry of Trustees. Initially, such functions were assigned to the Ministry of the Interior, then to the Ministry of Finance.

Until 1821, the ministry was not responsible for the activities of the Company, but only supervised. After the adoption of the Charter of 1821, this situation changed [3, p. 842]. A clear system of interaction between the Ministry of Trustees and the Russian-American Company was formed. Responsibility for this fell on both institutions.

The Articles of Association of 1821 fixed the section "On the obligations of the Company in relation to the government." The goal of state legal policy is to strengthen control over the financial activities of this commercial organization. The Russian-American Company undertook to justify the trust given to it by the Russian state, ensure the integrity of the colonies, maintain peaceful relations with neighboring states, and establish their enterprises "for the general benefit of the state" (§ 35). The Company must report on its activities to the Ministry of Finance, which, in turn, was obliged to exercise "vigilant supervision" over the implementation of the functions assigned to it (§ 63). If previously the correspondent in the person of chamberlain N.P. Rezanov carried out coordinating activities, then in view of centralization, the Ministry of Finance was obliged to directly report on the activities of the Company to the head of state (§ 36) [3, p. 842].

During the period of the first Charter of the Ministry, the activities of the Company were only observed, but with the adoption of the second Charter, a clear system of interaction between the Ministry of Trust and the RAK was formed. According to A.N. Ermolaev, this form of state control can be considered reliable [7, p. 114].

State audits were also a form of external state control, which were carried out very rarely due to the remoteness of the colonies from the central government, as they required large financial costs [13, p. 48]. Three inspections of activities were carried out from 1804 to 1818. The results of the fourth were presented in 1860–1861. The inspectors gave recommendations for improving the activities of the Russian-American Company.

The internal form of state control has not received its development. It was based on the influence of the Government on the affairs of the Company, in the structure of which there were no permanent representative bodies. The government did not own a block of shares in the Russian-American Company, and did not have its own permanent representative bodies in its structure.

There were several projects to create an internal system of state control, which consisted in turning the Special Council of the RAC into a body of state control and in introduc-

ing state officials into the colonial administration. However, these proposals were not implemented. The internal system of state supervision did not take shape due to the large financial costs, and also because the government considered it simply superfluous to introduce such a system.

It should be noted that the control of the activities of the Russian-American Company was carried out through audits carried out by inspectors. Due to the remoteness of the territories, revisions were very rare. Three inspections of activities were carried out from 1804 to 1818. The results of the fourth were presented in 1860–1861. The inspectors gave recommendations for improving the activities of the Russian-American Company.

Thus, it should be noted that the Russian-American Company occupied a leading role in the territory of the eastern region of the Russian Empire, was under the direct patronage of the head of state and had a monopoly on subjects of jurisdiction regulated by legal acts.

Two types of state control over the activities of the Russian-American Company made a certain contribution to the development of the Company and had both positive and negative sides. There is some confusion in making decisions on the establishment of a particular supervisory authority, which is possible due to the unusual nature of the Company founded by Columbus Russian, which was necessary at that time both for Russia and for its founder [10, p. 43].

The government did not consider the Russian-American Company a part of the administrative system of the state and recognized its special status. The Russian-American company did not take its rightful place in the hierarchy of Russian state institutions and led an autonomous way of existence.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Complete collection of laws of the Russian Empire. Assembly 1st. T. 17. No. 12589.
2. Complete collection of laws of the Russian Empire. Assembly 1st. T. 25. No. 19030.
3. Complete collection of laws of the Russian Empire. Assembly 1st. T. XXXVII. No. 28756.
4. Complete collection of laws of the Russian Empire. Assembly 2nd. T. XIX. No. 18290.
5. Alekseev A.I. The fate of Russian America. Magadan: Magadan book publishing house, 1975. 327 p.
6. Volynchuk A. B., Shvedov V. G. Geopolitical aspects of the development of North America by the Russian people // Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2011. No. 4. P. 25–31.
7. Ermolaev A. N. Russian-American company and the imperial government: state control over the activities of a joint-stock monopoly organization (1799–1867): diss. ... cand. ist. sciences: 07.00.02 / Ermolaev Alexey Nikolaevich. Kemerovo, 2000. 220 p.
8. Zavalishin D. The case of the colony of Russia // Russian Bulletin. 1866. T. 62. P. 5–26.
9. Zorin, A.V. Indian War in Russian America: diss. ... cand. ist. sciences: 07.00.02 / Zorin Alexander Vasilievich. Kursk, 1999. 309 p.
10. Kozaeva G.B. Legal basis for the activities of the Russian-American Company (1799–1867) // World of Legal Science. 2012. No. 1. P. 43–47.
11. Okun S.B. Russian-American company. Moscow-Leningrad: Sotsekgiz, 1939. 260 p.
12. Semenov A. E., Royanova A. I. Peter I and Siberia // Young scientist. 2019. No. 8 (28). P. 54–59.

13. Stepanova E.E. Governing bodies of the Russian-American company // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (72).

14. Tikhmenev P.I. Historical review. Т. 1. St. Petersburg: Printing house of Eduard Weimar, 1863. 698 p.

For citation: Stepanova E.E. Legal foundations of state control over the activities of the Russian-American Company (1799–1867): article // Theory of State and Law. 2022. No. 3 (28). P. 246–250.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.016

КОГО МЫ ПОТЕРЯЛИ

В.В. Трофимов*
Р.В. Зелепукин*

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ ПРИДВОРОВ: НАСТАВНИК, ПРОФЕССОР И ОСНОВОПОЛОЖНИК

30 августа 2022 года ушел из жизни выдающийся теоретик государства и права, правовед в широком смысле этого слова, основатель юридической школы Тамбовщины, доктор юридических наук, профессор, почетный член Ассоциации юристов России Николай Антонович Придворов. Не стало выдающегося ученого, прекрасного педагога, талантливого юриста, человека, отличавшегося редкими душевными качествами.

В начале 90-х годов XX в. Николай Антонович прибыл в Тамбов, где основал первый юридический факультет в истории Тамбовской области. Значимость фигуры и личности Николая Антоновича для правового сообщества региона велика.

Н.А. Придворов родился в 1935 году в Курской области в семье руководителя машинно-тракторной станции. В тот период дата рождения не всегда отмечалась корректно, что и произошло с Николаем Антоновичем. Вместо фактической даты рождения, 9 января, в свидетельство о рождении была внесена дата 5 февраля. Однако день рождения всегда отмечался именно 9 января, о чем знали все родные, близкие, коллеги и ученики.

В раннем детстве испытал весь ужас Великой Отечественной войны, которая страшным огненным валом прокатилась по Курской земле. В первые школьные годы пришлось пройти через голод и все тяготы фашистской оккупации. Несомненно, это отразилось на характере — добрый, но сдержанный; сильный, уравновешенный, но иногда — эмоциональный, особенно, в части реакции на неразумность и несправедливость, с которыми порой приходилось встречаться в окружающей действительности.

Окончив в 1953 году среднюю школу города Обоянь Курской области, Николай Антонович поступил в старинное российское военное учебное заведение — ин-

* Трофимов Василий Владиславович, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права ТГУ им. Г.Р. Державина, доктор юридических наук, доцент. E-mail: iptgutv@mail.ru

* Зелепукин Роман Валерьевич, доцент кафедры конституционного и международного права ТГУ им. Г.Р. Державина, член исполнительного комитета Тамбовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», кандидат юридических наук, доцент. E-mail: lexcomlex@yandex.ru

женерное училище города Ленинграда (Санкт-Петербург). Но свою дальнейшую карьеру Н.А. Придворов связал не с военным делом, а с юриспруденцией. После училища в 1958 году он смог поступить в один из ведущих советских юридических ВУЗов — Харьковский юридический институт, став, после его окончания, дипломированным специалистом в области права.

В августе 1962 года на сессии Верховного Совета Калмыцкой АССР Николай Антонович был избран членом Верховного Суда Республики Калмыкии. Некоторое время спустя ему была предложена должность председателя судебной коллегии, заместителя председателя Верховного Суда Калмыкии, на которой он проработал до 1966 года.

В это время в 1965 году он становится аспирантом Харьковского юридического института на кафедре гражданского права. В 1967 году, досрочно закончив аспирантуру и защитив под руководством М.В. Гордона кандидатскую диссертацию на тему «Общая и специальная гражданско-правовая защита чести и достоинства личности» [4], Николай Антонович плотно связывает весь свой дальнейший профессиональный путь с юридической наукой и образованием.

Став в 1971 году доцентом, заведующим кафедрой торгового права Харьковского института торговли, Николай Антонович активно продолжал свою научную деятельность, периодически публикуя свои исследования и статьи в научных изданиях [5, 6]. Так, его монография «Охрана чести и достоинства личности в СССР» [1], вышедшая в свет в соавторстве с А.В. Белявским, получила широкую известность и признание научного сообщества и была признана одной из ключевых работ по тематике правового обеспечения и достоинства личности. В 1977 году выходит монография Николая Антоновича «Достоинство личности и социалистическое право» [2].

Эти книги во многом стали классикой по теме правового обеспечения чести и достоинства личности, цитировались и продолжают цитироваться в научных исследованиях по данной проблематике. При этом труды ученого знают не только в России, но и во многих зарубежных странах.

Осуществляя административную и преподавательскую деятельность в юридических вузах Харькова, ученый ведет активную работу по подготовке докторской диссертации. Благодаря таланту и воле, пройдя через непростые жизненные и профессиональные испытания, достигает намеченного результата. В 1986 году ученый с успехом защитил докторскую диссертацию по теории права на тему: «Институт достоинства личности в советском праве» [3], в которой были воплощены результаты многолетнего научного труда по этой сложной и имеющей определяющий характер для всей материи права проблематике.

В 1987 году Н.А. Придворов становится профессором, заведующим кафедрой теории государства и права Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого (г. Харьков). Проработав на этой должности до 1993 года, он был приглашен первоначально на работу в г. Курск на должность заведующего кафедрой теории права, а затем в г. Тамбов в Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина на должность заведующего кафедрой теории государства и права (какое-то время было название — кафедра общеправовых дисциплин) и деканом юридического факультета.

Трудно переоценить роль и значение Николая Антоновича в его влиянии на развитие юридической школы и профессии на Тамбовщине. Выступив создателем юридического факультета (института права) университета, кафедр, аспирантуры,

осуществляя руководство учебным и научным процессом, Н.А. Придворов внес ключевой вклад в организацию и развитие юридического образования и юридической науки в регионе.

Первую и основную обойму профессорско-преподавательского состава юридического факультета составили молодые и перспективные выпускники исторического факультета, на которых Николай Антонович сделал ставку: А.В. Захаров, А.В. Кочетков, В.В. Трофимов, Н.Е. Садохина, А.С. Пучнин и многие другие. В последующем многие из них раскрыли себя как на научном, так и на практическом юридическом поприще.

За годы работы в качестве декана юридического факультета, а затем директора Института права Державинского университета Николаем Антоновичем были созданы необходимые условия для формирования и развития кадрового научного потенциала. Под непосредственным руководством профессора Н.А. Придворова было успешно защищено несколько десятков кандидатских диссертаций и ряд докторских диссертаций в диссертационных советах ведущих вузов Российской Федерации, были налажены и упрочены научно-образовательные связи сотрудничества с юридическими вузами России и мира, научными учреждениями и центрами в сфере государственно-правовой науки, а также персонально со многими видными учеными — юристами отечественного и мирового уровня.

Под руководством профессора Н.А. Придворова в 1996 году было сформировано и стало активно функционировать ведущее научное направление «Проблемы формирования и развития новой российской государственности и нового российского права». Ведущее научное направление формировалось на основе передовых отечественных и зарубежных концептуальных воззрений в области права и государства, интегрируя идеалы свободы, справедливости, формального равенства и правозаконности, связывая воедино права, свободы и законные интересы человека и гражданина и юридически значимые цели и задачи общества и государства. Усилиями учеников профессора научное направление продолжает развиваться в духе исходных доктринальных общефилософских и государственно-правовых предпосылок.

В 2005 году Н.А. Придворов оставил пост директора Института права, сохранив за собой должность заведующего кафедрой гражданского права. В последующем длительное время выступал в качестве профессора-консультанта университета, продолжая оказывать неоценимое влияние на развитие научно-образовательного процесса в университете, последние годы являлся профессором кафедры гражданского права университета.

Немаловажным является период работы Николая Антоновича в Тамбовском региональном отделении Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», учрежденного в 2006 году. Н.А. Придворов оказал непосредственное влияние на концепцию, дух и ценности регионального юридического сообщества, получившего формальную ячейку для консолидации теоретиков и практиков юриспруденции на площадке регионального отделения Ассоциации юристов России. Идеи правоведа получили выражение в организации и проведении множества научно-практических конференций различного уровня, студенческих конкурсов, особенно ежегодной региональной студенческой юридической олимпиады, реализации проектов по оказанию бесплатной юридической помощи и правовому просвещению. Признание значимой роли Николая Антоновича в деятельности общественной организации нашло отражение в присвоении ему статуса Почетного члена Ассоциации юристов России.

За годы своей профессиональной научной и общественно-политической деятельности неоднократно поощрялся различными наградами и знаками отличия, выражавшими заслуженное признание личности человека и ученого со стороны государства и общества.

От лица коллектива Державинского университета, в котором профессору удалось реализовать многие свои проекты и идеи, заложить прочные научно-образовательные основы в сфере права и государства, а также от членов Ассоциации юристов России, Межрегиональной Ассоциации теоретиков государства и права, от лица коллег по юридическому цеху, искренне уважавших и ценивших ученого, его многочисленных учеников выражаем чувства глубокого соболезнования родным и близким профессора Николая Антоновича Придворова, всем, кто его знал, учился у него и работал с ним.

Вечная Вам память, дорогой Николай Антонович!

Библиографический список

1. Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. М.: Юридическая литература, 1971. 208 с.
2. Придворов Н.А. Достоинство личности и социалистическое право. М.: Юридическая литература, 1977. 136 с.
3. Придворов Н.А. Институт достоинства личности в советском праве: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01. Харьков, 1986. 424 с.
4. Придворов Н.А. Общая и специальная гражданско-правовая защита чести и достоинства граждан: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.00. Харьков, 1967. 325 с.
5. Придворов Н.А. Правовые и философские вопросы субъективного права на честь и достоинство // Советское государство и право. 1968. № 3. С. 97–100.
6. Придворов Н.А. Социалистическое право и достоинство личности // Советское государство и право. 1976. № 12. С. 11–18.

Для цитирования: Трофимов В.В., Зеленукин Р.В. Николай Антонович Придворов: наставник, профессор и основоположник: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 3 (28). – С. 251–254.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.017

Vasily V. Trofimov*
Roman V. Zelepukin*

**NIKOLAY ANTONOVICH PRIDVOROV:
MENTOR, PROFESSOR AND FOUNDER**

On August 30, 2022, an outstanding theorist of state and law, a jurist in the broad sense of the word, the founder of the law school of the Tambov Region, Doctor of Law, Professor, Honorary Member of the Association of Lawyers of Russia Nikolai Antonovich Pridvorov passed away. An outstanding scientist, an excellent teacher, a talented lawyer, a person who was distinguished by rare spiritual qualities, was gone.

In the early 90s of the XX century. Nikolai Antonovich arrived in Tambov, where he founded the first law faculty in the history of the Tambov region. The significance of the figure and personality of Nikolai Antonovich for the legal community of the region is great.

N.A. Pridvorov was born in 1935 in the Kursk region in the family of the head of the machine and tractor station. At that time, the date of birth was not always noted correctly, which happened to Nikolai Antonovich. Instead of the actual date of birth, January 9, the date February 5 was entered on the birth certificate. However, the birthday was always celebrated exactly on January 9, which was known to all relatives, friends, colleagues and students.

In early childhood, he experienced the full horror of the Great Patriotic War, which swept over the Kursk land like a terrible shaft of fire. In the first school years, I had to go through hunger and all the hardships of the fascist occupation. Undoubtedly, this was reflected in the character – kind, but restrained; strong, balanced, but sometimes emotional, especially in terms of reaction to unreasonableness and injustice, which sometimes had to be met in the surrounding reality.

After graduating in 1953 from a secondary school in the city of Oboyan, Kursk Region, Nikolai Antonovich entered the old Russian military educational institution – the engineering school of the city of Leningrad (St. Petersburg). But his further career N.A. The

* *Trofimov Vasily Vladislavovich*, Director of the Research Institute of State and Legal Studies, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, TSU named after G.R. Derzhavina, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: iptgutv@mail.ru

* *Zelepukin Roman Valerievich*, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law, TSU G.R. Derzhavina, member of the executive committee of the Tambov regional branch of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia", candidate of legal sciences, associate professor. E-mail: lexcomplex@yandex.ru

courtiers connected not with military affairs, but with jurisprudence. After college in 1958, he was able to enter one of the leading Soviet legal universities – the Kharkov Law Institute, becoming, after graduation, a certified specialist in law.

In August 1962, at a session of the Supreme Council of the Kalmyk ASSR, Nikolai Antonovich was elected a member of the Supreme Court of the Republic of Kalmykia. Some time later, he was offered the position of chairman of the judicial board, deputy chairman of the Supreme Court of Kalmykia, where he worked until 1966.

At this time, in 1965, he became a graduate student at the Kharkov Law Institute at the Department of Civil Law. In 1967, having completed his postgraduate studies ahead of schedule and defended under the guidance of M.V. Gordon's Ph.D. thesis on the topic "General and special civil law protection of the honor and dignity of the individual" [4], Nikolai Antonovich tightly connects his entire further professional path with legal science and education.

Becoming in 1971 an associate professor, head of the department of commercial law at the Kharkov Institute of Trade, Nikolai Antonovich actively continued his scientific activity, periodically publishing his research and articles in scientific publications [5, 6]. Thus, his monograph "Protection of honor and dignity of the individual in the USSR" [1], published in collaboration with A.V. Belyavsky, was widely known and recognized by the scientific community and was recognized as one of the key works on the subject of legal support and dignity of the individual. In 1977, a monograph by Nikolai Antonovich "Dignity of the individual and socialist law" was published [2].

These books have largely become classics on the topic of legal support for the honor and dignity of the individual, have been cited and continue to be cited in scientific research on this issue. At the same time, the works of the scientist are known not only in Russia, but also in many foreign countries.

Carrying out administrative and teaching activities in the legal universities of Kharkov, the scientist is actively working on the preparation of a doctoral dissertation. Thanks to talent and will, having gone through difficult life and professional trials, he achieves the intended result. In 1986, the scientist successfully defended his doctoral dissertation on the theory of law on the topic: "The Institute for the Dignity of the Person in Soviet Law" [3], which embodied the results of many years of scientific work on this complex and defining issue for the entire matter of law.

In 1987 N.A. Pridvorov becomes a professor, head of the Department of Theory of State and Law of the National Law Academy of Ukraine named after Yaroslav the Wise (Kharkov). Having worked in this position until 1993, he was initially invited to work in Kursk as the head of the Department of Theory of Law, and then in Tambov at the Tambov State University named after G.R. Derzhavin to the post of head of the Department of Theory of State and Law (for some time there was a name – the Department of General Legal Disciplines) and dean of the Faculty of Law.

It is difficult to overestimate the role and importance of Nikolai Antonovich in his influence on the development of the law school and profession in the Tambov region. Having acted as the founder of the Faculty of Law (Institute of Law) of the University, departments, postgraduate studies, supervising the educational and scientific process, N.A. Pridvorov made a key contribution to the organization and development of legal education and legal science in the region.

The first and main clip of the teaching staff of the Faculty of Law were young and promising graduates of the Faculty of History, on whom Nikolai Antonovich made a bet: A.V. Zakharov, A.V. Kochetkov, V.V. Trofimov, N.E. Sadokhin, A.S. Puchnin and many others. Subsequently, many of them revealed themselves both in the scientific and in the practical legal field.

Theory of State and Law

During the years of work as the dean of the Faculty of Law, and then the director of the Institute of Law of Derzhavin University, Nikolai Antonovich created the necessary conditions for the formation and development of human scientific potential. Under the direct supervision of Professor N.A. Pridvorov successfully defended several dozens of Ph. also personally with many prominent scientists – lawyers of domestic and world level.

Under the guidance of Professor N.A. Pridvorov in 1996, the leading scientific direction "Problems of the formation and development of the new Russian statehood and new Russian law" was formed and began to function actively. The leading scientific direction was formed on the basis of advanced domestic and foreign conceptual views in the field of law and the state, integrating the ideals of freedom, justice, formal equality and legality, linking together the rights, freedoms and legitimate interests of a person and citizen and legally significant goals and objectives of society and the state. Through the efforts of the professor's students, the scientific direction continues to develop in the spirit of the original doctrinal general philosophical and state-legal prerequisites.

In 2005, N.A. Pridvorov left the post of director of the Institute of Law, retaining the position of head of the department of civil law. Subsequently, for a long time he acted as a professor-consultant of the university, continuing to have an invaluable influence on the development of the scientific and educational process at the university, in recent years he was a professor at the department of civil law at the university.

The period of work of Nikolai Antonovich in the Tambov regional branch of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia", established in 2006, is also important. N.A. Pridvorov had a direct impact on the concept, spirit and values of the regional legal community, which received a formal cell for the consolidation of theorists and practitioners of jurisprudence at the site of the regional branch of the Russian Bar Association. The ideas of the lawyer were expressed in the organization and holding of many scientific and practical conferences of various levels, student competitions, especially the annual regional student legal Olympiad, the implementation of projects to provide free legal assistance and legal education. Recognition of the significant role of Nikolai Antonovich in the activities of the public organization was reflected in the assignment of the status of an Honorary Member of the Association of Lawyers of Russia to him.

Over the years of his professional scientific and socio-political activities, he was repeatedly encouraged by various awards and distinctions, expressing the well-deserved recognition of the personality of a person and a scientist by the state and society.

On behalf of the staff of Derzhavin University, where the professor managed to implement many of his projects and ideas, lay a solid scientific and educational foundation in the field of law and the state, as well as members of the Association of Lawyers of Russia, the Interregional Association of Theorists of State and Law, on behalf of colleagues to the legal department, who sincerely respected and valued the scientist, his numerous students, we express our feelings of deep condolences to the family and friends of Professor Nikolai Antonovich Pridvorov, to everyone who knew him, studied with him and worked with him.

Eternal memory to you, dear Nikolai Antonovich!

Bibliographic list

1. Belyavsky A.V., Pridvorov N.A. Protection of honor and dignity of the individual in the USSR. Moscow: Legal literature, 1971. 208 p.
2. Pridvorov N.A. Personal dignity and socialist law. Moscow: Legal Literature, 1977. 136 p.

3. Pridvorov N.A. Institute of Personal Dignity in Soviet Law: Dissertation ... Doctor of Law: 12.00.01. Kharkov, 1986. 424 p.

4. Pridvorov N.A. General and special civil law protection of the honor and dignity of citizens: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.00. Kharkov, 1967. 325 p.

5. Pridvorov N.A. Legal and Philosophical Issues of the Subjective Right to Honor and Dignity // Soviet State and Law. 1968. No. 3. P. 97–100.

6. Pridvorov N.A. Socialist Law and Personal Dignity // Soviet State and Law. 1976. No. 12. P. 11–18.

For citation: *Trofimov V.V., Zelepukin R.V.* Nikolai Antonovich Pridvorov: mentor, professor and founder: article // Theory of State and Law. 2022. No. 3 (28). P. 255–258.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.28.3.017

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту, текст рукописи, справку системы «Антиплагиат», рецензию научного руководителя (для студентов и аспирантов).

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgip.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 6–10 страниц.

К статье прилагаются:

- а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;
- б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

RULES FOR PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

To publish a manuscript (article, review, review or review) in the journal "Theory of State and Law", it is necessary to send the Offer, the text of the manuscript, a certificate of the Antiplagiat system, a review of the scientific advisor (for students and graduate students).

The offer to make offers, as well as the text of the Offer, are posted in the public domain on the journal's page at: <http://matgip.ru/trebuem>

All manuscripts are reviewed in accordance with the established procedure.

RULES FOR REGISTRATION OF THE MATERIAL

Article (review, review, review) is provided in electronic form, file in Microsoft Office Word format, font Times New Roman, size 14, spacing 1.5, automatic paragraph 1.25 mm, footnotes in square brackets to the source from the bibliographic list.

The allowed volume of one publication is 6–10 pages.

Attached to the article:

- a) abstract of the article (4–5 lines) and keywords;
- b) information about the author, including: full name (full name), academic degree, academic title, place of work (study), position, contact information: address with zip code, contact phone number, E-mail.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи.

В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

PROCEDURE FOR REVIEWING MANUSCRIPTS, SUBMITTED FOR PUBLICATION IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

1. This Procedure for reviewing manuscripts submitted for publication in the journal Theory of State and Law (hereinafter referred to as the Procedure) determines the procedure for reviewing manuscripts of scientific articles, reviews, reviews and reviews provided by authors for publication in the journal Theory of State and right-va "(hereinafter – the Journal).

2. Each manuscript submitted to the editorial office of the Journal must undergo a review procedure.

3. The manuscript received by the editorial office of the Journal is reviewed by the chief editor for its compliance with the profile of the Journal, the requirements for formatting and is sent for review to a specialist.

4. As a general rule, reviewing is carried out by one of the members of the editorial board – a specialist on the subject of the reviewed materials, who has scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years.

For a more effective expert assessment of manuscripts, the editorial board has the right to involve external reviewers – specialists on the subject of the reviewed materials (doctors or candidates of science, including practitioners who have had scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years).

5. Reviewers are advised that the review procedure is confidential. Reviewers are not allowed to make copies of articles and transfer them to third parties.

6. Reviewing is carried out confidentially for the authors of articles. The review is provided to the author of the manuscript upon his written request without a signature and without specifying the name, position, place of work of the reviewer.

7. Terms of reviewing manuscripts:

7.1. The editor-in-chief of the Journal considers the manuscript submitted for publication in accordance with clause 3 of the Procedure within seven days from the date of its submission to the editorial office.

7.2. The reviewing of the manuscript by a specialist is carried out within four to eleven days from the moment the manuscript was submitted to him by the editor-in-chief.

7.3. Within the terms specified in sub. 7.1 and 7.2 Order, excluding weekends and holidays established by the current legislation of the Russian Federation.

7.4. By agreement of the editorial board and the reviewer, the review of the manuscript can be carried out in a shorter time frame in order to rationally form the editorial portfolio.

8. Content of the review:

8.1. The review should contain an expert assessment of the manuscript according to the following parameters:

8.1.1. correspondence of the content of the manuscript to its title;

8.1.2. Relevance of the research topic;

8.1.3. scientific novelty of the results obtained;

8.1.4. the expediency of publishing the manuscript, taking into account the literature previously released on this issue;

8.1.5. presentation of material (language, style, completeness and logic of presentation);

8.1.7. the legality and validity of borrowing.

8.2. The reviewer has the right to give recommendations to the author on how to improve the manuscript. The comments and wishes of the reviewer should be objective and principled, aimed at improving the scientific level of the manuscript.

8.3. The final part of the review must contain one of the following solutions:

8.3.1. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal;

8.3.2. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal with technical revisions;

8.3.3. to recommend to accept the manuscript for publication in the Journal after the author has eliminated the reviewer's comments (with subsequent referral to the same reviewer for re-review);

8.3.4. recommend to refuse publication of the manuscript in the Journal due to the discrepancy between its scientific level or other criteria to the requirements for the corresponding manuscripts.

9. If the reviewer makes the decision specified in sub. 8.3.3 Procedure, revised (revised) by the author, the manuscript is re-sent for review. If the reviewer makes a similar decision during re-reviewing, the manuscript is considered rejected and is no longer subject to review by the editors of the Journal.

10. In cases where the reviewer makes the decisions specified in sub. 8.3.2–8.3.4 Order, the text of the review is sent to the author of the manuscript.

11. The final decision on the acceptance of the manuscript for publication in the Journal is made by the Editorial Board based on the review.

12. The originals of the reviews are kept in the editorial office of the Journal for five years from the moment they are signed by the reviewer.

13. Within the period established by clause 12 of the Procedure, a copy of the review is submitted to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in case of a corresponding request received by the editorial office of the Journal.

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
Верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: matgip2017@yandex.ru; komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgip.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 20.09.2022. Формат 61x86 ¹/₈.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 21,6. Усл. п.л. 32,00. Тираж 150 экз. Заказ № 546.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
www.onebook.ru

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»